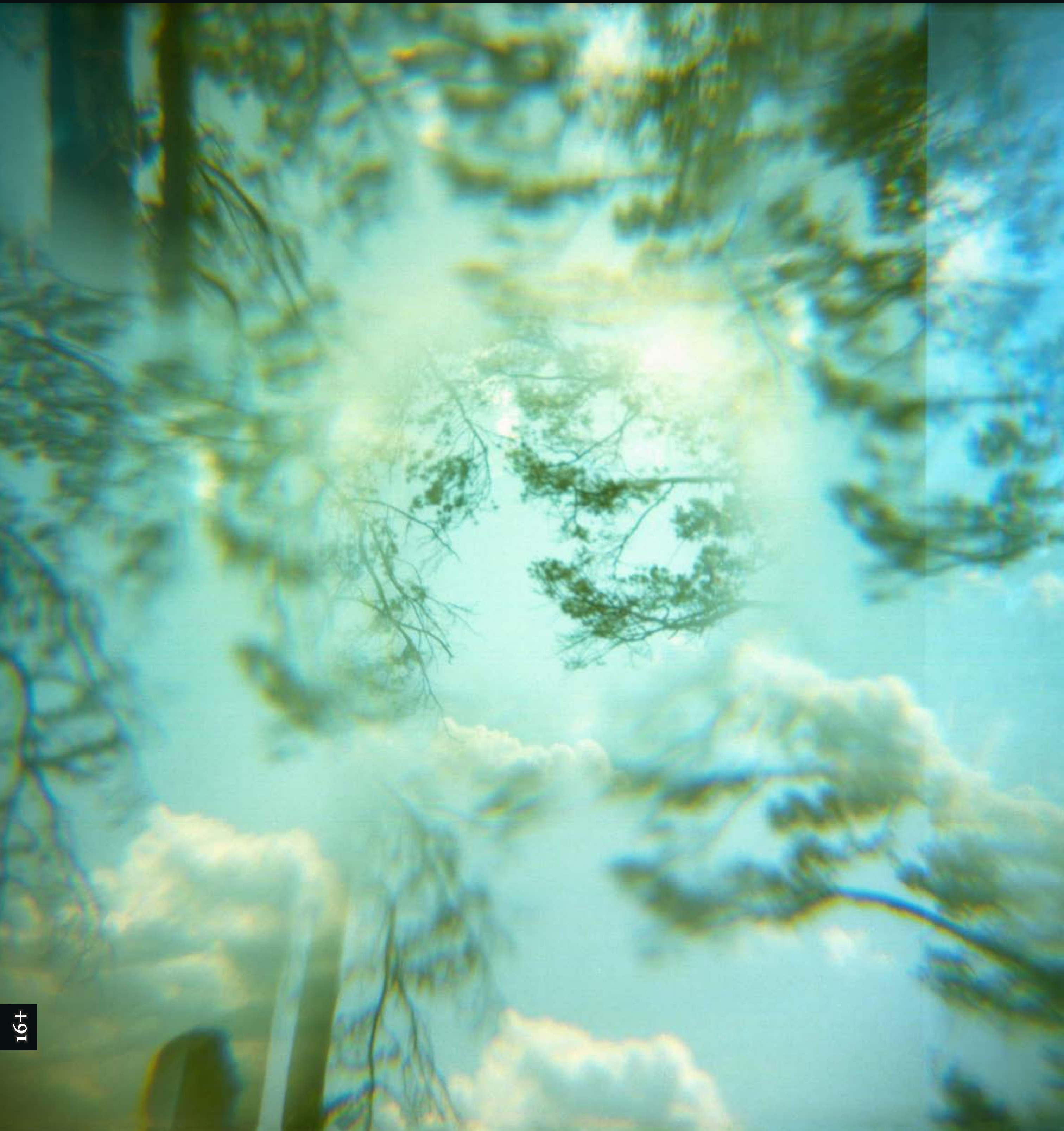
ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №2 | 2015



16+

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения № 2 | 2015

В номере

Д*и*Н память

Виктор Прохоренков
3 «Однажды я был»

Д*и*Н победа

Николай Каминский
8 Перенесли завод на руках

Владимир Чикильдик
15 Встречи на Эльбе

Николай Кинёв
18 Неоконченный спрос

Семён Ваксман
19 Дым, попавший в глаза

Анатолий Гребнев
21 За Родину не пропадают

Д*и*Н публицистика

Глеб Бобров
23 Тонкая прозрачная линия

Виталий Пырх
37 Дети войны? Да нет, её пасынки…

Д*и*Н диалог

Юрий Беликов,
Марина Саввиных
26 Примагниченные Пермью, или Закон всемирного сопротивления злу

Д*и*Н стихи

Александр Логунов
36 Нет ничего заманчивее слова

Ян Бруштейн
45 На лике убывающей луны

Иван Купреянов
47 Устроитель праздника

Ольга Никитина
49 Вся жизнь — любовь

Игорь Тюленев
51 Преображение

Анатолий Вершинский
52 Несоловьиные песни

Мария Васильева
99 Заблудшему меж Гадесовых рек…

Людмила Суфэль
113 Наслаждение дао

Сергей Пагын
169 Волхвы, холмы и реки

Марина Гарбер
171 Commedia dell'arte

Николай Вдовин
173 Троянские камни

Сагидаш Зулкарнаева
176 Всем врагам наперекор

Д*и*Н ревю

Александр Орлов
42 Время вербы

Дмитрий Чернышев
66 Железная клетка

Владимир Адамовский
77 Изгои земли Сибирской

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ

Евгений Чигрин
43 В горчичном дыме

Д*и*Н ЮБИЛЕЙ

Светлана Филиппова
54 Слышишь меня, дорогая страна?

Д*и*Н ЛИТ

Дни и ночи Литературного института имени А. М. Горького

Владимир Крупин
56 Менталитет на корточках

Олеся Николаева
67 Кувшинчик

Арсений Замостьянов
68 Старые тетради

Ольга Козэль
69 Уроки истории

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Владимир Штеле
71 «Шурочка, не бойся меня»

Анатолий Шинкин
78 Включай характер, Борода

Евгений Мартынов
87 Чур, ведьма!..

Зинаида Кузнецова
91 Смотрины

Олег Поляков
94 Колюня

Артём Крик
97 «Кукурузный сюрприз»

Д*и*Н ПАРОДИЯ

Евгений Минин
86 Навстречу труду и прогрессу
96 Язык светила

Д*и*Н ПРОЗА

Бранка Такахаши
100 Не совсем японская и не совсем любовная история

Ирина Щеглова
114 Красная щель

Галина Якубовская
125 Последний мужчина, или Любовь по Шопенгауэру

Д*и*Н ЮМОР

Алла Ходос
178 Под абсурдинку

Радислав Лапушин
182 Собачьи стихи

Д*и*Н ШТУДИИ

Татьяна Шахматова
183 Дело о персонаже

Д*и*Н ДЕТИ

191 Синяя тетрадь

195 Д*и*Н АВТОРЫ

Виктор Прохоренков

«Однажды я был»

Из «Записок на рецептах»

25 февраля 2015 года после продолжительной тяжёлой болезни ушёл из жизни выдающийся учёный, педагог и общественный деятель, заслуженный врач России, Почётный профессор Красноярского медицинского университета, академик, доктор медицинских наук Виктор Иванович Прохоренков. Вклад этого удивительного человека в теорию и практику врачебного дела — неоценим. Но он обладал и другим уникальным даром — ярким публицистическим талантом. Его дневниковые записи, которые сам Виктор Иванович называл «записками на рецептах», представляют не только сиюминутный интерес. В «записках» Виктора Прохоренкова точно, детально и честно запечатлена картина жизни современников автора. Картина, пронизанная светом души и мысли подлинного гуманиста, русского интеллигента, на долю которого выпали испытание и счастье пережить несколько переломных эпох — шестидесятые, девяностые, начало XXI века. Такое слово о жизни не ветшает, не теряет внутренней энергии. Далёкие потомки не раз с волнением прикоснутся к нему, как мы сегодня прикасаемся к «Былому и думам» Герцена, к документальной эпопее Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь», к дневникам Чуковского и Пришвина.

Редакция «ДиН»

Август. Сколько мучительно-щемящей нежности, тепла, грусти и печали в этом слове. Август. Значит, лето, как и жизнь, уходит, и впереди — дожди, холода, снега, метели, чёрное звёздное зимнее небо, дым из труб. А сейчас а-а-август — и призрачная надежда вечного лета, тепла и солнца. Всё ещё впереди. Прохладная кожа под горячей кистью ещё волнует.

В осени есть некая спокойная отстранённость от яростной чувствительности лета, с его солнцем, жужжанием любящих друг друга насекомых, с его яркими красками. В дождливом спокойствии осени, в её просветлённой приближённости горизонтов заложена умиротворяющая истина: всё уже свершилось…

В каком-то фильме о Ломоносове наш герой говорит: «Я, путём длительного изучения химических явлений, пришёл к выводу…» Но немец кричит с акцентом: «Что? Десять лет?! Наука нам не простит столь скоропалительных решений!» Я сегодня — на стороне немца!

В XIX веке к нам пришёл социальный дарвинизм: все социальные группы должны между собой враждовать (борьба классов), отсюда — эволюция общества. Вот и получается, что закон борьбы классовой Маркс позаимствовал у Дарвина, понятие общественно-экономической формации — у геологов, а закон прибавочной стоимости ему подсказали гены…

Мы всё время спорим, Европа мы или Азия, и рвёмся в Европу. А Сергей Кургинян говорил, что никогда не было одной Европы. Была Европа Греции и Европа Рима. Была Европа Рима и Европа Византии. Была коммунистическая Европа как альтернатива другой, капиталистической. Мы — Восточная Европа от Греции, Византии и коммунизма. И чего мы рвёмся в Европейский союз? Нас там не ждут. Поляков ждут сантехниками, а нас — подсобными рабочими.

В. В. Розанов считал русскую лень замечательным лекарством против «безумных российских одержимостей».

В XIX веке, на фоне внедрения естественных наук в общественную жизнь, Россия вошла в период, требовавший постоянного, постепенного, ежедневного напряжения творческих сил людей, и прежде всего — интеллигенции. А ежедневная работа трудна и скучна, и поэтому возникла мысль о скачка́х, взлётах, противоречащих органической жизни. Отсюда отступление от Бога, вера в научные законы развития общества (марксизм!), ненависть к национальным приметам русской жизни и — мечты о взлётах и скачка́х, параноидальное представление о революционной роли

интеллигенции при абсолютном нежелании ежедневно трудиться (на заводе, в школе и больнице, на полях). Вот это сознание русской интеллигенции между бредом величия (философский онейроид) и комплексом национальной неполноценности и явилось источником дальнейших бед. Страшно на Руси мессианское фантазирование, этот метафизический бред величия, эта вымороченная патетика.

Непрофессионализм рождает такой полёт дурной творческой энергии, такой полёт ума в никуда, ибо у профессионала свобода воображения ограничена знаниями законов, опытом и традициями. Привет нашим медицинским начальникам, не выносившим горшки и утки из-под больных!

Градский, кажется, сказал: мне, мол, когда фильм смотрю, нужно, чтобы кого-то было жалко. Ну, например, как в «Судьбе человека»: «Папка, папка, наконец я тебя нашёл». Здесь, говорит музыкант, я плачу, значит, мне жалко. А вот, говорит, «9 роту» смотрю, а мне никого не жалко! Гениально сказал. А я читал Д. Рогозина «Враг народа» и дошёл до того эпизода, когда к нему, депутату Госдумы, на блокпосту в Чечне подходит мальчик в мешковатой форме, один, ночью, ему страшно, и говорит: «Дяденька, вы, когда обратно будете ехать, мигните фарами четыре раза, а то я стрелять буду». И я, пишет Рогозин, понял: этот бывший школьник живым в плен не сдастся. Здесь тоже в душе мурашки.

Проснулся ночью, в три часа. На «Эхе Москвы» — певцы Шраер и Бостридж, это теноры, они исполняли в старых записях «Зимний путь» Ф. Шуберта. Блеск! А произведение-то философское, это не «времена года» — это путь человеческой жизни. Зима, солнце садится, сумерки, и беспросветный мрак всё ближе…

Когда Клея попросила своего мужа Ксанфа отпустить Эзопа на свободу, тот ответил: «Нет, Клея. Эзоп ещё не создан для свободы. Он должен стать богатым, ощутить себя свободным, вот тогда я ему дам свободу». Как это похоже на то, что сегодня говорят о нашем российском народе. Он-де не созрел для демократических свобод. В какой-нибудь занюханной Португалии или даже Турции он созрел, а у нас — нет-с.

Замечательная передача о художниках, поселившихся в деревне под Москвой. Одна из художниц спрашивает у бабушки, всю жизнь прожившей в этой деревне, никуда за всю жизнь не выезжавшей, даже в район, который находится в нескольких километрах: как, мол, не жалко — мир-то не посмотрела. «Что ты, — отвечает бабушка, — у Бога столько всего. Зима, лето, весна, осень, восходы, закаты, дожди и т. д.». Я согласен с этой немудрёной мыслью. В деревне ты богаче природой, данной человеку Богом, и жизнь неосознанно богаче, здоровей и радостней. Аналогично одного австралийца, живущего в Южной Австралии, в окружении эвкалиптов, кенгуру и аборигенов, спросили, почему он никогда не был за границей. А он ответил: «Я живу в раю, зачем мне ездить за границу?»

Ноябрь 2004 года, умирает Ясир Арафат. Вокруг — танцы политиков, танцы тщеславия, деление власти, денег и т. д. Жена его, Суха, принимает в этом активнейшее участие. Собственный корреспондент НТВ В. Л., задыхаясь, видимо — от важности передаваемого репортажа, и брызгая слюной перед камерой, стоит возле военного госпиталя в Париже и говорит: «Клиент пока ещё жив». И сам ведь не понял — какую мерзость сказал. Я порой поражаюсь не столько безграмотности, сколько душевной дремучести наших журналистов, их цинизму и бесчувственности.

Толстая как-то на телевидении, в «Школе злословия», очень интересно сказала, что древние люди самых слабых «неумех-охотников» заставляли ночью сторожить огонь костра. Вот сидит такой задохлик, сторожит костёр, впереди ночь, а наверху огромное звёздное небо, тишина, никто не беспокоит. И родился первый учёный, взглянув на звёздное небо.

Молодые люди совершают одну ошибку: они думают, уверовав в силу денег, что всё в этом мире можно купить. Но ничего нельзя купить у Бога: талант, красоту, мудрость, судьбу, наконец.

Традиционная русская привычка и забава — ненавидеть исподтишка.

Разговариваю с профессором Екатериной Константиновной Иофель, я её про себя называю — «мать-королева в изгнании». Столько в ней ума, столько в ней жизненной энергии, в этой маленькой женщине, столько в ней достоинства, сарказма, элегантности. Она мне кажется похожей на Лилю Брик. Это известный педагог по вокалу, её ученики (не только Дмитрий Хворостовский) поют на многих известных сценах мира. И это в восемьдесят один год, дай ей Бог здоровья. Так вот, разговаривал с ней и сказал несколько добрых слов о Татьяне Толстой, которая часто мелькает на телевидении. Она взглянула на меня свысока, со своего роста, и сказала: «Ха, я её видела на ТВ. Самовлюблённая барыня, самодовольствие и самовлюблённость из неё так и прут». Я пытался возражать: «Она так описывает старые полуразрушенные барские усадьбы, дачи, осень в садах». Тут она взъелась: «Она с боннами воспитывалась и так трогательно пишет о садах. Конечно, она с боннами, а я в бараках выросла и так тебе про осень расскажу — расплачешься…» Я её очень полюбил.

Человек не меняется на историческом пейзаже. Меняются костюмы, оружие, лошади, машины. Остаются жадность, жестокость, подлость, измена.

Это очень хорошо иллюстрировал фильм Иоселиани «Разбойники». В этом фильме картины войны в Тбилиси, со стрельбой пушек, сопровождаются тем, что люди идут за вином, падают от пуль снайпера, мародёрствуют, спят на земле, снова пьют вино. Это «питие вина» — как спокойный человеческий акт, проходящий через все исторические времена, как залог вечности человеческой жизни на Земле.

Замечательная певица Сенчина в своём питерском загородном доме что-то вспоминает о своей прошлой жизни. И в том числе она вспоминает, что в доме у вдовы Джона Леннона Йоко Оно увидела какую-то надпись из иероглифов, это были красные иероглифы на белом, и смысл иероглифов был такой: «Сохрани крылья, вдруг тебе надо будет взлетать»!

У Полякова неожиданно интересный и остроумный роман «Небо падших»; особенно интересно всё, что касается «Каралукской республики». Уморительно точно описана динамика «национальной независимости».

Кшиштоф Занусси, выступая на телевидении в одной из передач, сказал, что радостью творчества с нами поделился Бог. Это кусочек его творческой работы и радости.

Русское покаяние — феномен сложный, только через литургию покаяние не реализуется. Через восстановление церквей, писание икон — тоже. Через гробокопательство (фильм Абуладзе «Покаяние») также не найти покаяния в России. Покаяние в России должно строиться на восстановлении нравственности и духовности во всех областях жизни, на религиозных началах, преимущественно православных.

Гофмановское вообще, как вспоминают, всегда было в Булгакове, оно было рождено, видимо, его профессией врачебной. Он ведь предсказывал даже, как его будут хоронить: и на узкой лестнице угол гроба обязательно стукнется в дверь живущего ниже Ромашова. Это врачебный чёрный юмор, это и отношение к смерти врачебное. Он циничен к жизни и смерти, как старый, крепко выпивающий хирург.

Добрый «старик Хаттабыч» с ненавидящими глазами басмача.

Меня всегда поражали кадры из фильма Родиона Нахапетова «Влюблённые»: арбузы в вышедшей из берегов горной реке несутся, разбиваются о камни, искрятся на солнце в брызгах воды. Оказывается, это визуальная цитата из фильма «Земля» Довженко.

На русских иконах нет теней, так как их нет и в Царствии Божием.

Когда я вижу телевизионных «звёзд» типа Трахтенберга, я вспоминаю, что слышал ещё Яхонтова, читающего своим волшебным голосом стихи на радио. Изменилась эпоха.

Вслед уходящему времени. Нельзя в детстве, да и вообще, жить среди новых вещей. Человека должны окружать вещи, в которые вошло время. Недаром японцы так ценят в вещах патину времени.

Истина — в простоте, покое и воле, понятиях бесконечных.

Накалываю мысли-бабочки в своих записках, как коллекционер. Вот изящная, тропическая. Вот такая… простая капустница, а эта — моль из старой медвежьей шкуры. А всё равно — сюда её, а то улетит, а жаль.

Илья Глазунов как-то сказал, что сейчас наступило время Гильденстернов и Розенкранцев. Он же, рассуждая о превратностях постижения художником пространства и формирования собственного мироощущения, его глубины, вспоминал, что Врубель в конце жизни рисовал одну раковину, а Борисов-Мусатов воспроизводил одну и ту же террасу дачи в Тарусе. А можно вспомнить Сезанна с его «Рыбками»: как при этом камерно построено и глубоко осмыслено пространство. У Юрия Нагибина была новелла (кажется, «Берендеев лес»), в ней он описал художника-фронтовика, который после контузии рисовал только птиц, со всё более мелкими деталями.

Мы немного не застали рассвета шестидесятых годов. Но наши вкусы прививались людьми, рождёнными шестидесятыми; и педагоги, и книги, и песни, и картины, и научные достижения, и сама общественная атмосфера тех лет нас формировали.

Намедни смотрел передачу об Александре Адабашьяне. Замечательный кинохудожник, режиссёр, актёр. Обаятельный человек, из той когорты, которую я для себя определяю очень просто: это человек, с которым хотелось бы выпить. Достаточно вспомнить его официанта в «Родне» Михалкова или его Бэрримора в «Записках Шерлока Холмса» с фразой: «Овсянка, сэр…» Показывали его на подмосковной даче, он в джинсах, в каком-то свитерке, угрюмо-ироничный, с неизменной сигаретой в руке. Он вспомнил слова Н. И. Пирогова о том, что война — это эпидемия травматизма. А сегодня, сказал он, наблюдается эпидемия насилия. Как не заразиться? Очень просто, сказал он: «Не лижите никому ничего, не целуйтесь, руки не подавайте, и вообще — не ходите туда, где много народа!»

У М. Таривердиева предпоследнее произведение — симфония для орга́на «Чернобыль». Произведение мощное, философское, апокалиптическое. А последняя вещь, которую он написал, — концерт для

альта, при жизни он не услышал его исполнения. Это, по сути, прощание с жизнью. Души поднимаются, тают в вышине и уходят из земной реальности в такие запредельные горние выси, где нет уже нашего понимания и наших чувств. Я слушал внимательно — и вдруг в мучительном хитросплетении мелодии услышал звук армянского дудука. Это композитор прощался со своим детством.

До некоторых галактик расстояние составляет сто сорок тысяч световых лет. Значит, сегодня рассматривая их в телескоп, мы видим там то, что происходило сто сорок тысяч лет назад. Значит, звёздное небо светит нам светом прошлого. «Печальный свет из лабиринтов памяти…»

Осенняя бабочка, полуживая, с вялыми взмахами крыльев, гонимая северным ветром вместе с жёлтыми листьями черёмухи, вдруг отчаянно взмыла в воздух и по какой-то синусоиде, но уверенно поднялась в осеннее небо. Последний полёт.

На телевидении посмотрел экранизацию «Возвращения» Платонова. Подводит знаменитый «платоновский язык» — им нельзя говорить наяву, в реальной жизни. Это язык мёртвый. Не спасают два прекрасных актёра — Купченко и ещё кто-то, Михайлов, что ли. Экранизировать Платонова невозможно.

Вот ещё один человеческий поступок в коллекцию героических поступков, которые я собираю. И кто же его совершил? Василий Розанов!! Кстати, он вместе с Леонтьевым похоронен в Черниговском скиту. Василий Розанов сказал как-то, что человека образовывает не университет, а добрая безграмотная няня. Он парадоксален, как всегда: конечно, семья семьёй, но генетика тоже важна. Он, при всей своей парадоксальности, категоричности, противоречивости, всегда защищал российскую семью. Так вот — поступок! Осенью 1918 года, после расстрела в Екатеринбурге государя-императора Николая II и всей августейшей семьи, он пришёл в Моссовет и заявил: «Покажите мне главу большевиков — Ленина или Троцкого. Ужасно интересуюсь. Я монархист Розанов». Присутствовавший при этом С. Н. Дурелин, душеприказчик Розанова, был в ужасе и умолял его замолчать.

Лень — форма естественного отбора. Поленился что-то сделать — значит, и не надо было, значит, Бог отвёл.

Георгий Васильевич Свиридов называл произведения Рахманинова «последним солнечным выплеском христианства в русской музыке».

Олегу Пащенко. Легко всё, что течёт вниз. Речка — вниз, легко, по камушкам. Жизнь — течёт от появления к логическому концу. Это законы химии и физики определяют — диффузия и так далее. Но попробуй плыть против течения. Сколько сил и любви нужно, чтобы человек родился. Сколько творческих сил необходимо, чтобы родилась книга, картина, песня, наконец. А потому что любой творческий акт — это против течения времени. Ибо память — это против течения времени. Это борьба с энтропией.

В своём романе «Старик» Юрий Трифонов очень точно подметил «опрокинутость» пожилого человека в прошлое, поиск каких-то в прошлом альтернативных решений, там, где уже всё свершилось, за границей добра и зла, на той территории, которая зовётся «прошлым». Подобно Сталкеру в Зоне, мы крутимся вокруг каких-то моментов в своей прошедшей жизни, говоря себе: «А зачем я…» — или: «А может быть, надо было…» Кружим, кружим, несмотря на отсутствие сослагательных наклонений в истории, ищем свою нравственную отметину на линейке жизни, где всё уже давно отмечено — от червя до Бога.

Витька ночевал у нас на Мира, а тут надо утром уезжать, а у нас гостей полно из Москвы, из Томска и так далее. Не хочет он никуда уезжать. Он плакал, орал: «Не поеду», устроил истерику. Ему поддали. Он сидит, сопли рукой размазывает и тихонечко поёт: «Мир не прост, совсем не прост…» на музыку Тухманова, если я не ошибаюсь.

Бэк-вокал в науке.

Эпитафия на камне: «Он был гораздо сложнее, чем вы о нём думали».

Пусть дураком сам себя называю, пусть это пóшло и анахронично: люблю авторскую песню. Влажными глазами смотрю записи Визбора, Берковского, Городницкого, и вновь я в шестидесятых годах, в тёплом сентябре, голодный, молодой, чистый душой и телом, в «четвёрке», сижу на подоконнике, вижу жёлтые листья тополей. Поёт Егоров: «Я люблю, я люблю, я люблю…» А по асфальту девочки каблучками: цок, цок, цок… Или слышу: «Изгиб гитары жёлтой…» — замечательную митяевскую мелодию, или: «Лето — это маленькая жизнь», — и частит пульс…

За плечами нашего поколения не было войны. Этого великого трагического события, которое сплотило предыдущее поколение окопами и оставленной как великий аванс жизнью. А что за нами? Верность Империи, распадающейся и проклятой, оплёванной и осмеянной теми, кто вёл нас к победам. Наши юные помыслы — и физиков, и лириков — были отданы ей. Мы дерзновенно хотели совершать открытия, укротить термояд, помочь нашим братьям в Африке и Азии, исследовать невиданные земли. А сегодня мы можем быть лишь верны ей, как апостолы были верны Учителю. Не она, Империя, нас предала. Успокоение, покой и вечная память сломленным обстоятельствами, но не духом.

Кто первым встал — того и тапки… Приватизация по-российски.

Михаил Танич: «…Провалов в памяти — нет, а провалы в чувствах — есть…» Нет, так не бывает. Всё можно забыть: когда, где, с кем, — а кожа помнит прикосновения.

Когда я был в Калифорнии, меня поразило, что там есть места такие же глухие и заброшенные, как у нас в Сибири. Едешь-едешь к тихоокеанскому побережью, и встречаются какие-то маленькие городки, типа Бриджвилла, состоящие из дюжины домов и бензозаправочной станции с магазином, пустынные поля, заброшенные фермы с пепельно-серыми от времени дощатыми заборами и ржавой арматурой водонапорных башен, похожие на наши, сибирские, речки и горы — и это всё возле Форт-Росса, где русские первыми стали осваивать Калифорнию. Может быть, от нас какие-то вирусы запустения прыгают в окружающую среду?..

У опытных врачей глаза всегда спокойные, ну, например, у профессора Рошаля. Эти глаза видели рождение человека и его смерть. Они много видели страдания. А вот у чиновников от медицины, непрофессионалов, глаза бегающие, ибо они следят за движением финансовых потоков в здравоохранении и за документооборотом…

Трагическая судьба русских поэтов Николая Рубцова, Анатолия Передреева. Почему? Душевную боль они лечили очень по-русски, традиционно… Унижение мерзкой жизнью в юности не проходит даром. Что-то ломается. Талантлив человек, нервы обнажены, а воля сломана. Хорошо сказал Мераб Мамардашвили: «Из ада никто с полными сумками не выходит…»

Мировую войну Николай Гумилёв встретил как настоящий русский офицер. Он был унтер-офицером лейб-гвардии уланского полка, а между тем от войны спрятались и Есенин, и Блок, и Маяковский. Патриоты… блин. Мне кажется, что Н. Гумилёв, на всех фотографиях — важный и надутый мальчик, когда оставался дома один, скакал на одной ноге, играл в войну и в Африку. Его отец был военным врачом и плавал в кругосветных путешествиях. Отсюда, видимо, любовь к дальним странствиям у сына.

Вчера на ТВ — передача о монахе Нектарии (Николае Григорьевиче Овчинникове), враче, святом старце. Он жил в Ельце, там же и умер в 1975 году. Перед смертью восемь лет лежал слепой и парализованный. Перед кончиной он писал, что, уходя из жизни, вспоминая и счастливые, и тяжёлые моменты, он испытывает восторг перед жизнью. А у Астафьева последние слова?

Когда почувствуешь, что настал предел, что ничего не можешь, ты можешь одно — молиться.

Сегодня на ТВ детский хор пел «Богородице Дево, радуйся» и «Херувимскую». Всколыхнулись какие-то генетические душевные струны. Блестяще, трогательно, волшебно.

Утро 1950-х годов, от мороза трещат деревянные стены барака, холодно и тоскливо, так как надо вставать и нестись вприпрыжку (мороз сорок градусов) в школу. И тут, немного похрипев, радио в шесть часов утра разражается гимном Советского Союза. Причём это была какая-то особенная музыкальная редакция, в которой гимн исполнял хор Пятницкого, что ли, то есть голоса преимущественно женские, народные, заполошные, голосили гимн так же, как, по-видимому, они исполняли «Ой, мороз, мороз». От этих жизнерадостных и не в меру оптимистичных голосов зимнее утро казалось ещё более тоскливым.

Холодное лето 2006 года. Енисей в Овсянке поднялся до огорода. Усунувшись в мокрый воротник, бреду по траве на урезе речной воды. Пуст узкий переулок, идущий к Енисею от дома Виктора Петровича, зарос травой, а доски забора мокрые и чёрные, как стенки святого колодца, идущего от воды к небу.

Всё пройдёт безвозвратно. Но навсегда останется осеннее звёздное небо, и какой-нибудь маленький мальчик увидит его таким же, каким оно изумило меня полвека назад. Мелькнёт светлая дорожка падающей в августовском небе звезды. И даже если после ухода ничто нас не ждёт в горних высях, всё равно где-нибудь, в каком-нибудь закутке бесконечной метафизики Космоса, вздохнёт с ясной и светлой печалью моя упокоенная душа, вспоминая о земной солнечной дали: «Однажды я был…»

Николай Каминский

Перенесли завод на руках

От публикатора-«соавтора»

В военные и послевоенные (особенно пятидесятые—семидесятые) годы имя Николая Каминского было известно большинству красноярцев. Да и не только имя. Многие лично знали этого заслуженного человека, орденоносца, почётного гражданина Красноярска, по роду деятельности тесно связанного с жизнью горожан.

Николай Николаевич Каминский (1904–1984) родился в Орле, в трудовой семье. По окончании индустриального техникума в 1925 году был направлен на Брянский машиностроительный завод «Красный Профинтерн», ставший его судьбой. Летом 1941-го он, тогда начальник укса, прибыл в Красноярск вместе с эвакуированным заводом и окунулся в обустройство его в сибирском тылу, а по сути—в создание здесь новой мощной базы тяжёлой индустрии. Уже в ходе строительства завод начал выдавать военную продукцию, в частности—миномёты, затем освоил выпуск паровозов, кранов, металлоконструкций.

После войны Николай Каминский много лет отдал советской работе, в том числе на посту первого заместителя председателя Красноярского горисполкома. Подводя итоги этой работы, он в 1978 году издал книгу «Иду к человеку». Её «литературную запись» (была такая форма соавторства) довелось делать мне. В ходе подготовки книги к печати мы с Николаем Николаевичем расширили её тематику, добавили ряд глав, включая главу о воистину чудесном преображении брянского «Красного Профинтерна» в могучий «Сибтяжмаш» на Енисее. Один из вариантов этой истории сохранился в моём архиве.

Александр Щербаков

…Воскресенье 22 июня 1941 года помнится мне до деталей.

Два часа дня. Кабинет директора завода «Красный Профинтерн» на Брянщине. Командный состав предприятия в полном сборе. Все в рабочей одежде. Обращение Советского правительства к народу уже известно каждому. Лица строги и сосредоточенны. В кабинете тревожная тишина.

Краткое слово секретаря партийного комитета и чёткая, конкретная программа действий, изложенная директором, заняли не более часа. Мобилизационный план предусматривал немедленный переход на выпуск военной продукции.

В первые дни войны десять тысяч заводчан (а всего на бежицком гиганте машиностроения работало свыше двадцати пяти тысяч) ушли на фронт, но не замолчал ни один цех, не остановился ни один станок. Завод напряжённо работал для фронта, для будущей победы. В июле началась эвакуация. Часть заводских мощностей направлялась на Урал, часть—в Сибирь, в Красноярск. В считанные дни разобрать, что называется, до винтика огромнейший завод, погрузить в вагоны и отправить в далёкий путь, в тыл—это кажется невероятным, прямо-таки фантастическим предприятием. Но это было сделано нашими людьми, гражданами молодой Советской страны.

Увозили всё: станки, краны, рельсы, металлические конструкции, кабельные сети, трубы, бронзовую стружку и даже металлолом. И как всё это пригодилось потом в Красноярске!

Работали под бомбами и пулями. Денно и нощно. Без перекуров. Счёт времени шёл на минуты. В темноте июльской ночи проводили в Сибирь первый эшелон, тридцать четыре вагона с оборудованием. Одновременно уезжали триста тридцать рабочих, инженеров, служащих. Прощания, напутствия, слёзы… Начальником того памятного эшелона был назначен мой старый сослуживец Георгий Гогиберидзе. Не раз ещё потом тесно переплетались наши судьбы. Я был свидетелем его трудового пути от помощника мастера в Бежице до замдиректора завода в Красноярске.

Всего из брянской Бежицы было отправлено 7550 вагонов, из них 5934—в Красноярск. Туда же выехало около пятнадцати тысяч работников завода с семьями. Последним эшелоном ушли в Сибирь богатая заводская библиотека и имущество Дворца культуры.

Мне, начальнику заводского укса, с группой товарищей было поручено на двух автомашинах выехать в Москву. Оформив пропуска, разрешающие передвижение в прифронтовой полосе, в последний раз я забежал домой. В комнатах полный порядок, но ни души. Наши семьи уже выехали в Красноярск. При отъезде они могли взять только самое необходимое. Нашёл чемодан

и сумку, в которые жена уложила мою одежду, бельё, обувь. Показалось—многовато, и поскольку на дворе была тёплая осень, выбросил всё зимнее. Багаж полегчал. Прежде чем ступить за порог дома, постоял с минуту в раздумье. Потом вынул альбом, снял со стен портреты родичей, друзей и сжёг на кухонной плите. Потом зачем-то полил цветы и вышел…

Ехали без остановок. Шофёры за рулём сменяли друг друга. Скоро прибыли в столицу, по-фронтовому суровую, ограждённую парящими в воздухе аэростатами. Наркомат уже был эвакуирован в Свердловск. В Москве остался лишь небольшой аппарат уполномоченного, у которого мы получили необходимые документы и направление в Сибирь, в Красноярск.

…Голое поле. Пустырь, четыре барака. Совхозная конюшня. Небольшой деревянный дом станции Злобино. Такой оказалась новая площадка для размещения переселенца-завода «Красный Профинтерн». Здесь накануне войны планировали поставить завод тяжёлого машиностроения, но строительство его начато почти не было.

Близилась суровая сибирская зима. Тысячи прибывших людей размещались на квартирах в городе, в окрестных деревнях, часть осталась жить прямо в заводских вагонах. Передвигались по улицам правобережья на так называемой «матане». Это был рабочий поезд из товарных вагонов с деревянными скамьями для пассажиров. Многие ходили на работу пешком, издалека, но опозданий не было. По иной мерке вёлся тогда счёт дням и часам. Забыта была усталость. На пустынном берегу, между станциями Енисей и Базаиха, шла круглосуточная разгрузка вагонов и платформ, прибывавших с громоздким многотонным оборудованием. Кранов почти не было, всё приходилось делать вручную. На ходу придумывали примитивные приспособления, брали где числом, где умением. Частенько помогало и дружное русское: «Раз-два—взяли!»

Сейчас даже трудно представить, как всё это вынесли наши люди, как это всё им оказалось под силу. Ведь бывали дни, когда требовалось немедленно разгрузить более трёхсот вагонов. На помощь приходили горожане-красноярцы. Порой одновременно на разгрузке собиралось до трёх и более тысяч человек. А ведь в то же время надо было срочно строить жильё, цеха и уже в ходе строительства налаживать выпуск боевой продукции, чтобы завод быстрее начал помогать фронту.

31 августа 1941 года народный комиссар тяжёлого машиностроения СССР П. С. Казаков приказал в течение сентября и четвёртого квартала построить хозяйственным способом пятьдесят бараков для размещения в них около четырёх тысяч человек. Руководить этим строительством поручили мне.

Эвакуированные люди прибывали ежедневно. Расселять их было всё труднее, а на дворе уже сентябрило. Стали искать выход, хотя бы временный. Решили использовать армейский опыт сооружения зимних брезентовых палаток, накопленный во время войны с белофиннами. Десять палаток с двухъярусными нарами, оборудованные железными печками, к октябрю были нами поставлены. Срочно требовались рабочие чертежи для строительства более основательного жилья и заводских цехов. Чтобы дать возможность проектировщикам и конструкторам немедленно встать за кульманы, подобные палатки соорудили и для них.

Известно: любая стройка начинается с земляных работ. Дело это нескорое и весьма трудоёмкое. Здесь решение должно было быть одно: навалиться всем миром. За лопату, за лом и кайлу взялись буквально все: инженеры, рабочие, служащие, члены их семей—старики, женщины, дети, Тысячи и тысячи кубометров земли были подняты вручную. Костры согревали людей и землю, твёрдую, как гранит, скованную морозами. Не хватало воды—сами рыли колодцы. При необходимости каждый становился и плотником, и каменщиком, и бетонщиком, и печником.

Эта первая красноярская зима была для нас поистине великим испытанием. Я видел полуголодных людей с руками в кровоточащих мозолях, с обмороженными лицами, но они не отступали перед трудностями. Я не раз слышал от них: «В Гражданскую войну хуже было, а ведь ничего—выдюжили и победили. Теперь—тем более выстоим. Теперь все знают, что такое Советская власть для народа. Всё перенесём, а победа будет нашей».

Как и на фронте, в тылу звучал суровый призыв партии: «Коммунисты, вперёд!» Именно самоотверженный труд коммунистов в первую очередь вспоминается мне сегодня. На горячей стройке жилья работал в те дни опытный коллектив деревообделочного цеха. Ядро коллектива, его движущую силу составляли коммунисты, старейшие работники завода, мастера своего дела Д. М. Поляков, С. И. Чистихин, П. Н. Савельев и многие другие. С большим почтением встречался я всегда с замечательным человеком, лучшим столяром деревообделочного цеха Павлом Илларионовичем Гусаком, рядом с которым все военные годы работала за верстаком его жена Ольга Ивановна. За свой самоотверженный труд отличнейший мастер по дереву был позднее награждён орденом «Знак Почёта». В послевоенные годы он избирался депутатом Красноярского городского совета и на этом поприще сумел проявить свою широкую и щедрую душу советского рабочего человека.

Незабвенными друзьями для меня остались старейшие деревообделочники—столяр (и прекрасный баянист) В. П. Спиридонов, мастера А. В. Давыдов, Т. Ф. Аксёнов, пильщица Т. Ф. Копылова.

Почти полвека в этом цехе проработал строгальщик А. А. Чумичёв. Пять его сыновей и дочь погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Но он не пал духом, продолжал трудиться и растить младшего, Евгения Чумичёва, который пошёл по стопам отца, работает поныне на заводе (начальник заводской телефонной станции), а внук Николай Чумичёв, отслужив в рядах Советской Армии, тоже нашёл своё место в заводском коллективе, трудится шофёром. Подобных рабочих династий на заводе немало. Мне хорошо знакомы их «корни» и «ветви».

На том месте, где стоит ныне Дворец культуры завода «Сибтяжмаш» и зеленеет тенистый парк, деревообделочники в те трудные дни в самые кратчайшие сроки возвели два деревянных производственных корпуса и дизельную электростанцию. Не ожидая окончания строительства корпусов, смонтировали под открытым небом и пустили в ход лесопильную раму и деревообрабатывающие станки. Тут же в «засыпушке» разместилось и управление строительства завода. Здесь работал и я со своими помощниками.

Дирекция и партийный комитет будущего завода размещались в бараке. Это был полевой штаб огромного строительства. К нему тянулись нити со всех объектов. Самой первой и неотложной задачей дня были дороги — к стройплощадкам, складам и подсобным предприятиям. Все прекрасно понимали, что если не сделаем хотя бы упрощённых дорог на зиму, то утонем весной, не сумеем развернуть предстоящие работы.

На наше счастье, под всей строительной площадкой оказался слой природной гравийно-песчаной смеси. Он нас и выручил. Заложили карьеры, из них вручную, на тачках, а позднее — и с помощью ленточных транспортёров стали выдавать гравий. Потянулись желтовато-серые ленты дорог. Более того, естественная гравийно-песчаная смесь по итогам лабораторных исследований оказалась вполне пригодной для изготовления бетона. Таким образом, «находка» значительно облегчила, ускорила и удешевила многие работы. Успех придавал людям силы и уверенность.

С первых дней строительства мы постоянно чувствовали связь с центром. Оттуда поступали не только категорические приказы, но и необходимые советы и своевременная помощь.

Одним из первых посетил нас начальник главного управления нашего наркомата И. С. Доценко, простой и мудрый человек, старый большевик-политкаторжанин, близкий соратник Серго Орджоникидзе. После Октябрьской революции он был первым председателем Государственного объединения машиностроительных заводов Советской России (ГОМЗА). Работал на различных постах до глубокой старости. Умер после войны в самолёте, возвращаясь из служебной командировки. Могу с гордостью сказать о своём многолетнем знакомстве с этим замечательным человеком. Именно ему я обязан своим выдвижением в тридцатые годы на руководящую работу на заводе. Позднее И. С. Доценко вместе с наркомом Н. С. Казаковым не раз бывал в Красноярске. Но мне особенно запомнился его первый приезд. Тогда он попросил меня сопроводить его в памятные для него места — на бывший Сибирский тракт. Когда-то он прошёл его по этапу в кандалах, под конвоем препровождаемый в сибирскую каторгу.

Я показал ему сначала мемориальную доску на стене одного из цехов завода «Красмаш», указывавшую, что именно здесь проходил каторжный путь. Потом мы выехали за черту города. Около станции Базаиха, за железнодорожным переездом, остановились. Иван Сергеевич медленно поднялся на бугор, снял шапку и долго молча стоял, склонив свою седую голову. Потом вернулся, глубоко вздохнул и тихо сказал: «Вот так-то, Николай. Поехали обратно». И больше — ни слова. Расспрашивать его, о чём он думал в эти минуты, я не решился, а сам он хранил глубокое молчание, размышляя о чём-то своём, сокровенном.

Иван Сергеевич не только умом понимал значение нашей стройки для будущей победы, но сердцем болел за неё. Это мы чувствовали по его реакции на каждый наш успех или промах.

Велика и неоценима была помощь и со стороны местного руководства — краевого, городского, районного.

Исключительная значимость создания завода в Красноярске подчёркивалась и тем, что уполномоченным Государственного Комитета Обороны СССР по строительству был назначен первый секретарь краевого комитета партии Аверкий Борисович Аристов. Это был очень деятельный человек, наделённый острым умом и кипучей энергией. На стройке его знали все. Не проходило и недели, чтобы он не бывал у нас. Нам дороги были его дальновидные советы, его оперативная помощь.

В военные годы заместителем председателя горисполкома был Пётр Фёдорович Трошев, известный человек в Красноярске. Его деятельность тоже тесно переплеталась с заботами строителей «Сибтяжмаша». Он оказывал нам постоянную поддержку. Из его рук мы не раз получали Красные знамёна победителей в соревновании.

Вскоре установились у нас и прямые связи с трудовыми коллективами красноярских предприятий. Только с помощью местных лесников, речников, железнодорожников, мобилизуемых краевым и городским комитетами партии, могло успешно осуществляться ускоренное строительство нашего завода. Каждому из нас это было яснее ясного. До сих пор, встречаясь с одним из бывших руководителей краевого управления Главснаблеса М. Е. Кавериным или с бывшим директором

дока, ныне доцентом технологического института И. М. Сенькиным, мы неизменно вспоминаем трудные дни строительства завода и ту тесную рабочую спайку, которая была у лесников Красноярска с брянскими машиностроителями.

Всегда с теплотой вспоминаю долгие годы работавшего начальником Енисейского пароходства Ивана Михайловича Назарова. Это был широкой натуры, интересный, талантливый человек и толковый руководитель. Он умел находить выход из самых сложных положений. У него всегда можно было найти товарищескую поддержку. Благодаря его предприимчивости, находчивости Енисей со своим флотом много раз приходил на помощь нашей стройке. Радостно сознавать, что светлая память об Иване Михайловиче сохранена и увековечена. Ныне мощный теплоход «Иван Назаров» бороздит воды могучей сибирской реки. А на книжных полках читателей остались прекрасные книги рассказов и очерков писателя Ивана Назарова о дорогих его сердцу речниках Енисея.

Близко дружили мы и с железнодорожниками. Запомнился мне двадцатипятилетний начальник станции Красноярск Борис Иванович Тростенцов. Коренной сибиряк, начавший свою трудовую биографию в 1931 году, он прошёл путь от рядового телеграфиста станции Заозёрной до заместителя начальника Красноярского отделения Восточно-Сибирской железной дороги. В годы войны он был тесно связан с коллективом нашего завода. С готовностью приходил на выручку. Не хватало вагонов, платформ. По железной дороге курсировали наши собственные поезда, так называемые «вертушки», со своими бригадами. Им всегда давалась «зелёная улица». А сделать это было не так-то легко в те напряжённые дни. Требовалось особое внимание железнодорожников и в первую очередь самого начальника станции Б. И. Тростенцова, понимавшего огромное значение нашей продукции для разгрома врага. Это был удивительно энергичный молодой человек, настоящий коммунист и патриот. Недаром уже тогда его грудь украшал орден «Знак Почёта».

Лес баржами и эшелонами шёл на стройку завода непрерывным потоком. Из него изготовлялись строительные детали для жилых бараков и временных производственных цехов: стойки и обвязки, стеновые и кровельные щиты, стропила, балки, окна и двери. Всё это сразу монтировалось на площадках, как примерно сейчас монтируются сборные конструкции многоэтажных каркасно-панельных зданий из железобетона. Военное время, суровая необходимость вызвали к жизни своеобразную «индустриализацию» деревянного строительства. Инициаторами этого были мои старейшие товарищи по труду, прорабы и мастера А. И. Мужило, А. Д. Никишев, Г. И. Лукунин, Т. Н. Безруких и многие другие.

Остро необходимое жильё было построено в установленные сроки. Торжественно справили первое новоселье. Правда, на особые удобства рассчитывать не приходилось, селились по две семьи в комнате, но люди не роптали: в тесноте — не в обиде. Главное — была над головой крыша. Одновременно открывали каркасно-засыпные столовые, клуб, детсадики, магазин, а чуть позднее даже сдали в эксплуатацию пионерский лагерь на берегу речки Базаихи под Такмаком. Худо-бедно, но всё же рабочие получили возможность плодотворно работать, отдыхать, набираясь сил для очередной многочасовой смены, растить детей. Словом, жить.

До сих пор те, кто воспитывался в детских садиках, помнят своих «мам» военного времени Л. Г. Бизюкину и А. А. Каблукову, которые на саночках сами подвозили топливо, воду и продукты питания для детей.

Важнейшим моментом в жизни стройки было завершение монтажа и пуск временной заводской электростанции. Районная ТЭЦ тогда ещё только строилась. И вот благодаря нашим собственным усилиям пошла энергия для стройки, заводских станков, для освещения рабочего посёлка. Навсегда потухли керосиновые лампы, самодельные коптилки и свечи. Окна осветились, как нам казалось, ярчайшим, радостным светом, хотя мощь электрических лампочек была ограничена шестнадцатью свечами.

И наконец ночную тишину разбудил хрипловатый, но пронзительный заводской гудок.

Ветеран завода, старейший инженер И. П. Дрейшев так вспоминал позднее о том первом заводском гудке, раздавшемся в конце октября 1941 года: «Шло совещание у директора. По телефону с заводской площадки сообщили, что на первом установленном котле временной электростанции поднят пар и будет дан гудок. Все участники совещания вышли на крыльцо. Было темно и безлюдно. Через несколько минут мы услышали гудок… Он звучал как сигнал к восстановлению устойчивой трудовой жизни, в нём слышался призыв к быстрейшему возрождению завода, к продолжению его героической истории».

Завод строился, цеха разворачивались, и нужно было позаботиться о тех, кто будет хозяином в них, прежде всего о подготовке инженерно-технических кадров. Ведь многие специалисты ушли на фронт. И вскоре в одном из временных зданий открылся эвакуированный из Бежицы машиностроительный техникум…

Время не позволило ждать окончания строительства цехов. В мастерских школы ФЗО было организовано производство ручных гранат. Неподалёку от стройки, в совхозной конюшне, смонтировали станки и приступили к изготовлению ротных миномётов. Большим торжеством

был отмечен день испытания первых образцов и сдачи их военпреду. Нам казалось, что на этом условном полигоне за городом мы сами ведём огонь по ненавистному врагу.

Вопросы, связанные с изготовлением военной продукции, с первого дня решались предельно оперативно. На столе директора завода был установлен аппарат прямой телефонной связи с Москвой. Однажды поступило задание срочно организовать массовое производство важных изделий. И огромное впечатление произвело на коллектив то, что на следующий день чертежи на новый вид продукции были доставлены на самолёте прославленным лётчиком, Героем Советского Союза М. М. Громовым. Уже этим актом подчёркивалась особая значимость правительственного задания. В считанные дни была изготовлена поточная линия, и заказанная продукция без задержки пошла на фронт.

К маю 1942 года были построены первые шесть временных цехов. Но заработали, повторю, они ещё раньше, в ходе строительства. Первая военная зима была на редкость лютой. Однако люди работали на станках под открытым небом, согреваясь у костров, разведённых рядом, и работали не по принуждению, а по велению сердца, по чувству долга, сознавая, что бойцам на фронте во сто крат труднее.

В заводском коллективе родилось движение: «Работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт». По инициативе комсомольцев создавались молодёжные бригады. Одну из них, помню, возглавлял комсомолец Виктор Шевелёв. Он заменил своего учителя, бригадира Сергея Родионова, ушедшего на фронт. Стараясь больше дать продукции, Виктор закрепил за каждым членом бригады определённую операцию на потоке. Сменные задания стали выполняться на двести и более процентов. Вскоре из бригады В. Шевелёва выделилась бригада В. Сенченко. В честь XXIV годовщины Красной Армии оба коллектива обязались вдвое перевыполнять ежедневные задания, а также помогать другим бригадам бороться за звание фронтовых.

Красноярский крайком комсомола поддержал эту инициативу. Призыв «Давать в два раза больше продукции с меньшим числом рабочих» был подхвачен не только на «Сибтяжмаше», где «фронтовыми» стали сорок четыре бригады, но и на других предприятиях Красноярска, Черногорска, Канска. За работу по-фронтовому вожаки передовых бригад отмечались наградами.

Время не стёрло из памяти имена таких молодых энтузиастов, как Леонид Мохов, работавший на трёх станках и выполнявший до пяти норм в смену, бригадир Д. Р. Сериков, сдававший продукцию только отличного качества, без проверки ОТК. Комсомольская бригада А. С. Володкевича за каждый рабочий час выдавала детали для одного миномёта, хотя графиком на это отпускалось пятнадцать часов. Это ли не трудовой героизм?

Фрезеровщик Иван Максименков до войны отработал на заводе тридцать два года. Когда фашисты вторглись в пределы нашей страны, он четверых сыновей отправил на фронт, а сам встал один за четыре станка. Отмеченный орденом Красной Звезды, Иван Степанович вместе с ветеранами В. Л. Касаткиным, М. Д. Баталевым и другими через газету «Красноярский рабочий» выступил с таким патриотическим почином: «Мы, старейшие рабочие завода, обязуемся выполнять ежедневные задания не менее чем на двести процентов. Каждый из нас свой опыт и мастерство передаст десяти новичкам и к концу года подготовит из них квалифицированных рабочих».

Огромную роль в жизни завода играли наши славные женщины. Заменив у станков своих мужей и братьев, ушедших на фронт, они трудились самоотверженно, нередко выполняя самые тяжёлые, «мужские» работы. Например, Н. Т. Новикова организовала и возглавила первую бригаду женщин-кузнецов. В конце войны эта мастерица была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Машинистом компрессора работала Е. Н. Ермишева, машинистом паровой турбины — Л. В. Зименкова, а Дорофеева М. И., овладев тремя профессиями — шлифовальщицы, строгальщицы и сверловщицы, постоянно выполняла не менее двух норм в рабочую смену…

С чувством глубокого уважения вспоминаю и о «главнокомандующих» наших — опытных руководителях: директоре завода Н. С. Чумичёве, главном инженере завода М. Н. Раздобаркине, управляющем стройтрестом В. А. Поликанове, главном инженере треста А. Н. Вахере и других.

Несмотря на то, что большинство коммунистов ушло на фронт, партийная организация в годы войны росла и крепла. К Дню Победы в её рядах состояло шестьсот пятьдесят человек. Коммунисты трудились на самых трудных и ответственных участках. Первыми помощниками их были комсомольцы, которых в заводской организации насчитывалось полтысячи. Действенная помощь краевой и городской партийных организаций обеспечивала досрочный ввод новых цехов, наращивание мощностей завода.

Одновременно с нашим в Красноярске рождался комбайновый завод, зажигались печи цементного, строилась районная ТЭЦ. Коллективы предприятий оказывали помощь друг другу, приходили на выручку в трудную минуту. Для всех нас главным моральным стимулом было сознание того, что фронт неотделим от тыла, что ратные подвиги «на передовой» зависят от трудовых подвигов в тылу. И это сознание впрямь становилось могучей силой. Вот один из характерных примеров в подтверждение тому.

Как уже сказано, одновременно со строительством цехов монтировали станки. Но запуск их тормозила нехватка электроэнергии. Отдел нашего УКСа срочно устанавливал локомобильную электростанцию японской фирмы «Хитачи». Возглавлял дело опытный инженер С. Т. Салата. Запустить станцию никак не удавалось. Создалось острое положение. Некоторые нетерпеливые руководители предлагали «сделать выводы» и наказать «волокитчиков». Я собрал участников монтажа. Разъяснять им ничего не стал. Все отлично понимали обстановку.

«Как вам помочь?» — спросил я монтажников. Этот спокойный вопрос благотворно подействовал на взвинченных людей, ожидавших разноса. Состоялась деловая беседа. Стало ясно, что эти надёжные специалисты не могли допустить брака, а вот качество заводской сборки агрегатов (японской!) никто гарантировать не мог. Решили разобрать машины, тщательно проверить и снова собрать. По нормам сроки операций примерно выглядели так: при двенадцатичасовой смене десять человек должны проработать трое суток. Но в создавшейся обстановке мы не могли позволить себе столь медленных темпов. Я попросил товарищей высказать любые предложения, которые могли бы сократить сроки вдвое. Тогда монтажники здесь же, в кабинете, подобрали бригаду из семи самых лучших мастеров. Бригадиром взяли начальника отдела С. Т. Салата. Мне было выдвинуто два требования: во-первых, у ворот станции установить вооружённый пост и никого, кроме членов бригады, в помещение не пропускать; во-вторых, организовать питание и доставлять к месту работы. Я принял эти условия.

То экстренное совещание закончилось в десять часов вечера. Но люди сразу, не заходя домой, отправились на работу. Минули тревожные первые сутки. Я очень волновался. Тем более что никаких сигналов не поступало. А в пять утра следующего дня ко мне на квартиру прибежал посыльный и кратко доложил: «„Хитачи“ работает!»

Я немедленно собрался и поспешил на завод. Ещё на подходе к электростанции услышал шум её ритмичной работы. Вошёл. У агрегатов спокойно похаживал сменный машинист. Здесь уже присутствовали главный энергетик завода В. Ф. Гаврилов-Подольский (будущий секретарь крайкома КПСС) и главный механик В. И. Бредов.

Как позже выяснилось, работала всё-таки не только «великолепная семёрка». На помощь ей негласно, после окончания своих смен, добровольно приходили самые умелые. Что и говорить, работа была жаркой. Я увидел, как прямо на полу, сваленные мёртвым сном, лежали чумазые, в замасленных куртках монтажники. Они беспрерывно трудились двадцать девять часов, не считая того, что прежде уже отстояли одиннадцатичасовые смены. Сорок часов ломовой работы! Разве это не геройство?

Наши заводчане с первого дня пребывания в Красноярске помогали фронту не только боевой продукцией. Как все советские люди, они посылали на фронт посылки, делясь с бойцами скудным пайком, одеждой. Они отдавали последние сбережения в фонд победы. Они писали солдатам подбадривающие письма. Особенно тесными были связи с брянскими партизанами-земляками. К нам в Красноярск приезжали партизанские делегации. Выступали на собраниях. Рассказывали о своих боевых делах, интересовались, как мы куём оружие для победы над фашистами. Такая дружба помогала им громить врага, а нам ещё упорней трудиться.

Незабываемым торжеством заводчан стал пуск чугунолитейного, сталелитейного, прокатного и кузнечно-прессового цехов, первые плавки чугуна и стали, выдача стального проката и кузнечных поковок. Первую мартеновскую плавку вели ветераны завода — сталевар А. И. Абрашкин, инженеры-металлурги Ф. Н. Гаврилов и П. Г. Сафонов. На пуске печи присутствовал начштаба партизанского отряда И. И. Евтеев. Об этих событиях в декабре 1943 года сообщала газета «Правда».

Ровно через год после решения правительства о создании на заводе цеха паровозостроения над Енисеем раздался зычный гудок магистрального паровоза «СО» («Серго Орджоникидзе»), рождённого на красноярской земле. Первый паровоз после торжественного митинга отправился в Москву. От заводского коллектива его сопровождал заслуженный ветеран, орденоносец, слесарь шестого разряда Георгий Петрович Попов.

Не раз наши паровозы водили на запад эшелоны с сибирским хлебом, оружием и подарками для фронтовиков.

В историю Великой Отечественной войны вошёл изготовленный в начале 1944 года паровоз с номером СО-17-1613. Он был построен на средства коллектива фронтовой колонны №7 паровозов особого резерва Народного комиссариата путей сообщения СССР и вручён для эксплуатации знатному машинисту колонны, Герою Социалистического Труда А. Г. Смирнову.

Тысячи километров пути прошёл наш паровоз по нелёгким военным дорогам. Много раз попадал под бомбёжки, но остался целым. Живучий «Сибирячок», как ласково называли его фронтовики, был верен наказу, полученному в Красноярске: «Вперёд, на запад!»

Не раз его экипаж успешно выполнял самые ответственные задания.

16 июля 1945 года «Сибирячок» с достоинством подошёл к пассажирскому перрону Потсдамского вокзала. Он был одним из паровозов, доставивших советскую делегацию на историческую Потсдамскую конференцию.

В мирное время наш паровоз, прошедший путь от Красноярска до Берлина, работал на родине коммунистических субботников, в депо станции Москва-Сортировочная. Затем неутомимый труженик с Енисея был поставлен на вечную стоянку в посёлке железнодорожников Днепропетровска, где проживал прославленный герой-машинист А. Г. Смирнов.

До окончания войны ещё было далеко, но уже в августе 1943 года партия и правительство приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению народного хозяйства в районах, освобождённых от оккупации». Вскоре были очищены от врагов Брянск и Бежица. Туда из Красноярска двинулись эшелоны с оборудованием. Часть коллектива старого «Красного Профинтерна» тоже возвращалась домой, оставляя на берегах Енисея своего ещё молодого, но набиравшего силы сына — завод «Сибтяжмаш».

16 февраля 1945 года коллективы завода и строительного треста рапортовали председателю Государственного Комитета Обороны о свершённом. В рапорте, в частности, говорилось: «В Сибири, на берегу Енисея, создана крупная база тяжёлого машиностроения — завод по выпуску мощных магистральных паровозов, металлургических кранов и других машин для промышленности. Построено 15 производственных цехов общей площадью 72 тысячи квадратных метров, обеспечивающих полный технологический цикл для изготовления паровозов и металлургических кранов».

А через два дня мне позвонили из редакции «Красноярского рабочего» и прочитали текст следующей телеграммы: «Красноярск, завод «Красный Профинтерн», товарищам Чумичёву, Поликанову, Бутузову, Виссонову, Вахеру, Каминскому, Полякову, Подымову. Поздравляю рабочих, инженеров, техников и служащих Красноярского машиностроительного завода «Красный Профинтерн» Наркомтяжмаша и строителей треста № 26 Наркомстроя с большой производственной победой — окончанием строительства первой очереди завода. Родина не забудет ваш самоотверженный труд по созданию в военное время крупной базы тяжёлого машиностроения в Сибири, имеющей большое значение для восстановления и развития железнодорожного транспорта и всего народного хозяйства. Желаю вам дальнейших успехов в деле быстрейшего окончания строительства завода и освоения проектной мощности по выпуску паровозов и металлургических кранов. *И. Сталин*».

Через час правительственная телеграмма была у нас в руках. Состоялся многотысячный митинг заводчан и строителей.

11 июля 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР завод был награждён орденом Трудового Красного Знамени, а сто шестьдесят два наиболее отличившихся рабочих, инженеров, техников и служащих — орденами и медалями СССР.

Начались мирные дни строительства, дальнейшего развития и становления моего родного орденоносного завода «Сибтяжмаш». Много было сделано славным коллективом для того, чтобы завод стал одним из крупнейших предприятий тяжёлого машиностроения Сибири и всей страны.

Но завод делал не только паровозы, оборудование для нефтяных и цементных предприятий, гигантские краны, он ковал ещё и человеческие характеры, человеческие судьбы. В этом горниле суждено было получить прочную рабочую закалку и автору этих заметок.

Жизнь сложилась так, что мне пришлось расстаться с родным заводом. Но до сих пор самым дорогим для меня остаётся трудовой коллектив теперь уже трижды орденоносного «Сибтяжмаша». Я и поныне там частый гость. И каждый раз, встречаясь с заводчанами, невольно отыскиваю седые головы моих соратников и сослуживцев, моих старых товарищей, с которыми многие годы я делил и радости, и горести.

Красноярск, 1977
Записал Александр Щербаков

Владимир Чикильдик

Встречи на Эльбе

Среди многих событий и встреч, свидетелем которых мне пришлось быть, находясь на территории ГДР, а затем и ФРГ, особенно памятны эти — связанные с именами героев-покрышкинцев…

В сентябре 1989 года в нашу авиационную дивизию истребителей-бомбардировщиков, которая располагалась в небольшом городе Гроссенхайн, что в тридцати пяти километрах западнее города Дрездена, прибыла группа советских ветеранов войны.

Прославленные авиаторы воевали в составе гвардейской Мариупольско-Берлинской орденов Ленина и Богдана Хмельницкого Краснознамённой авиационной истребительной дивизии, которой в своё время командовал трижды Герой Советского Союза полковник Александр Иванович Покрышкин, впоследствии маршал авиации. Они приехали сюда, чтобы спустя десятилетия вновь посетить места своей героической молодости.

Наша авиационная дивизия была выбрана для посещения не случайно. В мае 1945 года на местах её дислокации располагались части дивизии, командиром которой и был трижды герой Советского Союза А. И. Покрышкин.

В группе ветеранов были легендарные лётчики Великой Отечественной — четыре Героя Советского Союза: полковники в отставке Сухов Константин Васильевич и Фёдоров Аркадий Васильевич, капитан в отставке Бабак Иван Ильич и почётный гражданин ГДР, старший лейтенант в отставке Девятаев Михаил Петрович. Кроме них, в группе находились офицеры в отставке: полковники Берёзкин В. А., Иванов А. Л., подполковник Маслов В. В. и старший лейтенант Героев А. И. Тем, кто хотя бы немного интересовался историей советской авиации, хорошо известны имена этих воинов-авиаторов.

Четыре дня ветераны гостили в авиационной дивизии, именно там, где в 1945 году они встретили день Великой Победы.

Первым делом — самолёты

По рассказам полковника Фёдорова А. В., именно на военном аэродроме города Гроссенхайна полковник А. И. Покрышкин должен был весной 1945 года разместить один из авиационных полков своей дивизии. Известно, что авиация наступает тылами. И вот, когда на этот аэродром прибыли части обеспечения, чтобы провести необходимый объём работ для приёма первых бортов, выяснилось, что немцы перед отступлением вывели из строя взлётную полосу и рулёжные дорожки аэродрома.

Посадка наших самолётов на этот аэродром могла осуществляться только после ремонта полосы. Однако боевые задачи дивизии по прикрытию наших войск с воздуха никто не отменял.

И эти задачи были с честью выполнены. Самолёты дивизии Покрышкина, к удивлению противника, который знал, что ближайший аэродром не функционирует, внезапно появлялись над немецкими позициями и наносили врагу огромный урон. Как это было достигнуто?

Александр Иванович до этого лично обследовал все окрестности Гроссенхайна и обнаружил ровный прямой участок шоссе длиною около двух с половиной километров.

Бросив туда людей и технику для вырубки деревьев и кустарника по обочинам шоссе, а также для налаживания работы авиационно-технического обеспечения полётов, А. И. Покрышкин через два дня имел полевой аэродром. Он первым лично посадил свой самолёт на автобан, а следом за ним совершили посадку его ведомый Георгий Голубев (кстати, воспитанник Ачинского аэроклуба), а затем и другие лётчики полка. Именно отсюда совершали свои боевые вылеты покрышкинцы, пока основной аэродром не был отремонтирован.

Кстати сказать, после войны, до ликвидации Западной группы войск в 1993 году, этот участок шоссе предполагался для использования в качестве запасного аэродрома в случае вывода из строя основного. Всегда на прилегающих к шоссе участках земли были вырублены все деревья и кустарники, были съезды с дороги с твёрдым покрытием, а поля засевались только легко убираемыми кормовыми культурами.

Своих не бросаем

Был в составе делегации фронтовиков один из командиров полков покрышкинской дивизии в 1945 году — Бабак Иван Ильич. У него была необычно трудная судьба. Герой Советского Союза Иван Бабак в двадцать с небольшим лет был назначен командиром авиационного полка в воинском

звании… старший лейтенант!! Обстановка была тяжёлая, потери огромные на подступах к Берлину, даже опытные лётчики выбывали из строя. Вот и Иван Бабак весной сорок пятого был сбит над Западной Польшей, когда вёл свою боевую группу на Берлин.

Попав в плен к немцам, Иван Ильич не сломался, пытался бежать из лагеря, был схвачен, затем переведён в другой лагерь на территорию Чехословакии. Впоследствии лагерь оказался в зоне оккупации сначала американцев, затем наших войск.

Комдиву Покрышкину стало известно, что в одном из лагерей, совсем рядом, в ста пятидесяти километрах от Гроссенхайна, содержится его боевой командир полка. С машиной автоматчиков на «студебеккере» Александр Иванович прибыл в лагерь военнопленных, где уже наши костоломы из НКВД выбивали последние зубы и ломали рёбра бывшим узникам фашистских концлагерей. Почти силой он освободил своего фронтового друга, привёз в дивизию и вопреки всем возражениям особого отдела вновь назначил Ивана Бабака командиром полка!

Вскоре после Победы в дивизию прибыл командующий фронтом Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев. Полковник А. Покрышкин представил командующему своих командиров полков. «Что-то звёздочек маловато у этого командира»,—кивнул маршал на старлейские звёздочки Бабака. На следующий день пришёл приказ о присвоении Ивану Ильичу Бабаку очередного воинского звания «капитан». Однако после войны летать и служить Родине герою войны не дали—был в плену. Это было как клеймо.

Угнать и долететь

Не менее драматичная судьба была и ещё у одного покрышкинца—Героя Советского Союза, почётного гражданина ГДР Девятаева Михаила Петровича.

Летом 1944 года в одном из воздушных боёв над территорией Западной Украины он был сбит, приземлился на парашюте и тут же был схвачен фашистами. Он перенёс все муки фашистского плена, бежал, вновь был схвачен, в сентябре 1944 года переведён в лагерь смерти Заксенхаузен. Под чужой фамилией, скрыв, что он лётчик, он попал в концлагерь близ городка Пенемюнде, что на острове Узедом на Балтике. Военнопленные работали на заводе, где разрабатывалось немецкое «оружие возмездия»—ракеты «Фау-1» и «Фау-2».

Девятаев, работая на военном аэродроме, стал готовить побег. Но для этого нужны были верные товарищи, они нашлись среди военнопленных. В феврале 1945 года, убив часового у самолётной стоянки, Девятаев с десятью товарищами захватывают личный самолёт начальника лагеря—военно-транспортный «Хейнкель-111».

Ценой огромных усилий и с помощью товарищей Михаилу Петровичу удалось справиться с управлением самолёта, ведь он весил всего сорок килограммов! Девятаев направил самолёт сначала на север, на Швецию, и только затем на восток, чем и сбил с толку своих преследователей. А возглавил погоню за дерзким беглецом опытный лётчик, обер-лейтенант Люфтваффе Гюнтер Хабен. Однако преследователи вернулись ни с чем. А наш герой вскоре приземлился на советском аэродроме близ города Голина в Прибалтике.

Вновь лагерь, допросы, побои, издевательства… девять месяцев скитаний по лагерям! Веры побывавшим в плену не было. После войны Михаил Петрович работал грузчиком в порту, мотористом на речных судах в Казани, шкипером водил баржи по Волге и Каме. И только в 1957 году, после того как про подвиг Девятаева была напечатана большая статья в газете «Водный транспорт», по личному указанию тогдашнего руководителя страны Н. С. Хрущёва состоялось награждение М. П. Девятаева Золотой Звездой Героя Советского Союза, ему были возвращены боевые ордена.

За те дни, которые мы провели вместе, Михаил Петрович много рассказывал о том, как готовился побег, как трудно было выживать после войны, когда на всех бывших военнопленных стояло клеймо предателя. Всё вынесло то поколение: и неимоверные тяготы войны, и людскую ненависть! Однако непоколебимая вера в победу, вера в правду помогали победить и выжить!

Уже на склоне лет, в 2002 году, ему вновь пришлось побывать на месте своего подвига—на острове Узедом (по приглашению немецкой стороны Михаил Петрович приехал в Германию и гостил там несколько дней). Там, в районе бывшего военного аэродрома Пенемюнде, состоялась встреча Михаила Петровича и бывшего немецкого лётчика Гюнтера Хабена. Два ветерана Второй мировой войны, представители двух сражавшихся народов пожали друг другу руки, обнялись, выпили по чарке… Они долго говорили о жизни, о внуках, о судьбах людских. И, конечно же, о войне, о её жестокости и бессмысленности. И ещё об ответственности людей, чтобы подобная трагедия не повторилась.

Михаил Петрович Девятаев скончался осенью того же года в Казани, где он жил все послевоенные годы. На снимке—мы с Михаилом Петровичем после очередной встречи в гарнизоне Гроссенхайн.

Выкованная победа

Воины-ветераны поводили много встреч с лётчиками, техниками авиационных гарнизонов Западной группы войск, в том числе и в нашей дивизии. Проходя по служебным кабинетам штаба дивизии, Герой Советского Союза Аркадий Васильевич Фёдоров, войдя в один из кабинетов, воскликнул: «А здесь мы встретили День Победы!»

Майской ночью 1945 года личный состав гарнизона Гроссенхайн был разбужен автоматно-ружейной стрельбой. Лётчики, техники, ночевавшие в помещениях штаба дивизии, выскочили с оружием на место построения: видимо, какая-то группировка немцев прорывается. Однако дело было в другом. Это был солдатский салют! Только что была получена радиограмма: подписан акт о капитуляции фашистской Германии. Победа! Начались братания, салют из всех видов оружия, застолье…

Рано утром 9 мая авиаполк был построен лично комдивом. Команда: лётчики — бегом на озеро, техники — готовить самолёты к боевому вылету. На озере Александр Иванович поставил задачу: немцы прорываются к Праге, есть приказ поддержать восстание в столице Чехословакии. Покрышкин первым нырнул в холодную воду озера, за ним и все лётчики — для отрезвления…

Через час «Аэрокобры» дивизии Покрышкина уже патрулировали в небе над Прагой. В один из таких майских дней ведомый Покрышкина Георгий Голубев, находясь в небе над Прагой, сбил немецкий «Дорнье-217», шедший с запада на восток. Это был последний вражеский самолёт, сбитый покрышкинцами в ту войну.

После войны Александр Иванович Покрышкин был первым советским комендантом города Гроссенхайн. Старшее поколение немцев в период моего пребывания в Германии ещё помнило нашего национального героя, его справедливость и заботу о населении.

Кстати, после объединения Германии одна из главных площадей города Гроссенхайна, носящая имя В. И. Ленина, не была переименована. На одном из домов так и осталась висеть мемориальная доска с барельефом Ленина и памятным текстом.

Возвращаюсь к событиям, связанным с пребыванием в нашем гарнизоне лётчиков-покрышкинцев. В один из дней мы побывали в крепости Кёнигштайн под Дрезденом. Эта крепость, построенная на высоком базальтовом выступе над Эльбой, многие века считалась неприступной. Но в минувшую войну гарнизон этой крепости был вынужден сдаться в плен нашим парашютистам, которые высадились в начале мая 1945 года на небольшой площади в центре цитадели. В каменоломнях неподалёку от неё наши воины вскоре обнаружили сокровища Дрезденской картинной галереи, которые были спрятаны фашистами в конце войны.

Несколько сотен полотен величайших художников Европы, в том числе Рафаэля, Дюрера, Джорджоне, Вермера, Тициана и других, были на грани гибели. В течение нескольких лет советские реставраторы восстанавливали эти полотна. В середине пятидесятых годов они были переданы вновь в картинную галерею Дрездена. Благодарные немцы освободили советских солдат и офицеров

Дрезденская картинная галерея. Герой Советского Союза Михаил Петрович Девятаев, автор и Герой Советского Союза Аркадий Васильевич Фёдоров у картины Рафаэля «Сикстинская мадонна».

от платы за вход в галерею. В одном из её залов, около знаменитой картины Рафаэля «Сикстинская мадонна», мы и сфотографировались: Герои Советского Союза М. П. Девятаев, А. В. Фёдоров и я.

Много встреч провели фронтовики в авиационных гарнизонах нашей дивизии. Бывалые лётчики щедро делились с молодёжью своим фронтовым опытом, восхищались современными боевыми машинами Су-24, которые составляли основную ударную мощь авиации ГСВГ, а затем ЗГВ. После каждой встречи была концертная программа, в которой принимали участие как ветераны, так и молодые воины-авиаторы. В составе делегации фронтовиков был старший лейтенант в отставке Героев Александр Иванович, ставший после войны заслуженным артистом УССР, он и задавал тон всей концертной программе…

Много лет прошло с той поры. Ушли от нас почти все ветераны-фронтовики, о которых я сегодня рассказал. Ликвидирована Западная группа войск — форпост нашей обороны в центре Европы. Нет уже той страны, которую защищали многие поколения наших воинов. Мы уже и сами стали ветеранами военной службы.

Но пока мы помним о том, как ковалась Победа, о подвигах наших отцов и дедов, о наших боевых друзьях, пока мы помним лучшие традиции боевого товарищества, братства, войсковой дружбы — они будут жить.

Николай Кинёв

Неоконченный спрос

Госпиталь

Я навсегда запомнил госпиталь
В послевоенные года.
Мы с братом были часто гости там:
Перепадала нам еда.
К нам инвалиды шли усталые,
Свои компоты нам несли…
Катился сказкой небывалою
В ладошки наши чернослив.
Мы песни слушали военные
И сами подпевали им—
Как шли в походы многодневные
И точно знали: победим!
Мы неумело в сердце прятали
Сыновней нежности слова,
Мы просто шли во двор с солдатами,
Рубили хворост на дрова,
Мы помогали им по малости,
Совсем не думая о том,
Что здесь мы обучались жалости,
Необходимой на потом,
Что в годы более счастливые
Она поможет сохранить
С душой соседней сиротливую,
Нежнейше сотканную нить…

У обелиска

Кузнецову Алексею Фёдоровичу—
фронтовику, земляку

Представь себе: они страдают,
На фронте павшие, когда
Их матери по ним рыдают,
Как в те года, как в те года…
Представь себе: они немеют
От злости праведной, когда
Трудиться дети не умеют
В свои цветущие года.
Представь себе: когда «Катюшу»
Переиначивает джаз,
Они сквозь зубы в крест и в душу
Сурово поминают нас.
Они под нами, но—над нами.
Пусть обелиск травой зарос,
Но вездесущими глазами
Они с нас учиняют спрос.

Памяти отца

Ненаглядный Георгий Петрович,
Голубые глаза…
Откажусь от всего, но от крови
Отказаться нельзя.
Сколько всяких заквасок намешано
В долгой доле моей—
То спокойной, то робкой, то бешеной…
Ты всегда был при ней.
Я за честь твою дрался навыверт—
Задарма и на спор.
Две ириски твои «фронтовые»
Слаще всех до сих пор.
Кто бы как бы тебя ни охаял
В суете простоты,—
Папа, это судьбина плохая,—
Но не ты, но не ты!
Из своей ли, из вражеской пушки
Бьёт по сердцу родня—
Всё равно твоим голосом Пушкин
Сказкам учит меня.
Вот ещё один праздник Победы…
Завершается век.
«Вот устроюсь, Никола,—приеду».
Не приедешь вовек.
Всё яснее предвижу, чем ближе
К неоглядным местам,—
Что тебя никогда не увижу.
И ни здесь. И ни там.

Зёрна

Алексею Решетову

Яблоко на дольки, понемножку,
Бабушка на всех нас разделила,
Положила зёрнышки в ладошку
И потом в горшочек посадила.
Всё хвалила бабушка, хвалила
Будущие яблони свои,
Поливала… Только не всходило
Ничего из выцветшей земли.
Бабушка! Мичуринец мой милый!
Лишь теперь я понял всё, прости…
Шла война. И надо верить было
В то, что будут яблони расти.

Семён Ваксман

Дым, попавший в глаза

● ● ●

Учить уроки и летать во сне;
Знать наизусть «Не лепо ли ны бяшеть…»;
Не понимать, что знание сие
Присяга есть и умереть обяжет
За Родину
Его, тебя, меня;
Слова, высокие, как обелиски,
Забыть, как забывают имена
Прославленных когда-то футболистов,
Но вдруг, когда просёлки размокают,
А в сердце боль, что не перенести,
И всё-таки, её превозмогая:
«О Русская земля»,—
Произнести.

● ● ●

В платочке, деревенская, конечно,
В Москве, я видел, женщина одна,
Не сдерживаясь больше, безутешно
У Вечного заплакала огня.

Так плачут на могилках деревенских
В родительские памятные дни,
В пустых квартирах или в перелесках,
Когда совсем останутся одни.

В глубинах Александровского сада
Стою, прижавшись к дереву плечом,
И горько плачу. Знаю, что не надо,
Но горько, горько плачу я. О чём?

О чём? О чём? Не знаю. Я не знаю,
О чём я плачу и зачем в горсти
Багряный гравий медленно сжимаю
И это слово говорю:—Прости.

Расскажи мне о войне

—Войну прошёл, живым вернулся!
Мне Рокоссовский руку жал!
—Ты успокойся, не волнуйся,—
Сосед задумчиво сказал

И развернул свою газету.
В том, понимаешь, дело тут,
Что он бы тоже мог соседу
Жизнь рассказать за пять минут.

Чистые пруды

Во глубинах Москвы, возле Чистых прудов,
Есть одно Министерство—Наркомат заготовок.
После давней разлуки, после тяжких трудов
Я туда прихожу, как бы ни был путь долог.

В глубине Министерства горят имена
Ополченцев, убитых в боях под Москвою.
Среди них мой отец. Так и тянет меня
Этот мрамор холодный потрогать рукою

И прижаться лицом к нему, чтобы слова,
Золотые на белом, и справа, и слева—
Поколенная роспись родословного древа,—
Зашумели, как будто под ветром трава.

Хроника

Не смотрю я фильмы о войне,
Ни боевики многосерийные,
Ни монументальные, в огне,—
Но документальные, старинные…

Мне от них не отвести глаза,
Мне с вещами надлежит явиться
В сорок первый, отыскать отца,
Вглядываясь в пасмурные лица

Ополченцев. Вот они идут,
И никто из них не похоронен.
Все до одного они живут
В пулемётных лентах кинохроник.

● ● ●

Не загорелый—выгоревший,
От города Холм-Жирковский
До самой станции Игоревской
Искал я следы отцовской

Дивизии—покорёженной,
Кровавым вином напоённой,
Тринадцатой, не похороненной
И всё-таки непокорённой.

И—повторение пройденного:
Под звуки трубы повиты,
Они сражались за Родину,
Прокляты и убиты.

● ● ●

Он шёл, и травы пробивали тротуары,
Листвою щебетал под ним порог.
Цевьё винтовки он держал, как гриф гитары,
А чёрный хлеб — как будто праздничный пирог.

Он шёл со мной по Разгуляю, Пикадилли,
Парны́е звёзды Млечного Пути
Над ним неотвратимо восходили,
Как хорошо с ним было за руку идти

По Самотёке, Сретенке, Неглинной,
По Трубной, по Кузнецкому мосту!
И в той далёкой жизни, столь недлинной,
Я всё ещё живу, я всё ещё расту.

В той жизни липов цвет я взял на откуп.
Дух летних лип выплёскивался ввысь,
А я разматывал отцовскую обмотку,
Такую бесконечную, как жизнь.

В той комнате в квартире коммунальной,
Где плачет дверь и радио поёт
«Прощание славянки» — поминальный,
Печальный марш — вперёд, за взводом взвод!

И говорю я маленькому Ваське
В наплывах нежных неотцветших лип:
— Фамилия твоя, запомни, — Ваксман,
И прадед твой за Родину погиб.

Короткий век был мужественно прожит.
Над ним звезда полночная горит.
Звезда себе принадлежать не может.
Теперь она тебе принадлежит.

Не жди меня

На Трубной помню дом,
Окно полуподвала.
Уже не опускали синих штор,
И лампа вполнакала освещала
Под вылинявшим абажуром стол,

А за столом — отец и сыновья.
Хозяйка им картошку подавала,
Чуть слышно было — «Танго соловья»,
Чуть виден — блеск огня из поддувала,

Вернее, отблеск скрытого огня.
Но вот уже и музыка умолкла.
Не мог я оторваться от окна.
Нехорошо смотреть в чужие окна.

Салют! И в небе дерево огня,
И слышалось, как будто сквозь рыданья:
Не жди меня! И эхо: до свиданья!
Не жди меня. Не жди, не жди меня.

«Розамунда»

Шесть часов вечера после войны,
И напевали мы среди весны
Трофейной песенки мотив,
Страну поверженных почти простив:

«Гефрайтер, гефрайтер,
Зи геен, битте, вайтер,
Вир воллен нихт шпацирен
Мит унтер-официрен!»

Четыре года я носил шинель,
Пилотку-лодочку. Хочу теперь
С тобой, как в юности, гулять
И никому не козырять.

Я волен, я волен
Гулять с тобою, фройляйн,
По Большой Полянке,
Ордынке, Солянке,
А потом Неглинка,
По Трубной до рынка.

Дом номер восемь на свете есть,
Ах, Колокольников, квартира шесть,
Где до сих пор мы папу ждём.
Брызги шампанского
И чай вдвоём…
Шесть часов вечера после войны…

Дым

Моего отца ты
Помнишь молодым,
Музыка тридцатых
Про любовь как дым.

Но из слов жестоких
Помню: дым, любовь.
Дым, любовь — и только
Повторяю вновь.

Ты уходишь в пламя,
Папа, а пока
Высоко над нами
Дым и облака.

Ты смеёшься, блики
На родном крыльце.
Тень твоей улыбки
На моём лице.

Запах дыма острый.
Это не слеза.
Папа, это просто
Дым попал в глаза.

Анатолий Гребнев

За Родину не пропадают

Солдатский медальон

Солдатский смертный медальон,
Случайно найденный на пашне:
Ещё одно из тьмы имён,
Которым *имя*—легион,—
В том пекле
Без вести пропавших!
Кого корить, кого винить,
Что вплоть до нынешнего часа
Судьбы обугленную нить
Хранила чёрная пластмасса?
До сей поры она ждала,
В безвестности устав томиться,
И вот—переломилась мгла,
И мне дыханье обожгла
Его дыхания частица!
Но как—по сути—он жесток,
Пред боем выданный поштучно,
В тугую скрученный квиток,
Заполненный собственноручно.
Здесь и подробный адрес есть,
И группа крови по Янско́му.
Теперь на чёрных крыльях весть
К родимому помчится дому.
Рыдай и радуйся, вдова,
В затерянной российской веси:
Ты, если—дай-то Бог!—жива,
Получишь пенсию в собесе.
Твой муж на совесть воевал.
И боль безвестности не давит:
Погиб как все, а не пропал—
За Родину не пропадают.

● ● ●

Россия слёзы вытирает,
Свои теряя рубежи.
Уходят в землю ветераны—
В могилы, словно в блиндажи.
Их не болезни подкосили—
России попранная честь.
Ведь то, что сделали с Россией,
Они не в силах перенесть!
И если мы за Русь не встанем—
Они из тьмы следят-глядят—
Восьмиконечными крестами
Врагу дорогу преградят!

У отцовской могилы

Опять я сорвусь и поеду,
Тревожимый прежней тоской,
По старому горькому следу
В деревню за Волгой-рекой.
Проеду, пройду пол-России,
Но долгие вёрсты не в счёт:
Как будто какая-то сила
Меня в это место несёт;
Как будто какая-то сила,
Под сердцем схлестнув времена,
У братской безмолвной могилы
Рывком
Остановит меня.
У этой могилы я встану—
Ну вот и дороги конец.
И тихо я в землю врастаю:
«Ты слышишь ли сына, отец?..»
Вскипят перед бурей деревья,
И стихнет всё в мире опять.
Расколется молнией время,
И дрогнет,
И ринется вспять.
Могильные камни колыша,
Подземный прокатится гул:
«…Я слышу, сынок, тебя слышу,
Да выйти к тебе не могу».
«Отец, мне тебя не хватает,
А то бы я славил житьё.
Мой сын без тебя подрастает,
Я дал ему имя твоё».
«Сыночек, уж как ни хотелось,
Обнять мне тебя не пришлось.
Врастают в пробитое тело
Коренья могильных берёз.
Но стоит, как искрою,
высечь
Живой
нас из камня
слезой—
Поднимутся все десять тысяч
Из этой могилы со мной».

* * *

А матушка — до смертного конца —
Привычно пряча боль свою — кручину,
Вдовой-солдаткой
В гибели отца
Отыскивала главную причину.

И мне она — вполголоса, впотай:
— Отцу сказали знающие люди:
«Евангелие три раза прочитай —
От пули, от любой, вреда не будет».

И с матушкою спорить я не стал.
Звучит поверье глубоко и веско.
— Два раза-то успел он — прочитал.
Тут, на беду,
И принесли повестку.

Ночлег

Дождливой ночью на глухом лугу
В потёмках мы заканчивали мётку.
Отужинавши с мамой всухомятку,
Заночевали мы в своём стогу.
Она вздыхала рядом, не спала
И говорила с радостью усталой:
— Ну, вроде направляются дела, —
И под ноги мне сено подтыкала.
— Теперь Краснухе есть у нас сенцо.
Намаялся? Жидка ещё силёнка.
Эх, вот метали мы с твоим отцом…
Был годовалый ты, как похоронку…
Конечно, не запомнил ты его…
Накатывалась сладкая дремота,
Сквозь дождь
Кричала чернеть на болоте.
Но я уже не слышал ничего.

Круговорот

Уж каркал ворон над Россией,
Когда отец мой
До зерна
Посеял поле ржи озимой.
И позвала его война.
И всколосилась
Даль сквозная
В четыре звонкие конца!
Когда косили рожь,
Отца
Скосила пуля разрывная.
Но каждый год,
Но каждый год,
Поднявшись нивой животворной,
Земной вершат круговорот
Отцом посеянные зёрна.

Разговор с отцом

Не забыла, не забуду
Этот год сорок второй:
Все придут, а мой останется
В земелюшке сырой!

Материнская
частушка

Отец! Я слышал голос твой —
И вот, с повинной головою,
Опять, как лист перед травой,
Я предстаю перед тобою.
И снова, снова внятны мне
И дрожь земли, и шевеленье,
Где в надмогильной тишине
Сошлись берёзы в две шеренги,
Где в прошлом я не раз бывал,
Чтобы для жизни сил набраться:
Тут целой армии привал
На вечный сон в могиле братской.
И, как на исповеди, здесь
Перед тобой за всё в ответе,
Я не скажу тебе, отец,
Как тяжко мне на этом свете.
Вы совладать смогли с врагом,
Но в отвоёванной России
Позарастали овсюгом
Поля, где жито вы косили.
И — жизнь не жизнь! Тоска под дых!
Родные корни обрубают.
У внуков-правнуков твоих
Не тело — души убивают.
О многом я ещё молчу.
Тебя порадовать мне нечем.
Затеплю памяти свечу:
— Давай, отец, за радость встречи!
По полной нам с тобой налью,
Ведь въяве мы с тобой не пили.
— За всех, кто Родину свою,
Не дрогнув, в битвах защитили!
За всех, кто, смертью смерть поправ,
Не уступил в бою кровавом,
Родной землёй навеки став
И символом бессмертной славы!
…Во мгле берёзу обниму,
Поглажу нежно ствол шершавый
И неожиданно пойму:
В моей душе моя держава.
…Я в путь свой пристальней гляжу.
Прости, отец! Пора проститься.
Я ухожу.
Но ухожу,
Чтобы с победой возвратиться!

Глеб Бобров

Тонкая прозрачная линия

В неглубокой яме свалены обломки двух гробов. Под толстым слоем грязи можно даже распознать цвета: зеленовато-жёлтый и насыщенно-синий. В перевёрнутой крышке жёлтого гроба лежит скомканная куртка военного хэбэ. И форма, и бязевая обивка крышки покрыты округлой белой крупой. Вникать, что это такое, категорически не хочется. Сверху на шею свинцовой тенью давят тучи. Непрестанно идёт моросящий дождь. Даже небесам тоскливо на этом пустыре. Мы по щиколотки в грязи стоим у ям. Впереди за пустырём видны руины измочаленной в хлам Новосветловки, а сзади — ограда Свято-Покровского храма. Мы — это миротворческая группа: луганские «афганцы», российские общественники и представители украинского «Офицерского корпуса». Плюс журналисты: корреспондентская группа Луганского информационного центра и тележурналисты «СТБ» от Украины. Миссия предельно проста — передать украинской стороне тела шести военнослужащих, убитых в летних боях за Новосветловку.

«Передать» — звучит просто. Однако по логистике обеспечения это почти военная операция. Началось всё ранним утром. Основную согласовательную работу проделали наши «афганцы» — глава луганского Союза ветеранов Афганистана Сергей Шонин да его зам и верный соратник Виктор Муха. Сколько времени и сил потребовалось на взаимное согласование по обе стороны фронта — одному Богу известно, но сегодня мы с вооружённым комендантским эскортом уже выдвигаемся к блокпосту у города Счастье.

Некогда разделённая отбойником шикарная трасса изувечена воронками. Отбойник во многих местах закручен и порван взрывами. Машины постоянно перестраиваются с правой стороны на левую прямо по разжёванным в кашу газонам. Дорого покрыта равномерным слоем грязи. У блокпоста картина как в Первую мировую: капониры, блиндажи, траншеи и ходы сообщения в полный рост. Везде покрошенные в щепу деревья, мусор и всепроникающая непролазная грязь. Над унылым военным пейзажем под нескончаемым промозглым дождём стоят бойцы ополчения. Вышли. Обнялись с мужиками. По фронтовой традиции соприкоснулись плечами, словно на мгновение поддержав друг друга. Дальше двигаться нельзя: через километр триста блокпост «укропов». Иначе здесь противника не называют. Мост, говорят, заминирован. И — да:

— Машины отгоните за посадку — не дрочите корректировщиков с «той» стороны.

Пока загоняли транспорт, «афганцы» выставили из окна парламентёрский флаг организации и поехали на ту сторону. Витя Муха со смехом рассказывал, что «айдаровцы» прошлый раз пообещали его посадить на пару дней «на подвал». Мол, «шибко борзый». Шутили или нет — никто не знает. Но он поехал. Через пятнадцать минут вернулись. Следом за бусиком «афганцев» пришла «газелька» с бумажными прямоугольниками на стекле: «Груз 200». Это — первый этап нашей операции: встреча «труповозки» и представителей украинской общественной организации «Центр освобождения пленных „Офицерский корпус“». Вместе с ними несогласованно приехали и журналисты СТБ. Имеют право. Правда, мне сложно представить наших журналистов на территориях, подконтрольных, например, батальону «Айдар».

Следующий пункт — Новосветловка. Именно там эксгумировано шесть тел одностороннего обмена. Назад возвращаемся в бусике, сидя прямо на головах. В кабине «труповозки» ехать желающих не нашлось. Украинские телевизионщики Боря и Алексей напряжены и молчаливы, но работу свою делают чётко: прямо из залитых дождём окон снимают разрушения, останки военной техники и остовы уничтоженных украинской артиллерией объектов. Поглазеть им есть на что. Бывший стационарный пункт ГАИ ощерился из-под земли тремя осколками фундамента и рассыпался посередине трассы большой кучей дроблёного кирпича. Две заправки — газовая и обычная — размётаны прямыми попаданиями и полностью выгорели. От танка остался только остов — перевёрнутая башня валяется поодаль: видимо, сдетонировал боекомплект. Это я уже видел в Афгане — узнаваемо. У башни и остатков брони — пожухшие венки и выгоревшие фотографии.

Представитель «Офицерского корпуса» Алла Борисенко изредка отмечает особо впечатляющие

объекты. Телевизионщики воспринимают её указания как безусловные команды. Сама немногословна, обстоятельна. В глазах невыразимая тоска.

На въезде в город народ оживился. Журналисты СТБ заметно поражены наличием жизни в Луганске. Остановки транспорта, многочисленные пешеходы, работающие магазины—всё это вызывает неподдельный интерес и удивление. Также гостей заметно впечатлили разрушения. При попытке снять с ходу недостроенную двадцатисемиэтажку за зданием СБУ, «поймавшую» за лето три прямых попадания, оператор заметил:
—Далеко, мне не достать…
—Ничего, ваши гаубицы нормально доставали,—влёт парируют наши «афганцы».

Шутку почему-то не оценили.

Луганск проскочили с комендачами и на Новосветловку пошли сами—блокпостов внутри ЛНР больше нет. Ехали молча. Уже на подъезде Алла вдруг открыла на своём телефоне фотографию маленькой девочки и показала нам. Очаровательная кроха, только-только начавшая держать головку. Печальные глаза матери на мгновение озарились внутренним теплом.
—Соломия. Шесть месяцев уже…

Тут уж не выдержал я:
—Тебе надо с дочерью сидеть, а не трупаки по всей стране таскать.
—А этим кто будет заниматься?—ровно ответила она.
—Дочь сейчас с родителями?

В ответ Алла грустно покачала головой:
—У меня дома в Киеве живёт семья беженцев с Луганска. У них двое детей. Ну и моя—с ними.

Глаза подёрнуты траурной дымкой, вокруг—тёмные круги и какая-то еле ощутимая печать неизбежности. Хотел спросить про мужа, да осёкся. Как потом выяснилось—правильно сделал.

В Новосветловке, прямо над гробами, слушаем Валерия Приходько—представителя российской общественной организации с длинным неудобоваримым названием «Центр содействия государству в противодействии экстремистской деятельности».
—Откуда тела, мы не знаем. И выяснить теперь не у кого. Здесь стояли части Львовской восьмидесятой отдельной аэромобильной бригады ВДВ ВСУ, бойцы Нацгвардии и территориального батальона «Айдар». Покойники, говорят, были после ранений. У одного якобы отсутствовали внутренности. Кому именно принадлежат эти тела, узнать можно, если задать соответствующие вопросы тем военнослужащим, кто находился здесь во время боевых действий. Местные же ничего не знают. Их согнали в храм, обложили зарядами и сказали, что всё заминировано. Потом привезли два тела и велели похоронить. Жители села похоронили их тут же, за оградой. По-людски похоронили, с соблюдением обряда православного и в гробах. Ещё четверых военнослужащих украинские силовики самостоятельно закопали в сотне метров, на пустыре.

Осмотрев точку эксгумации, Борисенко вдруг решила забрать форменную куртку. Принесли один мешок для транспортировки трупов, Шонин помог ей взять мешком куртку. Оттуда посыпалась эта округлая крупа—мёртвые опарыши, облепившие гроб и хэбэ, попали на руки девушки. Алла абсолютно равнодушно отряхнула рукав. Не впервой, видать. Самообладания не отнять. Едем дальше…

Теперь я точно знаю, как выглядит ад. Не тот, с котлами, рогами и «скрежетом зубовным», а настоящий, человеческий. На самом деле преисподняя—это бывшая уличная подсобка Краснодонского отделения судебно-медицинской экспертизы. Помещение два с половиной на три с половиной метра. Ну, это как ваша совмещённая с туалетом ванная или чуть-чуть поболе. В этом закутке—два десятка человеческих тел, упакованных в простыни, покрывала, мешки или полиэтилен. Тела давнишние, лежат с лета, уже не раз замерзали и не раз оттаивали. Они текут. От запаха слезятся глаза и останавливается дыхание. Света там нет—только скудный фонарик заведующего отделом судмедэкспертизы, самоотверженного врача Алексея Витальевича Самойленко. Останки—вперемешку и в несколько этажей. Гражданские, военные, неопознанные, не востребованные выехавшей роднёй, просто бомжи—кого только нет!

Два мужика, присланные из Краснодонского КПЗ, отрабатывают свой «залётный» наряд—грузят наши трупы. Каждые пять минут, не всегда сдерживая рвотные позывы, по очереди выскакивают отдышаться. В глазах кромешный ужас. Слишком всё просто, слишком всё страшно, слишком всё по-настоящему. Вот это—взаправдашний ад, а не голливудские пафосные картинки.

Погрузка шла долго, практически до вечера. Тела надо было найти, опознать, вытащить из общей кучи, упаковать вначале в специальный мешок, а потом в герметичный полиэтиленовый рукав, затягиваемый скотчем. Пока шла работа, мы разговорились с женщиной из магазинчика ритуальных услуг, что на территории больницы. Татьяна оказалась живым свидетелем летней оккупации. Удивилась нашей миссии.
—Да вы у нас в Новосветловке к любому подойдите! Вам каждый покажет, где этих тварей прикапывали! Ведь они своих бросали, как падаль! Лето, жара, трупы раздутые, лопаются, с них течёт, мухи… Мы их прямо у дорог закапывали.
—Сами-то «укропов» видели?

Татьяна аж задохнулась:
—Да я до сих пор не понимаю, как выжила!

Далее — сбивчивый поток сознания о пережитом ужасе. Шокировать не буду, просто один показательный эпизод. В краснодонской больнице свыше двух месяцев лечили мужчину, серьёзно повредившегося рассудком в период временной летней оккупации. Причина проста: в подвале, где они прятались от непрерывных обстрелов, вместе с ними отсиживались «айдаровцы». Попеременно они насиловали жену и тёщу связанного и забитого в угол мужика. У него на глазах — насиловали.

Подчинившись некому внутреннему импульсу, говорю ей:
— Можно, я приведу сюда двух киевских журналистов, и вы им расскажете всё, как было в те дни?

Через минуту Боря и Алексей сидели в магазинчике и, не расчехляя камеры, слушали Татьяну. Слушали очень внимательно, дома им таких подробностей точно не услышать.

По окончании погрузки записали официальную часть. Алла Борисенко была совершенно искренне благодарна нашей стороне.
— Без помощи луганских «афганцев» — Сергея Шонина и Виктора Мухи — наша деятельность на территории Луганской Народной Республики была бы невозможна.

Говорили о дальнейших планах. Ведь не секрет, что только на территории ЛНР находятся тысячи несанкционированных захоронений. Причём не только в земле. Есть пока не проверенные сведения об утоплении в болотах, сбрасывании тел в шурфы, закатывании останков своих бойцов украинскими силовиками бульдозерами во рвах и карьерах.

Сергей Шонин был на этот счёт предельно чёток:
— Если говорить об общем числе, то, скорее всего, речь может идти о тысячах подобных захоронений на территории Луганщины.

Шли назад уже затемно. Ребята из СТБ «разогрелись». Старший съёмочной группы Борис всё пытался добиться от меня и от Мухи подробностей начала восстания, бомбоштурмового удара по зданию бывшей областной администрации, расстрела Луганска и начала боевых действий. И что меня поразило: он действительно хотел разобраться в ситуации! Более того, говоря о федерализации, русском языке, выпытывая суть наших требований, он действительно пытался нащупать, уловить тот зыбкий путь, который может привести Украину если не к миру, то хотя бы к началу диалога. Как минимум — к прекращению братоубийственной войны. Коллега реально хотел понять, как и чем можно остановить кровопролитие.

И я не просто уверен, а чётко знаю это, так как видел тот сюжет, который они выпустили. В этой новости СТБ не было ни грана лжи. В ней не было ни одного передёргивания или искажения смыслов, на которые так щедры украинские средства массовой информации.

Недавно я брал интервью у известного луганского учёного — философа и религиоведа Константина Деревянко. Он высказал достаточно простую мысль: «Через нас проходит геополитический раскол между Россией и Западом, а Украина, попавшая в этот разлом, больше не держится православными скрепами».

Возвращаясь домой, я вдруг подумал, что вот эта гуманитарная миссия и есть та самая практически незримая скрепа, всё ещё удерживающая всех нас от срыва в окончательный кровавый хаос взаимной ненависти и истребления. Ведь да: в масштабах тысяч не поднятых тел сделанное нами — ничто. Но! Шесть конкретных матерей получат тела своих детей. Для человеческого отпевания, захоронения и вечного пристанища. Для каждой конкретной семьи сделанное нами — «афганцами», доламывающими очередную войну, молодой мамой и уже вдовой Аллой, водителем «Офицерского корпуса» Сашей, бывшим спецназовцем Валерой из «Центра содействия государству в противодействии экстремистской деятельности», журналистами информагентства и нашими коллегами из СТБ — это реальный подвиг. Само́й своей миссией мы как тонкая прозрачная линия стоим между ненавистью, жаждой мести и взаимным истреблением.

Завтра мы поедем менять пленных. Тоже в одностороннем порядке. Просто возьмём и отдадим сопливых мальчишек приехавшим за ними матерям. Потому что так надо. Потому что так — правильно. Потому что это — наша миссия…

Луганск, декабрь 2014

Юрий Беликов, Марина Саввиных

Примагниченные Пермью, или Закон всемирного сопротивления злу

Случайно ли, что с некоторых пор в Перми вручают награды общественного признания—орденá Достоевского? Ведь, в конце концов, Фёдор Михайлович не отбывал в здешних местах каторгу, а был лишь ведом по этапу—Сибирским трактом, как и многие из отечественных строптивцев: Радищев, декабристы… Но, очевидно, такова пермская земля, тяготеющая к ловушкам: в её карстовые и шахтные пустоты периодически оседают не только дома и машины, но и идеи. И там таятся до поры до времени.

Неслучайно в находящемся недалеко от Перми городе Кунгуре есть памятный знак, именуемый «Пуп Земли». А в самой Перми установлен памятник изобретателю радио Александру Попову. Вот вам и пример «западания идей» в тутошние глубины: принцип передачи информации в пространстве материализовался в ком? В пермяке Попове.

В старой части Перми—в Мотовилихе—ещё один монумент. Се—изобретатель электросварки Николай Славянов. Где изобретена? Да всё в той же Перми. Даже первый двухколёсный велосипед не в Париже родился, а, представьте себе, опять-таки здесь, в Пермском крае. А изобрёл его крепостной Пожвинского завода Ефим Артамонов. Не верите? Съездите в Чусовской этнографический парк—там этот велосипед прямо под открытым небом стоит. На нём элегантный Валентин Яковлевич Курбатов, критик наш, раскрыв над собой столь же элегантный чёрный зонт, однажды сфотографировался.

Так и с орденами Фёдора Михайловича. «Где ж такими награждают?»—спросил меня всеохватный Евгений Евтушенко. Да в Перми-матушке. И здесь она—первая. Призвала именем Достоевского в свои владения писателей из самых разных городов: из Москвы, Кирова, Екатеринбурга, Красноярска…

Среди кавалеров ордена Достоевского первой степени—две дамы. Одна—Лариса Васильева, другая—Марина Саввиных. Со сцены Чусовской школы искусств, на которую один за другим всходили новоиспечённые орденоносцы, Марина Олеговна, представляющая журнал «День и ночь», обронила идею (а где ещё можно её обронить, как не в местности, эти идеи поглощающей, но и возвращающей?) о том, что неплохо было бы учинить на страницах «ДиН» диалог с тем, кто, собственно, эти диалоги и ведёт в подведомственном ей издании,—то бишь с вашим покорным слугой, Юрием Беликовым. А то с кем только он в те самые диалоги не вступает! Горячие. Буримые. Местами щипачие. А с ним—ещё никто не отважился.

В этот момент Марина Олеговна, преобразившись, словно перевоплотилась в строфу Осипа Эмильевича Мандельштама: «Мастерица виноватых взоров, маленьких держательница плеч! Усмирён мужской опасный норов, не звучит утопленница-речь».

Мой норов действительно был усмирён. И вот уже я сижу под крохотным дулом Марининого диктофона. Лицом к лицу с мостостроительницей. Часто ли вы видели мостостроительниц? И эти мосты Саввиных строит не на суше и не на море, а возводит она «Мосты над облаками». А что же мужики? Мужики не строят. Мужики страивают. А Марина летает. Туда-сюда. Будто штопает и заплаты накладывает на износившиеся и лопнувшие швы бывшей Империи.

И диалог наш состоялся…

Но когда мы его вычитывали, столкнулись с тем, с чем неизбежно сталкиваются люди, внутренне надеющиеся на некий запас отведённого им земного бытия. Мы ещё не научились смотреть на мир глазами натур уходящих и прощающихся. Но в тот скорбный миг уже не было на Земле одного из главных и любимых героев нашего диалога—восьмидесятисемилетнего великого подвижника России, основателя Чусовского этнографического парка Леонарда Дмитриевича Постникова. Он будто поставил перед собой тайную задачу (или эта задача была продиктована Господом?): дождаться визита посланцев, пришедших проведать его в больничной палате и вручить орден Достоевского первой степени, а через три дня уйти от нас, ещё длящих земное существование, однако уйти уже навсегда отмеченным Достоевским.

Горечь от этого не убывает, потому что всем понятна наглядность поговорки: после ужина горчица,—но когда сопоставляешь духовный

подвиг Постникова с этой особенностью его кончины, поневоле приходишь к мысли, что Леонард Дмитриевич достоин ордена Достоевского первой степени более, чем кто-либо из награждённых.

…По странному стечению обстоятельств Достоевский почтил своим молчаливым присутствием и наш с Мариной диалог. И уж точно: не обрёл бы этот диалог некоторый привкус драматизма, если бы не автор «Братьев Карамазовых».

ю.б. Марина, ты обмолвилась, что у тебя развивается дальнозоркость. Может, это следствие твоих путешествий — «Мостов над облаками?» Потому что при такой кривизне пространства, в таких путешествиях непременно что-то да развивается… Мне кажется, развивается дар предвидения, нечто производное от пифии. Честно говоря, я подозревал это в тебе и раньше. Ты этими «мостами» «сшиваешь» не только литературное пространство, но и пространство человеческое. Что тебя подвигло — «сшивать», во-первых? А во-вторых, что ты «сшила» за эти дни, будучи на пермской и чусовской земле?

м.с. Что же меня подвигло на это?.. Ощущение, может быть, с середины девяностых годов страшного распада, катастрофы, которая постигла наш мир. У меня даже появилась такая сумасшедшая формулировка: «наш мир захватили гоблины». То есть для меня это противостояние злу. За эти годы, девяностые-двухтысячные, — особенно сейчас это чувство укрепилось — я поняла, что такое зло. Но, с другой стороны, поняла, что оно не всесильно. Злу можно и нужно противостоять. Как? Только взявшись за руки! У меня даже стихотворение такое есть:

Сидим по разным городам,
Подвержены тоске и сглазу,
И каждый думает: ни разу
И в мыслях друга не предам!
Оглянешься: кругом — ни зги!
Как в сказке — не туман, так вьюга,
И даже в мыслях нету друга —
Одни лишь верные враги…

ю.б. А я как бы — алаверды…

Придут друзья, готовые предать,
И не заметят, что предать готовы.
А я чинить их поводам вреда
Не стану и скажу: «Отдать швартовы!»

И отплыву… В печали… Ведь моим
Друзьям такие предстоят печали!..
Я предан ими, но я предан им,
Не распознавшим даже, что предали…

м.с. Именно так! Мною руководило желание собрать круг людей, которые могут противостоять злу вместе. Тогда же у меня родилась идея назвать ту работу, которую я в журнале осуществляю, деятельностью культурного сопротивления. Культура — потому и культура, что она способна поднять людей на сопротивление злу.

ю.б. Знаменательная перекличка! Извини, что я, быть может, чуть забежал вперёд, но я называю Чусовской этнографический парк, детище Леонарда Постникова, в котором мы только что побывали, «улочкой русского сопротивления».

м.с. Это слово — «сопротивление» — начинает наполняться реальным, весомым жизненным смыслом. Это не фантазии какие-то, не мифы. Это самая что ни на есть натуральная жизнедеятельность людей.

ю.б. Мы сопротивляемся злу, подлости, цинизму, двойным стандартам, лжи…

м.с. Расчеловечиванию. Ещё одна из моих любимых формулировок: «эпоха дегуманизации искусства закончилась». Вообще, дегуманизация достигла уже нижней точки. Начинаем подниматься. Я это чувствую. И для того, чтобы это чувство крепло, чтобы была уверенность, что ты движешься правильным путём, необходимо ощущать, кто рядом-то… Это меня и подтолкнуло к тому, чтобы искать такие связи, единомышленников и друзей. Я много езжу — действительно — последнее время и нахожу таких людей.

ю.б. Если навскидку… перечисли те несколько пространств, которые тебе удалось охватить и навести между ними мосты.

м.с. Прежде всего, конечно, Кавказ. Это удивительное место! Сибирь — Урал — Кавказ. Магический треугольник образовался, который уже может что-то мощно держать. Кавказ сейчас, с одной стороны, очень поляризован; с другой, я нигде больше не встречала такого движения — душевного, творческого — ко всему русскому, к русскому политическому, национальному, культурному опыту…

ю.б. Казалось бы, Кавказ, с обывательской точки зрения, должен вызвать у нас напряжение… И он его вызывает, а на самом деле там идёт внутреннее движение к России. Недавно мне позвонила одна моя знакомая, которая зашла в обувную мастерскую, где ремонтом занимается человек кавказского происхождения. Она была изумлена тем, что, клея подошвы и забивая гвоздочки, он параллельно смотрел по пермскому телеканалу «Ветта» передачу «Книжная полка» с моим участием. «Вы смотрите Беликова?!» — ошарашенно спросила моя знакомая. И, представь себе, обувной человек

с кавказским акцентом начал словоохотливо рассказывать об особенностях этой моей передачи. Эврика?

м.с. В известном смысле — да! А с другой стороны — ничего противоестественного. Один из последних уроков, который я вынесла: верю только тому, что вижу собственными глазами и слышу собственными ушами. От первоисточника. Я уже не доверяю никаким сми, потому что они манипулируют нами. Выношу суждения только из того, что сама знаю наверняка!

ю.б. Ты уже не в первый раз побывала и в Перми, и в Чусовом, поэтому тебе легче что-то сопоставлять и сравнивать. На какие мысли тебя наталкивают наши «разломные» места?

м.с. Пермский край — совершенно особенное пространство. У меня здесь тоже образовалась некая волшебная связь: Пермь — Челябинск — Оренбург. Везде эти магические треугольники. *(Смеётся.)* Пермь здесь, конечно, занимает осевое место. Та точка, тот гвоздочек, вокруг которого этот треугольник прорабатывается, движется. Всё здесь проникнуто особым магнетизмом. Люди такие странные…

ю.б. Ты на меня намекаешь?

м.с. И на тебя в том числе! И на твоих гостей. Вот увидела я Ларису Николаевну Васильеву… первое ощущение: Боже мой! Она же ненормальная! Такая же сумасшедшая, как я! Только чуть постарше. Впечатление чего-то чудесного, странного, почти нереального…

ю.б. Примагниченного Пермью…

м.с. Да! И Постников такой же! И все люди, которые внутри и вокруг Чусовского этнопарка живут, движутся, что-то делают… Смотрю на них, разговариваю с ними — они создают ощущение… вечной молодости. Экскурсовод Светлана, которая нас водила по парку… Я думала, ей лет тридцать пять — сорок… И тут она говорит: «А я на пенсию выхожу!..» Ничего себе! Что же это за эликсир такой? В воздухе, что ли, он развеян? Меня тоже часто спрашивают: на тебя посмотришь — ты как студентка… Хотя я уже очень-очень взрослый человек…

ю.б. Мама моя, слышавшая по радио голос Марины Саввиных (очевидно, это был репортаж с вручения орденов Достоевского), тоже меня спросила: «Сколько же ей лет?» И добавила: «Очень молодой голос».

м.с. Видимо, это тот самый магнетизм. Что-то он делает с нами. И люди, с которыми я общаюсь, в основном такие. Молодые душой. Полные энергии. Я называю это — «теургией». Термин Владимира Соловьёва. Теургия — творческая деятельность людей, продолжающих дело Бога на земле. Это же соловьёвская идея: Бог создал этот мир, и теперь люди, искры Божии, продолжают творческое дело Бога. Ни одно из других живых существ, Божьих тварей, на это не способно. Только человек.

ю.б. Кстати, заметила ли ты, что в Библии есть несколько странных разночтений? С одной стороны, Бог создал человека по образу и подобию своему. А с другой — из праха земного. О чём это говорит? О том, что есть люди, созданные «по образу и подобию», а есть, очевидно, — которые «из праха»…

м.с. «Из праха» есть во всех нас. Мы все состоим из персти земной. «Из глины, из пыли, из персти земной…» Но в разной степени в каждом человеке присутствует Божий дух, искра Божия. Если говорить о совсем уже последних моих подозрениях: каждый из нас есть частица Бога. И, обращаясь в молитвах к Богу, мы совершаем собирание Бога в себе, концентрируем Дух — и способны совершать чудеса. Когда очень много людей одновременно молятся или хотя бы отправляют вместе какую-то единую мысль в пространство… мы так и образуем Бога… Наверное, наше духовенство не одобрит это еретическое рассуждение, но ведь если Бог не выработан в тебе собой изнутри, то внешнее представление о Нём — всегда условно, навязано… Бог — это то, что мы как люди в себе выращиваем.

ю.б. Ты не бойся. Я понимаю, что ты сейчас спотыкаешься о некое возможное «еретичество», в котором тебя могут уличить. Я тебе открою секрет: вчера мы беседовали с Ларисой Николаевной Васильевой о главном труде её жизни — «Василисе». За эту книгу я бы номинировал её на Нобелевку. Лариса Николаевна спрашивает: что значит Троица? Троица не плодоносна. Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой… Если так, то где же тогда Бог Мать? Бог Дочь? Бог Душа Светлая? И эти, а также другие вопросы роскошно рикошетят и по нашей науке, и по нашей религии. Ту и другую Лариса Николаевна не жалует.

м.с. Мы же воспитаны материалистами. Всё хочется поверить какими-то физическими законами, пониманием мира через доступные органам чувств феномены. Я прихожу сама к такой мысли, которую давным-давно высказывали философы. Тейяр де Шарден, например, со своим «омегой». Вернадский — с «ноосферой». Весь русский космизм — это попытка понять, что такое дух.

ю.б. Если вернуться к Леонарду Постникову… Я его знаю уже лет тридцать. Но смотри, как

человек пришёл к Богу! Казалось бы, советский директор, спортсмен, создавший уникальную детско-юношескую школу олимпийского резерва… И вдруг с правого берега речки Архиповки, в чьих водах любил рыбачить Виктор Петрович Астафьев, Постников переходит на левый и ставит часовню — ни дать ни взять королева на шахматной доске! На дворе ещё — густые советские времена. И горкомовские чинуши шипят: «Убери кресты-то!» На звуки предупредительного манка приезжает первый секретарь Пермского обкома партии Борис Всеволодович Коноплёв. А он, оказывается, по происхождению крестьянин. Смотрит, хмыкает и говорит: «Ну, надеюсь, ты на этом не остановишься?..» И жизнь будущего Чусовского этнопарка продолжилась — вот в таком нынешнем колоссально-потрясающем духе! Музей похода Ермака, музей — крестьянский дом, музей-кузня, музей — торговая лавка… Вслед за часовней человек возвёл церковь! Если бы мы прошли сегодня дальше того, что успели увидеть, то смогли бы посмотреть действующий храм Георгия Победоносца.

м.с. Он даже издалека производит невероятное впечатление! Вообще — всё это. Я ещё нигде такого не видела.

ю.б. Чаще всего подобные вещи, к сожалению, отдают бутафорией.

м.с. Да, и у нас этнографические музеи под открытым небом есть. Вот в Шушенском. Всё очень мило. Всё любовно сохраняется, экскурсии необычайно интересные. Но — руками не трогать, экспозиции шнурками отделены от гостей… А здесь — приходи, бери, живи! Тут тебе и гуси, и лошади… и зайцы даже прыгают… И тут же — поезд идёт поверху… Ощущение какой-то маленькой вселенной. Свой космос, созданный одним человеком. Вот почему я вспомнила о теургии. Постников как раз из таких людей, которые нашу маленькую планету держат на весу… Это как оберег такой. Если бы не было подобных людей, «гоблины» нас бы уже давно сожрали. Но мы сопротивляемся — и значит, у нашей планетки есть надежда. Земля ещё может пожить! Я даже надеюсь, что всё-таки когда-нибудь сбудется мечта советских фантастов и человечество, понимая, что всё не вечно, даже солнце, найдёт для своего духовного вещества другой мир, другие планеты… и мы там поселимся…

ю.б.

Мы ещё не отлетели.
Но ведь скоро отлетать?..
И в земном промозглом теле
марсианский срок мотать…

Не случайно же я на вчерашнем нашем общем вечере в Чусовской школе искусств читал стихотворение «Приговорённые к Марсу». То, что сейчас на Земле происходит — и в социополитическом контексте, и в геомагнитном, наводит на очень тревожные мысли. Мы как раз вчера говорили с Ларисой Васильевой на эту тему. Идея более чем оригинальная, и, может, потому она имеет право на существование… Лариса Николаевна смотрит на развитие Земли с точки зрения материнства. По её концепции, Земля находится в матке Вселенной на седьмом месяце. Семь дней творения, седьмой месяц созревания. Ребёнок может родиться нормальным на седьмом месяце, а на восьмом — уже нет. А ведь там дальше — не только восьмой, но и девятый… И всё, что происходит сейчас на Земле, все эти цунами, наводнения, землетрясения, все эти катаклизмы, идущие оттуда, изнутри, — это не свидетельства катастрофы, как считает человечество, хотя, надо признать, оно привносит собственную «печальную» лепту, а своего рода развитие плода. Нам кажется, что Землю колотят цунами, а это плод ворочается. Околоплодные воды наружу выходят…

м.с. Может быть. Вообще всё — живое. Всё проникнуто духом. Всё живое, и всё — разумное.

ю.б. Вернёмся к «мостам», к тому, чем Марина Саввиных занимается уже восемь лет, будучи во главе журнала «День и ночь». Ты сказала, что приходится со многими ругаться, разочаровываться. Кто-то уходит, а кто-то и появляется рядом. Неизбежно возникает разочарование. Но сейчас ведь всё, что возникает, моментально выплёскивается в Интернет, и там бушуют страсти. Какой опыт ты приобрела за последние годы, и почему люди поворачиваются неожиданной, тёмной стороной?

м.с. Сейчас такое время. Всё обострилось. Идёт война. И по какую линию фронта ты находишься, каждый для себя решает сам. В том кругу, который сложился благодаря журналу «День и ночь», людей, которые оказались для меня по другую сторону баррикад, совсем немного. Может быть, два-три человека. А тех, которые примкнули к нам благодаря тому, что эта поляризация произошла, бесконечно больше. Когда меня спрашивают о журнале, о нашей редакционной политике, я говорю, что журнал «День и ночь» — прежде всего журнал диалога. Он потому так и называется. Мы не уходим от полемики, от разных взглядов. Мы сталкиваем на страницах «ДиН» разные эстетические позиции… разные религиозные и политические взгляды сопоставляем. По-моему, сейчас очень интересная публицистика идёт. И Юрий

Александрович Беликов непосредственно к этой работе причастен. Мы даже как-то раз едва не пожали горькие плоды этих совместных усилий… но, мне кажется, в конце концов, очень удачно вышли из неудобной ситуации.

Но есть такие вещи, которые я не допускаю… Понимаешь, есть нормальная полемика, а есть — диверсия! Есть то, что в Интернете называют «троллями». Есть подлость. Есть предательство. Вот это уже за рамками того, чему я готова в журнале предоставить площадку. На наших глазах появился термин — вслед за вполне определившимся явлением — «русофобия». Кстати говоря, и «антисемитизм» тоже. Обе — категорически не приемлемые для меня точки зрения. Всё, что связано с огульными обвинениями людей по национальному, расовому и даже социальному признаку, — вне нашей готовности к сотрудничеству. Для себя, в своей внутренней речи, я это одним словом называю, объединяю в одно понятие. Для меня это и есть фашизм. Фашизма в нашем журнале не будет. Те люди, которые сейчас от журнала откололись, себя именно так проявили. И политически — крайне, и по-человечески непорядочно.

Ю.Б. Поговорим об интернет-пространстве! Я не хожу на «ФБ». Зарегистрировался там, да. Но, слава Богу, — забыл пароль. Никак не могу восстановить, и, видимо, что-то меня туда не пускает. Наш общий друг и сомысленник Миша Тарковский — он вообще там не присутствует. Понял, что это такая всеобщая раздевалка… Как говорили наши предки, невместно! «Где сто сердец, там сердца нету», — словно предчувствуя появление соцсетей, ещё где-то на излёте двадцатого века написал Игорь Шкляревский. Нельзя интимные, личные вещи на всеобщее обозрение выставлять! Мало вам электронной почты? Таково и наше телевидение сегодняшнее… Все эти ток-шоу… Это даже не подглядывание в замочную скважину. Если бы! Это публичное раздевание. Андрей Вознесенский когда-то заметил: «Конечно, спать вместе не стоило б… Но в скважине голый глаз значительно непристойнее того, что он видит в вас…» Это — в «скважине». Но ведь нынешнее телевидение и интернет-пространство — далеко не «скважины», а, скорее, совокупная «помойная яма», если вспомнить сравнение Александра Ерёменко по поводу старой девы, которая «в цветной телевизор глядит». Увы, «целомудренной» «скважины» давно не существует. Получается, Вознесенский предсказал творящуюся «Порнографию духа» (так называется его стихотворение)? Ощущение, что гомо сапиенсам стало не стыдно оголяться прилюдно. И в наготе и сраме разглагольствовать на весь Божий свет о наготе и сраме…

М.С. Ты совершенно прав. Но, понимаешь, я неофит «Фейсбука». Поначалу очень увлеклась. Теперь уже разочарована. Многие люди, которых я знаю, оттуда уходят. Но опыт этот был очень нужен. Потому что ты начинаешь видеть и понимать, что на самом деле происходит. Я там столько замечательных друзей нашла! Та же Лариса Николаевна, с которой мы день, ночь провели вместе… мы с ней несколько раз так… плотно беседовали, и очень многие вещи, которые я через «ФБ» поняла, она подтверждает. Она вообще не компьютерный человек. Она даже пишет рукой. Не на пишущей машинке. И вот — я начинаю ей говорить о людях, которых она знает лично, а я — только через «ФБ», и оказывается, что мы, в общем, одного и того же мнения придерживаемся. Удивительно созвучный мне человек! Такой изоморф, неожиданно открывшийся мне. Многих замечательных людей я узнала в Интернете. Но многие явились и в таком — вполне-таки «гоблинском» — виде. Причём тех, кто меня активно теперь не любит, гораздо меньше, чем тех, кто в результате проникся ко мне самыми добрыми чувствами и кто, самое главное, мне интересен.

Ю.Б. Ну и потом — многие там под никами пребывают. А если ты под ником, то, оказывается, способен на любую подлость и гадость… Это как в советские времена, когда я в «Чусовском рабочем», испытывая отвращение к самому себе, писал под псевдонимами про трудовые вахты в честь очередного съезда КПСС и взятые в связи с этим повышенные соцобязательства.

Чусовой — это совы на сучьях сосновых
над часовенкой совести в частых засовах —
вот Флоренция, Данте, моя.
Здесь на чьём-то слуху лишь мои псевдонимы,
те, что местной печатью усердно ценимы,
но писал эту кривду не я…

Этот мотив, кстати, и Астафьеву был очень близок. Когда в начале девяностых я гостил у него в Овсянке и как только заикнулся о «Чусовском рабочем», где довелось работать и ему («Очусовелый рабочий» — так он его называл), Виктор Петрович отреагировал более чем определённо. Сказал, что, конечно, газета его вытащила из грязи, конечно, приучила к каким-то азам. Но уже через год нужно было от этих азов отказываться, если ты решил стать писателем. И дальше он охарактеризовал свою журналистскую работу очень жёстко: «отучивал людей от добра, осквернял родное слово». Есть у него такая «затесь». И когда после окончания университета я пришёл в «Чусовской рабочий», то ловил себя на ощущении, что вынужден писать мёртвыми словами. Тогда я ещё не знал этого точнейшего

гумилёвского определения: «И, как пчёлы в улье опустелом, дурно пахнут мёртвые слова». Но всю пагубу работы с «мёртвыми словами» прочувствовал и даже считал себя врагом народа…

М.С. Слушай, ну как же это всё близко. Примерно в то же время у меня были такие стихи… Знаешь, замечательно, что мы начали стихи читать… это самое любимое моё состояние, когда в разговоре возникают стихи — не просто так читают все, как идиоты, по кругу, а стихи появляются репликами в разговоре… У меня вот такое было:

> О моя лебединая му́ка,
> Как мне, грешной, сравняться с тобой?
> Неужели такая наука
> Оборачивается судьбой?
> Я — послушница в Доме Ответа.
> У меня ещё не было слов.
> Что промолвлено мною и спето —
> Только чей-то случайный улов,
> Только горла глухое шуршанье,
> Только формы холодная жесть.
> Где предел моего послушанья?
> Что за этим пределом — Бог весть…
> Я ли, чёрная, глухонемая,
> Не имущая в мире стыда,
> Покаянной мольбой разжимаю
> Прокажённые эти уста?!

Тоже где-то конец восьмидесятых… Видишь, мы параллельно двигались в мире, одни и те же мысли в голову приходили… Вот это и есть для меня «собирание». Когда это всё не то чтобы к общему знаменателю приходит, а воспринимается как нечто целое… Целованье. Целокупность. Цельность.

Ю.Б. Но мы, вспомнив об эпохе псевдонимов, на время выпустили из виду нынешних персонажей незримого фронта — тех, кто живёт под никами…

М.С. А я таких вообще в друзьях не держу. Я общаюсь только с теми людьми, которые живут в соцсетях под собственными именами. Ну, это особая тема. Можно много об этом говорить. Когда у меня окончательно созреет решение покинуть «ФБ», я об этом опыте своём обязательно напишу. Там много интересных поэтов, которых я никогда не узнала бы, если бы не «ФБ»… есть ещё одна интересная вещь, мы называем это — «развиртуализацией». Когда ты реально встречаешься с человеком, знакомым по Интернету. Это удивительное переживание. Но — тоже… этого не может быть много. Это не может длиться бесконечно. В какой-то момент ты чувствуешь: всё, предел, можно уходить. Если не превращать это в наркотик, если для тебя это просто рабочий инструмент — ничего страшного в этом нет. Но есть люди, которые крепко на это подсаживаются и дуреют.

Ю.Б. А как тебе вот эта поляризация, которая пошла, например, по фронту ПЕН-клуба из-за событий на Украине? О чём она свидетельствует? Этакая лакмусовая бумажка, когда все сразу в свой цвет окрашиваются. В подлинный цвет. Я странно ощутил это даже среди тех, кого считал своими друзьями… Стало быть, заблуждался?

М.С. Хуже другие, Юрочка. Те, которые «никакие». Не красные и не синие. Серые. У них нет ничего. Никаких предпочтений, кроме собственного кармана, собственного благополучия. Всех благ земных, которые ими скоплены. К сожалению, достаточно много таких людей… я не могу назвать их друзьями, товарищами… просто знакомые… которые создают жизненный фон… их достаточно много и в моём окружении.

Ю.Б. Недавно я имел честь принимать участие в конгрессе «Русская словесность в мировом культурном контексте». Одну из секций мы вели вдвоём с Александром Городницким. Выступал Александр Минкин из «Московского комсомольца». Читал стихи покойного Александра Аронова, своего друга… А тема у Минкина была — «Недооценённые поэты». Хорошие — временами — стихи у Аронова. Слушали. Было любопытно. Но я задал Минкину вопрос — раз есть недооценённые поэты: «А кого вы ещё относите к этой плеяде? И более того — кого считаете „переоценёнными“?» Он замер, замолк… будто аршин проглотил… и вся его небезызвестная смелость как-то подозрительно стушевалась. Когда я Марине Кудимовой рассказал об этом, она подняла вверх большой палец своей августейшей руки! Но если бы я эти два вопроса переадресовал тебе?

М.С. Ну, про переоценённых… я, например, считаю, что Бродский сильно переоценён… я не являюсь его поклонницей. Он достаточно средний версификатор. Философия же его мне категорически отвратительна.

Ю.Б. Могу поделиться собственными ощущениями: в семьдесят девятом году Женя Бунимович передал мне машинопись стихов Бродского. Я прочёл и внутренне отметил их своеобразие. Но почувствовал: что-то это мне напоминает. И не что-то, а кого-то. Марину Цветаеву! Однако — в несколько вяловатом, разбавленном, тягучем виде. Ириска. Или конфета «Коровка». Потом убедился: Бродский сам признался, что Цветаева — его предтеча… То есть не невесть откуда он возник, а из поэтического чрева Марины Ивановны.

М.С. Темперамента Марины Ивановны Бродскому явно не хватило.

Ю.Б. Конечно! Он какой-то скучноватый, иногда даже амёбный. Не чета Леониду Губанову из грибницы «недооценённых».

М.С. Можно называть ещё имена… просто не хочется как-то принижать писателей — особенно после их физического ухода. Потомки разберутся. К тому же всегда вспоминаешь знаменитое кедринское: «У поэтов есть такой обычай — в круг сойдясь, оплёвывать друг друга…» Я-то вообще считаю, что в тех испытаниях, которые выпали на долю нашей страны в двадцатом веке, целая линия, цветущая ветвь русской поэзии, я называю её тютчевско-блоковской, была перерублена и ушла под землю. Перерубить культурную ветвь практически невозможно. Она рано или поздно прорастает! Но всё потомство этой ветви жесточайшим образом истреблялось… я сама себя в этом «холокосте» ощущаю… и всё то, что было совершено по отношению к ней, на собственной шкурке испытала. Могу назвать таких величайших поэтов, как Николай Шатров… гениальнейший… кто о нём знает? Роальд Мандельштам, о котором мы только недавно узнали… это только так вот — вспышками… а ведь сколько было!!! Сколько мальчиков и девочек, едва начинавших ощущать себя поэтами, просто было удушено… даже не потому, что они сознательно кем-то уничтожались, — а воздуха не было! Атмосферы не было, нечем дышать было! И в этом смысле я очень горжусь собой, потому что, несмотря на то, что меня не печатали и ругали и обзывали всячески… даже теперь… как тебе такие, например, «комменты»… «Ну надо же, редактор такого журнала пишет такие примитивные стишки?..»

Ю.Б. Что тут скажешь? «И — боже вас сохрани — не читайте до обеда советских газет…»

М.С. Я счастлива тем, что у меня есть нормальная земная профессия, и я всегда зарабатывала на хлеб насущный — именно ею. Это только последние восемь лет начала всерьёз ощущать себя профессиональным литератором в том смысле, что зарабатываю литературным трудом. Не сочинением, не собственно художественным творчеством, но занимаюсь литературой профессионально как литературный редактор, как писатель… даже заказных каких-то текстов… как человек, причастный к организации литературного процесса… Знаю, что наконец-то по-настоящему стала профессионалом. А что касается самой литературы как художества, то в этом я очень солидарна с В. П. Астафьевым: поэтом, прозаиком никого невозможно сделать, научить этому нельзя. Это или есть, или этого нет в человеке. Но это не избавляет одарённого человека от постижения ремесла. А постижение ремесла идёт на протяжении всей жизни. Человек набирает опыт, набирает мастерство. Поэтому нужно как можно больше читать… Астафьев говорил: читать даже не только то, что нравится, но чаще всего то, что тебе и не нравится.

Ю.Б. А вот по поводу мастерства… у меня есть другая байка. Мы, конечно, все мастерство приветствуем. Знаем мастеров — их не так уж мало и не так уж много… Много ремесленников, подмастерьев. Но я всегда говорю: есть мастерство — и есть «за-мастерство»… Как привести себя в состояние «за-мастерства»?! Когда ты делаешь заступ за то, что умеешь… Но заметь: лишь тогда получается нечто неожиданное для тебя и для читателей — единичное и непонятно откуда идущее… И вот таких «за-мастеров» в русской поэзии — точно по пальцам пересчитать.

М.С. Ну… тут, я всегда говорю, не форма притягивает содержание, а содержание порождает форму. Носитель серьёзного содержания, серьёзного духовного вызова — когда человек ощущает в себе Божье задание, Божью искру… это — мучительно! Боль страшная… уж ты-то, Юрочка, это знаешь прекрасно… когда оно трепещет в тебе и — не знает, как выразиться… оно будет мучить тебя, разрывать на части, пока не найдёт соответствующей себе формы. Это и есть творчество. Мастерство… Роден, помнишь, осколки стекла в глину подмешивал, чтобы не было так легко лепить… Конечно, когда ты овладел формой, она может лёгкостью своей реализации затмевать для художника его главную задачу. Настоящий художник — не… «многописец»… это как роды всегда. Это очень больно. Настоящее творчество с болью связано. Со страданием… с преодолением этого страдания глубокого… поэтому не может быть этого много. А когда этого много, как это нынешние потомки Бродского демонстрируют… три разных поэта присылают три разных рукописи — и ты видишь, что это как под копирку писано… вот… это огромная задача художника — Божий замысел осуществить через плоть… это иначе как через плоть и не может явиться. Высокое, страшное, невероятное, непостижимое является через «персть земную» — и никак по-другому не может явиться… от сотворения человека… искра Божия должна воплотиться во прахе… и Художник становится Богом, когда он — творит.

Ю.Б. Тогда, на твой взгляд, куда устремлён вектор современной поэзии? Какая линия в будущем должна в ней наиболее отчётливо прорисовываться?

м.с. Пушкинско-некрасовская. Казалось бы, два антагонистических крыла… Пушкин и Некрасов—что может быть более противоположно? Пушкин—всегда над схваткой. Он понимает прекрасно, что истина не может принадлежать кому-то одному.

ю.б. Разве «Клеветникам России»—над схваткой?

м.с. Никто не избавлен от жизненных ситуаций, когда шатается световой «столп», в который художник погружён…

ю.б. А Некрасов? Некрасов—как раз сплошное «Клеветникам России»…

м.с. Да, но это гражданственность, это патриотизм, это непосредственная принадлежность к сопротивлению… то, с чего мы начинали,—сопротивление злу. Когда эти две противоположные нити, противоположные тенденции входят в точку соприкосновения, рождается по-настоящему высокая поэзия. То, без чего никак нельзя. Я вижу: прямо на наших глазах это происходит.

ю.б. Здесь я с тобой немножко поспорю… Мне кажется, развитие поэзии, где нас ждут подлинные открытия, лежит в другой традиции, если уж говорить о традиции… Скажем так—тютчевско-анненской… Видишь, здесь мы почти не противоречим друг другу: ты определила обрубленную ветвь в русской поэзии как тютчевско-блоковскую. А я—в смысле рокировки—поменял Блока на Иннокентия Анненского. Почему—тютчевско-анненской? Потому что социум и его стихотворцы-адепты уже ничто не могут доказать. Мы наелись этого социума по самое «не хочу», навоевались. Лариса Васильева вчера читала стихи о любви… Они заканчиваются так: «Ни свободы, ни правды—любви»… Вот в какую сторону, видимо, пойдёт развитие… Хватит поисков «свободы и правды»! Земля со всеми её общественными институтами уже перестала быть весомым доказательством, и мы попросту устремлены туда, куда вынуждено будет устремиться человечество. Мы—не отсюда! Я спорю с тобой: мы не из праха земного! Мы—из праха другого. Потому что природа человека и природа Земли, как бы сказали учёные, не коррелируются, они разные. Понимаешь? Нам плохо, а природе фиолетово. Природе плохо, зато фиолетово нам.

м.с. То есть ты считаешь, что мы пришли «оттуда»?

ю.б. Да. И мы туда и уйдём.

м.с. Обязательно.

ю.б. Не туда, куда мы обычно привыкли уходить…

м.с. Понятно—в космос. Откуда пришли—туда и уйдём.

ю.б. И человечество уже туда устремилось! И не потому, что космос обсижен космонавтами и астронавтами. Существует глобальная ось координат, которую уже не скрыть, не согнуть и не обломить.

м.с. Я вообще считаю: то, что мы сейчас переживаем, случилось потому, что в нашем искусстве, в литературе победили пессимисты. Победила антиутопия. Ведь какие были потрясающие утопические проекты. Ефремов… ранние братья Стругацкие… но почему-то развитие человечества пошло по антиутопическому пути. Я верю, что мысль материальна, что духовное начало всё-таки преобладает,—здесь я с тобой согласна. И человечеству сейчас необходимо сосредоточиться и выработать образ—великий, прекрасный!—позитивный образ будущего, к которому человечество устремится. Пусть оно, это будущее, даже простирается где-то там, в звёздных мирах… да, мы туда уйдём, но всё равно пройдёт период кровавых, страшных противостояний, опасной болезни… мы пройдём через тяжелейшую болезнь, и явится такая поэзия, которая эту болезнь будет отражать и исцелять…

ю.б. Я припомнил: на том уже упомянутом конгрессе я должен был прочитать сообщение, название которого сформулировал так: «Почему красота не спасает». Но поскольку на секции критикессы Натальи Ивановой было тесно с докладчиками, а мне нужно было бежать на другую—поэтическую—секцию, я это сообщение так и не огласил. Итак, «мир красотой спасётся». Ты прекрасно знаешь это выражение из «Братьев Карамазовых». Его часто перевирают. Видел растяжку в центре Перми у рынка: «Красота спасёт мир». Как будто в насмешку повесили. А рядом—жульничают, обворовывают, обсчитывают. Пир плоти. Фёдор Михайлович, наверное, очень бы удивился, узнав, как современным обществом эксплуатируется эта его фраза. Тем не менее, хотел того Достоевский или нет, но своей «красотой, спасающей мир» или своим «миром, спасаемым красотою» он и по сей день искушает человечество, хотя этот посыл сорвался с уст одного из его героев, который, в свою очередь, припомнил, как сия фраза звучит в исполнении другого персонажа.

Вообще, «красота спасёт мир»—это утверждение. А «мир красотой спасётся»—предположение действия, некой работы. И всё-таки ещё в студенчестве, заканчивая филфак университета, я пришёл к иной формуле:

Отворю ли окно на лесок,
что в похмелье тумана вздыхает,
иль вдохну в себя целый цветок—
как красиво! А не спасает.

«По реке, отходящей ко сну,
как пощёчина, лещ ударяет…»
Напишу. Перечту. Зачеркну.
Как красиво! А не спасает.

Выходи на помост, красота,
если друг мой на грани обрыва
набухающей тучею рта
прогремел мне вчера: «Как красиво!»

Но цветёт, отстрадавши, земля
красотою такою несметной,
что её упрекнуть-то нельзя
никакою запиской предсмертной.

Я и сам не пойму, отчего
посреди просветлённого мира
угасает влюблённая лира,
двух красот нарушая родство.

Как Земли не найти на Земле,
так меня не ищите со мною.
Если был я всю жизнь не в себе—
это значит, что был я с тобою.

А где мне предначертано быть—
тосковала лишь форма пустая.
…Приезжай поскорей, дорогая,
меня с ложечки покормить.

Вот такое раннее стихотвореньице… о красоте не спасающей. Да и, собственно, Виктор Петрович Астафьев на сей счёт говорил. Вспомни его последнюю поездку по Енисею. Фильм об этом снят. Он больной уже… врачиха рядом хлопочет. А Виктор Петрович смотрит на воду—и такое сожаление в его голосе: эх, мол, сколько человечество понаписало мудрых книг—от Сервантеса до Толстого, которые не нам чета! А ведь лучше-то оно не стало…

м.с. Ничему не учимся…

ю.б. Я утверждаю: главным вызовом современности является не глобальный социально-экономический и политический кризис, а мировой кризис красоты! Друг мой, восклицавший «Как красиво!», наутро повесился в дровянике. Отсюда—«набухающей тучею рта…». Ладно—возьмём другой пример, самый элементарный. Люди—в театре, идёт пробирающая нутро пьеса, может быть, даже Юрия Полякова, зрители замагнетизированы. Полный катарсис, как говаривал Аристотель… Но вот уже длинная очередь движется с номерками в гардероб. Покуда ещё граждане стоят тихо-мирно, даже благодушно. Берут «по́льта», но уже последним хочется на воздух выйти первыми, и вот они начинают подпихивать друг друга. А коль вышли—напоролись на встречного, без всякого там катарсиса прошвыривающегося по «бродвею». И этот встречный грубо толкает вас в грудь. И вы, только что испытавшие катарсис, взвиваетесь: «Нарываешься?!» А у встречного меж пальцами страшное оружие зоны—«мойка». А в кармане «спасаемого красотою»—ножик. Дальнейшая картина не требует прорисовки. Отчего красота так быстро выдыхается—вот вопрос! И я везде нахожу приметы и признаки её исчезновения…

Во всяком случае, никто из тех, с кем мне довелось вести свои диалоги,—от Виктора Астафьева до Дмитрия Быкова или, если взять мир кино, от Павла Лунгина до Вадима Абдрашитова, не повторил вслед за неопределённым героем Достоевского, что «мир красотою спасётся». Допустим, Лунгин говорил о том самом парадоксе на фоне предполагаемого «спасения красотою», когда люди «машинами возят иконостасы, а потом топчут своих близких». Быков ответил слегка мудревато, но однозначно: дескать, есть ценности имманентные, а есть внеположные. И красота—ценность внеположная. И спасти она не может. А творчество, по Быкову, это форма спасения самого себя. Но не мира, не человечества.

Даже «главный достоевсковед» Игорь Волгин, устроитель того самого конгресса и президент Фонда Достоевского, ведущий телепрограммы «Контекст» на телеканале «Культура», то есть человек, с одной стороны, более чем телевизионный и присутствующий в «ящике Пандоры», а с другой—навек облучённый этой фразой: «мир красотой спасётся»,—в недавней своей поэтической книге «Персональные данные», тем не менее, пишет:

И во дворе, где с утра поддавал,
меряя граммы,
четырёхлетнюю тащит в подвал
зритель программы…

То есть телевидение, которое человеческую душу должно как-то просветлять, напротив, её растлевает… Но даже Бог с ним, с телевидением—я говорю о каких-то лучших проявлениях духа, о… высшем пилотаже! «Царь-рыба»… Отчего Виктор Петрович Астафьев был разочарован в конце жизни? Почему эпитафия его так звучит: «Я пришёл в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощание»? Помнится, Курбатова резанули эти слова. И он в противовес всегда приводит другое астафьевское реченье—про «светлую осень». Понимаю Валентина Яковлевича. Он глубоко православный человек, и грех уныния

для него неприемлем. Но, так или иначе, вирус «не спасения красотой» пронизывает наше бытие… И отсюда мои внутренние глубокие разочарования — в том числе в творчестве как таковом.

«Красота спасёт мир» — это удобная форма прикрытия неисправимой природы человечества и его несовершенств. Значит, не «красотой мир спасётся». А чем? Быть может, с помощью той самой «ложечки» из концовки моего стихотворения. Например, «ложечки», с которой жена Маша кормила Евгения Александровича Евтушенко, когда тот оказался в госпитале имени Бурденко с последствиями серьёзной травмы. Был на грани жизни и смерти…

М.С. В том, что ты говоришь, — и отсутствие ответа принципиально, и ответ. На такие вопросы можно ответить только художественным творчеством. Только произведениями. Я поняла давно: есть такие темы, которые не обсуждаются — та́к вот, логически… и даже не надо этого делать никогда! Есть такие темы и идеи, которые можно реализовать только в художественных образах. Больше никак. Только через художественный эксперимент.

Ю.Б. Да, но в целом мир не может спастись красотою. Красотою могут спастись единицы.

М.С. Спасётся человек, который рядом! А рядом с этим человеком ещё кто-то.

Ю.Б. Прежде я бы с тобой согласился, а сейчас считаю это иллюзией. Спасётся автор. Может быть. Я думал раньше, что цель творчества — это… если вспомнить Пастернака: «не шумиха, не успех». «Самоотдача». Отдача — куда? Кому? Я, как и многие, свято полагал, что вот эта «самоотдача» может преобразить мир. Сегодня я считаю, что в лучшем случае слово, которое тебе даётся, есть способ борьбы не только со злом в пространстве и времени, но и со злом, которое в тебе самом, в творце… Причём — в каждом творце. Потому что в нас не только добро, но и зло, ибо природа человеческая — не ангельская… Никита Михалков в своём «Манифесте просвещённого консерватизма» пишет о том, что необходимо «признать природу человека греховной»… Не могу с этим не согласиться.

М.С. Конечно. Но это всё… мы возвращаемся к началу нашего разговора… моё «сшивание», собирание — именно с этим и связано. Потому что пока мы совсем одиноки, сидим каждый в своём углу — мы и переживаем такое. А когда ты понимаешь, что ты не один, не одна, что есть масса людей, бесконечно интересных, сильных духом, которые могут противостоять злу… Избавиться от зла невозможно! Потому что всё постигается через противоположность. Господь Бог сам создал Сатану! Он же сам его создал!

Ю.Б. Кстати, у Эдуарда Лимонова есть интересная, выламывающаяся из его привычного контекста книга. Называется «Иллюминаты». Там проводится мысль, что Люцифер — любимый сын Бога.

М.С. Именно! Вся философия исходит из этого. Начинаешь читать Лосева — и слышишь: всё начинается с Единого, но оно не постигаемо без противоположного. И Единое само создаёт «меон» так называемый, себе — иное, другое… это вечный круговорот, вечная борьба. Всё постигается через иное. Всё обязательно порождает противоположность. Это такой совершенно естественный процесс. Для меня самое главное — гармония мира. Когда всё уравновешено. Когда всё находится на своём месте. Это женское, конечно, мироощущение. Круг. Тогда и есть хорошо! А когда одна из половинок начинает перевешивать, начинается болезнь. Но это неизбежно. Этот конфликт, эта болезнь — неизбежны. Это — достижение точки бифуркации, необходимого роста. Растёт ствол дерева, достигает определённой точки — и какое-то время болит это место, разнонаправленные импульсы в нём какие-то, движения, а потом раз — и возникают две ветки… потом ещё и ещё… и возникает дерево… не зря ведь дерево — один из важнейших символов мира… корни — ствол — крона… и эта бесконечность процесса: цветение — плодоношение… потом плод падает… гниёт… оставляет зерно в земле… и всё начинается сначала… бесконечность процесса… когда ты занимаешь пушкинскую, верхнюю точку — ты понимаешь, что всё нормально.

Ю.Б. Я понимаю, что пушкинская точка зрения может удержать человека у «бездны мрачной на краю». А может и не удержать. Удержать может другое — например, страх Божий. Может быть, и мир не «красотою спасётся», а страхом Божиим?

М.С. Помнишь великое пушкинское: «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботах суетного света он малодушно погружён… молчит его святая лира, душа вкушает хладный сон, и меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он»? Он бывал — ничтожным. Он бывал на среднем уровне понимания простейшей политической задачи державника-государственника, как это было в тридцатые годы. Но он знал точку высокого парения, когда весь мир представал перед ним с высоты Божьего откровения. Это и есть та точка, к которой стремится каждый поэт, если он поэт. Потому что это и есть его единственное предназначение. Истина как раз в том, что она не существует у кого-то. Это то, что постигается

всегда только в присутствии врага. В каком-то из последних номеров «ДиН» за минувший год мы публиковали стихи современных наших поэтов, посвящённые Украине. И есть там одно дивное стихотворение Геннадия Миронова «Сон о мёртвом брате» — враг предстаёт в нём в образе брата. Человек, уничтожая врага, стреляет фактически в самого себя. Потому что если ты один, если ты всегда и во всём прав, то тебя как бы и не существует. Нет зеркала, в котором ты отражаешься. И это — при всех наших болезненных толчках, движениях, муках, вражде, ненависти, готовности растерзать друг друга: мы всё равно живём в круглом гармоничном мире. Я думаю, справится наша планета со всем этим. Но не просто так, а через нас. Через нашу суету, через боль, через страдания, через переход на новую ступень… преодолеем эту точку бифуркации — и двинемся дальше… туда куда-то — наверх… к листве, к цветам, к плодам, которые рано или поздно снова упадут на грешную землю.

ДиН стихи

Александр Логунов

Нет ничего заманчивее слова

● ● ●

Размыто время. Ночи напролёт
беседа наша, как река, течёт,
но вот изгиб, нежданный поворот —
водоворотом — откровений вечер.
Там, в тихом омуте моих противоречий,
темна вода, темна и голодна,
и надо поскорей коснуться дна,
поддонной тяге не переча.
Сберечь усилье для движения простого —
рывок, и — в сторону, запомнив лишь одно:
опасно плаванье такое. Но…
Нет ничего заманчивее слова
и ничего изменчивей песка,
и, может быть, пройдёт немного дней —
дно станет глубже, тяга холодней,
и сил не хватит, чтобы выплыть снова,
для одного последнего рывка…

А может так, тиха в ночи река,
одежды сохнут у огня большого,
и вдруг единственное слово
само слетает с языка.

● ● ●

Завершено кружение. Сосуд
готов. Я рассекаю пуповину,
от круга отделив сырую глину,
и бережно в руках его несу.

Несу, одолевая искушенье
разбить не знавший обжига предмет.
Всё мнится: совершенной формы нет,
и суть не та, и всё не так в скудельне.

Порой недостаёт огня в крови,
чтоб набело творить, без исправленья.
Увы, не в нашей власти вдохновенье,
так дай, Господь, терпенья и любви.

Да будет! Новый день, звени, играй!
Сверкай сосудом новоиспечённым!
Да помним: чем теперь его наполним,
то и прольётся после через край.

Виталий Пырх

Дети войны? Да нет, её пасынки…

Впервые я услышал про «детей войны» лет десять назад, во время поездки на свою историческую родину. Сидели мы с сестрой на кухне в её запорожской квартире и жадно расспрашивали друг друга о житье-бытье: моём—в Сибири, её—на нашей с ней общей Батькивщине.

И тут мне попалась на глаза кипа квитанций по оплате коммунальных услуг за квартиру.

— И что вы тут, интересно, платите?—потянулся я к ним.

И как оказалось, платили мои земляки за коммунальные услуги по сравнению с Красноярском смехотворно мало. Ну, за электроэнергию—это ещё понятно, рядом был Днепрогэс, он хоть и меньше вшестеро нашей Красноярской станции, но по-прежнему находился в государственной собственности, а все эти сказки о якобы более эффективной работе частных предприятий по сравнению с государственными стали уже надоедать.

Но газ! Он-то почему обходится на Украине в несколько раз дешевле, чем в России?

— Так это я ещё не оформила документы на получение звания «детей войны»,—сказала сестра.— Кучу справок надо собрать, всё некогда. Но спасибо Юльке, побеспокоилась за нас…

«Юлька»—это, понятное дело, небезызвестная всем «газовая принцесса» Украины Юлия Тимошенко, бывшая в то время премьер-министром страны, по инициативе которой, собственно, и был принят закон о социальной поддержке так называемых «детей войны». К категории которых на Украине были отнесены все граждане республики, родившиеся с 1935 по 1945 год. А это, как вы понимаете, несколько миллионов человек. Опалённых войною, с искалеченным детством…

Но откуда на Украине на такой закон нашлись деньги? И почему он до сих пор не принят в России?

К сожалению, сестры моей больше нет, ушла из жизни, так что вопросы эти я буду адресовать не ей, а красноярской власти, в преддверии нынешнего года принявшей наконец-то и в нашем регионе меры социальной поддержки тех, кого мы относим к «детям войны». Правда, ограничив их число только теми состарившимися уже «детьми», отцы которых не вернулись с войны. Что тут же раскололо и так не очень-то консолидированное наше общество, выплеснув обиду на страницы краевых газет. Но для начала несколько личных отступлений.

Оговорюсь сразу, я свои отношения с государством с младых своих лет выстраивал так: ему от меня—всё, что смогу, а мне от него не нужно ничего. Во всяком случае, до тех пор, пока ходят ноги, двигаются руки, работает голова… Поэтому даже сейчас, практически разменяв уже восьмой десяток, я продолжаю трудиться и что мне для жизни требуется—добываю сам.

Более того. Хотя в новых российских экономических реалиях в это трудно поверить, но я и квартиры свои, которые мне это государство предоставляло для работы, исправно ему возвращал обратно: Красноярск—шестой регион в стране, где я живу. Причём освобождал я эти квартиры даже с известными издержками для себя—приходилось возмещать ЖЭКам за так называемый косметический ремонт. Где четыреста, а где и пятьсот рублей…

Люди старой эпохи, которые ещё помнят запах «ленинских» денег и которые работали зачастую, как уже упомянутая мною родная сестра в Запорожье, за восемьдесят рублей в месяц, знают, что́ на такие деньги можно было тогда купить, как знают и то, сколько существовало всевозможных лазеек (законных и не очень), чтобы квартиру оставить за собой. Можно было прописать на ней родственников, а можно было такое жильё банально продать.

Рынок жилья существовал в нашей стране всегда, и при желании я могу это легко доказать.

Но я свои квартиры добросовестно возвращал государству, аккуратно архивируя получаемые при этом справки, и делал это не где-нибудь в Козульке, а в таких вполне приличных городах страны, как Челябинск, Запорожье, Воркута…

Как-то в разговоре в одном обществе я ненароком обмолвился об этом и тут же получил оплеуху в ответ: тоже, мол, нашёл чем хвастаться! Знаем мы вас, журналистов, и то, как вам эти квартиры доставались! Что легко приходит, то не жалко и отдавать…

Ну не скажите… Я изрядно поездил по стране, вдоволь наобщался со своими коллегами по журналистскому цеху (а в том же СЖ СССР в советские

времена состояло аж семьдесят тысяч человек!) и могу утверждать: лично мне подобные случаи неизвестны. Хоть и разными путями, но квартиры такие (ведь это было обычное, а не служебное жильё!) всё-таки «прилипали» к рукам их прежних владельцев.

Мимоходом отмечу и другой не менее примечательный факт: когда в 2001 году в Центральном районе краевого центра мне вручали, как северянину, пенсионное удостоверение и попутно, «на всякий случай», предложили записать ещё и «нужные» для получения социальной поддержки телефоны, то я от этого отказался наотрез.

— Помогайте тем, кто в этом нуждается, кто не может работать,— сказал я.— А я, слава Богу, пока что со всем управляюсь сам…

Словом, ничего мне лично от краевых властей не надо, тем более что и обозначенные в краевом законе о «детях войны» так называемые льготы у меня, как у федерального ветерана труда, имеются в том же объёме. Но вот обида и горечь от принятого краевыми депутатами закона, разделившая нас на «своих» и «чужих», появилась и у меня. Заставляя снова и снова возвращаться в те уже далёкие времена…

Почти треть своей взрослой жизни я проработал на Крайнем Севере, где год шёл за полтора, так что тот период, который практичные немцы называют Gesellschaftliche-nutzliche Arbeit (общественно-полезный труд), приближается у меня к шестидесяти годам. Думаю, что не у многих чиновников во властных краевых структурах такой же долгий послужной список.

Но не это главное. Есть и ещё одна сторона моей жизни, мало зафиксированная документами. Родился я в самом начале 1944 года, когда левобережная часть Запорожья была уже занята нашими войсками, а правый берег Днепра и остров Хортица ещё удерживались немцами. После неудачной попытки форсировать в октябре Днепр с ходу и понеся огромные потери, наши передовые части окопались на крутом речном берегу и накапливали силы для очередного броска на запад.

Так что хотя первые полгода своей жизни я провёл во чреве матери в немецкой оккупации (а правы, на мой взгляд, японцы, которые ведут отсчёт жизни человеческой не с момента рождения, а с момента зачатия), то рождался я всё-таки не под крики рожениц, а под артиллерийскую канонаду. Потому и относил всегда себя к «детям войны». Даже в стихах, написанных полвека назад, писал об этом так: «Дитя войны, взрослел я рано…»

А как же иначе? Ведь в день моего рождения, 22 января (а рождение, как и смерть, расписаний не признаёт), вовсе не повивальные бабки, а засевшие на противоположном берегу Днепра немцы принимали роды: они обнаружили неподалёку от родильного дома тринадцатого посёлка, что на Вознесеновской горе в Запорожье, где я и появился на свет, видимо, плохо замаскированное пулемётное гнездо наших и стали накрывать его миномётным огнём. Матери потом рассказывали, что во дворе роддома насчитали после обстрела семнадцать воронок от разрывов мин.

И если я не «дитя войны», то кто же я тогда?

А ведь именно эти обстоятельства и предопределили моё отношение к войне: я долго не мог, когда вырос, смотреть без слёз документальную хронику на экране — видимо, впитал с молоком матери весь её ужас от происходящего в те дни рядом.

А что касается отца, то да, он вернулся с войны живым, встретив великий праздник Победы в Западной Австрии, дойдя туда с боями. А потом вместе со своей дивизией, по дороге в Японию, несколько месяцев провёл в Сибири, между Канском и Нижнеудинском, пока не наступил окончательный мир. И в конце 1945 года вернулся обратно домой, в лежащее в руинах Запорожье, гремя десятком солдатских медалей, три из которых — «За отвагу».

Но знают ли наши краевые депутаты, какой он встретил, придя с войны, мою мать?

В штопанной-перештопанной юбке, сшитой из холщового мешка для картошки, в деревянной обувке, сделанной моим дедушкой. (Для этого бралась обычная дощечка с крепкой полотняной петлёй, куда и продевалась нога. В нашей семье она называлась «шлера» Иди, мол, и надень «шлеры». Я их хорошо помню…) Да и жили мы все в земляной норе, в землянке, вырытой прямо в грунте, на горе неподалёку от Днепра,— дедушкин дом был разбит при обстреле.

Выкручивались как могли. Ели, например, когда было что, из дюралевых ложек и мисок, которые тот же дедушка смастерил из остатков сбитого ещё в сорок первом году советского истребителя, долго лежавшего на днепровском песке, пока мы, пацаны, не растаскали его по домам.

Литровая кружка из того памятного «кухонного гарнитура» продержалась в нашем доме дольше всего, вплоть до семидесятых годов…

Помню, как вскоре после войны на Украине разразился голод, и наша семья бежала из Запорожья на хутор ко второму, по отцу, дедушке. Мои старший брат и сестра уже ходили в школу, а я каждую ночь с ужасом прислушивался к звукам за окном, пытаясь не пропустить конского топота. И каждый раз резкий стук кнута в оконное стекло заставал меня врасплох: это подъезжал верхом на коне к дому бригадир и поднимал мать на работу. Было примерно четыре часа утра, и мать, охая и ахая, что-то там причитая, быстро вставала, собирала меня, и мы с ней бегом отправлялись на улицу, где нас уже ждала набитая заспанными

тётками подвода. На ней мы добирались в поле или колхозный сад, чтобы с первыми лучами рано восходящего солнца приняться за работу: прополку свёклы или кукурузы, сбор яблок или груш…

Конечно же, мать моя, работавшая за «палочки» (трудодни), ни в каком колхозе не состояла, мы были городские, на хуторе жили временно, но таким было то суровое время: раз живёшь на земле, то и обязан трудиться. Так что уже с трёх лет я помогал своей матери: таскал в кучу сорняки, носил воду, укладывал в ящики фрукты…

И вот теперь, когда я вспоминаю всё это, становится не по себе. Разве мы не помогали друг другу, разве делились на категории, разве не действовали все вместе? Конечно же, и тогда, в те суровые времена, не все жили одинаково, и то же сливочное масло, например, я впервые попробовал лишь в тринадцать-четырнадцать лет—до этого знал вкус только сливочного маргарина. А первую одежду «для меня» мои родители смогли купить, когда я уже учился в седьмом классе,—до этого я ходил в школу в перешитой матерью одежде отца или старшего брата. И первое в жизни «зимнее» пальто у меня появилось только тогда, когда я устроился на работу после окончания металлургического техникума, хотя и на Украине случаются довольно крепкие морозы.

Словом, всем тогда было и холодно, и голодно, и вряд ли наши депутаты слышали, например, про такое кулинарное произведение, как затирка. А ведь это моё любимое в детстве блюдо, и могу поделиться рецептом. Для приготовления затирки кипятится вода, куда постепенно вливается разведённое до жидкого состояния тесто. Оно сворачивается в кусочки, а затем в бульон добавляется жаренный на капле подсолнечного масла лук. Вот и всё, затирка готова. Осталось только налить её в солдатский котелок—отцовский подарок с войны, взять у матери ложку и выбежать с этим богатством к пацанам на улицу. Объедение!

Несколько десятилетий спустя, уже работая на северах и хорошо зарабатывая, я в один из приездов к себе домой в Запорожье попросил мать приготовить мне затирку.

— Да ты её есть не станешь!—засмеялась она.

Но приготовила. Но то ли действительно вкусы поменялись, то ли сам я стал другим, но затирку есть я не стал.

Наверное, правы были древние греки: нельзя дважды войти в одну и ту же реку…

Однако и это простенькое блюдо было после войны в нашей семье большим лакомством: питались мы в основном кукурузой. Из неё моя мать готовила лепёшки, варила кашу, стряпала пироги, начинённые крапивой.

Я и сейчас закрою глаза—и вижу перед собой эту картину: бегает по стенке деревенской мазанки отблеск от каганца (сплюснутый противотанковый патрон, в который вставлен фитиль,—керосиновые лампы появятся в наших домах позже, когда страна отряхнётся от руин). К скамейке прикреплено специальное, похожее на мясорубку, устройство, в которое я, трёхлетний пацан, один за другим вставляю кукурузные початки, а мой старший брат вращает ручку, и острые металлические зубцы «лущилки» сдирают с них зерно.

Его мать вместе с сестрой, вращая два каменных жернова, тут же превращают в грубую, но такую спасительную для нашей семьи кукурузную крупу.

И так жили после войны многие, подавляющее число людей. В Сибири, возможно, было чуток полегче, всё-таки рыбалка, охота, собирание ягод и грибов в лесу, но война есть война, и она затронула всех. Зачем же нас сейчас делить на разряды?

Привожу все эти, может быть, и не очень интересные подробности лишь для того, чтобы показать: и в тех семьях, в которые вернулись после войны отцы, жизнь была не сахар.

И всё-таки я понимал, как же мне повезло, что у меня был живой отец! И когда мы вернулись в Запорожье и я пошёл в первый класс, то помню, как моя первая учительница вдруг задала вопрос: «А ну-ка поднимите, дети, руки, у кого дома есть отцы?»

И руки подняли девять человек, хотя в нашем классе обучалось более тридцати. И, увидев это, я гордо огляделся по сторонам: вон, мол, какой я молодец, у меня отец вернулся живым с войны…

Дурак был, что и говорить…

Но сейчас, нередко вспоминая те времена, пытаюсь осмыслить по-новому происходившие события, и вот что пришло в голову: а что бы сказал мой отец, узнай он о нашем краевом законе, принятом на исходе минувшего года? Думаю, что гмыкнул бы, по своей привычке, а потом с издёвкой произнёс: «Та це воны ще шмаленого вовка не бачылы…»

Попробую объяснить. Я уже заканчивал первый класс, когда весной 1952 года (ещё жил Сталин!) в нашей школе старшеклассниками был поставлен самодеятельный спектакль, посвящённый военной тематике. Что-то там про партизан. Ещё не все завалы в городе были разобраны, не все заводы восстановлены, а тут раздобыли где-то настоящее немецкое обмундирование, винтовки, каски (этого добра тогда ещё хватало), пригласили на спектакль родителей. И школьный актовый зал был забит до отказа.

Но стоило только начаться действию и появиться на сцене немецким оккупантам, роли которых исполняли переодетые в форму вермахта старшеклассники, как в разных уголках зала началось движение. Люди вскакивали с мест, махали руками.

Как оказалось потом, пережившие войну женщины, увидев на сцене немецкую форму, тут же падали в обморок, и их выносили на воздух. Одну, вторую, третью…

Спектакль пришлось отменить.

Вот таким оказался «шмаленый вовк» для тех, кто пережил ту страшную войну. Такой оказалась у народа память.

Или другой пример, и тоже пережитый лично. Лет десять спустя меня призвали в армию, и перед отправкой за границу я прошёл под Николаевом, на речном берегу Ингула, курс молодого бойца, принял присягу. А затем нас построили в колонну и из летних лагерей повели в сторону городского железнодорожного вокзала, где уже стояли готовые под погрузку пассажирские поезда.

Набралось нас всего, наверное, тысяч пятнадцать-двадцать, и многокилометровая колонна вытянулась до самого горизонта. Но по мере приближения к городу мы стали замечать, что что-то вокруг неладно. Появился какой-то странный и непонятный гул. Все городские тротуары по нашему маршруту были плотно забиты людьми, которые нам протягивали для передачи разные разности — кто пирожок, кто бутылку вина, кто мороженое.

Но бóльшая часть горожан стояла на тротуаре и… просто плакала. Некоторые пожилые, как мне тогда казалось, женщины рыдали навзрыд. Больше такого в своей жизни я не видел нигде.

Потрясённые, мы поначалу пытались отшучиваться: с чего, мол, такие «мокрые» проводы? Впереди нас ждут Германия, Польша, Венгрия, мир посмотрим. Зачем плакать? Вернёмся же обязательно!

Но потом, придавленные этим общим горем, общей бедой, присмирели и шли на свои поезда в гробовом молчании. Прекрасно уже понимая, что эти людские слёзы связаны даже не с нами, а с памятью о войне, которая катком прокатилась по этим местам и которую люди никак не могли забыть.

И вот теперь меня пытаются убедить, что были пострадавшие в ней больше, а были и те, что не очень… Так, пересидели, мол, за мамиными юбками или отцовскими штанами.

Легко, конечно, написать на монументе, что никто не забыт и ничто не забыто, но так ли всё однозначно в этой жизни?

Около трёхсот советских воинов-героев, например, совершили в годы великой войны этот подвиг — закрыли своими телами вражеские амбразуры, обеспечив тем самым пусть и тактический, но успех батальона, роты, взвода. Но кого мы из них помним, кроме Александра Матросова?

А что чувствуют при этом родственники остальных героев, сделавших то же самое? Об этом мы как-то не думаем или же стараемся не думать.

Не думаем мы и о тех лётчиках, которые направили сбитые врагом самолёты на немецкую бронетехнику или колонны, а таких за годы войны тоже набирается около полусотни. Помним одного Гастелло. Какое нам дело до остальных?

И вот уже одни «потерпевшие» становятся дороже, на них государство тратит и внимание, и деньги, а остальные «пахари войны» как бы уходят в тень… Разве это справедливо?

А будь моя воля, я бы всех «матросовцев» — поимённо! — занёс бы не только на бронзовые скрижали, но и в школьные учебники — в назидание потомству. И всех последователей Гастелло тоже. Да и штурмовавших рейхстаг советских солдат и офицеров — разве только Егоров и Кантария были героями?

Ну, стали бы на несколько страниц школьные учебники толще — разве бы это нас разорило? Почему в той же болгарской Плевне все русские воины, погибшие за освобождение Болгарии, поимённо перечислены на барельефах, а мы своих забываем? Негоже это, уж простите за откровенность.

Понимаю, что ступаю на очень опасный и скользкий путь, но и молчать не могу, особенно в такой год, как нынешний, в год 70-летия Великой Победы. В последний юбилей, когда ещё можно будет увидеть живых участников войны. По-моему, за годы ждановско-сусловского агитпропа в нашей стране возникли труднообъяснимые перекосы, когда речь заходит о знаковых событиях в её жизни, и не только касаемо войны. Удобнее, а может быть, и дешевле для государства иметь дело с раскрученными, как сказали бы сейчас, брендами, чем с общей массой народа.

И если речь, например, заходит о самых обездоленных детях войны, то это, как правило, непременно Ленинград. Там в концентрированном виде собралось всё: и холод, и голод, и все остальные военные ужасы.

Но это так и не так: к счастью или к сожалению — уж и не знаю как, но жизнь всегда сложнее, чем кажется на первый взгляд. Да, что тут говорить, хлебнули лиха дети блокадного Ленинграда, сто двадцать пять граммов суррогатного хлеба в день — это действительно ужас. Но только разве детям Сталинграда, а их оставалось в осаждённом и превращённом в пыль городе несколько десятков тысяч, было легче? Или скажем так, более дипломатично: намного ли было легче?

«Там» крошки, но всё-таки хлеба, а «тут», на берегу Волги, по килограмму смертоносного свинца каждый день и на каждую человеческую душу. И никаких тебе «дорог жизни», никаких путепроводов по дну Ладожского озера, никаких эвакуаций в глубь страны…

Нет, я хочу, чтобы меня поняли правильно: я снимаю шляпу перед подвигом ленинградцев, несмотря ни на что отстоявших свой город и показавших всему миру непоколебимую решительность славянского мира. Но мне и за сталинградских детей обидно! Почему-то они оказались

забытыми, хотя у нас, как известно, никто и ничто не забыто…

Почему у нашего государства за семьдесят лет мирной послевоенной жизни не нашлось денег для них? Или я просто об этом не слышал?

Зато я стал свидетелем одного памятного вечера в Воркуте, когда, оттрубив десять лет на подземных работах в тамошних шахтах—за измену Родине в годы войны, в главный городской ресторан «Москва», где я сидел со своими приятелями, зашёл одетый в промасленный ватник и перепачканные угольной пылью сапоги человек. Чтобы «обмыть» только что полученный в военкомате орден Красной Звезды.

Оказалось, что это бывший лётчик, который, будучи в немецком плену—его штурмовик сбили над территорией врага, всё же умудрился потом как-то угнать у немцев самолёт и перелететь на нём через линию фронта.

Однако, на своё несчастье, у своих он попал на слишком бдительного смершевца и вместо Золотой Звезды Героя за свой подвиг, а за всю войну таких было всего девять человек, и все они стали героями, получил десять лет воркутинских лагерей. Якобы за попытку перебежать к врагу.

— Вот ты мне скажи, корреспондент,—топтал он во хмелю полученную почти четверть века спустя за свой геройский поступок награду.—Кто мне теперь вернёт эти годы?

И я не знал, что ему ответить…

Зачем же теперь, в мирное время, принимать законы, которые разъединяют, а не объединяют людей? Делают одних полноценнее других?

Ну чем провинились перед страной те же военные дети, которые в силу своего возраста сейчас нуждаются в помощи и в поддержке? Тем, что у них отцы живыми пришли с войны? Они что, хуже от этого работали?

Говорят, что закон этот принят в губернаторской редакции и краевые депутаты просто сочли для себя невозможным выступить против первого в регионе лица. Ох уж эта холопская привычка во всём и везде полагаться на барина! Всю жизнь с нею боролся, например, наш великий земляк—Виктор Петрович Астафьев, постоянно цитируя того же Некрасова, а она и не думает никуда деваться. Теперь вроде бы никого не расстреливают, да и в тюрьмы не сажают—чего бояться? Что потеряешь доходное место, станешь таким, как все?

Так любые перемены, сужу по своему опыту, всегда ведут только к лучшему. Вроде бы боялся потерять должность, а потом окажется, что её нужно было бросать ещё несколько лет назад…

Да и губернатору нашему не худо бы присмотреться повнимательней к своему окружению: не исполнителей надо подбирать для работы, а соратников. Тогда, глядишь, меньше станет у нас в стране и банкиров-недоучек, и министров-профанов… Исполнители хороши лишь в обслуге…

Пишу это и понимаю, что вот-вот раздастся раздражённый голос: ну хорошо, вот ты такой умный, а что бы ты сделал на нашем-то месте? Денег-то в казне нет!

Отвечаю. Конечно же, я не идиот и понимаю, что танцевать нужно от печки, то есть исходя из возможностей. В том числе и финансовых. А они в Красноярском крае аховы, и во многом как раз благодаря не людям, живущим здесь, а руководителям-варягам, приезжавшим в регион поправить своё материальное или какое-то там ещё положение. И коль на поверку мы так бедны, намного беднее других регионов страны, где не добывают ни уголь, ни нефть и где не растёт лес и не ловится рыба, то я бы, например, ситуацию с теми же «детьми войны» разрешил так. Честно сказал бы народу, что денег пока на всех нет, но «никто не забыт, и ничто не забыто». Будет и на вашей улице праздник! (Кто доживёт…)

А пока давайте посмотрим на действующий в нашем регионе закон о поддержке вдов Великой Отечественной войны, поистине каторжным трудом которых в том числе мы и накормили в своё время армию, и восстановили страну. Да и результатами которого пользуемся до сих пор.

Но много ли осталось их, этих вдов? Время ведь неумолимо!

А ведь у многих из них были дети, ставшие сиротами. И которых надо было поднимать, надо было растить. А делать это в одиночку, конечно же, труднее, чем в полноценных семьях.

Вот мы и дополним действующий закон, позаботимся о таких детях сейчас. А потом придёт очередь и всех остальных…

Ну кто бы, скажите мне, поднял руку против этого? Кто бы выступил против сирот войны?

Я, например, никогда… Потому что не в силе Бог, а в правде, и правду эту народ чувствует в первую очередь.

А завершу я свои не очень-то весёлые размышления ещё одним экскурсом в свою журналистскую практику. В начале семидесятых годов, сразу после окончания факультета журналистики Уральского госуниверситета, я, плюнув, как обладатель красного диплома, на свободное распределение и заманчивое приглашение поработать в сочинской «Черноморской здравнице», рванул на северá (там труднее!) и вскоре в качестве специального корреспондента республиканской газеты впервые попал в заполярную Воркуту. С заданием от редакции подготовить очерк о бригадире очистного забоя комбината «Воркутауголь» Иване Игнатьевиче Сорочинском. Уже стоявшем «в очереди» на присвоение ему звания Героя Социалистического Труда.

Одновременно Сорочинский был ещё и депутатом Верховного Совета СССР — тогдашнего парламента страны.

Так вот, приезжаю на шахту, договариваюсь с начальством и никак не могу выйти на своего героя. По графику бригада Сорочинского отдыхает, у неё выходной, а сам он почему-то всё время в забое, в чужом коллективе. Зачем?

День проходит, второй — никакого результата. Наконец отлавливаю «виновника торжества» и прямо в нарядной участка хватаю его за грудки:

— Что за дела, Иван Игнатьевич? Люди ваши отдыхают по домам, а вы почему-то работаете, да ещё с чужой бригадой… Почему?

— Да понимаешь, — замялся бригадир, — я несколько дней назад вернулся из Москвы — сессия Верховного Совета была. И хотя по закону для меня это оплачиваемые дни, я, как только был избран депутатом, решил для себя: никаких поблажек в работе, всегда буду со всеми наравне. «Пропустил» день по депутатским делам — потом обязательно его отработаю. Пусть и не со своей бригадой, но отработаю. Не хочу, чтобы в коллективе пошли разговоры…

Ну как было не написать про такого человека в газете?!

Потом, продолжая собирать материал о нём, я несколько часов просидел в депутатской комнате Воргашорского поссовета, где Сорочинский вёл приём. И тщательно протоколировал проблемы, с которыми люди обращались к народному избраннику. Кому-то требовалось помочь в устройстве на работу, кто-то просил жильё, а кто-то просто приходил в депутатскую комнату пообщаться после работы…

— И не надоедает вам вся эта канитель? — спросил я его. — Скажите мне честно: а что вы имеете от всех этих трудов?

— В смысле денег? — удивился Сорочинский и с хитрецой, как и положено настоящему хохлу, улыбнулся. — За моё депутатство мне доплачивают ежемесячно десять рублей…

Десять рублей! При его-то месячном заработке в полторы тысячи, а то и больше!

— Да, но нам ещё один раз в пять лет выдают в Москве во время сессий талоны на покупку пыжиковой шапки, — обиделся Сорочинский. — Её мы приобретаем, правда, за свои деньги, но по талонам…

Вот я и хотел бы спросить нынешних депутатов, и не только Законодательного собрания Красноярского края: а принимали ли бы вы людей в свободное от работы время, решая их проблемы (после тяжёлой смены на шахте, заметьте!), за десять рублей в месяц?

Или: как там у вас насчёт пыжиковых шапок? На всех хватает?

То-то и оно…

Грустно всё это, господа!

ДиН ревю

Александр Орлов

Время вербы

Москва: «Вест-Консалтинг», 2015

● ● ●

Из восстающей золотистой груды
Летящей, веселящейся листвы
Явились, словно вещие волхвы,
Могучие и кроткие Лихуды.

И в окруженье омертвелых луж
Ведут к ним водянистые полоски,
В них — прошлого скупые отголоски
И неуёмность православных душ.

Два брата на гранитном постаменте
Так вдумчивы, печальны и щедры,
Над ними — звёзд сияющих ряды,
Как титры на небесной киноленте.

● ● ●

Не помня леденящего ущерба
И как враждует сивая пурга,
Взирая на кармазые снега,
Цветёт у Новодевичьего верба.

С молитвами торговые старухи
На рынках, у метро, на площадях
Соцветьем белым изгоняют страх,
И от гордыни вымирают духи.

Я видел, стоя от людей в сторонке,
У храма, возле самого крыльца,
Как оживил могучего слепца
Заезжий плотник, сидя на ослёнке.

Евгений Чигрин

В горчичном дыме

Если вы спросите молодого литератора, где сегодня обитает поэзия, ответ будет предсказуемый: в Интернете, фейсбуке, литературных сайтах и блогах.

Про книжные магазины и лавки вряд ли вспомнит в первую очередь... Может быть, именно потому в поэтической модели мира у молодых авторов практически никогда не возникает имя Павла Васильева? Этого не происходит, поскольку его, легендарного, вырванного из жизни пулей пролетариата поэта, редко можно заметить на просторах Сети. Что касается книжных изданий, то здесь ситуация несколько иная: несмотря на наше непоэтическое время, Васильева издают. Издают немало. И не только в России. Но особенно хочется сказать о роскошном издании Международного клуба Абая «Клятва на чаше» (Алматы, избранные стихотворения и поэмы), вышедшем тщанием библиотеки журнала «Аманат».

Отступление 1

Порою сложно припомнить, в какое время и когда ты познакомился с тем или иным автором. Особенно если он становится частью тебя, твоей повседневной жизнью. Бывает и по-другому: ты отчётливо, даже в деталях, помнишь, где и как...

Так у меня произошло много лет назад с Васильевым. Один стареющий дальневосточный литератор мне, молодому человеку, в ответ на мои восторги по поводу Блока и ещё кого-то, в некотором подпитии вышепнул: вот послушай! И словно выдохнул:

Четверорогие, как вымя,
Торчком,
С глазами кровяными,
По-псиному разинув рты,—
В горячечном, в горчичном дыме
Стояли поздние цветы.

Соединить в одной строфе—вымя, рты и цветы! Но самое главное—вот это, что «убило» меня одним поэтическим выстрелом: «в горячечном, в горчичном дыме»! Это вошло в меня всем словарным составом, звукописью, нервом, суггестивным драйвом, как сказали бы теперь! Да что там!.. Так слегка позже раз и навсегда в меня входили барочная печаль Александро Марчелло (фильм «Подранки» помните?), жёлтое Ван Гога, таитянская экзотика Гогена, паузы Евгения Баратынского, поздние стихи Петра Вяземского, виолы и лютни Марена Маре и Джона Доуленда... И все эти сокровища мира нельзя потерять, их не отнимут никакие санкции. Так же, как не вычеркнуть степь, которая хотела быть воспетой Павлом Васильевым, и сегодня даже нет смысла рассуждать: она его нашла или он задышал ею во всю мощь поэтических лёгких.

Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!..

...А для меня в ту дальневосточную пору открылся поэт, рассказавший мне о своей любви к Галине Анучиной, для которой «с покатых крыш церквей, казарм и тюрем слетают голуби и облака»... А выходя на коду, поэт пишет: «Устали звёзды говорить о Боге, и девушки играли в волейбол». Вот так запросто Васильев соединил высокое библейское с каким-то банальным волейболом, и это работает посейчас. А ещё было знаменитое экспрессивное и лирическое стихотворение «Евгения Стенман», особенно пробивавшее тогда в связи с моей острой влюблённостью (в него поэт «затолкнул» и Майн Рида, и «тифозную весну», и краснознамённые звёзды, и небо, которое опрокидывается над влюблёнными...):

Эти горькие губы так памятны мне, и похоже,
Что ещё не раскрыты глаза, не разомкнуты руки твои;
И едва прикоснёшься к прохладному золоту кожи—
В самом сердце пустынного сада гремят соловьи...

Осыпаются листья, Евгения Стенман. Над ними
То же старое небо и тот же полёт облаков.
Так прости, что я вспомнил твоё позабытое имя
И проснулся от стука весёлых твоих каблучков.

Кстати, наверное, только в молодости можно проникнуться тем, как больно и жгуче поэт пишет о ревности, как в его любовных строфах пробивается нежнейший поэтический эротизм: «И руки, чуть локтей повыше, во тьме кромешной целовать».

Примерно об этом же заметил и Евтушенко: В стихах Павла Васильева есть избыточная роскошная телесность кустодиевско-малявинской

живописи: «В очах апостольских—туманы, и у святых пречистых дев могучи груди, ноздри пьяны и даже губы нараспев!»

А какие вкрапления аллитерации допускал он в своих длинных стихах и поэмах!

Вот навскидку:

Захлёбываясь пеной слюдяной,
Он слушает, кочевничий и вьюжий,
Тревожный свист осатаневшей стужи,
И азиатский туркестанский зной
Отяжелел в глаза её верблюжьих.

Или, например, так:

Деревянная щука, карась жестяной
И резное окно в ожерелье стерляжьем,
Царство рыбы и птицы! Ты будешь со мной!
Мы любви не споём и признаний не скажем.

Читать такие стихотворения вслух—наслаждение!

...Ну а теперь самое время возвратиться к книге, вызвавшей эти строки и воспоминания... Составители включили все основные поэмы поэта. Всего шесть лет понадобилось автору, чтоб создать этот внушающий свод поэм. Сколько здесь типажей и характеров—зримых, притягательных и антипатичных, мужественных и даже свирепых... Вообще, наверное, в каждом герое таится частичка поэта, скрывается та живинка, которая делает эти поэмы читабельными до сих пор. Оговорюсь: конечно, не все строфы и даже поэмы сегодня читаются на одном дыхании. Многое, на современный взгляд, кажется лишним, небрежным... Но иначе и быть не могло. Жизнь Павла Васильева оборвалась в двадцать семь лет. Он был в постоянном поиске нового звука, нового способа самовыражения. Он выбрал трудный путь в поэзии. Но ведь и древние Востока говорили: *прекрасное—трудно!*

Издатели, собирая книгу, показали произведения, связанные в первую очередь с Казахстаном. И это правильно. Васильев—поэт России и Казахстана. Хотя и киргизским образам он отдал должное... Евразийский поэт. И всё-таки дыхание Иртыша, жизнь Павлодара, Семипалатинска, Кустаная, размашистый бег коней-пегасов—просвечены его солнцем, захвачены его ветрами, напоены его хмельным кумысом... Это его кочевники пьют под навесом, это его лирический «брат держал в руках своих могучих чашу с пенным, солнечным вином». Когда-то Сергей Залыгин написал: «Во всей Западной Сибири павлодарские степи—одно из самых унылых и однообразных мест, но для Васильева это золотая россыпь».

Отступление II

Несколько слов об оформлении. Некоторые издания Васильева «украшены» работами замечательного русского художника Павла Кузнецова, который, как известно, работал в Азии и сумел передать тысячелетнюю историю восточных народов в тончайших живописных работах. Такова «Бухарская серия», оригинальная «Киргизская сюита». Почему-то принято считать, что его картины близки поэтике Васильева. На мой взгляд, это не совсем так, ибо работы Кузнецова статичны... застывшие полотна как бы «призывают» к неспешному созерцанию, каждый кувшин, каждая капелька воды имеют значение. А поэзия Васильева—острая, динамичная, наполненная образной силой, всё время говорящая об изменениях жизни. Мы постоянно чувствуем дыхание двух культур—русской и казахской: беспощадные звери, сказочные персонажи переплетены с жизнью казачества, с революционным бытом, драматизмом, энергией! Так вот: в данном издании помещены работы (не известных широкой публике) павлодарских художников.

И несмотря на то, что я любые картины считаю излишним украшательством для издания поэзии (тем более Павла Васильева), с использованием этих работ можно согласиться и оценить их.

Ну а теперь опять в тему моих заметок. В тему книги. Перед самой смертью Бориса Пастернака к нему обратилась вдова Васильева с просьбой написать о поэте. В связи с реабилитацией поэта возникла необходимость восстановления его (хотя и посмертно) в Союзе писателей. Некоторые знакомые и даже приятели отказались заняться этим... А Пастернак написал немедленно. Вот его строки: «В начале тридцатых годов Павел Васильев производил на меня впечатление приблизительно того же порядка, как в своё время, раньше, при первом знакомстве с ними, Есенин и Маяковский. Он был сравним с ними, в особенности с Есениным, творческой выразительностью и силой своего дара и безмерно много обещал...»

Что сказать под занавес? Наверное, вот что: вплоть до начала девятнадцатого века всякий художник сам смешивал себе краски. Кстати, и сегодня в Венеции любой жаждущий может прийти в особый магазин и купить себе пигментов из мешочка и «заварить» по-своему. Вот так и Павел Васильев смешивал нам свои поэтические коллизии с ветрами, степью, полётами птиц и опрокидывал небо на «скрипучие кровати» влюблённых...

Ян Бруштейн

На лике убывающей луны

Цикада

Красным сбрызнута серая ветошь заката,
Волны зло и отчаянно лупят в причал
Там, где я их стихами не перекричал,
Воздух пряный и сладкий, как будто цикута.
Но слышна эта кроха, ночная цикада,
Заливается, словно в начале начал,
Как бы мир ни состарился, ни измельчал,
Всё же блеяньем вторит овца из закута.

Отвечает ей птица из горнего дыма,
От которого тает глухая вражда,
Даже если бездонна и непримирима…

И не пробуй дремать под шуршанье дождя,
И не ври, что все стрелы истории — мимо,
И не жди, что спасёшься, во тьму уходя.

Музыка в Плёсе

А воздух музыкой дрожит…
Тогда оставь и дом, и быт,
Скорее навостри колёса
Сквозь листьев жёлтую пургу
Туда, где ждёт на берегу
Бездымное пространство Плёса,
Туда, где зарево осин,
Где только Левитан один
За Волгу смотрит — и не слышит,
Как до-ре-ми-фа-соль по крышам —
Не дождь, а Моцарт озорной,
За ним Чайковский — боль и зной —
Спешат, и слышно за спиной,
Как музыка живёт и дышит!

Покуда можешь — ты дыши,
Короста облетит с души,
Как листья с дерева глухого,
И можно зиму перемочь,
И бестолочь перетолочь,
И музыки дождаться снова…

Мы молча ехали домой,
В туман такой, что Боже мой,
Ни неба, ни земли, ни века,
И только призраки берёз,
И только мир летел вразнос
Уже почти без человека.

Шалтай-Болтай

Шалтай-Болтай… Трагический разлом:
Когда Шалтай проходит напролом,
Сжимает сердце слабому Болтаю!
Он тих и робок, он — читатель книг,
Когда Шалтай несётся напрямик,
Душа сквозит, от этой боли та́я.

Кто я? Скорее — книжник, стихоплёт,
Но всё ж туда, где плющит или прёт,
Меня уводит ярость кочевая.
Тогда кричу я небу: «Погоди,
Услышишь, как стучит в моей груди
Неистовая мельница Шалтая!»

И пусть за фалды держит слабый брат,
Мои лохмотья тают и горят,
Под ними тяжким грузом зреют латы.
Растай, Болтай! Ведь ты, как шёпот, чист…
А на разбойный, неспокойный свист
Мой конь летит, тяжёлый и крылатый.

● ● ●

Ну вот и всё, погас и облетел
Осенний день, привычно суматошный.
Небесный волк, пока что злой и тощий,
Грызёт луну, и нет важнее дел.
Ещё вчера я пялился в тоске
На жёлтый блин, повисший над забором,
И город надрывался птичьим ором,
И билась жила на моём виске.
На лике убывающей луны
Уже видны следы слепого мрака…
Но тише, тише, спит моя собака!
Луна, и волк, и я — всё это сны.

● ● ●

Лето выбрало самосожжение…
Опалённые пятки грозы
Так сверкают, что громы ружейные
Нынче кажутся тише в разы.

А рассветы охотничьи — длинные,
А в тумане — тревога да жуть…
В небе тянутся семьи утиные,
Им до осени не дожить.

Прохожий

Старый плащ случайного прохожего
Так лоснится, словно маслом за́лит.
Выживут сегодня толстокожие,
Толсторожие, мне так сказали.
Это тайна за семью печатями:
Со своей любовью и гордыней,
Со своими снами и печалями
Никому мы не нужны отныне.
А прохожий, в коже цвета чайного,
Бельмами в мою уткнулся спину…
И, похоже, не совсем случайного
Встретил я сегодня гражданина!

Двое

Старик, старик, опять попал впросак…
Не надо строить из себя героя!
Тебе не друг я вовсе и не враг,
Нас просто — двое.
Когда идём по берегу беды
За умным, но неспешным разговором,
Не отвечай мне, просто так бреди,
Мы выйдем скоро
На волнорез, где сны и рыбаки,
Где трупы рыб и чаек жадный танец,
Где сгинешь ты, и только взмах руки…
Один останусь.

● ● ●

Всё началось, потом — случилось,
Потом закончилось, увы,
Поскольку жизнь — такая милость,
Что не сносить нам головы.

Мы были влюблены, нелепы…
Я всё храню, всё берегу,
Когда от этой боли слепну
На коктебельском берегу.

Каменотёс

Каменотёс мастеровит,
Но землю трогает устало.
Не стройте храмов на крови —
Не хватит камня и металла.
Солдаты там, где горький дым,
Дыханием придут и болью,
На этом выгоревшем поле,
Под небом тихим и седым,
Водою талой,
Зарёю алой,
Росою малой…

● ● ●

Там, где улица моя деревенская
Поворачивает круто на юг,
Разлилась тоска такая вселенская —
Даже птицы от неё не поют.
Петухи молчат, как будто зарезаны,
У соседа сдохла бензопила…
Нынче улица скупая и трезвая,
Никогда она такой не была.
Наши псы сегодня злы и взъерошены,
Только нюхают парок от земли.
Дай нам, Боже, хоть чего-то хорошего…
А по небу — облака, корабли…

Дели Гёль

Мы шли Тилигульским лиманом,
Мы гнали дырявый баркас,
И мир за туманом был странным,
И птицы кричали на нас.

А друг мой скучал по Одессе,
Он пел про Приморский бульвар —
Фальшиво, но всё же как в детстве,
Как будто бы счастья урвал.

И буйное озеро это
Щадило нас, сколько могло,
Но всё же безумные ветры
Под утро разбили весло.

До берега мы не доплыли,
Без нас остывает наш дом,
Забыли мы страшные были
И беды, что будут потом!

● ● ●

Ходить мне с дудкой крысолова
И ждать, пока за словом слово
За мною выстроятся вслед,
Но понимать, что песни эти
Наутро сгинут в Интернете,
Как будто не было и нет.

И в этом цифровом болоте
Вы никогда нас не найдёте,
По следу или без следа,
И только знаков череда,
И только эхо на излёте,
И только мёртвая вода.

Иван Купреянов

Устроитель праздника

• • •

Первый—танцует, второй—напивается,
третий—сидит один.
Господи, как же кабак называется?
Что тебе в этом, сын?
Небо прозрачное, облачко пепельное,
сломанный снеговик.
В юности ты ведь не слушал «Led Zeppelin»,
это потом—привык.
Дугообразная грязь вырывается
прямо из-под колёс.
Господи, как этот мир называется?
Куда ты меня завёз?
Думаешь, здесь проживает осознанно
где-то моя любовь?
Спятивший Ницше и сбрендивший
Розанов…
Сколько стаканов кофь?
Медленно-медленно движется по небу
выросшая луна—
нету движенья того неуклоннее,
если сидишь у окна.
Где-то в Танжере—другие реалии.
Славное слово—Танжер.
Тут же—инжир, тренажёр и так далее.
Господи-акушер,
братика нашей планетке надо бы—
маленьких мы—храним.
Будем его развлекать и радовать.
Будем смотреть за ним.
Дети не слышали слова «Косово»
или там—про Вьетнам.
Ешьте малиновое, абрикосовое.
Гречку—оставьте нам.
Хоть забывать о судьбе человечества—
глупое дело, но
ведь и творить её—детям—нечего!
Лучше—смотреть в кино.
Вот уж луна проплыла за деревом,
скоро уйдёт за дом.
Спутник надёжный, спутник—проверенный.
Вéдом—или ведóм?
То ли подбадривает—то ли дразнится
(я никак не пойму).
Хуже всего—устроителю праздника.
Хуже всего ему.

• • •

Прибрежные льдины и камни прибрежные—
в прошлом.
И ты обгоняешь людей и уходишь вперёд.
Вперёд прорубаешься в душном, бездушном
и пошлом,
не дожидаясь, пока совсем разотрёт.
И ты оставляешь, мои города оставляешь,
мои города—на меня, на мои города.
И ты понимаешь—последнее, что понимаешь:
большая вода. Впереди—большая вода.

• • •

Помни счастливые номера.
Помни считалку—двенадцать строк.
Солнце ложится спать
до утра,
ногами на запад,
головой на восток.
Выбрать чего-то легко, когда
полная пустота внутри.
Слушай, решайся скорее, да?
Выбери и бери.
Выбери город, который снег.
Выбери вечер, который страсть.
Жаркого прошлого больше нет.
Как же туда попасть?
Мекка моя, полынья моя,
рунное слово из старших рун.
Не к кому—я
понимаю.
Я,
в сущности, не колдун.
Имя, подложка, дощатый пол—
в щели проваливался свет,
пара монет упадёт под стол—
и не найти монет.
Помни счастливые номера,
помни считалку—двенадцать строк.
То, кем ты будешь ещё вчера,—
завтра ты быть не смог.
Деревья воюют с пустотой в вышине.
Дорога целует реку.
Проведите, проведите меня ко мне—
Я хочу видеть этого человека.

● ● ●

Всё забывается. Даже черты лица.
Мыло забыло руки, которые мыло.
Лету и пробке, казалось, не будет конца.
Да и тогда меня мало что торопило.
Ира уже уехала. Навсегда.
Бизнес ещё только в стадии бизнес-идеи.
Думаю, мне хотелось колы и льда.
Колы и льда — чтобы грызть его, цепенея.
И флиртовать с незнакомкой в пустом кафе:
как-нибудь по-голливудски и очень мило.
И полюбить её. Навсегда. Вообще…
…этого не было? Да только это и было.

● ● ●

Автомобиль, состарившийся в профиль,
профыркался — и как бы тишина.
Картонка, надпись маркером: «картофель».
И осень. И похоже, что весна.
И яблоки, громадный штрифель детства,
к стеклянным небесам прикреплены…
Ну чем тебе не повод оглядеться:
лишь раз ты видишь вещь со стороны,
а после, в памяти, ни разу или редко,
всплывают образы. И знаешь, в этом — соль.
И яблоко, сорвавшееся с ветки,
о плитку чмокает — и лопается вдоль…

● ● ●

Ночь. Улица. И я иду домой.
Мне холодно. И мне уже под тридцать.
И так огромность неба давит тьмой,
что хочется к чему-то прислониться.
И я не знаю, в общем-то, к чему —
к забору, женщине, работе — или к Богу.
Когда-нибудь, конечно, я пойму,
ботинками нащупаю дорогу.
Дождь застревает в волосах берёз
вне логики, вне времени, вне места.
Сырой асфальт в мои ступни пророс.
Ночь. Улица. А далее — по тексту.

● ● ●

Господа офицеры, смирно!
Будет счастье и в нашей роте.
Терпкий запах хлебно-имбирный
Из бакалеи напротив.
И хорошие честные люди.
И хорошее честное имя.
Будут дети — и солнце будет —
будет светить над ними.
Чтобы домик, и все здоровы,
палисадник, старенький «volvo»…
Мы когда-то родимся снова.
Господа офицеры, вольно!

● ● ●

Далеко — это просто абстракция.
Далеко самолётик летит.
Далеко орбитальные станции
потихонечку сходят с орбит.
Далеко есть Большая Медведица,
только что́ мне до этого — ведь
есть одно далеко, что мне бредится
и не можется преодолеть.
Что пока мы два разных сознания —
между ними положен раздел.
Я люблю тебя. Сквозь расстояние
наших тесно прижавшихся тел.

● ● ●

Если бывает гражданской жена —
бывает гражданским тесть.
Сколько мы выпили вместе вина?
Ящиков, может, шесть.
Летом на даче цветёт сирень.
Тихо скрипит гамак.
Что-нибудь делать ужасно лень.
Преф? Да, пожалуй, так.
Я не любил обсуждать футбол.
Я не терпел простоты.
Тихо скрипит деревянный стол.
Тихо растут висты.
Тихо распался гражданский брак.
Сердце кипит другой.
Видимо, снова — пожалуй, так —
не заслужил покой.
Что-то вчера не спалось до зари.
Вспомнил слова — его:
с возрастом у людей внутри
разрастается ничего.

● ● ●

Вкусный прохладный воздух.
Радостная вода.
Вкусное — то, что временно.
Тонко. Не навсегда.
Жвачка теряет свежесть.
Падает воздушный змей.
Если немного любишь —
время терять не смей.
Скоро наступит лето.
Значит, сейчас — весна.
Чудо — такое чудо:
ты для меня важна.
Кружит песчаный вихрь —
вот он уже утих.
Эти часы над дверью —
ты не смотри на них.

Ольга Никитина

Вся жизнь—любовь

Свечи погасли

Чем измеряется Любовь?
Жизнью и смертью.
А толкованье вещих снов—
Звездами мерьте.

Так провожают корабли
На самом краешке земли,
И стынет росчерком любви
Строчка в конверте.

Слова остывшие со щёк
Память уносит.
Чем удивит судьба ещё—
Вряд ли нас спросят.

Включают нимбы фонари,
И говори не говори—
В душе тоскуют сентябри
До новых вёсен.

Соединяем сотни слов
В притчи и басни,
Чтоб было всё, в конце концов,
Просто и ясно.

И вряд ли нужно нам беречь
В душе ожоги прежних встреч.
Игра давно не стоит свеч—
Свечи погасли.

● ● ●

Вся наша жизнь—Любовь.
О чём ещё писать?
О чём так много слов
живёт на белом свете?
Мой главный адресат—
все те, кого люблю,
кого в душе храню
и за кого—в ответе.

Что лёд хрустальных числ?
Что плюсы полюсов?
Чем ноль богат и чист
пред лирикой и Лирой?
Пока живёт Любовь,
я верю в чудеса,
в наш вечный детский сад
между войной и миром.

Не погаснет

Мне не жалко себя.
Что за дело—всю жизнь это тело беречь?
Тело вовсе не храм, а копилка болезней и страсти.
Мне не жалко огня.
От свечи загораются тысячи свеч,
И огонь наших душ никогда ни за что не погаснет.

Я улыбкой делюсь,
От улыбки и правда на свете светлей,
И от радости малой рождается новое счастье.
Я шагаю на плюс—
Этот вектор мне прочих указок милей.
Мой маяк среди жизненных бурь никогда не погаснет.

Мне так хочется жить,
Чтоб любить всё вокруг, всех на свете людей,
Чтобы сделать наш мир хоть немного ясней и прекрасней.
Смерть меня не страшит.
Жизнь—всего лишь одна из смертельных затей,
А звезда над порогом моим никогда не погаснет.

Да не все слова

Говорила—да не все слова.
Досыта кормила хлебом спелым.
На заре вечерней тихо пела
То, о чём и думалось едва.
Молва…

Обнимала—да не до утра.
Обещала—свечи не гасила.
Берегла для новой жизни силы,
Не впускала в окна, в двери страх
И мрак…

Рисовала—взглядом по стеклу—
Всё лучи да радуги над горкой.
А когда уж очень было горько,
Рисовала мокрый синий луг,
Белуг…

Отпускала—да не навсегда.
Уходя—надолго не прощалась.
Мне любовь—не жалость и не шалость.
Кровь моя—что талая вода.
Года…

Белые стихи

Медвежий ковш спустился к горизонту
над белым сонным заоконным Понтом,
где дивные снега в ночи лежат
и падают… А что там из ковша
рассыпалось по всей земной округе
в пленительном мерцающем испуге?
Какая россыпь звёздных мотыльков
украсила предутренний покров?

В порхании танцующих снежинок
и нежных вздохах бледных хризантем,
средь кружева тропиночных прожилок,
не топтанных пока ещё никем,
натешится вселенская тоска!
Да что за блажь — в других местах искать
судьбу свою? Неужто мне так горько,
настолько тошно, чтобы это всё,
включая и моё житьё-бытьё,
смогла я позабыть и враз оставить
вот здесь, под этой странной белой горкой,
навек заколотив свой взгляд и ставни?..

Висит туман, и жизнь моя идёт,
как белая ладья средь чёрных пешек
и прочих важных клеточных фигур,
ведущих постоянно жизнь-игру…
А на ладье плывёт мой стихоплёт
урочищем серебряных насмешек
и музыку волшебную поёт.

Не спит мой старый лес, стоит, молчит
в покое изумительного транса.
Да кто из нас не пострадал в ночи
под музыку Вивальди или Брамса?..
(Под Моцарта — ну можно ли страдать?)
Ни следа нет, ни шёпота, ни ветра…
Какая тишина и благодать!
Пространство белизны, потоки света…
Такого не увидишь в городах,
да я и не видала никогда.

Какие наши годы? Ерунда!
Нам жить и жить! и ждать повсюду чуда —
оно возьмётся просто ниоткуда
и распахнёт любовно синий взгляд.
И скажет чудо: «Как же я вам рад!»
В ответ ему: «А я-то как Вам рада!»
И будет глаз бездонная услада…
И станет дольше века длиться день…
И башмачки со стуком будут падать
в скрещенье наших выцветших судеб…
Крещенье для мороза — не везде,
а только здесь, где белые растенья
и вечный убелённый пешеход
под сонным снегопадом ввысь бредёт,
как ангел, без звучания, без тени,
как будто ниоткуда в никуда,
пока не станет чудом навсегда…

Идёт, летит на свет скиталец звёздный.
Иди, лети вперёд, романтик поздний…
А раннего-то — кто его поймёт
и в классики ни разу не запишет?
Ну разве только к вечеру Всевышний…
Белы слова… Искрится лунный мёд,
и медленно уходит ввысь дорога,
правее чуть, почти на полвторого,
где хризантема белая вздохнёт.

Расскажи мне

Расскажи, где ты по свету маешься?
С кем ты водишься, с кем улыбаешься?
Как летят твои дни
Далеко от моих
И когда мы с тобой повидаемся?

Расскажи, как живётся, как дышится?
Как поётся и как тебе пишется?
Расскажи, как в ночи
Сны твои горячи
И шуршит под подушкою книжица…

Расскажи, как мечты не сбываются?
Как желанья в песок превращаются?
И сгорают в печи…
Говори, не молчи,
Если любится, если прощается.

Не твоя ли печаль

не твоя ли печаль заблудилась в ночи
и не выйдет никак из поникшего сада?
не моя ли беда поутру не молчит,
всё велит облакам опускаться, и падать,
и струиться по венам холодным дождём,
и мечту обольщать обещанием лживым?..

мы друг к другу уже никогда не придём.
мы не умерли, нет… только вряд ли мы живы.

Игорь Тюленев

Преображение

Преображение Господне

Убогий и скорбный на вид,
Без пышных одежд и злачёных.
Не будет царём, как Давид,
Плодить фарисеев учёных.

Он всходит на гору Фавор,
И трое восходят по следу.
Их облак объял, как шатёр,
И радость пронзила планету.

Дела Твои, Боже, чудны!
Из облака вышел Светилом!
Как можно достичь белизны,
Не прибегая к белилам?

Лицо превращается в Свет.
Преображенье Господне.
Его среди нас уже нет.
Среди нас Христа нет сегодня.

Отныне Он в наших сердцах,
Что верят Христу безгранично.
И Слово цветёт на устах
И мир украшает привычно.

Господь нам родней, чем родной!
Пусть наши враги измельчатся.
И люди от славы земной
Отныне к небесной стремятся.

• • •

Рощи выбежали к насыпи
Рельс послушать перезвон.
Словно золотые россыпи
Света — с четырёх сторон.

Ранней осени ущербность
Красит листья в жёлтый цвет.
«Эту чахленькую местность»
Русский описал поэт.

Сколько бы его другие
Ни пытались обогнать,
Их цветочки полевые
Будут за ноги держать.

Комарово

Налево Псков, направо Выборг,
На слух слова звучат басо-о-ово…
Но у меня всегда есть выбор —
Я выбираю Комарово.

Перед калиткой голый веник,
Которым, если постараться,
Сметёшь поэтов муравейник
Через сосновый лес до станции.

Любая подойдёт погода,
Когда кипит стеклянный чайник.
Велик в любое время года
Поэтов и небес Начальник!

Над ухом тренькает синичка,
Срезает бровь сухая ветка.
Стучится в Питер электричка,
А Муза в дверь стучится редко.

• • •

Не пропал покуда голос,
На душе не сиротливо.
И серебряный мой волос
Плещет золотом отлива.

Возраст осени от лета
Отличается листвою.
Жизнь моя — судьба поэта,
Я люблю её такою.

Небо — словно лист калёный
Побежалости высокой.
Отлепился лист кленовый
От светила, желтобокий.

Перевить снопами света
Мир вселенской красоты!
Это родина поэта —
Знаю я, и знаешь ты.

Будь он умный или дурень,
Кем его назначил Бог,
Как Есенин или Бунин,
Защитит он русский слог!

Анатолий Вершинский

Несоловьиные песни

Строфы

Пожизненно

Гоните мысли, скользкие, как слизни,
что якобы земной никчёмен путь.
Предавшие себя повинны жизни,
чтоб вид свой прежний, божеский, вернуть.

Супруги

К нам судьба щедрее, чем собес:
испытанье шлёт за испытаньем…
Я не обещал звезду с небес.
Сам — не дотянусь. Вдвоём — достанем.

6 августа

Не вынести этой подлянки
без сотни наркомовских грамм:
бомбили Японию янки,
а санкции Токио — нам.

Замкнутый круг

Земля кругла, история циклична.
Свидетельствую — видел самолично:
преумных от придурков только шаг
порою отделяет… Как-то так.

Кипрей в урочище Аибга

Иван-чай — и на Кавказе иван-чай
(и не надо говорить: «плакун-трава»).
Чай, Иван укоренился крепко. Чай,
Джонни с Гансом не придут качать права…

Междометия

Мне свойская речь дорога́.
Мне любы «угу» и «ага».
«Ага…» — пригрожу я врагу.
С любимой воркую: «Угу».
А смежное слово «агу»
для детушек я берегу.

Наследственность

Всего на четверть украинец,
я в детской памяти сберёг,
как лучший бабушкин гостинец,
малороссийский говорок.

Таких, как я, в России много.
Мы держим ярость на замке
и лишь о мире молим Бога
на православном языке.

Полно таких и в Украине,
прослывшей «Руською землёй»,
хотя они таятся ныне,
боясь расправы над семьёй.

А те, кто натовским эсминцам
на черноморском рейде рад,
принадлежат не к украинцам,
будь сам Кобзарь им сват и брат.

У отщепенцев нет отчизны,
но вот отец, конечно, есть —
жестокий, лживый и капризный,
сменявший Божью честь на месть.

Сова

Из блога издателя учебников

Я спозаранок в офис еду:
я с долей жаворонка свыкся.
Мне только б не уснуть к обеду
у монитора в позе сфинкса.

Друзья-поэты ближе к музам:
то глянут вскользь, то исподлобья.
Но их внучат подтянут к вузам
не чьи-нибудь — мои пособья.

Я отсыпаюсь в воскресенье.
Кладу «андроид» в изголовье,
чтоб записать спросонок пенье —
не соловьиное, а совье.

Молитва

Перед памятником княгине Ольге в окружении апостола Андрея и свв. Кирилла и Мефодия на Михайловской площади в Киеве

О святая равноапостольная великая княгине Ольго,
не твой ли скоропалительный подвиг Русь от распада спас?
Мы тоже умеем ездить быстро—жаль, запрягаем долго…
Моли, первоугоднице, Бога о нас!

О святые равноапостольные Мефодие и Кирилле,
не вы ли дали разноголосым услышать Божий глас?
Не железом и златом—властью Слова славян покорили.
Молите, просветители, Бога о нас!

О Первозванный апостоле Христов Андрее,
на Киевских горах ты видел, как воссияет Спас!
Нам бы твоё прозренье, чтобы жить умнее, бодрее…
Моли, страстотерпче, Бога о нас!

Мы сцепились у края пропасти—не выпасть из мёртвой сцепки:
даже перекреститься не сможем в последний час.
И всё же, всё же: Святый Боже, Святый Крепкий,
Святый Бессмертный, помилуй нас…

Вежливые Командоры

Что же творит с Одессой-мамой людская злоба?
Матушку-государыню вздумали вновь свергать.
Если не защитят живые—мёртвые, встаньте из гроба!
Ведом путь: по солдатским костям пролегает гать.

Встань, дунайский герой Дерибас—идальго Хосе де Ри́бас,
встань, инженер, архитектор Одессы Франц Деволан.
Это вашу гавань морской прибой омывает, зыбясь.
Быстро вы обрусели с немкой, исполнившей русский план.

Встаньте, Григорий Потёмкин и Зубов Платон; отвагой
первый из вас отличился в битвах, второй—при дворе.
Но!—Царице вы оба верно служили сердцем и шпагой.
В бронзу войдя—с теми двумя вкруг Ея замкните каре!

Хлопцы, вышедшие с майдана во властные коридоры,
уж не будите лихо, одумайтесь, пока не упущен шанс.
Или явятся к вам в одночасье вежливые Командоры—
прежде чем сделать выпад, сделают реверанс…

к 50-летию
со дня рождения

Светлана Филиппова

Слышишь меня, дорогая страна?

● ● ●

Она всё время говорила,
Она боялась замолчать.
Она и чай не заварила,
Забыла, как нас величать.
Она гостей не ожидала,
Она пришла с большого бала,
А мы хотели всё сначала,
Но мы не знали, как начать.

Мы отдышались и присели,
Немного нервно хохоча.
Мы рафинадом захрустели,
Пока она искала чай.
А мы пришли совсем не к месту,
Мы не готовились к протесту,
Мы пели песни про невесту,
А надо было промолчать.

В её глазах чужие дали,
У ней острижена коса.
И мы совсем другими стали
И поменяли адреса.
Но если всё вернуть на кру́ги,
Вернутся старые подруги,
И мы споём про дождь и вьюги.
Нет, отсырели голоса…

Она по-прежнему царица
Из белых княжеских палат.
Но под стеклом другие лица,
И на гвозде—чужой халат.
А мы из-за неё стрелялись,
И потерять её боялись,
И вскоре сами потерялись.
Она так долго нас ждала.

А мы ушли к другим подружкам,
Решив: её не поделить.
Поём не гимны, а частушки,
И вроде всё своё нашли.
Но через годы мир виднее
И тяга к прошлому сильнее.
И мы с тобой пошли за нею.
Мы опоздали. Мы—пришли.

Флюгер

Давай я буду флюгером на крыше,
А ты—внезапным ветром ниоткуда.
Давай твоих шагов я не услышу
И даже замечать тебя не буду.
А ты примчишься, бешеный, запляшешь,
Соскучившись в морях по крышам этим,
И принесёшь мне бусы из стекляшек,
Которые дороже всех на свете.

Затреплешь моё ситцевое платье
И превратишь мою косынку в знамя,
Дождём за ожидание заплатишь,
И это будет только между нами,
Что ты других в дороге обнимаешь
И не хранишь ни писем, ни портретов.
Ты всё равно вернёшься, ты же знаешь,
Что я прощаю всё бродяге-ветру.

Ты украдёшь меня с железной крыши,
Дом подмигнёт нам окнами большими.
А ты меня поманишь выше, выше,
В свой тесный домик на крутой вершине,
Где на камнях ты мне цветы посеешь
И где ты будешь ласковей и тише…
Ты только прилетай, когда сумеешь.
Ну сколько можно ждать тебя на крыше?

● ● ●

Не вини, не брани, не гони,
А спроси, помоги и спаси.

Посмотри, обними, закури…
Говори, не молчи, говори!

Письма старые в клочья порви.
Зачеркни, позабудь. Позови.

Загрусти, возврати, защити.
И—прости. Нет, не так. Отпусти.

● ● ●

Вот и снова, с точностью до дня,
С частотой прилива и луны,
Я иду туда, чтоб шубу снять
Там, где две гитары у стены.
Закипает с подвываньем чай,
И бледнеют в ужасе глаза.
Ну, язык, давай же выручай!
Нужно что-то резкое сказать,
И уткнуться в поданный стакан,
И бросать хоть изредка словцо.
Бить себя на кухне по щекам
За боязнь поднять лицо в лицо,
За тугую привязь этих слов
И за каждодневность этих рук,
За одну сквозную мысль голов,
За ступень в холодный этот круг,
За верёвку—цепь для быстрых ног,
Спутавшую все твои шаги.
Вроде просто: вот порог, вот Бог.
Всё равно: попробуй—убеги.
Остаётся глазки опустить,
Переждать в ушах церковный звон
И себя поднять и увести
В благодарность, что не гонят вон.

● ● ●

Слышишь меня, дорогая страна?
Вот ведь какие пошли времена.
Клоунским гримом лицо забелю—
Видно и так, что, конечно, люблю.

Маску надену, как ниндзя в кино.
Видно—люблю.
Очевидно—давно.
В сквере опавшие листья палю.
Дворник заметил: кого-то люблю.

Сяду—уеду—уйду—улечу!
Я признаваться ни в чём не хочу!
Деньги потрачу, здоровье сгублю!
Глупости всё. Видно, вправду люблю.

● ● ●

От лужи пахну́ло болотом.
Преддверие зимней тоски.
И тянут тихонечко что-то
В открытом кафе мужики.

Гуляет собачку бабуля,
Под зонтиком обе бодры.
И стопочкой сложены стулья.
И долбится дождик в шатры.

А в звуках—то танго, то полька,
То звук набежавшей волны…
—Откроетесь завтра во сколько?
—Свернулись. Теперь—до весны.

● ● ●

Не говори, я так пойму,
Поймав в ладони свежий ветер.
Тебе ведь трудно одному,
Тебе меня так нужно встретить.

Тебя ведь некому прощать.
Тебе, я знаю, каждый вечер
Высокогорная печаль
Тисками сдавливает плечи.

Я жду—у месяца спроси.
Устали ноги каждый вечер
Меня к вокзалу подносить.
…Последний рейс. Кого я встречу?

А в лужах светятся огни,
Во сне вздыхают самолёты…
Как жалко, что уходят дни.
Как хорошо, что было что-то.

Нева

Ах, пришлось быть рядом только раз.
Помню небо, помню пару фраз.
Ах, какие были там слова!
А ещё—Нева, Нева, Нева…

Мы тогда стояли на мосту.
Я любил, наверное, не ту.
Ты была, наверное, права.
А ещё была Нева, Нева…

Вновь встаёт Авророю заря.
Снова люди что-то говорят.
Пусть гуляет по свету молва,
Ведь у нас была Нева, Нева…

Жизнь нас развела, как те мосты.
Я с тобою снова не на «ты».
Не поднять тяжёлой головы:
На Неве со мной—не Вы, не Вы.

● ● ●

Не люблю ждать у моря погоды:
Послезавтра, сегодня, вчера…
И звенящему ветру в угоду
Обновлять на коньке флюгера.
Надоели и песни про ветер,
И портреты его на холстах.
Всё равно: не заметят, заметят.
Где Вы, мой ненаглядный Простак?
Что, не можете, чтобы стихами?
Ничего, я стихами—сама.
Я, не бойтесь, не очень плохая,
И не так чтобы много ума.
Наконец настоящий приметил!
Пусть немного снижаю полёт—
Разобьётся о вас свежий ветер,
Как о камни ломается лёд.

Владимир Крупин

Менталитет на корточках

Молоко киснет

Конечно, без прогресса никуда. Но в искусстве лучший прогресс—это следование традициям. Европа оттого вознесла русский модерн, что уже пресытилась своими выкаблучниками. А так—модерн бездушен. Козе понятно, что это выдрючивание есть обслуживание своего круга. Но «свой круг» хочет постоянно расширяться и влиять на все круги и внаглую доказывает, что, например, чёрный квадрат—это гениально (куб, вечность, тайна, бесконечность, приход в Россию большевизма… всего наплетут), а васнецовские «Три богатыря», «Алёнушка», например,—раскрашенные фотографии.

Ну ладно. Всё это было. Эренбург, например, называл статуэтку, изображающую спокойного слона, пошлостью, а скульптурку слона в период половой страсти, поднявшегося на дыбы, задравшего хобот, гениальной («Люди, годы, жизнь»). Всё им бури хочется.

Тот же чёрный квадрат. Дикость же. Для дураков. Но горланят, загнали же испуганное правительство в необходимость покупать эту черноту за миллионы.

Но ладно. Расскажу об опыте, бывшем недавно и, конечно, нашими тэвэшниками народу не рассказанный. Опыт таков. На стене были помещены репродукции картин Нестерова, Левитана, Куинджи, Малевича, Шагала, Кустодиева, Кандинского, ещё кого-то. Перед каждой картиной был поставлен столик, а на него был поставлен стакан молока. Молоко свежее, налитое в стаканы из одной банки.

Вопрос: в каком стакане молоко скисло всех быстрее? Подсказать? Зачем? Все и так сразу сообразили. Конечно, у «Чёрного квадрата». Всех позднее—у «Берёзовой рощи» Куинджи. Вспомним её радость, простор, свежее дыхание.

Ещё доказательство, показывающее не только пошлость, но и вред модернистов всяких. Коровы прибавляют надой, когда звучит классическая музыка, и, соответственно, убавляют его при грохоте всяких тяжёлых и лёгких металлистов.

Птицы несутся лучше, цветы цветут, а не вянут, когда слышат, а они слышат, Чайковского и Глинку.

То есть коровам и траве понятно то, что не доходит до демократических искусствоведов.

Меня не пустили в церковь

Да, именно так. Не пустили. И кто? Русские солдаты. И когда? В День Победы. Заранее собирался пойти на раннюю литургию девятого мая. Встал, умылся, взял написанные женой записочки о здравии и упокоении, ещё приписал: «И о всех за Отечество павших»,—и пошёл. А живём мы в начале Тверской, напротив Центрального телеграфа. И надо перейти улицу. Времени было половина седьмого. Вся улица была заставлена щитами ограждения. За ограждением стояла уже боевая техника: современные танки, также и танки времён войны. Рёв их моторов мы слышали все последние недели на репетициях парада. Я подошёл к разрыву в ограждении. Но меня через него к подземному переходу не пустили.

— Я в церковь иду.

— Нельзя!

— Но я же в церковь, я тут живу, вот паспорт.

— После парада откроют.

— Милые, ещё до парада почти четыре часа.

— Отойдите.

Вот так. Сунулся к переходу у Моссовета—закрыто. К Пушкинской—бесполезно. Вот такие дела. И смотреть на всю эту боевую мощь не захотелось. Меня же не пустили, когда я шёл молиться, в том числе и за воинов нынешних.

— Вы что, не православные?

— Приказ—не пускать!

Такие дела. Конечно, я вернулся. А всё ж горько было. Конечно, плохой я молитвенник, грешный человек. Но вдруг да именно моя молитва была нужна нашей славной Российской армии?

Вот так вот. И смотрел парад по телевизору. Человек в штатском, без головного убора, называемый министром обороны, объехал выстроенные войска, ни разу им не козырнув, выслушав их троекратные «ура», подъехал к трибуне и доложил об их к параду готовности главнокомандующему, тоже в штатском, тоже обошедшемуся без отдания чести, ибо, как нас учили в армии, «к пустой голове руку не прикладывают».

Грянул парад. Дикторы особенно любовно отмечали в комментариях марширующих иностранцев. Потом проревела техника. А потом, прямо над крышами, понеслись самолёты. Некоторые неимоверной величины. Диктор сказал, что если бы

они ещё снизились на десять метров, то все бы стёкла в окнах и витринах вылетели.

Потом горечь прошла. Цветы, ордена, дети, музыка. Что ж, значит, не заслужил я великой чести помолиться о живых и павших в храме. Встали с женой перед иконами в доме и прочли свои записочки. И пошли на улицу, и ощутили, что Победа сорок пятого достигла и до нас.

Менталитет на корточках

Приехал в своё любимое Никольское ещё затемно. Соседка разгребает дорогу от крыльца к улице. Поздоровались.

— Слышали?—говорит она.—Мы уже не Никольское, мы уже город Балашиха.

Я даже не знал, что отвечать. Растерялся.

— Газ, свет сейчас будут дороже,—рассуждает соседка.

И вдруг я вижу, что у неё слёзы появились.

— Успокойтесь,—говорю.—Не последнее это на нас нашествие. При капитализме живём, значит, грабёж будет нарастать.

— Я не об оплате, это мы переживём,—говорит она.—У меня уже старший работает. А младший!— и тут она прямо в голос заплакала.

Я даже не знал, что и подумать.

— Извините,—сказала она.—Я объясню. Он пришёл позавчера из школы, мы все пообедали. Он вылез из-за стола, отошёл к порогу и… сел на корточки! Представляете? Сел на корточки. Вот как в Средней Азии сидят, на Кавказе. По телевизору показывают. Я говорю: «Ты что?» Он говорит: «У нас в школе все так сидят». Я вчера в школу. Перемена. И—точно. Кто бегает, а большинство сидят вдоль стен на корточках. У нас же, да это и везде так сейчас, много беженцев, а больше того—просто приехали, дома и квартиры купили. Уже есть азербайджанские классы. В нашем—из Чечни, армяне, узбеки. Русских мало. Учительница с ними бьётся-бьётся, они же плохо знают русский язык, а наши в это время—сами собой, ничему не учатся. Я хотела в спецшколу младшего перевести, а там такие цены, что и на свет не останется. Я к директору: «У вас же на корточках сидят». Она: «Я тоже удивляюсь. Спрашиваю наших, говорят, что привыкли, что удобно». Тогда я говорю: «А вы что, сами с ними так не сидите?»

Муська

Муська—это кошка. Она жила у соседей целых восемнадцать лет. И все восемнадцать лет притаскивала котят. И всегда этих котят соседи топили. Но Муську не выбрасывали: хорошо ловила мышей.

Муська после потери котят несколько дней жалобно мяукала, заглядывала людям в глаза, потом стихала, а вскоре хозяйка или хозяин обнаруживали, что она вновь ждёт котят, и ругали её.

Чтобы хоть как-то сохранить детей, Муська однажды окотилась в сарае, дырявом и заброшенном. Котята уже открыли глазки и взирали на окружающий их мусор, а ночью таращились на звёзды. Была поздняя осень. Пошёл первый снег. Муська испугалась, чтоб котята не замёрзли, и по одному перетаскала их в дом. Там спрятала под плиту в кухне. Но они же, глупые, выползли. И их утопили уже прозревшими. С горя Муська даже ушла из дому и где-то долго пропадала. Но всё же вернулась.

Хозяева надумали продавать дом. Муську решили оставить в доме: стара, куда её на новое место. Муська чувствовала их решение и всячески старалась сохранить и дом, и хозяев. Наверное, она думала, что они уезжают из-за мышей. И она особенно сильно стала на них охотиться. Приносила мышей и подкладывала хозяевам на постель, чтоб видели. Её за это били.

Утром Муську увидели мёртвой. Она лежала рядом с огромной, тоже мёртвой крысой. Обе были в крови. Крысу выкинули воронам, а Муську похоронили. Завернули в старое, ещё крепкое платье хозяйки и закопали.

Хозяйка перебирала вещи, сортировала, что взять с собой, что выкинуть, и напала на старые фотографии. Именно в этом платье, с котёнком на коленях, она была сфотографирована в далёкие годы. Именно этот котёнок и стал потом кошкой Муськой.

Объявления на столбах

Кажется, в Тюмени услышал я об одном подростке. И он никак не уходил из памяти. Хотя случай самый, к несчастью нашему, обычный: его родители жили немирно друг с другом, ссорились, дело шло к разводу.

Мальчик любил родителей и очень, до слёз, страдал от их ссор. Но и это их не вразумляло. Наедине с каждым мальчик просил их помириться, но и отец, и мать говорили друг о друге плохо, а мальчика старались завлечь на свою сторону. «Ты ещё не знаешь, какой он подлец»,—говорила мать, а отец называл её дурой. А вскоре, уже и при нём, они всячески обзывали друг друга, не стесняясь в выражениях.

О размене их квартиры они говорили как о деле решённом. Оба уверяли, что мальчик ни в чём не пострадает: как была у него тут отдельная комната, так и будет. С кем бы он ни жил. И что он всегда сможет ходить к любому из них. Они найдут варианты размена в своём районе, не станут обращаться в газету, а расклеят объявления сами, на близлежащих улицах.

Однажды вечером мать пришла с работы и принесла стопку жёлтых листочков с напечатанными на них объявлениями о размене квартиры. Велела отцу немедленно идти и их расклеивать. И клей вручила, и кисточку.

Отец тут же надёрнул плащ, схватил берет и вышел.

— А ты — спать! — закричала мать на сына.

Они жили на первом этаже. Мальчик ушёл в свою комнату, открыл окно и тихонько вылез. И как был, в одной рубашке, побежал за отцом, но не стал уговаривать его не расклеивать объявления, он понимал, что отец не послушает, а крался, прячась, сзади и следил. Замечал, на каком столбе, или заборе, или на остановке отец прилеплял жёлтые бумажки, выжидал время, подбегал к ним и срывал. С ненавистью комкал объявления, рвал, швырял в урны, топтал ногами, как какого-то гада, или бросал в лужи книзу текстом. Чтоб никто даже и не смог прочесть объявления.

Так же незаметно вернулся в дом. Наутро затемпературил, кашлял. С ним родители сидели по очереди. Он заметил, что они перестали ругаться. Когда звонил телефон, снимали трубку, ожидая, что будут спрашивать о размене квартиры. Но нет, никто не спрашивал.

Мальчик специально не принимал лекарства, прятал их, а потом выбрасывал. Но всё равно через неделю температура выровнялась, врачиха сказала, что завтра можно в школу.

Он подождал вечером, когда родители уснут, разделся до майки и трусов и открыл окно. И стоял на сквозняке. Так долго, что сквозняк и они почувствовали. Первой что-то заподозрила мама и пришла в комнату сына. Закричала отцу. Мальчику стало плохо. Он рвался и кричал, что всё равно будет болеть, что пусть умрёт, но не надо разменивать квартиру, не надо расходиться. Его прямо било в приступе рыданий.

— Вам никто не позвонит! — кричал он. — Я всё равно сорву все объявления! Зачем вы так? Зачем? Тогда зачем я у вас? Тогда вы всё врали, да? Врали, что будет сестричка, что в деревню все вместе поедем, врали? Эх вы!

И вот тогда только его родители что-то поняли.

Но дальше я не знаю. Не знаю и врать не хочу. Но то, что маленький отрок был умнее своих родителей, это точно. Ведь сходились они по любви, ведь такой умный и красивый сын не мог быть рождён не по любви. Если что-то потом и произошло у них в отношениях, это же было не смертельно. Если уж даже сам Господь прощает грехи, то почему мы не можем прощать друг другу обиды? Особенно ради детей.

Падает звезда

Если успеть загадать желание, пока она не погасла, то желание исполнится. Есть такая примета.

Я запрокидывал голову и до слёз, не мигая, глядел с Земли на небо.

Одно желание было у меня, для исполнения которого были нужны звёзды, — то, чтоб меня любили. Над всем остальным я считал себя властным.

Когда вспыхивал сразу гаснущий изогнутый след звезды, он возникал так сразу, что заученное наизусть желание: «Хочу, чтоб меня любила…» — отскакивало. Я успевал сказать только, не голосом — сердцем: «Люблю, люблю, люблю!»

Когда упадёт моя звезда, то дай Бог какому-нибудь мальчишке, стоящему далеко-далеко внизу, на Земле, проговорить заветное желание. А моя звезда постарается погаснуть не так быстро, как те, на которые загадывал я.

Первое слово

В доме одного батюшки появился и рос общий любимец, внук Илюша. Крепкий, весёлый, рано начал ходить, зубки прорезались вовремя, спал хорошо — золотой ребёнок. Одно было тревожно: уже полтора года — и ничего не говорил. Даже к врачу носили: может, дефект какой в голосовых связках? Нет, всё в порядке. В развитии отстаёт? Нет, и тут нельзя было тревожиться: всех узнавал, день и ночь различал, горячее с холодным не путал, игрушки складывал в ящичек. Особенно радовался огонёчку лампады. Всё, бывало, чем бы ни был занят, а на лампадку посмотрит и пальчиком покажет.

Но молчал. Упадёт, ушибётся, другой бы заплакал — Илюша молчит. Или принесут какую новую игрушку, другой бы засмеялся, радовался — Илюша и тут молчит, хотя видно — рад.

Однажды к матушке пришла её давняя институтская подруга, женщина шумная, решительная. Села напротив матушки и за полчаса всех бывших знакомых подруг и друзей обсудила-пересудила. Все у неё, по её мнению, жили не так, жили неправильно. Только она, получалось, жила так, как надо.

Илюша играл на полу и поглядывал на эту тётю. Поглядывал и на лампаду, будто советовался с нею. И вдруг — в семье батюшки это навсегда запомнили — поднял руку, привлёк к себе внимание, показал пальчиком на тётю и громко сказал:

— Кайся, кайся, кайся!

— Да, — говорил потом батюшка, — не смог больше Илюша молчать, понял, что надо спасать заблудшую душу.

Потом думали: раз заговорил, то будет много говорить. Нет, Илюша растёт молчаливым. Хотя очень общительный, приветливый. У него незабываемый взгляд: он глядит и будто спрашивает — не тебя, а то, что есть в тебе и тебе даже самому неведомо. О чём спрашивает? Как отвечать?

Петушиные крики

Все люди, все до единого, те, кто вышел из сельской местности, а теперь живущие в городах, вспоминают детство. Оно им снится, о нём они любят говорить. Рыбалка, река, сенокос, лыжи зимой, санки. Сияние полной луны над серебряным снежным покровом. Запах дыма от русских печей. Что говорить!

Один большой начальник особенно тосковал по петушиному пению. Дети его просили купить им попугая. Он купил. Попугай оказался очень способным к обучению. Когда начальник поехал в отпуск навестить старуху-мать, то взял с собой клетку с попугаем. В деревне он поместил попугая в курятник, и попугай в два дня выучился кукарекать.

И теперь он живёт в Москве и кукарекает. Вначале мешал спать, ибо, по примеру сельских своих учителей, кричал на заре, и его клетку стали накрывать. Тогда он приспособился кричать днём и вечером. Так и живёт. Кому-то напоминает деревню, а кому-то евангельского петуха, который дважды успел прокричать в то время, в которое апостол Пётр трижды отрёкся от Христа.

Конечно, наш попугай, играющий роль петуха, будет кукарекать долго и обязательно переживёт своих учителей, ибо им до старости дожить не суждено.

Подкова

Кузня, как называли кузницу, была настолько заманчивым местом, что по дороге на реку мы всегда застревали у неё. Теснились у порога, глядя, как голый по пояс молотобоец изворачивается всем телом, очерчивает молотом дугу под самой крышей и ахает по наковальне.

Кузнец, худой мужик в холщовом фартуке, был незаметен, пока не приводили ковать лошадей. Старые лошади заходили в станок сами. Кузнец брал лошадь за щётку, отрывал тонкую блестящую подкову, отбрасывал её в груду других отработавших, чистил копыто, клал его себе на колено и прибивал новую подкову, толстую. Казалось, что лошади очень больно, но лошадь вела себя смирно, только вздрагивала.

Раз привели некованого горячего жеребца. Жеребец ударил кузнеца в грудь (но удачно—кузнец отскочил), выломал передний запор—здоровую жердь—и ускакал, звеня плохо прибитой подковой.

Пока его ловили, кузнец долго делал самокрутку. Сделал, достал щипцами из горна уголёк, прикурил.

— Дурак молодой,—сказал он,—от добра рвётся, пользы не понимает. Куда он некованый? Людям на обувь подковки ставят, не то что. Верно?—весело спросил он.

Мы вздохнули. Кузнец сказал, что можно взять по подкове.

Мы взяли, и он погнал нас, потому что увидел, что ведут пойманного жеребца. Мы отошли и смотрели издали, а на следующий день снова вернулись.

— Ещё счастья захотели?—спросил кузнец.

Но мы пришли просто посмотреть. Мы так и сказали.

— Смотрите. За погляд денег не берут. Только чего без дела стоять? Давайте мехи качать.

Стукаясь лбами, мы уцепились за верёвку, потянули вниз. Горн осветился.

Это было счастье—увидеть, почувствовать и запомнить, как хрипло дышит порванный мех, как полоса железа равняется цветом с раскалёнными углями, как отлетает под ударами хрупкая окалина, как выгибает шею загнанный в станок конь, и знать, что все лошади в округе—рабочие и выездные—подкованы нашим знакомым кузнецом, мы его помощники, и он уже разрешает нам браться за молот.

Река Лобань

До чего же красива река Лобань! Просто как девочка-подросток играет и поёт на перекатах. А то шлёпает босиком по зелени травы, по желтизне песка, то по серебру лопухов мать-и-мачехи, а то прячется среди тёмных елей. Или притворится испуганной и жмётся к высокому обрыву. Но вот перестаёт играть и заботливо поит корни могучего соснового бора.

Давно сел и сижу на берегу, на брёвнышке. Тихо сижу, греюсь предвечерним теплом. Наверное, и птицы, и рыбы думают обо мне, что это какая-то коряга, а коряги они не боятся. Старые деревья, упавшие в реку, мешают ей течь плавно, зато в их ветвях такое музыкальное журчание, такой тихий плавный звон, что прямо чуть не засыпаю. Слышу—к звону воды добавляется звоночек, звяканье колокольчика. А это, оказывается, подошла сзади корова и щиплет траву.

Корова входит в воду и долго пьёт. Потом поднимает голову, и стоит неподвижно, и смотрит на тот берег. Колокольчик её умолкает. Конечно, он надоел ей за день, ей лучше послушать говор реки.

Из леса с того берега выходит к воде лосиха. Я замираю от счастья. Лосиха смотрит по сторонам, смотрит на наш берег, оглядывается. И к ней выбегает лосёнок. Я перестаю дышать. Лосёнок лезет к маминому молочку, но лосиха отталкивает его. Лосёнок забегает с другого бока. Лосиха бедром и мордой подталкивает его к воде. Она после маминого молочка не очень ему нравится, он фыркает. Всё-таки он немного пьёт и замечает корову. А корову, видно, кусает слепень, она встряхивает головой, колокольчик на шее брякает, лосёнок пугается. А лосиха спокойно вытаскивает завязшие в иле ноги и уходит в кусты.

Начинается закат. Такая облитая светом чистая зелень, такое режущее глаза сверкание воды, такой тихий, холодеющий ветерок.

Ну и где же такая река Лобань? А вот возьму и не скажу. Она не выдумана, она есть. Я в ней купался. Я жил на её берегах.

Ладно, для тех, кто не сделает ей ничего плохого, скажу. Только путь к Лобани очень длинный,

и надо много сапогов сносить, пока дойдёшь. Хотя можно и босиком.

Надо идти вверх и вверх по Волге — матери русских рек, потом будут её дочки: сильная суровая Кама и ласковая Вятка, а в Вятку впадает похожая на Иордан река Кильмезь, а уже в Кильмезь — Лобань.

Вы поднимаетесь по ней, идёте по золотым пескам, по серебристым лопухам мать-и-мачехи, через сосновые боры, через хвойные леса, вы слышите ветер в листьях берёз и осин и вот выходите к тому брёвнышку, на котором я сидел, и садитесь на него. Вот и всё. Идти больше никуда не надо и незачем. Надо сидеть и ждать. И с той, близкой, стороны выйдет к воде лосиха с лосятами. А на этом берегу будет пастись корова с колокольчиком на шее.

И редкие птицы будут лететь по середине Лобани, и будут забывать о своих делах, засмотревшись в её зеркало. Ревнивые рыбы будут тревожить водную гладь, подпрыгивать, завидовать птицам и шлёпаться обратно в чистую воду.

Все боли, все обиды и скорби, все мысли о плохом исчезнут навсегда в такие минуты. Только воздух и небо, только облака и солнышко, только вода в берегах, только родина во все стороны света, только счастье, что она такая красивая, спокойная, добрая.

И вот такая течёт по ней река Лобань.

Слава Тебе, показавшему нам свет!

Ночная служба у Гроба Господня

Крестная смерть Спасителя поставила Голгофу и Гроб Господень в центр мироздания. Где тот храм Соломона, пирамиды фараонов, башни Вавилона, маяк Александрии, сады Семирамиды, мрамор Пальмиры, где всё богатство века сего? Всё прах и тлен по сравнению с подвигом Христа. Всё в мире навсегда стало сверять своё время и время вечности по Христу. Все события в мире — это противостояние тех, кто за Христа, и тех, кто против. И другой битвы не будет до скончания времён.

Нам, малому стаду Христову, православным людям, дано величайшее счастье, выше которого нет, — причащаться Тела и Крови Христовых на Божественной литургии. И где бы она ни свершалась — в великолепном соборе или в бедной деревенской церкви — значение её одинаково и огромно: мы принимаем в себя Христа, своё единственное спасение. И всё-таки никакая другая литургия не может встать вровень с той, что происходит ночью на Гробе Господнем в иерусалимском храме Воскресения. Это только представить: чаша с телом и кровию Христа ставится на трёхдневное ложе Спасителя. Освящается и выносится для приобщения участникам ночного служения.

Аз, грешный и недостойный, несколько раз был на ночной службе у Гроба Господня. И особенно помню первую, когда поехал на неё вместе с монахинями из Горненской обители. Время было близко к полуночи. Ни обычного шума машин, ни людей, только огни по горизонту, только свежий ночной воздух и негромкое молитвенное пение монахинь.

От Яффских ворот быстро и молча шли мы по странно пустым узким улочкам старого города, сворачивая в знакомые повороты, ступая по гладкости жёлтого, а сейчас тёмного мрамора. Вот широкие ступени пошли вниз, вот поворот на широкую площадь перед храмом. Справа Малая Гефсимания, слева вход в храм, прямо к Камню помазания. У входа — расколотая небесной молнией и опалённая Благодатным Огнём колонна, даровавшая именно православным Божию милость схождения огня в Страстную субботу теперь уже далёкого девятнадцатого века. Прикосновение к колонне, влажной от ночной росы, освежает и даёт силы на предстоящую службу. А силы нужны. До этого у меня был счастливейший, но и очень трудный день, когда я с утра до вечера ходил по Иерусалиму, говоря себе: «Иерусалим — город Христа, значит, это и мой город».

Вообще, я не сразу, не с первого взгляда полюбил Иерусалим. Я говорю не о Старом городе, при входе в него обувь сама соскакивает с ног, как иначе? Здесь Скорбный путь, «идеже стоясте нозе Его», здесь остановившееся время главного события Вселенной — что говорить? Нет, я не сразу вжился в современный Иерусалим. Как этот город ни сохраняет старину, но модерн, новые линии и силуэты зданий проникают всюду как лазутчики материального мира. Мешали и непрерывный шум машин, и их чрезмерное количество, торговцы, предлагающие всё растущие в своей изысканности и цене товары и пищу, которая тоже дорожала, но всё заманчивей привлекала ароматами и внешним видом, мешали бесцеремонно кричащие в трубки мобильников, часто на русском языке, энергичные мужчины, мешали и короткие ненавидящие взгляды хасидов; многое мешало. Но постепенно я сказал себе: что с того? Сюда Авраам привёл своего сына, собираясь принести его в жертву. Здесь плясал с Ковчегом Завета царь Давид — куда больше? Отсюда пришла в мир весть о воскресшем Христе. Здесь убивали камнями первомученика Стефана, а дальше, налево, гробница Божией Матери, внизу поток Кедрона, вот и Гефсиманский сад, вот и удивительная по красоте церковь Святой Марии Магдалины, подъём на Елеонскую гору и головокружительная высота «Русской свечи» над Елеоном — православной колокольни, выстроенной великим подвижником, архимандритом Антонином Капустиным. Вот он — Вечный город, вот видны и Золотые ворота, в которые вошла младенцем Божия Матерь и в которые, спустя время своей земной жизни, въехал Её Сын, Сын Божий. А вот и храм Гроба Господня.

Вернувшись с Елеона, ещё в этот же день я обошёл вокруг Старый город. Шёл вдоль высоченных стен из дикого камня, как ходят у нас на крестный ход на Пасху — с паперти налево и вокруг храма, шёл, именно так и воспринимая свой путь — как пасхальное шествие. И уже шум и зрелище современного мира совсем не воспринимались, были вначале фоном, а потом и совсем отошли. И башня Давидова помогла этому отрешению — она же почти единственная из сохранённых дохристианских зданий. И только в одном месте невольно остановился: мужчина в годах, в пиджаке с планками наград, наяривал на аккордеоне песню прошлого века: «У самовара я и моя Маша, а на дворе уже темным-темно». Ну как было не расстаться с шекелем?

Но благодатный вход в храм Гроба Господня отсёк свежие воспоминания минувшего дня и придал силы. Особенно когда мы прикладывались к Камню помазания и в памяти слуха звучали слова: «Благообразный Иосиф, с древа снем Пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив и вонями во гробе новом покрыв, положи».

У Гроба, на наше счастье, почти никого не было, только греческие монахи готовились к службе. Я обошёл Кувуклию, часовню над Гробом Спасителя. Опять же в памяти зазвучал молитвенный распев: «Воскресение Твое Христе Спасе, ангели поют на небесех, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити». Справа от часовни на деревянных скамьях спали богомольцы. Они пришли сюда ещё с вечера. Сейчас просыпались, тоже готовились к службе. У входа в часовню, внутрь уже не пускали, горели свечи. В одном подсвечнике, как цветы в вазе, стояли снежно-белые горящие свечи. Добавил и я свою, решив не отходить от часовни, чтобы, даст Бог, причаститься у Гроба Господня. Я знал, что у Гроба причащают нескольких, а остальных, перенеся Чашу с дарами, причащают у алтаря храма Воскресения.

Дьякон возгласил:

— Благослови, Владыко!

Возгласил он, конечно, по-гречески, по-гречески и ответил ему ведущий службу епископ, но слова были наши, общие, литургические:

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа.

— Ами-и-инь! — согласно включился в молитву хор наших монахинь из Горней.

Мне было очень хорошо видно и придел Ангела, и сам Гроб. Удивительно, как священнослужители, облачённые в служебные одежды и на вид очень грузные, так легко и ловко поворачивались, входили и выходили из Гроба на преддверие. Частое каждение приносило необыкновенный прохладный горьковатый запах ладана. Какой-то очень родной, в нём были чистота и простор смолистого высокого бора. Молитвенными, почти детскими голосами хор монахинь пел: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения». Новые возгласы диакона, выход Владыки и его благословение. Видимо, по случаю участия монахинь из Горней — по-русски:

— Мир вам!

— И духови Твоему, — отвечает хор.

И вот уже «Блаженства». Начинается литургия верных. Тут все верные от самого начала. Ибо, когда были возгласы: «Оглашенные, изыдите», — никто не ушёл. А вот и «Херувимская». Тихо-тихо в храме. Такое ощущение, что его огромные, ночью пустые пространства, отдыхающие от нашествия паломников и туристов, сейчас заполняются бесплотными херувимами, несущими земле весть о спасении. «Всякое ныне житейское отложим попечение».

А время мчится вместе с херувимами. Уже пролетело поминание живых и умерших, уже торопился вспомнить как можно больше имён знакомых архиереев, батюшек, родных, близких и многочисленных крестников и крестниц, просто знакомых, тех, кто просил помянуть их у Гроба Господня. Так и прошу: «Помяни, Господи, всех, кто просил их помянуть. Имена же их Ты, Господи, веси». Душа на мгновение улетала в ночную Россию. Отсюда, из сердца мира, где в эти минуты свершалось главное событие планеты — пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, кланялся я крестам храмов православных, крестам на могилках, как-то в долю мгновения вспоминались монастыри и монахи и монашки, читающие при восковых медовых свечах неусыпаемую Псалтырь и покрывающие молитвенным омофором российские пределы.

А мы здесь, у Гроба Господня, малое стадо русских овец Христовых, молились за своё многострадальное Отечество. Ко Гробу Христову я шёл всю жизнь, И вот стоял у него и ждал Причастия. Ни ум, ни память это осознание не вмещали. Вся надежда была на душу и сердце. Я в ногах у Спасителя, в одном шаге от Его трёхдневного ложа, в трёх шагах от Голгофы. Ведь это же всё, промчавшееся с такой скоростью, всё это будет стократно и благодатно вспоминаться: и то, как молитвенно поёт хор, как размашисто и резко свершает каждение здоровенный диакон, как смиренно и терпеливо стоят около простоволосых женщин наши паломницы в белых платочках, как внезапно и весело звенят колокольцы на блестящем архиерейском кадиле, как бесстрашно старуха в чёрном суёт руку в костёр горящих свечей и выхватывает оттуда догорающую, как бы пропалывая пламя. И ставит взамен новую. И вновь хор, и вновь сыплются звуки от колокольцев кадила, облетая храм по периметру. Гроб плотно закрыт облачениями священства. Так хочется невидимкой войти в Гроб и видеть схождение небесного огня в причастную Чашу.

Говорила знакомая монахиня: «Нам дано видеть Благодатный Огонь раз в году, а духовные люди его всегда видят. Потому что огонь небесный не уходит от Гроба Господня».

Молодых чтецов сменяют старики. Красоту греческой речи украшает чётко произносимое имя Христа. В этом месте крестимся.

Выносят чаши. Обходим вслед за нарядными священниками вокруг Кувуклии. «Символ веры» поёт весь храм. Слышнее всего русские слова, нас здесь большинство. Голоса улетают вдаль, к пещере Обретения Креста, вниз, в потусторонность, в утешение почивших в вере и надежде Воскресения.

Вдруг, как будто пришедший из былинной Руси, выходит и русский диакон, он ещё огромнее, чем греческий, весь заросший крепкими, ещё не седыми волосами, настоящий раскаявшийся Кудеяр-атаман, и возглашает Ектенью. На каждое прошение хор добавляет:

— Подай, Господи!

И это незабываемое, нежное и просительное:

— Кирие, елейсон. Кирие, елейсон.

Это означает: «Господи, помилуй». Вообще, благоговеешь перед мастерством древнерусских перекладывателей Священного Писания и церковных служб, и в первую очередь — Божественной литургии. И пасхального Канона. Почему мы говорим «Христос воскресе», а не «Христос воскрес»? Потому что по-гречески это: «Христос анести», — то есть соблюдено соотношение слогов.

«Отче наш» поётся ещё слаженнее, ещё молитвеннее. Один к одному совпадают русские и греческие слова Господней молитвы.

Внутри Кувуклии начинается причащение священников. Простоволосая высокая гречанка сильным, звучным голосом поёт «Марие, Мати Божия».

Вижу — Чаша стоит на камне в приделе Ангела. Вот её берут и вздымают руки епископа. Выходят. Оба гиганта-диакона по сторонам. Падаем на колени.

— Верую, Господи, и исповедую…

Столько раз слышанная Причастная молитва звучит здесь совершенно особо. То есть она та же самая, до последней запятой, но звучит она над Гробом Господним, в том месте пространства, которое прошёл воскресший Спаситель.

И тут случается со мной не иначе как Божие чудо — я оказываюсь прямо перед чашей. Оглядываюсь, как сделал бы это и в России, ибо всегда мы пропускаем вперёд детей, но детей нет. Меня оттирает было диакон, и что особенно обидно — не греческий, а наш, но я, видимо, так молитвенно, так отчаянно гляжу, что он делает полшага в сторону.

Господи, благослови! Я причащаюсь!

Чашу переносят в храм Воскресения, огибая по пути так называемый «пуп Земли», центр мира, а я совершенно безотчётно, по-прежнему со скрещёнными руками, обхожу вокруг часовню Гроба Господня, кланяясь всем её четырем сторонам, обращённым на все стороны света.

Утро. Сижу на ступенях во дворе храма. Тут договорились собраться. Думаю: «Вот и свершилось главное в моей жизни причастие, вот и произошло главное событие моей жизни». Но потом думаю: надо же ещё и умереть, и заслужить смерть мирну, христианску, непостыдну, надо же вымолить «добрый ответ на Страшном судищи Христовом».

Встаёт солнце. И, конечно, не один я мысленно произношу: «Слава Тебе, показавшему нам свет!» Оно бы не пришло на землю, если бы не молитва на земле и если бы не эта ночная служба.

И как же легко дышалось в это утро, как хорошо было на сердце! Оно как будто расширилось, заняло во мне больше места, вытесняя всё плохое.

На обратном пути заговорили вдруг о Гоголе, его паломничестве в Иерусалим и о том разочаровании, которое он испытал. Видимо, он ждал чего-то большего, чем получил. Но ведь вспоминают же его современники, что он стал мягче, добрее, сдержаннее.

Вспомнил и я свою первую поездку. Очень я страдал после неё. Думал: если я стал ещё хуже, зачем же я тогда был в Святой земле? И спас старый монах Троице-Сергиевой лавры, сказавший: «Это ощущение умножения греховности, оно очень православное. Святая земля лечит именно так: она открывает человеку его греховность, которую он раньше не видел, ибо плохо видели его духовные очи сердечные. Святая земля дарит душе прозрение».

А вот и наш милый Горненский приют. Матушка, жалея сестёр, советует отдохнуть хотя бы полтора часика. Но почти у всех послушания. И уже через два часа колокол Горней позовёт нас на службу, в которой будут те же удивительные, спасительные слова литургии, что звучали ночью у Гроба Господня, только уже все по-русски. И всё-таки, когда зазвучит: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф», — отголоском откликнется: «Агиос, Агиос, Агиос Кирие Саваоф».

…Поздняя ночь или очень раннее московское утро. Гляжу на огонёк лампады, на Распятие, и возникает в памяти слуха мелодия колокольцев кадила у Гроба Господня, и ощущаю, как молитвы, произносимые у него, «яко дым кадильный», восходят к Престолу Господню.

Соколко

То, что животные обладают разумом, это даже и обсуждению не подлежит. Дядя мой соглашался говорить о пчёлах, если собеседник тоже, как и дядя, считал пчёл умнее человека. Мама моя говорила с коровой, ругала куриц, если те откладывали яйца не в гнёздах. Кот наш Васька сидел за обедом семьи на табуретке и лапой издали показывал на

облюбованный кусок. Дворовая наша Жучка, завидя нас, начинала хромать, чтоб мы её пожалели. Что уж говорить о лошадях, которых мы водили купать? Белёсая Партизанка, худющая, с острым хребтом, выйдя на берег из реки, валилась на песок и валялась, чтоб её снова запустили в воду, так ей нравилось купание.

Но как же я помню из своего детства одного пёсика, собачку, по имени Соколко. Именно из своего детства, будто это пёсик был мой. А он из сказки Пушкина о мёртвой царевне и семи богатырях. Когда царевна, отведённая в лес на погибель, приходит в дом семи братьев, Соколко очень ей радуется, верно ей служит. И как он старается оградить хозяйку от злой колдуньи, как лает на неё, кидается, даёт понять царевне об опасности. Но царевна всё-таки надкусила яблоко, у неё «закатилися глаза, и она под образа головой на лавку пала и тиха, недвижна стала». Вскоре героически умирает и верный Соколко. Он, бессловесная тварь, не уберёг любимую хозяйку. Страдание его безмерно. Он отыскивает братьев в лесу, горестно воет, зовёт их домой. Братья, чувствуя неладное, скачут вслед за ним. Спешились. «Входят, ахнули. Вбежав, пёс на яблоко стремглав с лаем кинулся, озлился, проглотил его, свалился…»

Вообще, это величайшая сказка. Чернавка ведёт царевну на съедение диким зверям, та просит её: «Не губи меня, девица! А как буду я царица, я пожалую тебя». И на краю гибели царевна уверена, что станет царицей. Пощадив царевну, оставляя её на волю Божию (она именно так и говорит: «Не кручинься, Бог с тобой»), чернавка докладывает мачехе, что приказание выполнено, царевна привязана к дереву. Чернавка тут, надо думать, угождает мачехе, не смея осуждать жестокость приказа, даже успокаивая совесть незаконной царицы. «Крепко связаны ей локти, попадётся зверю в когти, меньше будет ей терпеть, легче будет умереть».

Вырастая в обезбоженное большевиками время, мы не были оставлены Богом. Такие тексты, как эта сказка, исподволь действовали на нас. Ведь царевна, войдя в дом братьев, вначале «затеплила Богу свечку», а уж потом «затопила жарко печку». Это же поселялось внутри нас и влияло на душу. Когда умирает царевна, то не как-нибудь, а ложится на лавку «головой под образа». Когда отказывает в просьбе стать женой кого-либо из братьев, то говорит: «Коли лгу, пусть Бог велит не сойти живой мне с места. Как мне быть? ведь я невеста…»

А уж как ищет её возлюбленный Елисей! И помогает ему не солнце, не луна, а ветер. Мы же все знали наизусть этот отрывок: «Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч…» Но что особенно важно, так это слова, обращённые к ветру: «Не боишься никого, кроме Бога одного». Ветер рассказывает Елисею о пещере, где «во тьме печальной гроб качается хрустальный». Пушкинский, совершенно православный, мотив—преодоление любовью смерти, изображение смерти как сна перед воскресением—здесь блистателен: «И о гроб невесты милой он ударился всей силой. Гроб разбился. Дева вдруг ожила. Глядит вокруг изумлёнными глазами…»

Вот ведь и в «Золушке» есть мотив волшебства и колдовства: превращение тыквы в карету, мышей в лошадей, но всё как-то не по-нашему. В «Спящей царевне» колдовство—сила злая, преодолеваемая любовью.

«Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч,— учили мы,—ты волнуешь сине море, ты гуляешь на просторе, не боишься никого, кроме Бога одного!» Учили, и дарвинское понимание явлений природы отступало перед этой боязнью ветра перед Господом. Могучий ветер боится только Бога. Ветер, вздымающий громаду волн, ломающий деревья, топящий корабли. Ещё далеко впереди было Священное Писание, буря на Галилейском море, утихшая по одному слову Спасителя, всё было впереди. Но принять в сердце веру православную помогла русская литература. Особенно Пушкин. «И с невестою своей обвенчался Елисей». Не как-нибудь, не в загс пошли—обвенчались.

А как мой Соколко? А вот он не ожил. Как жаль, что он не умел говорить. Объяснил бы братьям, отчего умерла царевна. Пришлось показать причину её смерти. Соколко так любил царевну, так мучился своей виной, тем, что не уберёг её, то, конечно, как бы потом жил?

Если бы я стал вдруг снова мальчишкой, завёл бы щеночка и назвал бы его Соколко.

Тихий воз на горе будет

Пилить дрова—это наказание. Но колоть дрова—это радость. Колоть дрова—награда судьбы, продление жизни и полезное ликование плоти. Да, устаёшь, хнычет наутро спина, но какое же древнее, мужское дело—колка дров. Сколько удали в этом взмётывании топора над головою, сколько силы в ударе! А расчёт, а глазомер! Точность удара. Опытному работнику много чего говорит еле заметная трещинка на поверхности тюльки. Ставишь её как на плаху, осматриваешь со всех сторон. Где сучок, где извилина—всё надо учесть, чтобы, ахнув, развалить её с одного, много—с двух ударов надвое, а затем покрошить на поленья.

Вот привезли мне дров, свалили. И среди всех их—сосновых, еловых, берёзовых, уже напиленных на чурбаки,—выкатили и скинули такой чурбанище. Такой пнище, что земля вздрогнула, когда это чудовище поселилось у меня на дворе.

С утра, по морозцу, звонко разлетаются берёзовые поленья; кряхтя, раздираются еловые; сосновые всяко сопротивляются, но всё равно рассаживаются и поддаются. И вот я колол дрова, колол,

а сам понимал, что всё это у меня репетиции, всё это у меня учения перед боем, перед сражением с этим чудовищем, с этим смоляным, перевитым окаменевшими сухожилиями неохватным комлем. Доставало это дерево, наверное, до облаков, облетали его стороной самолёты, отдыхали на нём стаи перелётных птиц. Как его свалили, какой артелью, не знаю. Но мне предстояло порубить его на дрова и превратить скрытую в нём энергию в тепло для жизни.

И вот наступил день, когда я вышел к этому единственному оставшемуся пню, в одной рубахе, вооружённый до зубов колуном, клиньями, топорами, и сказал:

— Ты понимаешь, что нам двоим не жить? Или ты—или я. Или ты умрёшь—или я умру.

Потом я подумал, что надо с ним по-хорошему, и сказал:

— У меня на дрова больше денег нет.

Пень молчал. Так как за эти дни я всегда на него поглядывал и мысленно примерялся, то стал колуном легонько потюкивать от трещины к трещине. Но это пню было легче щекотки. Я будто по наковальне стучал. Ударил с размаху. Колун отскочил. Хорошо—не в лоб.

У меня были клинья—и дубовые, и два стальных. Я принёс из сарая кувалду и вогнал ею клинья по намеченной линии. Но я как будто гвозди вбил, а не клинья. Стальные вошли целиком, дубовые расщеплялись и погибли.

Так прошло полдня. Обедая, я всё время помнил о пне, о его булыжниковом спокойствии. Я полежал. В глазах стоял пень. Надо идти. Пень показался мне ещё огромнее. Уже и компромиссы стали мне воображаться: ведь какой хороший—можно устроить из него журнальный столик. Или на нём дрова колоть. Такой монолит, он меня переживёт. Но нет, отогнал я капитулянтские настроения, этот монолит должен сдаться, иначе я перестану себя уважать.

— А тебя не перестану,—сказал я пню.—Ты должен погибнуть как боец. Но погибнуть. Иначе как мне жить? Ты чувствуешь, что ты делаешь меня первобытным охотником? Я с тобой говорю как с медведем, которого надо убить для продления жизни племени.

Пень молчал. У меня были топоры, которые я вогнал по новой намеченной линии. Пень и не крякнул. Я два раза ходил менять мокрые рубахи, пил чай и угрюмо чего-то жевал, восстанавливал силы. Солнце пошло на закат.

Спал я плохо. Утром всё начало повторяться. И был момент, когда бы я мог отступить, но вспомнил уроки детства. Я всегда был торопыгой, и мама всегда меня осаживала, говоря пословицу: «Тихий воз на горе будет»,—то есть надо всё делать помаленьку-полегоньку. Вот я нацелился на выступ сбоку пня и отколол его. Потом другой, третий. Напряжение стиснутости пня ослабевало. Обошёл один круг, другой. Уже гора скорченных, перекрученных смоляных поленьев лежала вокруг, а пень всё ещё был громаден. Но, уже вогнав рядом с прежними ещё клин, помассивнее, я достал первые клинья и с их помощью пробил новую линию по нетронутому месту. Стал бить кувалдой, с наворотом, как мы выражались. И пень треснул. Вначале тихо, потом с утробными звуками раздирания телесной плоти. Я загонял в щель всё новые клинья и топоры, всё бил и бил, не заметил, когда и как порвал рубаху, но наконец пень раздвоился. И потом ещё почти весь день я трудился над гигантскими половинами. Потом сложил разделанные в поленья останки пня и поразился величине поленницы.

Великая эта мудрость—помаленьку-полегоньку. С бока, с краешка, по щепочке, по лучиночке. Топлю печь, смолой пахнет, и с какой же благодарностью я вспоминаю те дни, когда шла битва с пнём.

Так бы нам во всём—помаленьку, потихоньку. Куда торопиться? Ведь не под гору катимся—в гору идём. Тихий воз на горе будет.

Упрямый старик

На севере вятской земли был случай, о котором, может быть, и поздно, но хочется рассказать.

Когда началась так называемая кампания по сносу деревень, в деревне жил хозяин. Он жил бобылём. Похоронив жену, больше не женился, тайком от всех ходил на кладбище, сидел подолгу у могилки жены, клал на холмик полевые и лесные цветы. Дети у них были хорошие, работящие, жили своими домами, жили крепко (сейчас, конечно, все разорены), старика навещали. Однажды объявили ему, что его деревня попала в число неперспективных, что ему дают квартиру на центральной усадьбе, а деревню эту снесут, расширят пахотные земли. Что такой процесс идёт по всей России. «Подумай,—говорили сыновья,—нельзя же к каждой деревне вести дорогу, тянуть свет, подумай по-государственному».

Сыновья были молоды, их легко было обмануть. Старик же сердцем понимал: идёт нашествие на Россию. Теперь мы знаем, что так было. Это было сознательное убийство русской нации, опустошение, а вслед за этим одичание земель. Какое там расширение пахотной площади? Болтовня! Гнать трактора с центральной усадьбы за десять-пятнадцать километров—это разумно? А выпасы? Ведь около центральной усадьбы всё будет вытоптано за одно лето. И главное—личные хозяйства. Ведь они уже будут—и стали—не при домах, а поодаль. Придёшь с работы измученный, и надо ещё тащиться на участок, полоть и поливать. А покосы? А живность?

Ничего не сказал старик. Оставшись один, вышел во двор. Почти всё, что было во дворе, хлевах,

сарае,—всё должно было погибнуть. Старик глядел на инструменты и чувствовал, что предаёт их. Он затопил баню; старая треснутая печь дымила, ело глаза, и старик думал, что плачет от дыма. Заплаканным и перемазанным сажей он пошёл на кладбище.

Назавтра он объявил сыновьям, что никуда не поедет. Они говорили: «Ты хоть съезди, посмотри квартиру. Ведь отопление, ведь электричество, ведь водопровод!» Старик отказался наотрез.

Так он и зимовал. Соседи все перебрались. Старые дома разобрали на дрова, новые раскатали и увезли. Проблемы с дровами у старика не было, керосина ему сыновья достали, а что касается электричества и телевизора, то старик легко обходился без них. Изо всей скотины у него остались три курочки и петух, да ещё кот, да ещё пёсик, который жил в сенях. Даже в морозы старик был непреклонен и не пускал его в избу.

Весной вышел окончательный приказ. Сверху давили: облегчить жизнь жителям неперспективных деревень, расширить пахотные угодья. Коснулось и старика. Уже не только сыновья, но и начальство приезжало его уговаривать. Кой-какие остатки сараев, бань, изгородь сожгли. Старик жил как на пепелище, как среди выжженной фронтовой земли.

И ещё раз приехал начальник: «Ты сознательный человек, подумай. Ты тормозишь прогресс. Твоей деревни уже нет ни на каких картах. Политика такая, чтоб Нечерноземье поднять. Скажу тебе больше: даже приказано распахивать кладбища, если со дня последнего захоронения прошло пятнадцать лет».

Вот это—о кладбищах—поразило старика больше всего. Он представил, как по его Анастасии идёт трактор, как хрустит и вжимается в землю крест,—нет, это было невыносимо.

Но сыновьям, видно, крепко приказали что-то решать с отцом. Они приехали на тракторе с прицепом, стали молча выносить и грузить вещи старика: постель, посуду, настенное зеркало. Старик молчал. Они подошли к нему и объявили, что если он не поедет, его увезут насильно. Он не поверил, стал вырываться. Про себя он решил, что будет жить в лесу, выкопает землянку. Сыновья связали отца: «Прости, отец»,—посадили в тракторную тележку и повезли. Старик мотал головой и скрипел зубами. Пёсик бежал за трактором, а кот на полдороге вырвался из рук одного из сыновей и убежал обратно в деревню.

Больше старик не сказал никому ни слова.

Японский лифтёр

В далёкой Японии, на берегу озера Бива, нас поселили в старинную трёхэтажную гостиницу. Вся в зелени, с выгнутой по краям изумрудной и очень блестевшей после дождя крышей, она смотрелась в озеро витражами стёкол и была очень уютна. Ещё, вдобавок, она была знаменита: в ней, будучи ещё наследником русского престола, останавливался император Николай II.

По стриженым лужайкам бродили кричащие павлины, вздымая разноцветные фонтаны своих хвостов, меж павлинов перешлёпывали свои жирные тела белые и чёрные кролики, а на берегу совершенно неподвижно сидели терпеливые рыбаки, на дело которых я ходил смотреть ранним утром и уже с ними здоровался.

Возвращался к завтраку, восходил по коврам на резное крыльцо, дверь передо мной кем-то невидимым открывалась, и я входил под звяканье колокольчика на ковры вестибюля. Огромные аквариумы вдоль стен, свисающая с потолка не искусственная зелень, разноцветные бумажные фонарики—всё это было очень красиво. А ещё в вестибюле был лифт, в который меня каждый раз вежливо и приветливо приглашал мальчик-лифтёр. Но я жил всего на втором этаже, и было как-то странно ехать так близко.

Лифт всегда стоял открытым, и проехаться в нём очень хотелось. Очень он нарядно был разубран. Освещался гирляндами огоньков, зеркала во все стены были расписаны такими цветами, что человек, отражаясь в них, чувствовал себя в райском саду. Тем более в лифте были ещё и клетки с разноцветными птичками. Лифт, думал я, сохранился как реликвия, в нём возили всяких важных мандаринов или вот нашего цесаревича. Но вообще я видел, что лифтом иногда пользовались, и отнюдь не мандарины.

И я решился. Вернувшись после долгой счастливой утренней прогулки по берегу озера, умывшись его чистой водой и побывав свидетелем поимки двух рыб, я энергично вошёл в вестибюль и поздоровался с мальчиком-лифтёром. Он звал меня внутрь лифта. И я вошёл. И оказался в дивном маленьком шатре. Лифтёр приветливо и вопросительно смотрел на меня. Мне по-прежнему казалось, что глупо ехать на второй этаж, и я показал три пальца: на третий. Двери закрылись, как дуновение ветра, птички зачирикали, мы все враз поехали. Поехали так мягко, неслышно, так нежно, даже как-то трепетно, что это был не подъём, а какое-то вознесение на бережных ладонях.

Ну вот—третий этаж. Двери растворились. Растворились в самом прямом смысле—так они воздушно исчезли, и я шагнул на узорные ковры третьего этажа. И что? И, конечно, пошёл к лестнице на свой второй этаж. Но тут случилось вот что: мальчик-лифтёр догнал меня и, схватив за рукав, показал на открытый лифт. Мол, зачем ты пошёл пешком, если можно ехать? Ну как ему было объяснить, что я живу на втором этаже? Я вернулся в лифт. Снова запели птички, снова я отразился в зеркалах среди райских цветов. И опять же—не ехать же всего на один этаж? Я показал один палец: на первый.

Приехали на первый. И я, естественно, пошёл на свой, второй. И опять меня догнал мальчик-лифтёр, и опять зазвал в лифт. И опять привёз меня на третий этаж. Я вышел, отошёл немного и притворился, что рассматриваю старинную гравюру—битву самураев с кем-то. Скосил глаза—лифт стоял. А время меня подпирало, надо было завтракать и идти на конференцию. Я повернул к лестнице. Лифтёр выскочил из лифта и кланялся. Тут уж пришлось показать ему два пальца, выдать этаж, на котором живу.

Он, конечно, решил, что русский бородатый дядя не может считать до трёх, ибо зачем же я ехал на третий этаж, если мой номер на втором? Я понял, что мальчика очень насмешило моё поведение. Да ведь и я смеялся над собой. И в последующие дни мы с ним весело раскланивались, и я уже смело ехал с ним до второго, отражаясь в искрящихся разноцветными огоньками зеркалах.

Я попросил профессора Накамото, который превосходно знал русский язык, сказать мальчику-лифтёру, что русский дядя очень неграмотный, он даже не может считать до трёх. Профессор, выслушав мой рассказ о поездках на лифте, очень смеялся. И, конечно, ради шутки перевёл мою просьбу. Я это понял, когда увидел, что мальчик, завидя меня, даже стащил с головы свою круглую шапочку и прыснул в неё, скрывая улыбку.

А однажды я увидел его, когда он меня не видел. Он сидел, как маленький старичок, в своём разноцветном укрытии и был очень печален. Да и то сказать: легко ли?—он работал самое малое по четырнадцать часов в день, я и не видел, чтоб его подменяли.

Перед отъездом я подарил ему русскую матрёшку. Ах, как он обрадовался! Он побежал в лифт, в свой домик, и показал мне, что матрёшка будет стоять между клеток двух птичек. И что в его клетке будет теперь повеселее.

А когда мы совсем уезжали и вынесли вещи в вестибюль, он подбежал ко мне и подарил сделанную из лёгких пёрышек игрушку-птичку. Подошёл автобус. Мальчик вырвал у меня из рук нагруженную книгами и альбомами сумку и потащил к автобусу. Когда я протянул ему деньги, он прямо отпрыгнул от них. Накамото-сан сказал, что он нёс сумку не из-за чаевых, а от чувства дружбы. Автобус тронулся. Мальчик-лифтёр стоял на крыльце и кланялся, приложив руку к сердцу. Таким я его и запомнил.

Я улетел из Японии и стал жить дальше. И часто вздохну и вспомню озеро Бива, гостиницу, лифт, этого мальчишку и то, что моя матрёшка ездит с ним вверх и вниз. Может, и он иногда вспоминает бородатого русского дядю, который не умеет считать до трёх.

Дмитрий Чернышев

Железная клетка

Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2014

Таволга

Олесе Первушиной

рас-цвела
цветёт наконец-то!

смешно и больно

ну, давай, просыпайся!
совсем немножко осталось
…

помнишь, как мы боялись на Страстной,
что огонь—не
загорится?

• • •

Олегу Охапкину

…бараки гниют, звёзды—падают вниз,
книги тлеют—кроме тех,
написанных на небесах.
И что же нам делать?—
к Создателю
обращаем тусклое зеркало…
…

Но не тревожься, мой друг,
всё идёт
литургический круг.

Олеся Николаева

Кувшинчик

Наверное, по ассоциации с тем, что сейчас проходит Архиерейское совещание, мне вспомнилась замечательная история моего друга — иеродиакона Дионисия, иконописца.

— Понимаешь, — доверительно произнёс он, — никогда не надо противиться архиерейской воле. Я на своей шкуре это почувствовал. Вот какой случай был у меня с нашим владыкой.

Приехал он к нам в монастырь, послужил и вот к концу богослужения обращается ко мне: «Отреставрируй-ка ты мне, Дионисий, мой кувшинчик. Как-то дорог он мне, а вид свой утратил. Так что потрудись, ты же умеешь, знаешь всякие реставраторские хитрости».

И протягивает мне кувшинчик. А кувшинчик этот весь тёмный какой-то, и ручка у него отпаялась, и дно прохудилось — дурной совсем кувшинчик-то, ничего такого особенного. Ну что, я взял, засел у себя в мастерской и как-то так даже с недовольством покрутил этот кувшинчик, повертел, потёр, попаял и только всё окончательно испортил: совсем он почернел, а донце так и вообще отвалилось. Загубил, в общем, архиерейскую любимую вещицу.

Закинул я то, что от неё осталось, куда-то в угол, а как увидел владыку на следующем богослужении, так и говорю ему небрежно: «Ничего у меня, владыка, с вашим кувшинчиком не вышло. Простите!» И тут он мне строго так отвечает: «Не прощу!» — «Как так?» — растерялся я. «А так. Знать будешь, что значит не выполнять архиерейское благословение. Считай, что это моё „непрощение“ — тебе во вразумление». И отвернулся.

Ну, я удивился, конечно, плечами пожал, но особенного значения этому не придал: вроде как владыка пальчиком мне погрозил, этакий педагогический архиерейский приём, и потом — мало ли что у владыки для красного словца с языка сорвётся? Ибо все мы — «человеки есмы». Честно говоря, я даже и забыл об этом.

А меж тем жизнь течёт, а всё в ней — как-то мимо, не туда, между пальцев. Иконы не пишутся, с братией непонимание, трения, и всё из рук валится, и уныние такое напало, что хоть беги из монастыря. И вот сижу я как-то уже за полночь в своей мастерской, и тошно мне, и муторно, и вдруг взгляд мой падает на сломанный почерневший кувшинчик. И как увидел я этот кувшинчик, так и слова владыки будто въяве услышал. Тут-то во мне что-то и шевельнулось. И взял я этот кувшинчик, так и этак его повертел, потёр, опустил в раствор, вытер, смазал, лампой паяльной поводил, и тут он как-то как бы сам собой стал обновляться — заблистал, засиял, серебряный узор проступил, донышко прилепилось на место, ручка выправилась и приросла куда положено, и такой это кувшинчик изящнейший оказался, ценнейший, что любо-дорого смотреть!

Написал я владыке покаянное письмо, запаковал кувшинчик и попросил наместника передать это всё нашему владыке, с которым он собирался на следующее утро в кафедральном соборе литургию служить.

И вот стою я на литургии в нашем монастырском храме, и вдруг такая радость взошла мне на сердце, такое ликование, умиление, лёгкость: летит душа к небесам, пари́т, свободная, не чувствуя земной тяжести, обмирает в блаженстве… И как-то мелькнуло у меня, что, должно быть, в этот момент владыка письмецо моё читает да кувшинчик из свёртка достаёт, возвращая мне своё архиерейское благоволение. И всё после этого у меня по-другому пошло и с молитвой, и с иконами, и с братией… Понял я, что архиерейское слово на небе тебе все входы и выходы запечатывает, и ангелы ему не перечат…

Такую историю рассказал мне друг мой иеродиакон Дионисий — вольнолюбивый послушник и монашествующий художник.

Арсений Замостьянов

Старые тетради

«Приморский»

Чуть только закат—
И песни звучат.
За стойкой—шнуры и подмостки.
Сквозь шелест банкнот
Вдруг счастье блеснёт
Певцу в ресторане «Приморский».

Сезон—это спрос
На музыку слёз,
А также закуски, напитки.
Для этой нужды
Мотивы нежны.
И песен, и плясок в избытке.

Седые виски.
Должно повезти,
Успеем ещё поберечься!
Почти окрылён,
Берёт микрофон
Усталый король побережья.

Чеканка, панно,
Клиентов полно.
Он долго глядит на кого-то.
«Кого я увлёк,
Что знал назубок
Любимые песни курорта?»

Потом, как привык,
Остывший шашлык,
По-нашему—повар научен.
И в хлеб завернём,
Да с тёплым вином
За милую душу на ужин.

И снится ему:
Забыв про еду,
В «Приморском» гуляет повеса.
За липким столом
Он скажет: «Споём!
Во всех незадачах поверься…»

И в музыке вдруг—
Непрошеный звук,
В весёлой халтуре мелькая…
Морозный размах,
И дышит в глазах
Зелёная пуща морская.

* * *

Седой мужчина, разлюбивший пиво…
Радикулитным шагом захромал.
Приходит он со службы торопливо
И долго пишет свой плохой роман.

Друзья встречаются на юбилеях
И спрашивают в тёплых нужниках:
«Ну, как роман?» Нет ничего больнее:
Ведь знают все, что тот роман—никак.

Он жмёт на клавишу в автомобиле
И долго-долго слушает сигнал.
А вот—на кресле, за трудом обильным,
Он мысли все в одну тетрадь согнал.

И хочется повеситься. Престыдно,
Что все слова враньём заражены.
Но он умрёт в пижаме, на простынке,
Направо от единственной жены.

Идёт от лампы слишком тусклый лучик,
В окошке ночь как трибунальный зал.
А был умнее он и видел лучше,
Когда вот эти строки написал.

* * *

Я должен быть невидимым…
Пуская пар губной,
Тебя встречать навытяжку,
Слоняться за тобой.

Я думал, ты откликнешься,
Но это не сбылось.
Теперь—совсем открытого—
Пройди меня насквозь.

Я должен весь утратиться
Затем, что нехорош,
Подглядывать украдкою
За тем, как ты живёшь.

Я должен быть прилежнее
И молча одобрять,
Что на твоё предплечие
Уже спустилась прядь.

Секретов мы не выдадим,
Пуская пар губной.
Давно я стал невидимым
Для тебя одной.

Ольга Козэль

Уроки истории

Как малый пострел, за повозкой бегущий в пыли,
Как старый казак, на войну провожающий сына,
Ты смотришь с укором на белую прядку земли,
Не смея, как прежде, подумать: «Моя Украина…»

Пусть ценят за доблесть и пусть не желают добра—
Мы смертной гордыней своею гордимся по праву.
Но слышен на склонах взволнованный голос Петра,
И дикие розы впотьмах окружают Полтаву.

И если любить, то лишь свист малоросских ветров,
Ковыль Запорожья, могилы, и память о Сечи,
И посвист ночной подгулявших степных гайдуков,
И шляхетских жинок покатые полные плечи.

Там панская дочь собирает во ржи васильки,
И жаркие посулы небо вплетает ей в косы.
Там точатся к бою и, звонкие, гнутся клинки.
Там тяжбы и свадьбы. И зреют в ночи абрикосы.

Уроки истории

Учительша—нейлоновая тётенька—
Рассказывала нам про Валю Котика.
И если это правду говорят,
Важнее жизни подвиг во сто крат.
Геройский хлопчик из села хохляцкого,
Ведь партизаны—те с детьми не цацкались.
Сидел в засаде из последних сил
И, кажется, кого-то сам убил.
Потом был ранен. Умер смертью страшною.
На фото он похож на Лёшку Сажнева.
Чернявый, заводной и ростом маленький,
Лишь над губой недоставало шрамика.
А что у Лёшки синий меч и палица—
Так то мальчишке мёртвому без разницы.
У Лёшки телек, пёс и дача с бабушкой,
И жизнь в кармане острым рыжим камушком.
Да выпал камень—дело было так:
Попал в засаду, бросился под танк.
Ну что ж! Не всем отпущено стать взрослыми.
Сороковые, после девяностые…
Не в этом смысл. И я скажу вам более:
Лишь в сходстве лиц—всемирная история.

Северные старухи

У Белого моря, веков испокон,
Глядят тебе вслед из белёсых окон.
И нет никого—только чувствуешь взгляд,
Как будто не люди—деревья глядят.

Но мастер чужой стародавней поры
Бессмертную душу упрятал в стволы,
И вырезал руки, надбровья и рот
Из дерева древних, забытых пород.

Их корни в трудах от зари до зари:
Что мёртво снаружи—то живо внутри.
Их песни, преданья, их мать и отец
Бессмертны в изгибах древесных колец.

Они просыпаются в раннюю рань:
Резная кровать. На окошке герань.
Часы. Покосившиеся косяки.
На выцветшем снимке—сыны-моряки.

Раввин

И был он жив—раввин Овадья Йосеф,
Зубрил он Тору и гонял мячи,
Когда младенцев иудейских кости
В Треблинке выгребали из печи.

В Порат-Йосефе, услыхав про кости,
Раввин сказал, не отвернув лица:
«Евреи, вы виновны в Холокосте,
Вы позабыли Слово и Творца…»

Он повторял, пока не начал стынуть,
Твердил, как мальчик, жизнь прожить забыв:
«Враги должны наш мир тотчас покинуть.
Враги мертвы—Израиль будет жив!»

Метался, всеми солнцами прожжённый,
Притягивая пули, точно пчёл.
Ведь Бог берёг совсем не бережёных,
А тех, кто сам навстречу смерти шёл.

Любой из смертных и велик, и грешен.
Раввин в гробу вдруг сделался красив.
А прежде—пел. Ел с косточкой черешню.
И он был прав: Израиль будет жив.

Лёня

А память тоже в море тонет,
Как тонут люди и суда.
Жил-был в Крыму старьёвщик Лёня,
Ходил из Нового в Судак.
Воспоминания и вещи
Скупал гуртом: ««Тащите всё!
Хоть семисвечия, хоть клещи,
Хоть Гумилёва, хоть Басё…»
Не знавший гордости и горя,
Он раз обмолвился в пивной:
«За моряком приходит море.
Посмотрим, кто придёт за мной…
В июне с Ривкой съездил в Киев,
И вновь на мель—такая жисть,
Дела мирские—не морские:
Нельзя на завтра отложить».
Но море лишь вздыхало тяжко
В сырой каштановой пыли,
Когда суконные фуражки
За балку Лёню отвели.
Со смертью спорить—я не спорю.
Я нагло к ней стою спиной:
«Мой средний палец! Слышишь, море?
Посмотрим, кто придёт за мной!»

Плач по Царевне

Киношных красавиц всех краше
Была на войне баба Маша,
Тогда ещё Машка, Мария…
Веснушки, глаза голубые.
Подросток из нищей деревни.
Бойцы её звали Царевной.
Ей, птахе, землянка—как за́мок.
Ей глазом моргнуть—выйти замуж.
Но после войны в одиночку
Родила Марусенька дочку.
В хибарке с залатанной крышей
Взрастила Царевна Иришу,
А Ирка-оторва (в папашу)
Подбросила Димку с Наташей.
Теперь баба Маша—в могиле,
В деревне её схоронили,
В Кузяево, что рядом с дачей…
Все плачут—а я вот не плачу.
Мне снится всё чаще и горше:
Мы вместе воюем под Оршей,
И снайпер—щербатый и русый—
Убил из винтовки Марусю.
Шепчу удивлённо и гневно:
«Царевну убили! Царевну…»
Нам врали, что жизнь бесконечна…
Лежи, большеглазый кузнечик!
Ромашкой да снытью укройся,
Война ещё длится—не бойся…

Баллада о хлебе

Есть Всемирная сеть—только знай себе байки трави,
Потешай интеллектом братву из соседних кварталов:
Мол, на свете во все времена не хватало любви…
Что, по-моему, чушь. Это хлеба всегда не хватало.

Был бы хлеб—будет счастье, а вот без любви не помрёшь.
Помню, бабка лупила всегда, если выбросишь крошки.
Говорила: в войну было всё, что не рожь,—это ложь…
Ели конский навоз да пекли из полыни лепёшки.

Дело давнее в мире всегда порастает быльём,
Но быльё это в нашем жилье крепким словом повисло.
И когда отметаю, бывает, от крошек я дом,
То как будто всегда невзначай совершаю убийство.

Мне б терпенья военного! Бабкино мужество мне б!
Запах теста и сумерки в тёплой крещенской квартире…
Что такое любовь? Лишь разломленный надвое хлеб!
Только хлеб разломить—это самое трудное в мире.

Украина

То ли пламени языки
Заметались над древним курганом,
То ли в круг собрались казаки—
Пишут отповедь бису-султану.

Льётся пот со смеющихся лиц,
Хоть и степь холодна, словно пуля.
В дымном мареве крики орлиц
И ревшан зеленей, чем в июле.

«Бисов сын! Потягайся поди
С этой злой и неведомой силой!
Хочешь взять нашу степь? Приходи!
Она станет твоею могилой.

Нам товарищ один—острый нож,
Запах дыма бездомный и горький.
Хочешь хлеб наш отведать? Ну что ж!
Этот хлеб мы вобьём тебе в горло.

Степь нам мать, и она—нам отец.
У гробов наших нету карманов.
Хочешь душу забрать? Ты мертвец!
Нам не надобно пленных султанов!»

Сверху гомон гнездящихся птах,
Сбоку ридная сабля-сестрица…
Подлой смерти сильней только страх—
С ним нельзя ни прожить, ни смириться.

Владимир Штеле

«Шурочка, не бойся меня»

Ага, снова падает.

Сначала совсем маленький, чёрненький, а потом—ближе, ближе и больше, больше.

А высота какая!

Как они туда забираются?

Уже всех спрашивал, но те, кто знает,—отмалчиваются: мол, если не дурак, сам догадайся,—а кто не знает, те или ухмыльнутся, или мне внимательно в глаза посмотрят и отвернутся.

Один такой внимательный посоветовал: ты у Марка Аркадьевича спроси, он самый умный в городе, он всех учит, он и по болезням, и по техническим наукам, и по языкознанию, а по политике—так тут он собаку съел.

А я стал объяснять, что это не политика, а, скорее всего, орнитология, и спросил, есть ли у Марка Аркадьевича диплом по этому делу. Пока я спрашивал, тот, который посоветовал, исчез. А где этого Аркадьевича искать?

Говорю своей Александре Ивановне: «Шурка, что делать?» А она говорит: «Купи ружьё и стреляй в них». Ну да—стреляй! Во-первых, они высоко, а падают быстро, как камешки; во-вторых, это, возможно, что-то живое; а в-третьих, кто мне в Германии ружьё продаст? Они нас и без ружья боятся, стороной обходят. Про нас если что в газетах и пишут, то только плохое. Вот у моего соседа Виктора Гартенмейера, он из Нижнеудинска приехал, три сына немецкие университеты с отличием закончили, а у Лили Кох дочка уже пять лет врачом работает, и сынишка в немецком олимпийском резерве. Но про них вы, конечно, ничего не слышали и не услышите. А Сашку Копманна у нас в городе, где без малого сто тысяч человек живёт, все знают. О нём уже два раза писали. Один раз—когда охранника дискотеки подрезал, а второй раз—когда вынес из магазина *лэптоп*, но попался, причём это был уже седьмой *лэптоп*. Далеко зашёл, знал ведь, что семёрка ему неприятности приносит.

Самое интересное, что эти чёрные шарики както с диваном связаны. Об этом тоже надо у Марка Аркадьевича спросить, если он найдётся.

Диван-то на вид обычный. По низу бахрома из крупных кисточек пущена, а обивка толстая, жёсткая, задницей её не протереть, даже если моя Шурка на нём ещё двадцать лет елозить будет. Цвет тоже подходящий, немаркий,—болотный с жёлто-зелёными разводами.

В болоте такого цвета я тонул в шестьдесят восьмом году на севере Томской области. Тонул, а утонуть не боялся. Даже специально дёргался, чтобы скорее скрыться. Тогда в моей жизни начались крупные неприятности, которые от меня до сих пор не отстают. Потом прыгал я из одной области в другую, из одной советской республики в другую, из города в деревню, а потом из деревни в совсем другой город, а неприятности—за мной. Потом ускакал в Германию, а тут эти чёрные шарики!

Вот тонул-тонул, радовался, но как только жижа к подбородку подошла—стоп! Твердь под ногами образовалась. Если бы я был не метр восемьдесят, а метр семьдесят шесть, то всё было бы нормально. Рост подвёл. Так бывает. Господь решил меня от всех проблем заблаговременно освободить, а в канцелярии Его—ошибочка! Какой-то херувим поставил в графе «Рост» не метр восемьдесят, а метр семьдесят шесть—вот и мучайся теперь всю жизнь. Я простоял в болоте целые сутки, задрав голову, как на армейском плацу. Стоял вслепую. Морда была полностью залеплена грязью, которая стала маленько подсыхать, её даже комары не могли прокусить. Правда, всё норовили в рот залететь, а я был согласен. Как набьётся мошки полный рот, я их сглатывал, а это—высококачественный протеин.

Спасли. Вытащили. А кто—не знаю. Рассказали, что когда меня в больничку привезли, у меня во рту палка намертво прикушенная была. Это какой-то лесной человек, который и убить, и обворовать запросто может, но в беде не оставит, сунул мне, наверное, верхушку стволика молодой берёзки в рот, я её прикусил, отключился. Ну а дальше он уже меня потихоньку вытащил, сообщил моим геологам. Тогда я практику проходил, как студент геологического техникума.

Потом этого лесного человека я не искал. Сомнения были, что его поступок был правильным. Кроме того, я человек неблагодарный, это мне первая жена первые три года талдычила. Да и от этой грязи я тогда ослеп, хотя все говорят, что грязь лечит. Ослеп-то ослеп, а потом, через три недели, которые я в колыванской районной больнице провёл, зрение стало восстанавливаться,

и стал я видеть всё лучше и лучше, резче и резче. Короче, процесс восстановления пошёл, но там, где надо, он не остановился, а пошёл дальше. Что-то подобное случилось потом и у всем известного Михаила Сергеевича.

Уникальный факт был зарегистрирован местной акушеркой Адой Степановной, которая по совместительству выполняла работу офтальмолога. У неё была картонка с буковками и цифрами разной величины. Меня посадили на скамейку возле дороги, а картонку взял возчик, который продукты завозил на телеге в больничку. Сначала он отъехал на сто метров. Остановился, обернулся, показал картонку, а я стал называть мелкие буковки из нижнего ряда. Ада Степановна меня проверяла через трофейный немецкий армейский бинокль. Махнула возчику, чтобы дальше ехал. Так он с остановками доехал до Силантьевского ельника, а это — для тех, кто не знает, — три километра от больницы. И ни одной ошибки!

А теперь эти шарики. Чёрные, сначала маленькие, а потом — больше и больше. Главное, падают прямо на меня. Летят с высоты, где стратосфера заканчивается и космос начинается. Так мне кажется.

Спрашиваю Шурку: «А ты их *видала*?» Хотя знаю, что эта слепая курица уже собственного носа не видит. Характер разговоров у нас давно не меняется: она ругает, обвиняет, корит меня, а я разъясняю и пытаюсь внести научную объективность в наши беседы, которые всегда заканчиваются крайним возбуждением Шурки. Жалко мне её. Плохо у неё со зрением, а слушать меня она совсем не хочет. Вот так в старости и бывает: живут, живут вместе, а потом или он, или она превращается в раздражающий фактор. Какие беседы? Какие разговоры? Да лучше пойти в город Марка Аркадьевича искать.

Конечно, какая-то скрытая опосредованная связь чёрных шариков с диваном есть. И в многомиллионном мире, где тысячи научных лабораторий, это знаю только я.

Да, диван удобный, но как он мне достался! Шурка увидела диван среди другой ненужной мебели, которая была выставлена на улицу из одного краснокирпичного домика, и обомлела. Она не могла понять, как можно такую вещь выставить на улицу, откуда у людей такое бессердечие. Мы всегда относились к вещам в Советской России бережно, даже полиэтиленовые пакетики мыли, сушили для повторного использования. А эти практичные, прагматичные немцы, заботливые охранники природы, позволяют себе то, отчего русское сердце болит и наполняется возмущением.

Александра Ивановна у меня русская, можно сказать — чистая, без примесей, а мне эти херувимы, похоже, ошибочно записали: немец. Да, получилось так, что мои покойные и убиенные бабушки и дедушки были в южной России настоящими немцами: в кирху ходили, разговаривали на своём языке, жили среди немцев, работали с немцами. Не воровали, в Бога верили. А мои родители превратились после Сиблага в полунемцев: в кирху не ходили, жили среди русских, с русскими выпивали, по-немецки не читали; иногда, вспоминая своё досиблаговское житьё, разговаривали между собой по-немецки, но по-русски получалось уже значительно лучше. Не воровали, хотя в Бога не верили. Ну а я с рождения — среди русских, всё хорошее и плохое от них перенял; когда водку пью — плачу, но и в морду могу кулаком дать, вспыльчивый я; работать люблю, не воровал и не ворую; в больших компаниях чувствую себя неуютно; владею всем спектром русского языка без словаря, владею немецким со словарём, могу с эвенкийцем на его языке потолковать; руки у меня мастеровые, но терпения для усидчивого труда мало. Херувим думал-думал, что мне записать в графе «Национальность», которая стоит после графы «Рост» и перед графой «Размер обуви», начал с «ру...», а потом передумал, стёр ластиком это «ру» и записал: «немец», брезгливо скорчив свою благообразную рожу.

Ну, немец так немец. Так и жил в России потихоньку и только иногда ловил на себе испуганные взгляды малограмотных яркогубых работниц заштатных гостиниц периферийных русских городков и посёлков, когда они раскрывали мой паспорт. Но, приехав в Германию, почувствовал что-то неладное. Понял, что напортачил этот херувим с определением моей нации. Ну если я действительно немец, то почему продолжаю любить пельмени и сугробы, почему продолжаю читать Чехова и Лескова, почему меня мало волнует, что происходит в Баварии, но волнует всё, что происходит в Бурятии, почему страстно хочу, чтобы люди в России жили чисто и достойно? Впрочем, этого я хотел всегда — может, поэтому и уехал, когда на страну навалилась волна грязи. А среди уехавших навсегда оказалось очень много людей неискренних. Они, спасаясь за границей от разбойной либерализации, будут потом эту либерализацию похваливать: может, потому, что среди удачливых разбойников оказались их родственники, а может, потому, что у них наступило помутнение мозгов от обилия социальных подачек.

Вот Шурка обомлела, глядя на диван, а мне тоже неловко и даже стыдно стало за немцев, демонстративно выбрасывающих такие хорошие вещи, которым сносу нет. Общупала Шурка диван, обгладила, всё искала какой-нибудь изъян, а не нашла. «Давай, Владик, к себе заберём, а?» — умоляюще прошептала Шурка, как маленькая девочка, которая хочет обогреть и накормить бездомного щенка, заглядывая под мои затемнённые очки.

Мне диван тоже тогда понравился, но то ли нестандартные размеры дивана, то ли какое предчувствие несчастья заставило меня нахмуриться. Я покрутил пальцем у своего виска и сказал: «Дура, этому дивану знаешь сколько жилплощади надо! Мы же в конуре собачьей живём». Но Шурка так просто не отстанет. Это всегда так: чем больше разумных аргументов я ей привожу, тем сильнее её сопротивление. Чтобы доказать свою правоту, я демонстративно напрягся и попытался приподнять край дивана. Это, конечно, не удалось, но Шурка заорала: «Шнайдера позовёшь!» А какой Шнайдер, если я с ним на прошлой неделе насмерть поругался? Он меня укоряет, что я Шурку в Германию привёз. Мол, место её в России. Мол, они нас дискриминировали пятьдесят лет, а теперь все здесь, в Германии, жируют. Мол, уже половина Москвы и три четверти жителей Ленинграда, которые в парткомах сидели, в нашу Германию перебрались. Стал я ему объяснять, что без советской интеллигенции мы тут, в зарубежье, пропадём. Не будет ни русских газет, ни русских журналов, ни русского телевидения, ни русских юристов, ни русских врачей. А Шнайдер стал орать и обзываться. Тогда я последний аргумент привёл, спрашиваю: «А кто орал, что Германия только для немцев? Помнишь?»

Плохо, что дождь пошёл. Пока я с Шнайдером договаривался, пока он выкобенивался, диван промок и стал вообще неподъёмным. Мы покрутились со Шнайдером возле дивана, решили, что надо братьев Ильясовых звать — они помоложе нас и выпить любят, а времени свободного у них — вагон, как у всех нас. Но тут вышел хозяин дивана — здоровенный немец — и говорит, что он на прицепе диван довезти может. Шнайдер сразу загордился: смотри, мол, какие мы, немцы, добрые и отзывчивые, — меня-то он русским считает. А ехать до моего барака метров пятьсот. Немец сгрузил диван на дорогу — и *ауфвидерзеен*. Шурка радуется, со второго этажа руками машет. Я ей раздражённо крикнул, чтобы Ильясовым позвонила. Ну, позвонила. А они оба в нетрудоспособном состоянии, так как время послеобеденное, в это время переселенцы из России обычно квасят. До обеда ещё силы воли хватает, а дальше — нет, не получается. Это всё из-за женщин, сильно они все на мою Шурку похожи. Бабы после России как сдурели: всё им что-то надо, всё чем-то недовольны. А с мужиками совсем другая история: у них вроде как дух упал, всё из рук валится, как Россию покинули. Приехали в Германию и сдались без боя.

Но это всё описание внутриполитической ситуации, а диван-то широченный на дороге стоит, движение перекрывает. Я волнуюсь: могут за такое нарушение и оштрафовать, а на штрафы социальное ведомство денег нам не выдаёт. Шурка выскочила, ведёт за руку парня с четвёртого этажа, которого Лоренцом зовут, он в бараке временно. Объяснить ничего ему не может, а он и так всё понял. Стали втроём диван толкать. На пять сантиметров его сдвинем — остановка, потом ещё на пять — передых, затем ещё на пять — остановка с матюками.

Вот тогда всё и началось. Шнайдер, когда диван всё-таки затащили, выпучил от зависти глаза, обмыть приобретение отказался, стал сползать по стенке, симулируя приступ стенокардии. А я упал на диван, закрыл глаза, чтобы не видеть счастливую наглую Шурку. Тогда они в первый раз и стали на меня падать, хотя капли в рот с утра не брал.

Понял: промашка случилась с этим диваном. Это Николай Иванович так говорил — зоотехник-осеменитель. Я у него одно время в помощниках ходил, когда в Чебулинском районе оказался случайно. «Вот в прошлом году, — говорил Николай Иванович, — у меня промашка с Октавой и Принцессой произошла, а это, Владик, хуже, чем с бабой в койке опростоволоситься. В парткоме разбирали. А как же: считай, две головы потеряли. Урон для государства. Если каждый осеменитель в СэСэСэР так промахнётся, а нас всего сорок восемь тысяч по совхозам и колхозам таких осеменителей, то получается, считай, почти сто тысяч голов в минусе. Потом умножь эти сто тысяч на живой вес годовалой скотины и на цену мяса. Это же даже страшно представить — миллиардные потери в масштабах государства. За каждой мелкой промашкой стоит большое преступление».

У меня тогда была работа простая, но ответственная: я загибал хвосты. Со стороны выглядит всё просто, но попробуйте сами найти корову и загнуть ей хвост. Во-первых, она это не любит. Во-вторых, сила в хвосте у неё большая. Думаю, не каждый сможет кошке-то хвост загнуть, а тут — корова. Причём — корова колхозная. А колхозная корова своенравная, она свои конституционные права знает, это вам не какая-нибудь Зорька глупая, которая одна в стайке у частника стоит и ни с кем не общается. Если с такой Зорькой промашка выходила, то это государство вообще не интересовало, так как это её частная коровья жизнь.

Николай Иванович категорически отрицал индивидуальное бытовое потребление спиртных напитков. Дома водки не держал. Любил выпивать только в компании и желательно в ресторане, в кафе, в столовой, в кабинете заведующего фермой, в каптёрке сторожа «*Заготзерна*», в крайнем случае — на природе, и чтобы были содержательные разговоры, а распив шёл медленно. Он красочно рассказывал о своей работе, о встрече гамет и спермиев, о зарождении новой жизни, о своей полубожественной роли в судьбе скотины, о решающем значении своей работы в развитии животноводства нашего великого государства. Молодым

был я впечатлительным, поэтому сразу после таких содержательных посиделок, после такой патетики моего шефа хотелось встать, принять повышенные обязательства, пойти на ферму и загибать, загибать коровам хвосты.

Потом, поработав во многих местах на разных мелких должностях, я никогда не испытывал подобного энтузиазма. Где вы, Николаи Ивановичи, теперь? Все сорок восемь тысяч. Вы же не смогли, скорее всего, пережить развал страны и государственной системы искусственного осеменения. Я-то скрылся за рубежом, закрыл глаза, заткнул уши и сижу так уже который год дундук дундуком. А вам каково? Или тоже закрыли глаза, заткнули уши? Рукой на всё махнули—пропади всё пропадом? Растаскивайте фонд семени элитных быков, а быков—на барбекю!

…Наткнулся я на него случайно. Слышу—кого-то поучает, а речь размеренная, басовитая, грамотная. Так только солидные начальники умели говорить. Спрашиваю: «Извините, вы, наверное, Марк Аркадьевич?» А он степенно довёл беседу с другим товарищем до конца и мне отвечает: «Я Аркадий Маркович. Но, молодой человек, от перемены мест, вы знаете, сумма не меняется. Чем могу быть полезен?» Говорю: может, в сторонку отойдём, так как у меня вопрос деликатный, а тут, у входа в русский магазин, каждая собака нас понимает. Я дёрнул головой и подморгнул одним глазом, давая понять, что разговор будет серьёзный. Кажется, он понял, что имеет дело не с каким-то Шнайдером из Кулундинской степи, а с человеком, как и он, солидным. Говорит: «С удовольствием вас, милейший, проконсультирую завтра в ресторане „Пфеффермюле“, а сегодня я уже пообедал, извините. Только, милейший, если вы по поводу импотенции, то это к Самуилу Генриховичу». Я руками взмахнул: мол, нет-нет, у меня естественнонаучный вопрос, но на всякий случай дайте и телефончик Самуила Генриховича—у меня шуряк уже седьмой год как неспособный.

Поговорил—и облегчение почувствовал. Всё мне в Аркадии Марковиче понравилось: и манеры, и речь, и спокойная уверенность. Я ведь всё то с Шуркой, то с придурковатым Шнайдером собачусь, а других социальных контактов у меня нет.

Иногда хочется телевизор посмотреть, к культуре приобщиться, но Шурка меня к нему не подпускает. Телевизор у нас работает двенадцать часов в сутки на русском языке—это, считай, шесть серий сериалов в день. И Шурка эту нагрузку выдерживает, причём события всех сериалов помещаются в её голове, она эти события анализирует, делает прогнозы развития ситуаций, гордится, когда её прогнозы совпадают с решениями режиссёров. А частота этих совпадений становится всё выше. На этом основании Шурка стала о себе много понимать. Заявила, что собирается писать киносценарий, в основу которого положена случайная встреча юной чистой российской провинциалки с красивым молодым миллиардером, разочарованным в жизни, так как все хлебные предприятия России приватизированы, присвоить что-либо ещё *на дурака* нет возможности, а бизнес за рубежом не идёт, так как там кругом ловкие капиталистические акулы. И остаётся этому несчастному миллиардеру только объявить войну кремлёвским сидельцам, чтобы как-то скрасить своё существование. Но войну он проигрывает, попадает в зону, а юная чистая российская провинциалка незаметно от спецназа перекидывает миллиардеру через тюремную ограду ветку цветущего багульника—как привет от всего угнетённого либеральной демократией русского народа. И эта политическая акция перерастает в настоящую любовь. В письме к любимой миллиардер горестно признаётся, что он не тот, за кого она его принимает, что он давно уже не миллиардер, а всего лишь миллионер. Девушка из сибирского села стойко перенесла это известие, не отказалась от любимого, сообщила ему, что даже если бы у него осталось не триста пятьдесят миллионов долларов, а только триста, то и в этом случае она продолжала бы его ждать из зоны, так как вокруг только голь и пьянь, которая к эффективному бизнесу не способна: если и воруют, то по мелочи, без московского размаха.

Творческую идею Шурки я одобрил. Только порекомендовал более выпукло показать поддержку миллиардера со стороны простого народа. Пусть обнищавшие жители полуразрушенных сибирских сёл по инициативе простой влюблённой девушки начнут скрытно от администрации президента собирать деньги на организацию побега миллиардера из тюрьмы и купят вскладчину вертолёт с длинной болтающейся верёвкой, к которой когда-то был привязан элитный бык Адольф из бывшего племенного хозяйства «Расцвет Забайкалья». А в заключительной сцене молодой миллиардер, вцепившийся в верёвку, будет вознесён в голубое морозное небо, аки ангел.

Красиво, символично, назидательно, образно! «Да здравствует справедливость!»—будут кричать, подбрасывая шапки, селяне, одетые сплошь в худые телогрейки, как и улетающий в сторону Запада свободный, как птица, миллиардер с веткой засохшего багульника в зубах.

Да, любовь и социальная справедливость—эти две темы будут вечно тревожить человечество.

Я пошёл на свидание первый раз в шестом классе. Мне записку тогда подбросили, где стояло, что меня приглашают на свидание в хозяйственный магазин, а встреча должна была состояться в отделе, где продавались лопаты. Почему-то меня не насторожили эти прозаические лопаты

в романтической записке дамы, которая могла быть Людкой Чумаковой, или Верочкой Бурко, или даже Асей Хабибулиной. Они мне все три нравились одинаково сильно, хотя девочки были друг на друга совсем не похожи. Вот, например, Людка — разбитная, смелая, материться умела, иногда она меня защищала. Полюбил её, наверное, за доброе сердце. А Ася — такая тихоня, рта не откроет в школе, но очень красивая, особенно бровки чёрные её мне нравились. Верочка — ни то ни сё, меня она демонстративно не замечала, у неё единственной были золотые серёжки — может, поэтому она ходила всегда с высоко поднятой головой. Особой красотой она не отличалась, училась посредственно, но умела степенно входить в класс, осторожно садиться за парту, а не плюхаться, как другие девочки. Короче — готовая светская дама, которая с детства себя уважала, и это притягивало.

Простоял я истуканом возле отдела лопат с тревожно-счастливым выражением лица минут двадцать, разглядывая ценники. Покупателей не было. Продавщица сидела в углу и сначала сонно посматривала на меня, а потом поднялась и стала отгонять меня от прилавка короткими взмахами обеих рук, как отгоняют назойливых мелких собак или загоняют курей в стайку. Пришлось отвернуться, и в поле зрения попало окно.

Я оцепенел от ужаса. За спиной послышался грохот какого-то падающего предмета. Продавщица выругалась, а я знал, что это упало моё сердце, так как за окошком, удобно устроившись на бревне, которое уже несколько лет лежало бесхозно перед магазином, сидели Дятел и его соратники. Они курили, посмеивались, кого-то ожидая. Это была западня. Они ожидали меня. Ни Людка, ни Верочка, ни Ася в магазине не появятся. Им и в голову не придёт дружить с таким дураком, как я. Высокое самомнение — свойство большинства идиотов. С этой хронической болезнью мне придётся жить до самого конца. И, даже умирая, буду верить, что попаду в рай, как каждый мученик, хотя Николай Иванович назвал рай местом сбора идиотов. Но появиться в раю в звании мученика всё же приятнее. А мои мучители сидели рядком в нескольких метрах от меня, готовые меня распять, но человечество не узнает о моём очередном восхождении на Голгофу.

Большое спасибо советской власти! Это я пишу без иронии, без ехидной улыбки. Уверен, если бы моя любимая родина в начале прошлого века не пошла по пути социализма, то цена на черенки лопат была бы повсеместно больше одного рубля и десяти копеек. Это было подтверждено либеральными преобразованиями в конце прошлого века, когда черенки лопат просто исчезли, а потом в магазины завезли иностранные красивые лопаты из специального сплава, рецепт которого был известен только Фридриху Альфреду Круппу, а черенки были изготовлены из дерева, пропитанного биополимерным раствором, рецепт которого содержит в тайне один крупный западный химический концерн. Такой черенок стоит семьдесят евро, что соответствует месячной зарплате медицинской сестры, которая будет работать в нашей районной больнице в начале двадцать первого века, если посёлок к этому времени не самоликвидируется ввиду многочисленных заболеваний, вызванных переходным периодом. Но пока об этом никто и не догадывается, пока мы строим планы на столетие вперёд, пока мы ещё гордимся великой родиной — Советским Союзом. И если бы не Дятел с его подельниками, то жизнь была бы прекрасной. Вот так будет у меня и дальше: мне не мешали правые и левые партии, президенты-консерваторы, генсеки-новаторы, канцлеры-социалисты — мне мешали люди, которые жили или работали со мной рядом. Их было всегда немного. Тех, которые не мешали, — было всегда значительно больше. Но от этого ядовитого меньшинства мне не удалось скрыться даже за границей.

Ещё раз поблагодарю партию и правительство за понимание текущего момента — я имею в виду семнадцатое апреля тысяча девятьсот шестьдесят второго года, когда я ошарашенно водил глазами по магазину и когда мой взгляд наконец прилип к ценнику, где стояло: «*Чиринок лопатный 1 руб. 10 коп.*». А в моём кармане находился один рубль и двадцать копеек. В советское время цены относились к населению с сочувствием и не подталкивали народ к воровству. Даже школьник из рабоче-крестьянской семьи мог себе позволить приобрести в личное пользование *чиринок лопатный*.

Я выскочил из магазина с черенком в руках и кинулся как ненормальный на вечных обидчиков. Дятел оказался самым быстрым. Один из его соратников стал корчиться возле бревна. С криком выскочила на деревянное крыльцо продавщица, а я кинулся вдогонку шайке. Все разбежались, будто их и не было. Я побрёл с палкой домой; стало почему-то грустно, победа не принесла радости. Как показала будущая жизнь, радость, я бы сказал — мобилизующую радость, мне приносило только присутствие красивых женщин рядом. Не обладание, а именно — присутствие. Хотя обладание — это тоже неплохо. Но присутствие — как намёк на возможность невозможного — важнее. Обладание — это финальная, завершающая стадия, за которой нет будущего, которая опошляет всё, что было до этого.

Моя Шурка этого не поймёт, она всегда была лишена романтизма, она очень любила и любит вещи, особенно мебель и яркие цветастые обои, которые подавляют мою волю и вызывают головокружение, поэтому дома я всегда ношу тёмные, почти непроницаемые очки.

Она любит мебель, и мне приходится лежать на огромном диване, а на меня падают и падают эти

чёрные шарики с серебристым отливом, которые хорошо различимы через тёмные очки, а если закрыть глаза, то шарики становятся контрастней.

Выпивки мне в последние годы приносят только печаль. Те, с кем интересно было посидеть, потолковать, остались в России или просто улетучились, как утренний туман над сибирской речкой Яя. А те русскоязычные беглецы и перебежчики, которые меня окружают в Германии, вызывают стабильное чувство тошноты, потому что в них я вижу себя. Себя-то я видеть и не хочу—противно это. Противно быть перебежчиком, противно жить не на родине, противно говорить на примитивном чужом языке, противно тащить в барак подаренный тяжеленный диван, противно говорить «спасибо» за этот диван, противно ковыряться вилкой в нерусской пище, противно ждать незаработанную пенсию. Короче, вся эта заграничная жизнь унизительна, она заполнена пошлыми мелкими интересами и может быть интересна только пошлым и мелким людям. И только прикосновение к придуманному светлому образу былой родины даёт душе облегчение, хотя знаешь, что жители твоей былой родины унизили и опошлили свою страну и глядят жадными глазами на твоё незавидное западноевропейское пошлое житьё-бытьё.

Жалко вас, ребята.

Признаюсь, иногда я чувствую себя немцем, особенно тогда, когда появляется желание помочь русским. Признаюсь, что это была моя инициатива—разработка нашумевшего законопроекта по переселению всех немцев из Германии в Парагвай. Пришлось как-то побывать на партийном театральном представлении местных социалистов—они тогда страдали от дефицита новых политических идей. А у меня идей всегда много, как у дурака махорки. Поделился. Вот и началось. Конечно, моё имя позабыли сразу. Солидные люди стали проталкивать этот законопроект через бундестаг и зарабатывать политические очки. А главный пункт этого законопроекта заключается в передаче опустевших немецких автобанов, современных машиностроительных заводов, прекрасных больниц и клиник, немецких городов и городков со всем дорогим барахлом русскому народу. Пусть переселяются и пользуются всем этим, если сами из поколения в поколение не могут организовать свою жизнь. Одна только просьба: не тащите с собой ваши хвалёные стратегические ракеты и водородные бомбы, а также ваше жкх. омон и мчс также желательно оставить на месте, в этом здесь нужды нет, хотя современному россиянину поверить в это почти невозможно. Чтобы исключить будущую неразбериху на немецких—пардон, уже на русских автобанах, российскую государственную автоинспекцию с личным составом надо передать бесплатно любому недружественному государству—например, Грузии. Особая просьба касается российской пенитенциарной системы—её трогать вообще нельзя. Эта система должна жить автономно дальше и не догадываться, что все россияне перебрались в другую страну. Тюрьмы и лагеря будут снабжаться непосредственно из Парагвая с помощью воздушных мостов. В нашем законопроекте продумано всё, но один вопрос остаётся открытым: кто же будет работать на десятках тысяч немецких заводов, где нужны мехатроники, электромеханики, конструкторы, чертёжники, специалисты по обработке металлов резанием, холодным и горячим прессованием? Талантливые российские режиссёры, посредственные композиторы, а также престарелые сотрудники Российской академии наук для этого не годятся. Молодые малограмотные экономисты, политологи, имиджмейкеры, специалисты по проведению корпоративных празднеств, маркетологи, пластические хирурги, рестораторы и юристы, купившие дипломы, сами на такую работу не пойдут. Такая работа не соответствует их статусным представлениям. Фу, завод! Остаются братки, профессиональные спортсмены и попса. Но они, привыкшие грести деньги лопатой, реальную лопату в руки не возьмут никогда. Ситуация тупиковая. Надеюсь, что изобретательный русский народ найдёт какое-нибудь хитрое решение этой проблемы, какую-нибудь жуликоватую серую схему, какую-нибудь интересную новую пирамиду, а в крайнем случае отправит на эти заводы покорных таджиков.

Хочется верить, что после передачи страны в другие руки не станет опасным ходить по уютным ночным городам бывшей Германии, что не станут вонять подъезды в домах, что не будут бесцельно бродить по улицам компании алкоголизированных юнцов и бездомных собак, в больницах не появится дефицит лекарств, врачи останутся корректными, высокообразованными, доброжелательными, а преподавателям вузов не придёт в голову брать взятки со студентов и плодить псевдоспециалистов, способных только разрушать и воровать.

Я человек подозрительный, доверять мне нельзя. Чужим нельзя доверять по определению. А я был в России чужим и стал совсем чужим в Германии. И это правильно, что меня подозревали и подозревают. Ведь и последнему тупице ясно, что за этой затеей с Парагваем скрывается личный интерес. Да, если организованную дисциплинированную армию немецкого народа отправить на целинные земли Парагвая, это взбодрит нацию, вызовет прилив новых сил, а преобразовательская деятельность возродит национальную гордость. Да, если разрешить свободный въезд россиянам в пустые немецкие города, то на Запад кинутся все нищие и богатые, все бездельники, воры, алкоголики,

бандиты и, конечно, солидные чиновники. Результат: мой любимый сибирский посёлок, состоящий из нескольких тысяч полусгнивших домов, освободится полностью. Вот в этом и есть моя хитрость. В Парагвай-то перебираться я не собираюсь, а жить в Германии в окружении российского народа сил нет. Я вернусь в мой освобождённый сибирский посёлок, где можно будет безбоязненно бродить по ночным улицам, где не будет пьяных драк, где разом исчезнут злоба, хамство, зависть, подозрительность, блуд, вражда.

Знаю, что Шурка со мной не поедет, ей нравится жить в Германии.

А вражда есть везде, где живут люди. И обиженные, гонимые, униженные при первой возможности превращаются в гонителей и обидчиков. Поэтому моё решение жить одному в освобождённом сибирском посёлке является единственно правильным.

«Шура, Шурочка, я же заказал столик в „Пфеффермюле“, а встать с дивана не могу. Я видел, видел этот особенный шарик — быстрый, серебряный с чёрным отливом. Когда он только появился высоко-высоко, я уже знал, что он попадёт в меня. И он ударил в мою голову, но следа от удара не осталось, только закрылись глаза. Шурочка, не бойся меня».

Произошло неожиданное. Оказывается, у меня есть душа. Но она не могла появиться в момент смерти, значит, она была у меня всегда. Странно, а я думал всю жизнь, что у меня болело сердце. Я видел себя сверху. На диване остался бледный человек.

И что обо мне подумает Аркадий Маркович, когда сегодня появится в тринадцать тридцать, как договаривались, в ресторане «Пфеффермюле»? Плохо уходить, не выполнив свои дела. Простите все.

«Шурочка, не бойся меня».

ДиН ревю

Владимир Адамовский

Изгои земли Сибирской

Санкт-Петербург: НППЛ «Родные просторы», Библиотека журнала «Невский альманах», 2015

В книге представлены разноплановые рассказы и повести о нелёгкой жизни и судьбах людей, живущих в суровых местах Сибири.

В повести «Изгои земли Сибирской» рассказывается о староверах, одержимо преследуемых спецотрядом НКВД в глухой тайге сибирского Севера.

Повесть «Остров Проклятый» — о политзаключённых, отправленных на Проклятый остров, где каждый сразу начинал понимать, как выглядит ненависть... На фоне мрачного многообразия пороков на Проклятом острове как луч света — история яркой девушки Анны, поехавшей в сибирские лагеря вслед за любимым и готовой пожертвовать собой ради его спасения. Здесь же автор правдиво и честно раскрывает великий обман рыночной экономики, свалившейся на доверчивые головы аборигенов Проклятого острова.

«Будни сибирского Севера» — повесть о жизни директора предприятия Тарасова, сторонника коммунистов, подкорректировавшего их отношение к белогвардейцам, политзаключённым и церкви. Его мечта — в коммунизм без атеизма под девизом «С нами Бог!».

Повесть «Жизнь и смерть Сергея Бадина» насыщена необычными приключениями, охватывающими период от революции 1917 года до наших дней. История большой любви, с преградами из далёкого прошлого.

Юмором и неподдельным оптимизмом пропитаны рассказы из серии «Мифодий из Тунгуски». «Затаив дыхание, быдто во адовы сокровища, на её обесчещенные телеса гляжу... ох, горе душе моей, дохну, глядючи на сласти бабьи...» — страдает Мифодий.

О мужестве сибирских рыбаков и охотников, невольно ставших браконьерами, о встрече их с мифической колдуньей Синильгой и стаей полярных волков — в рассказах «Сезон охоты», «Таёжные люди», «Встреча с Синильгой», «Полярные волки».

Все произведения переплетаются нитью искренней любви к порой жестокому и опасному сибирскому Северу.

Анатолий Шинкин

Включай характер, Борода

— Парень потерял почву под ногами. Отсюда все беды.
— Какие беды? Погрузчик забуксовал при въезде на эстакаду и рассыпал ящики с поддона,—Данила отошёл от окна и, закуривая, присел на край стола.—Сейчас соберёт и поедет дальше.
— Юрка—выдающийся карщик,—запальчиво возразил Андрей.—Так облажаться он мог только по серьёзной причине.
— Не заводись. Если б не суббота, ты бы не торчал у окна, подмечая от скуки чужие проколы и создавая на пустом месте проблемы, а мотался по складам с накладными и доверенностями.

Данила и Андрей работали у отца—хозяина продовольственной базы, совмещая должности снабженцев, экспедиторов, логистов, мастеров, менеджеров. Тридцатилетний Данила, высокий, плотный, мужиковатый, «тащил на себе» административную часть. Младший, Андрей, стройный и гибкий, держал в руках оперативную работу: погрузку, отгрузку, приёмку товара, руководил работой комплектовщиков и водителей каров-погрузчиков.

Юрка, по прозвищу Борода, злобно оглядываясь, заранее представляя насмешливые ухмылки работяг, собирал на поддон разбросанные ящики. Въезд на эстакаду—пандус—крутоват, а сегодня ещё обледенел. Водители всегда чувствовали себя на нём неуютно. Только Юрка, единственный из всех, преодолевал подъём с ходу; работая гидравликой и газом, уверенно, не шелохнув груз, влетал на эстакаду и мчался дальше к нужным воротам.

А вот сегодня «обломался»: левое переднее закрутилось, забуксовало на обледенелом пятачке, кар встал боком, и ящики полетели с поддона вниз.
— Надо блокировку включать. Я всегда здесь включаю блокировку,—забубнил невесть откуда взявшийся Витька Клюев—коллега, мать его.—Потому что без блокировки забуксуешь…
— Гуляй подальше.
— Я помочь хотел…
— Ну что тебе стоит не помогать?—враждебно-просительно откликнулся Юрка.—Иди уже.

Ещё не хватало слушать советы от Витьки—карщика без году неделя. Знал Юрка и о блокировке, и в какую сторону руль крутить, и как газовать, и куда груз наклонять, да только голова другим занята.

Тридцать пять—другие один раз жениться не успевают, а от Юрки третья ушла. Ну и чёрт бы с ней, но вчера заявилась, кукла расфуфыренная, и попросила «десять штук» в долг без отдачи. Типа, у нового самца холодильника в доме нет, а без этого агрегата молодым никак, и Юрка должен войти в положение, поскольку «милый, ближе у меня никого нет».
— Слушай, милая,—грубо ответил Юрка дрожащим от негодования голосом.—Была ты моя милая—и моя зарплата была твоей. А теперь ты не моя милая, и зарплату я трачу на себя…
— Козёл! Сдохнешь тут…—хлопнула дверью бывшая.
— Стой!—крикнул вслед Юрка.

Вышел на крыльцо. Отсчитал пять тысяч. Сунул женщине в руку.
— Больше не могу, извини.
— Юра, ты самый… лапочка. Ты лучший. Если этот гад меня кинет, я к тебе вернусь.
— На,—Юрка достал портмоне из заднего кармана; вздохнув, нащупал между техпаспортом и водительским удостоверением «заначку»—пятитысячную купюру. Протянул недрогнувшей рукой.—Забудь сюда дорогу.
— Юра, а хочешь…
— Иди уже… что жёны—самые дорогие проститутки, я и до тебя знал.
— Вот, все вы такие,—торопливо зацокала каблучками к калитке.—Хамоватые хлопчики. Натуральные сволочи.

Юрка купил бутылку водки и за вечер, потихоньку убираясь в гараже и кляня свою нескладывающуюся семейную жизнь, выпил до донышка. Ночью просыпался, курил: «Опять поимели. Никому отказать не могу. Был бы бабой—по рукам затаскали. А… И мужиком… только ленивый не трахает».

Утром пришлось начать работу с замены колеса. «Гастарбайтеры»—мужики из провинции, работающие вахтовым методом,—не останавливаются круглые сутки и к утру «поймали» гвоздь. Ещё и на них паши! Быстро заклеил камеру, выехал из гаража и на первой ездке так сплоховал.

По субботам и воскресеньям база не отгружала товар, работая только на приём и внутреннее

обустройство. Данила и Андрей могли позволить себе расслабиться, поболтать, а то и выпить на досуге.
— Всё, повёз,— Андрей так внимательно вглядывался в окно, что Данила не выдержал и подошёл.
— Андрюх, ты напрягаешься, будто сам рулишь. В порядке информации: кары въезжают на эстакаду тысячу раз в день и порой рассыпают груз.
— Только не Юрка. Он мастер. Поверь слову гонщика.
— Гонщика на джипах,— насмешливо уточнил Данила.— Извини, но ваше барахтанье в грязи, пусть и на полноприводных тачках, называется не «гонка». И сами вы — последние из могикан: все тропинки протоптаны, бездорожья не осталось… И хорошо: зачем оно нам?
— Наши гонки — преодоление препятствий. Главное слово — «преодоление». Проверка машины, себя.
— Проверить себя? Эта максима в последнее время здорово девальвирована. Теперь говорят: искать на жопу приключений,— Данила развлекался, насмешливо посматривая на брата.— На оборудованной трассе…
— Мчаться по асфальту — большого ума не надо. Точнее, совсем не надо: чем меньше ума, тем больше скорость.
— Кар едет медленнее джипа, да ещё груз везёт,— Данила засмеялся.— Вот мечта умного гонщика.
— Самую суть уловил нечаянно,— улыбнулся в ответ Андрей.— И соревнования карщиков наверняка проводятся. Посмотрю сегодня в Инете, и отправим на них Юрку для повышения самооценки
— Твоей?
— Его,— Андрей смотрел серьёзно.— Вернём парня к жизни — и, может быть, сами станем лучше.
— Ну, тебе это не грозит.
— Неужели так безнадёжен?
— Шучу. Никто не знает точных параметров хорошести человечка. У бомжа одни, у олигарха другие. Ты себя к кому?
— Я бы предпочёл общечеловеческое и среднестатистическое,— не поддержал веселья брата Андрей.— Снобизм — это противно.

Данила, попыхивая сигаретой, бродил по офису, изредка посматривал на копающегося в накладных Андрея. Обдумав ситуацию, остановился напротив брата.
— Плохая идея. По большому счёту, мне плевать на чужие проблемы, пока они не мешают работе. В противном случае на место Юрки придёт Федька, Пашка, Серёга и далее по святцам — за воротами у нас длинная скамейка запасных.
— На которой мы не сидим, потому что папа — босс.
— Как всё запущено! — Данила насмешливо прищурился.— Без папы мы никто и звать никак! Батя, заметь, уже года четыре на базе не появлялся. Всем управляю я, ну и ты — на посылках, как золотая рыбка у известной старушки.
— Управляешь, но это характеризует батю как умного, опытного, дальновидного бизнесфатера. Он создал работающий проект, поставил во главе относительно адекватного топ-менеджера — тебя, а не ветреного, импульсивного меня, который давно бы пустил всё накопленное по ветру, катаясь в рабочее время на джипе по российскому бездорожью,— Андрей откинулся на спинку стула.— Пора признать, брат, что мы не только ничего не создали, но и, очень возможно, не способны создавать.

В десять работяги отправились на получасовой перекур, и Юрка Борода шустро завернул в гараж. Ещё утром, меняя колесо, заметил масляное пятно на нижней крышке картера и только ждал момента «протянуть» вкруговую крепящие болты.

Возня с машиной, особенно с двигателем, доставляла Юрке чувственное наслаждение. Болты подавались на четверть оборота, и, двигаясь последовательно от одного к другому, Юрка, сопя от удовольствия, уползал по постеленной дерюжке всё глубже под погрузчик, и привычно крутился видеороликом в голове детский сон.

Он бежит по выскакивающим под ноги из голубого чистого неба бело-серым облакам, не проваливаясь в воздушную мягкую вату. Озоруя, старается наступать на освещённые солнцем белопенные гребешки. К встающему солнцу, в светлое завтра, которое непременно наступит.

К последнему болту пришлось тянуться особенно далеко. Юрка запыхтел, заскрёб пятками бетон.
— Борода,— голос начальника остановил работу и смазал хорошее настроение.

Юрка выпростал голову и снизу вверх из-за колеса глянул на Андрея.
— Ну?
— Ответь на простой, но важный вопрос. Почему я не рулю на погрузчике?
— А на хрен оно тебе нужно? — Юрка ответил недружелюбно и хрипло, но Андрей лишь рассмеялся.
— Кто из нас еврей, Борода? Отвечаешь вопросом на вопрос. Я не сажусь на погрузчик, потому что лучше тебя управлять им невозможно, а хуже — стыдно.
— Твои проблемы,— Юрка дотянул последний болт и остановился, выжидательно глядя на мастера.
— Нет, Борода, теперь твои. Я с Данилой поспорил, что ты лучший в мире карщик и сделаешь всех в ближайшую субботу. Для начала на наших складах. Поспорил, заметь, на коньяк.
— А мне нальют?
— Два… От меня лично. У нас двадцать машин. Обгони всех, и два коньяка твои.
— Поставишь два коньяка, чтобы выиграть один у Данилы? — Юрка засмеялся.— Кто из нас русский — ты или я?

— Там посмотрим, главное — не подведи, — Андрей серьёзно глянул на Юрку и повернулся уходить. — Кстати. Вчера пролистал Интернет: американцы называют погрузчики «форклифт» — «вилы» и «поднимать». Вместе — «поднимать вилами». Помоему, неплохо звучит.
— Тупые твои американцы, и названия у них… так себе.
— Ладно, не заводись. Предупреди мужиков, и продумайте предложения по программе соревнований: на скорость, манёвренность, грузоподъёмность, чтоб всё солидно. Ферштейн?
— Ес.

Андрей, осматривая стоящие погрузчики, пошёл не спеша по гаражу. Высокий, длинноногий, небрежно пнул в сторону стены валяющуюся мазутную тряпку. Юрка, постукивая ключом по сиденью, задумчиво смотрел вслед: «Не знал бы по работе, назвал бы раздолбаем».
— Андрей, я не буду участвовать.
— Варум? Почему? — Андрей остановился, постоял, глядя в недоумении на карщика, и вернулся.
— Не хочу никого обгонять, «делать» и быть первым. Старый уже для таких игрушек
— Даёшь! Сколько тебе? Тридцать пять? Одна бабушка в бодибилдинг пришла в семьдесят, а сейчас чемпион мира.
— Соперники умерли?
— Это сыграло свою роль, — Андрей засмеялся, следом улыбнулся и Юрка, — но бабка жива и счастлива. Борода, включи честолюбие. Будь первым и гордись собой.
— Нет! — Юрка твёрдо глянул в глаза Андрея. — Вы для развлечения затеваете крысиные бега, а я не хочу быть крысой.
— Борода, я уже называл тебя грубым?
— Ну…
— Пусть для развлечения, хотя это и не так. Давай назовём гладиаторскими боями.
— Нет!
— Ладно. Впереди ещё неделя, и матч состоится при любой погоде.

Слухи о предстоящем соревновании взбудоражили предприятие. Карщики восприняли известие как сигнал к началу тренировок. Быстро подхватывали поддоны, мчались с грузом по пандусам, эстакадам, рампам, точно и быстро разгружались в кузова фур и, лихо развернувшись «на пятачке», летели за новой партией товара.

База и раньше работала неплохо, но теперь ощутимо рванула вперёд, будто подталкиваемая мощным паровозом. Вдвое быстрее освобождались вагоны, комплектовщики, действуя по отлаженным схемам, собирали требуемый ассортимент. Фуры, не успевая собраться в очередь, сразу от ворот направлялись к рампам. Правило — два кара на машину — «сломали» почти сразу. Закончившие грузить «свои» машины отправлялись помогать другим.

Андрей перед обедом забежал в офис, радостно свалился в кресло:
— Давай машины, Данила. Обзванивай, переноси на раньше. Мы уже на три фуры впереди графика.
— Звоню, — хмуро отозвался Данила. — Всё загрузите — чем заниматься будете до пяти?

Андрей удивлённо глянул на брата:
— Ты будто не рад. У нас впервые нет очереди перед воротами. Кары как на крыльях летают, народ улыбается.
— Воодушевлённый предстоящим зрелищем. Очевидно, хлеба уже хватает?
— Не с той ноги встал?
— Развлекаюсь, пытаясь получить удовольствие от своего занудства. Давай я нарисую приказ: пять тысяч за первое место…
— А меньше слабó?
— Семь тысяч за первое место, за второе — пять, три — за третье. Нормально?
— Я и раньше считал тебя мудрым…
— А последний выбывает с базы как слабое звено.
— Жёстко, — улыбка сползла с лица Андрея. — Нельзя так… с людями.
— Но справедливо, — Данила насмешливо смотрел на брата. — С людями так можно. Скажу больше: с людями так нужно. Конкуренция — основа рыночных отношений. Сильные хватают бонус, слабые подметают улицы… подошвами изношенных кроссовок.
— Мы собирались поблагодарить лучших, а не избавиться от последних.
— Ты собирался. А я решил совместить и заодно сверкнуть оскалом капитализма: кто платит, тот и ставит условия.
— Размечтался, — Андрей улыбнулся, найдя решение. — Пока мы управляющие у капиталиста, поэтому погоди с условиями.
— Я подумаю.

К концу смены в гаражах было не протолкаться. Карщики мыли, чистили, подкрашивали, крутили болты и гайки на своих «поршах» и «тойотах».

Серёга Хохол оклеил стойки кабины разноцветной клейкой лентой. Идею тут же «украли», несколько раз перешерстили кучу использованной упаковки, и все остальные кары засверкали разноцветьем полиэтилена. Хохол, недовольно сопя, вырезал и наклеил на лобовую доску крыши голубые буквы: «Хмарка». Решил технике имя дать. «Облачко» — простенько, со вкусом и о Родине напоминает.

Придумку подхватили скорее первой. Всякий управляющий машиной подозревает в ней наличие души, и карщики, проводящие за рулём треть, а то и половину суток, уже давно общались со своими железными конями голосом равного или неравного, хозяина или подчинённого, друга или соперника.

Каждый погрузчик имел характер, норов, повадку, ухватку и, конечно, имя. Серёга озвучил своё отношение к почти новенькой двухтонной «тойоте», и скоро все погрузчики гордо выпячивали свои запечатлённые в именах достоинства. Стремительный и брыкливый от постоянных неполадок с коробкой передач «порш» Васьки Кучерявого получил размашистую надпись на борт «Мустанг», а его тяжеловесный трёхтонный собрат, заводящийся с «полтолчка», но работающий с визгом и треском, был обозван «Жириновским».

Витька Клюев суматошно метался по гаражу, нервно курил, причитая:

— Все названия расхватали: «Мустанг», «Дракула», «Чебурашка», «Шварц». А «Шварц»—это что?

— Чёрный,—малорослый молодяк Женька любовался надписью.

— А если попробовать отмыть?

— На себя посмотри. Чёрный—это его естественный цвет, а ещё Шварценеггер—крутой бодибилдер, рыцарь Голливуда.

— А я хотел «Мустангом» назвать—типа, конь для ковбоя, да Васька опередил.

— Назови «Тормоз» или «Лох»—самое то,—под смех окружающих посоветовал Женька.

— «Быстрым» назову—типа, не догнать,—объявил Витька, и смех перешёл в хохот.

Действительно, Витькин погрузчик частенько тормозил и плёлся на скоростных участках или, наоборот, стремительно бросался вперёд, где требовалась чуткая работа «на мягких лапах». Погрузчик «показывал характер», или Витька «не догонял», или сливались качества коня и всадника в ненужном, неуместном и несвоевременном резонансе—бог весть, но неудобство от их совместной работы ощущали все.

Утром Юрка Борода почувствовал себя неуютно среди бьющей по глазам мишуры. Кары пролетали по двору, сверкая рекламными наклейками и товарными знаками популярных фирм и торговых домов. Каждый второй рекламировал туалетную бумагу «Зева Плюс» и прокладки «Олвейс Пласт»—этикеток этих товаров на свалке нашлось особенно много. Задние борта погрузчиков «украсили» надписи-предупреждения: «Не уверен—не обгоняй!», «Иду по приборам!», «Попробуй догони!», «Что, съел?!»,—проиллюстрированные факом.

Имя своей двухтонной «тойоты» Юрка Борода никому не открывал, да и сам произносил нечасто. Только в трудных ситуациях, перед особенно крутым подъёмом, или непредсказуемым спуском, или работой на грани опрокидывания, трогал ласкающим поглаживанием эбонит руля: «Ну, „Маша“, давай»,—и погрузчик, утробно поуркивая дизелем, подбирался, напрягал колёса, включая своё управление в нервную систему хозяина, и становился продолжением его тела—рук, ног, вестибулярного аппарата. Когда молодые водилы, хвастаясь, пытались задвинуть «рогом» спичечный коробок или щёлкнуть зажигалкой, Юрка усмехался: фокусники.

Маша, Мария. Первая любовь, первая жена. От неё ушёл в армию. Наказал ждать, а вернулся с другой. Сколько их потом было. Лет пять назад, устроившись водилой на базу, встретил Марию на складе запчастей. Сходила замуж неудачно, сейчас дочь в институте учит. Разговора сразу не получилось, а потом и вовсе примелькались: здоровались и проходили мимо. Тянуло зайти поговорить, но давило грузом чувство вины, и проходил Юрка, глаза пряча.

На обед подкатил с опозданием и застал в столовой оживлённую дискуссию.

— И кто же у нас в понедельник станет безработным?—проорал, энергично размешивая чай в бокале, Серёга.

— Надо голосованием определить. И пусть катится.

— А я предлагаю последнего расстрелять,—веско заявил Кучерявый и оглянулся, ожидая смеха.

Никто не поддержал.

— Что у вас тут?—Юрка присел за стол, начал доставать из пакета обед: банку супчика, хлеб, сало.

— Объяву шеф повесил: кто последний на финише—вылетает с работы.

— Тогда не суетитесь: я не участвую, значит, и вылечу.

Недолгую тишину прервал Серёга Хохол:

— Тогда с кем бороться мне? Я реально не вижу соперников. Давай, Мася, возрази.

Двухметровый сутулящийся Мася пренебрежительно глянул на Серёгу и с недоумением повернулся к Юрке:

— Интересно, Борода. Я второй день прикидываю, как сделать тебя на повороте, а ты не участвуешь? Не с Хохлом же возиться.

— У тебя нету шансов,—взвился Серёга.

— Я в армии,—Мася агрессивно наклонился к Серёге,—БТР водил. И на каре езжу как на БТРе. Будешь под колёсами путаться—слетишь с рампы или раздавлю на хрен.

— Умираю от страха,—Серёга зазвенел ложечкой в бокале.—По жизни точно знаю: побеждает не сила, а характер и желание победы.

— Отдыхаете оба,—поднимаясь из-за стола, веско оборвал Васька Кучерявый.—У меня дом не достроен, и денежный приз очень кстати.

Никто не ответил. Плотного крепыша Ваську работяги считали «мутным» и сторонились.

Юрка вышел из столовой и выругался: выезд загораживал малинового цвета трёхтонный «порш» с надписью «Кент» на лобовой доске кабины. Закурил в ожидании. Мася не заставил себя ждать:

— Нарочно поставил, чтоб ты имя заценил. Кент—это, типа, клоун у короля Лира, которого родные дочки кинули, а клоун не кинул в горе и в радости. Нормалёк?

— Нормально. Давай катись. У меня машина уже подана.

Длинный Мася уселся в широкозадый «порш» и составил с погрузчиком образ кентавра. Юрка осторожно улыбнулся и потянул из кармана сигарету. Мася повернул ключ зажигания, но дизель не запустился. Стартер крутил вхолостую. Мася ругнулся, попробовал ещё раз — никакого результата. Третья и четвёртая попытки также закончились ничем.

— Сейчас аккумулятор посадишь, — Юрка подошёл ближе. — Капризный у тебя друг.

— Клоун и в Африке клоун, — Мася резко крутанул ключ. Стартер исправно крутил, но двигатель не запускался. — Сволочь.

— Дай попробую, — Юрка занял место на сиденье, подвигался, устраиваясь. Тронул ключ. — Ну не злись.

Выбросив из выхлопной трубы клуб чёрного дыма, дизель рыкнул и заработал ровно и надёжно. Мася сглотнул и полез, отворачивая взгляд, на освобождённое Юркой кресло.

Юрка заканчивал грузить вагоноподобный фургон «ман». Грузчики-гастарбайтеры управлялись шустро, и погрузчик сновал челноком от склада к машине. Работа спорилась, и Юрка решил после погрузки забежать на склад запчастей — взять ремень для генератора. Старый ещё походит, но лучше иметь запасной. Юрка всё чаще находил поводы повидать Марию. Поговорить пока не получалось, но улыбаться друг другу начали.

У края рампы остановился Андрей, равнодушно и расслабленно осмотрелся.

— Борода, ты не надумал?

— И не собираюсь, — Юрка опустил поддон в кузов и повернулся к Андрею. — Сначала сомневался, а сейчас увидел ваши кнуты-пряники — и с души воротит. Лучше сразу выгоняйте.

— Ты о чём, камрад?

— Сам ты это слово нехорошее, — Юрка, по своему обычаю, ответил грубо, но, увидев недоумение на лице мастера, поспешил разъяснить: — Объявление в столовке.

— Ну?

— Не нукай, не запряг.

Подхватил освободившийся поддон и, резко газанув, сорвался с места.

Не добившийся вразумительного ответа Андрей отправился в столовую, оттуда почти бегом бросился в офис.

На территорию въехал чёрный «лендровер», привычно остановился под клёном на пятачке, который никто не смел занимать. Из-за руля выбрался Батя, шестидесятилетний высокий крепкий мужчина, отец Данилы и Андрея.

В девяностые скупил Батя за бесценок полузаброшенные склады промбазы и начал потихоньку оживлять оптовое снабжение области. Восстановил старые и наладил новые связи по доставке и реализации товаров, подлатал подъездные пути, склады, заборы. Постепенно прикупил, собрал, отремонтировал необходимый технопарк. Теперь дело уверенно вели сыновья, но незримое присутствие Бати ощущали все.

Батя осмотрелся и, не заходя в офис, двинулся по складам. За руку здоровался с встречными работягами, с некоторыми разговаривал подолгу. Высмотрев среди погрузчиков Юрку, призывно махнул рукой, Борода, приткнув погрузчик к бордюру, остановился, спрыгнул на землю и, разминая затёкшие плечи, направился к Бате.

Пять лет назад Юрка, расставшись с очередной женой и «расплевавшись» с Мурманским портом, в расстроенных чувствах вернулся на родину и пришёл к Бате в поисках работы. Батя кое-как пролистал трудовую книжку и внимательно рассмотрел и расспросил Юрку. Своим ключом открыл гаражный бокс, в котором в беспорядке стоял с десяток битых-перебитых, полуразобранных погрузчиков:

— Посмотри тут, а я к вечеру подойду.

Умел Батя дарить людям счастье. Юрка весь день, забыв про обед, пыхтел, сопел, даже запевал иногда из любимого репертуара о заразах: «Ты где была, зараза, прошлой ночью?», «Вот такая вот зараза девушка моей мечты» — и самое модное и любимое: «Она не женщина, она — зараза!» В течение дня завёл, опробовал и «поставил на ход» две машины. Батя посмотрел, пожевал губами и спросил:

— Выпиваешь?

— Случается, — решил не врать Юрка.

— Пить — здоровью вредить, — пояснил Батя.

На следующий день Юрка возился в гараже полноправным водителем. В помощники к нему Батя определил сына Андрея.

Батя сделал несколько шагов навстречу и протянул руку:

— Здоро́во.

— Здрасьте, — Юрка привычно отметил ширину и жёсткость Батиной ладони: будто доска, сколько ни дави — не продавишь.

— Андрюха уши прозудел: какие-то соревнования. Давай объясни.

— А я с какого боку? Он придумал, его и спрашивайте.

— Спрошу. Ты сам как?

— Против, — Юрка дерзко глянул на Батю. — Мы работаем, вы платите, а развлекать господ мы не обязаны. Нет такого пункта в контракте.

— То есть так? — Батя упёрся взглядом в Юркины глаза. — Ты вот что… Не кипятись пока, а потом поговорим.

Повернулся и, тяжело ступая, зашагал к офису.

Юрка курил, глядя вслед. Впервые за пять лет назвал Батю господином — как оскорбил. Было время, работали на равных. Андрюха взбрыкивал от радости, выруливая из гаража на очередном восстановленном погрузчике, Данила на комплектовке мешки, ящики ворочал. «Зря Батю обидел!» Побежал следом, догнал около офиса:

— Извини, Бать. Я, может, не так… Если Андрюха будет гонять с нами, я без проблем.

Батя посветлел лицом:

— Ладно, иди, — прошёл в офис.

Батя прошёл, плотно сел в кресло у центрального стола и насмешливо уставился на сыновей. Андрей и Данила, подчёркнуто не глядя друг на друга, напряжённо молчали.

— Что у вас? — Батя повернулся к Даниле.

— Новый клиент объявился. Планирует сеть гипермаркетов.

— Не юли, — Батя подвигался в кресле и слегка наклонился вперёд. — Давай про гонки.

— Андрюхина затея, — Данила нарочито пренебрежительно кивнул на младшего брата. — А я решил совместить приятное с полезным. Получить за потраченные деньги: солярка, призы, рабочее время, — конкретный результат. Избавить предприятие от балласта.

— Ещё неизвестно, кто балласт, — вскинулся Андрей.

Батя предупреждающе приподнял ладонь:

— Продолжай.

— Но если Андрюхе не нравится, спокойно можно всё отменить.

— Ободрать раскраску с погрузчиков, пригасить блеск в глазах, — в голосе Андрея проскользнули скорбные ноты, и Батя повернулся к нему с нескрываемым интересом.

— Ну ты поэт! А ещё доводы «за» есть?

— Людям нравится соревноваться, обгонять других. Быть первым — это громадный моральный стимул, — Андрей схватил со стола сигареты, но, глянув на Батю, бросил обратно. — Нам устроить гонку легко… и дёшево. Почему не делать добро, если тебе это ничего не стоит? Мы ничего не теряем, а оборот машин уже вырос.

— И ещё светит коньяк за мой счёт, — съязвил Данила и пояснил для отца: — Мы поспорили: если выиграет Борода, с меня коньяк.

— Ставки сделаны, ставок больше нет. Затеяли тараканьи бега для своего удовольствия? — Батя в упор смотрел на Андрея. — Ну?

— Борода сказал: крысиные, — потупился Андрей. — Только всё не так: я хотел, чтобы Юрка почувствовал борьбу, победу. Ходит как не мужик — смотреть жалко.

— Решил сделать человеку хорошо, а надо ли ему это, спросить забыл? — Батя повернулся к Даниле. — Ну что ж, будем считать Юркины беды точкой отсчёта, а дальше — вперёд и вверх. Приказ свой дай.

Данила, перегнувшись над столом, протянул лист бумаги. Братья напряжённо следили, как отец, шевеля губами, неторопливо перечитывает текст.

— Сказал «А» — говори «Б», — Батя поискал глазами по столу, взял маркер, начал зачёркивать и вписывать новое. — Первое место — пятнадцать тысяч, второе — десять, третье — пять; поощрительный приз, придумайте название, — три тысячи, чтоб не пропили, а домой несли. Последнему — две тысячи «за волю к победе», как на Олимпиаде. Участие по желанию. Андрюха! Тебя я уже записал.

— Почему?

— Потому что соревнования, а не крысиный забег. Будем делать праздник. Жён, детей в зрители, бутерброды, лимонад.

— «Бабе — мороженое, детям — цветы», — Данила засмеялся. — А второй сорт позовём?

— Какой второй сорт?

— Гастарбайтеров, приезжих, — начал объяснять Данила и сразу смешался, заметив, как тяжелеет лицо Бати. — Они работают постоянно… чтоб не отвлекать.

Батя повернулся к Андрею:

— У нас где приезжие работают?

— Погрузка, выгрузка, уборка.

— Данила, — Батя тяжело пристукивал кулаком по столу. — Ты с понедельника в отпуске на месяц. Дела сдашь Андрюхе.

— Ничего себе, — Данила радостно привстал. — Да я хоть сейчас. И на Мёртвое море, на историческую родину.

— Историческая родина обойдётся пока, а вот на погрузке поработаешь месяцок. Охолонёшь.

— Да я… Да я… — Данила хватал ртом воздух. — Да я уволюсь.

— В грузчики не завтра. Время подумать у тебя есть, — жёстко подытожил Батя, поднялся и пошёл к выходу.

Данила шарил руками по карманам, отыскивая сигареты; заметил пачку на столе, торопливо закурил, несколько раз глубоко затянулся.

— Достали Батины ультиматумы. Просто по-человечески интересно: почему он не ставит условий тебе?

— Не надо недооценивать Батю, — Андрей усмехнулся и тоже достал сигарету. — Он точно знает, что я уйду и не вернусь.

— А я — вернусь?

— Ты даже не уйдёшь, — Андрей смягчил слова улыбкой. — Извини, я не грублю, просто констатирую факт.

Субботнее утро порадовало неожиданными для начала ноября солнышком и безветрием. Соревнование собирались начать в десять, но уже к девяти на территории активно тусовались болельщики и участники. Со стороны гаражей доносились звуки прогреваемых движков.

Из двадцати штатных карщиков автографы и названия машин в списке оставили четырнадцать человек. Желание состязаться у многих исчезло напрочь, как только увидели имена признанных мастеров — Юрки Бороды, и Андрея, однажды при стечении народа поднявшего кар на два левых колеса и «нарисовавшего» по погрузочной площадке красивую ровную «восьмёрку». Васька Кучерявый пробежал глазами список и без колебаний вывел внизу свою фамилию:

— Приз впечатляет, а я строюсь — деньги нужны.

Юрка Борода, надраивая ветошкой борта, радостно рассматривал надпись на лобовой доске кабины. «Мария» — имя красивое, слово звучное. Весь вечер накануне, сопя от удовольствия, вырезал из красной клейкой ленты и размещал буквы. Днём забежал на склад за воздушным фильтром и, пока копался в коробках, нечаянно разговорился с Машей. Легко и непринуждённо вспоминали молодость и свою давнюю любовь. Вскоре Юрка спохватился о работе и ушёл, но радость и уверенность в продолжении разговора не покидали.

Остановил пробегающего по гаражу с очень занятым видом Серёгу Хохла:

— Пошто не участвуешь?

— Андрей забрал мою «Хмарку»,— горестно выговорил и расплылся хитрой улыбкой Серёга.— Начальство надо уважать и уважить.

— Скажи, испугался?

— Не скажу,— Серёга заулыбался шире и хитрее.— Ответь: чем отличается украинец от хохла?

— Да хрен вас разберёт. Ничем.

— От вы москали тупые. Украинец живёт в Украине, а хохол — где ему лучше. Вот я хохол, а ещё — судья-информатор и удивляюсь твоему «тыканью». Отныне только на «вы» и шёпотом…

— Щас,— не умея скрыть хорошего настроения, Юрка широко улыбнулся.— Вали отсюда. Не подаю по субботам, а потому — свободен.

Юрка завёл мотор и, осторожно подгазовывая непрогретым мотором, вывел погрузчик на площадку перед боксом. «Хмарку» Серёги Хохла осматривал, пританцовывая, Андрей, в камуфляжной спецовке и ярко-жёлтой бейсболке.

— Конкурирующей фирме физкульт-привет,— Андрей взмахнул над головой кулаком.

— Здоро́во,— коротко ответил Юрка и снова схватился за ветошку, принялся вновь обтирать борта, скрывая улыбку.

Грубить по обыкновению сегодня никак не получалось. Да и многое их связывало с Андреем. Считай, полгода изо дня в день восстанавливали погрузчики, машины, оборудование складов. Автодорожный институт Андрея неплохо дополнял Юркины практические познания. Случалось и ругнуться накоротке, и приуныть над неразрешимой задачкой, и порадоваться шелестящему лепетанию изначально «мёртвой» техники.

Склады располагались в десять рядов. Ряд — три здания. А между офисом и первым рядом площадь сто на триста метров: гоняй — не хочу.

Программа соревнований включала два этапа. Первый — на время: проехать пять метров, подхватить поддон со стоящим на нём ведром воды и поставить на крышу грузового контейнера; вернуться на старт и проделать всё в обратном порядке.

Второе упражнение — гонка в два круга. Круг включал проезды по рампе, спуск и подъём по пандусам, проезд по «пересечённой местности» — не заасфальтированный ухабистый участок в углу двора, и двести метров ровной бетонки — скоростной участок. Рядком стояли четырнадцать поддонов, на каждом из которых по три ящика столбиком — груз лёгкий и неустойчивый.

За столиком рассаживались судьи: Батя, Мария Сергеевна — завскладом запчастей, и обиженно поглядывал из-под бровей Данила — главный судья. Серёга Хохол бегал по площадке, расставляя машины вдоль белой сплошной полосы.

— Тебе хочется сдать задом? И как ты себе это представляешь?— громко выспрашивал Масю.— Нет, мы, конечно, можем подвинуть и столик, и судей, и Батю, но тебе будет стыдно. Гони в конец своего «Кента».

Длинный Мася на приземистом широкозадом «Кенте» — трёхтонном «порше» — идеально складывался в образ кентавра, и зрители начали улыбаться. Юрка оказался в середине ряда, между «Мустангом» Васьки Кучерявого и «Хмаркой». Недовольно поморщился в ответ на улыбку Андрея, не понимая, о чём тот говорит, протягивая красную бейсболку. Подвинулся на сиденье:

— Ну?

— Тебе пойдёт, под цвет.

Юрка помедлил, взял бейсболку и напялил на голову. Свою, чёрную, сунул под сиденье.

— Андрей, коньяк в силе?

— Обижаешь?

— Если выиграешь, два с меня,— Юрка показал два пальца.— Согласен?

— Гут. Зер гут. Очень хорошо. Я тебя умою.

— Не кажи гоп.

— Водителей просят пройти на жеребьёвку,— объявил в громкоговоритель-матюгальник Серёга Хохол.

Мария Сергеевна приоткрывала каждому крышку пластмассового ведёрка. Водитель называл номер, Серёга повторял в громкоговоритель. Андрею достался первый. Юрка тянул руку к ведёрку, смущаясь от Машиной улыбки,— восьмой.

— Счастливый,— сказал ей, почти шепнул.

Зашагал к погрузчику. «Чем счастливый? Почему счастливый? Просто счастливый!»

Серёга Хохол в роли судьи-информатора оказался «на уровне» — с громкоговорителем и секундо-

мером в руках являл собой персону значительную и ответственную.

— Всем участникам желаю честной борьбы и заслуженной победы,—журчал в матюгальник мягким южнорусским говорком.

Синий двухтонный «порш» «Хмарка» выкатился из ряда и, нарисовав плавную дугу, замер перед стартовой чертой. Андрей, слегка наклонившись вперёд, ждал команды. Серёга взмахнул секундомером. «Хмарка» пыхнула тёмно-серым дымком и сорвалась с места.

Хитрость задания—пластиковое узкое ведро с водой. Резкий рывок или грубое торможение вызывает немедленное опрокидывание. В полуметре «Хмарка» плавно тормознула, завела «клыки» снизу; приостановилась, поднимая груз, и с ускорением двинулась вперёд.

Андрей не терял времени: поднял поддон на двухметровую высоту и поставил краем точно по обрезу контейнера. Сдал задним ходом на линию, подмигнул Серёге и снова придавил газ.

— Шестьдесят три секунды,—объявил Серёга.— Серьёзная заявка на победу. Посмотрим, чем ответят другие участники.

Среди зрителей, их собралось на рампе склада и у судейского столика до сотни, раздались редкие аплодисменты. Васька Кучерявый на «Мустанге» уложился в две минуты, маленький Женька на «Шварце»—в полторы.

Аплодисменты звучали всё чаще. Зрители начинали различать ошибки и шероховатости, особенности в манере вождения—учились видеть красоту в работе профессионалов.

Брутальный «кентавр» Мася легко справился с заданием, но поддон поставил на землю грубо. Ведро подпрыгнуло и опрокинулось. Зрители ответили сочувственным вздохом. Судьи добавили штрафные секунды. «Кентавр», негодующе дымя чёрным, вернулся на линию.

Юрка Борода подхватил поддон, не останавливая кар. Наклоном стрелы и быстрым подъёмом каретки компенсировал опрокидывающий момент: сорок секунд—и обвальные аплодисменты. Возвращаясь на линию, краем глаза поймал радостную улыбку Марии.

— Но пасаран, камарадо,—Андрей протянул Юрке сигарету и кивнул на выполняющего упражнение Витьку Клюева на «Быстром»:—Думаешь, довезёт?

Витька Клюев приподнял груз над контейнером и начал клонить стрелу на себя.

— Опрокинет,—Юрка съёжился, будто ожидая удара.—Ох, чёрт!

Ведро скользнуло на решетчатую крышу погрузчика и залило нескладного водилу от ушей до пяток. Хохот и аплодисменты. Мокрый Витька невозмутимо погнал своего «Быстрого» к линейке.

Секунды, выигранные на первом этапе, определяли порядок старта на втором. Двухтонные погрузчики имели преимущество перед трёхтонниками на скоростных участках, и трассу наполнили виражами, подъёмами, спусками, ограничивая возможности разогнаться. Прямой участок остался только перед финишем.

Отмашку давал Серёга; Мария, сверяясь по листочку, подсказывала время следующего участника. Юрка крутил по трассе, отмеченной разметкой и старыми покрышками. Двадцать три секунды для трёхтонника—слабая фора, и Юрка слился со столбиком ящиков на поддоне, кончиками пальцев ощущая его наклоны и встряхивания и нежно играя рычагами гидравлики. Ему удавалось держать высокую скорость, и, завершая первый круг, он не уступил лидерства.

Кары растянулись по трассе. Витька на «Быстром» мало того что стартовал последним, так ещё и опрокинул груз на пандусе и перегородил дорогу заканчивающим круг. Водителям приходилось снижать скорость, объезжая недотёпу. Васька Кучерявый тормозить не стал, ударил передним колесом по «клыкам» и отбросил Витькин погрузчик к стене. Ящики вновь полетели на землю. Васька, не оглядываясь, промчался мимо.

До финиша оставалось всего ничего—кочковатая грунтовка да отрезок прямой, но Андрей на скоростной «Хмарке» уже «дышал в спину». На последнем перед пересечённым участком повороте заметил Юрка догоняющего Андрея Ваську Кучерявого, и настроение сбилось.

Не выносил он этого скользкого парня с бегающим взглядом. Растравляя себя, вспомнил недавнее происшествие. Взял на складе шлиф-машинку «болгарку»—зачистить шов на лопнувшем и заваренном ободе колеса. Отлучился на минутку в слесарку за болтами, а «болгарки» и след простыл. Данила недрогнувшей рукой удержал шесть тысяч из зарплаты. А неделю назад сосед позвал столбы для забора порезать и вынес ту самую «болгарку», со знакомой рукам трещинкой на задней ручке.

— Выцепил по случаю у Васьки за три штуки,— похвастался сосед.

Юрка тогда краснел и бледнел, но даже не заикнулся об истории инструмента, а встречаясь с Васькой, отводил глаза, стесняясь назвать человека вором. «Не в деньгах счастье»,—попробовал себя утешить, уступая дорогу обгоняющей «Хмарке».

«Хмарка» первой въехала на пересечённый участок. Андрей, внимательно следя за грузом, объезжал кочки и выбоины, неторопливо перекатывался по неровностям; почти догнавший Васька Кучерявый в точности повторял его движения. Юрка добавил газу и пошёл на обгон. Он шёл по прямой, умело работал гидравликой и быстро наращивал отрыв. Впереди скоростной участок, где двухтонники снова включат свои скоростные качества.

Периферийным зрением с удивлением отметил радостное лицо Андрея и злобное — Васьки Кучерявого. Васька отставал и нервничал, попробовал придавить газ, и ящики угрожающе качнулись. Перестраховываясь, поехал медленнее, но впереди удалялась спина Андрея, а с ней и первый приз в пятнадцать тысяч рублей. Взвыл, ткнул ногой в педаль, и ящики посыпались с поддона. Подвывая, бросился подбирать.

Юрка выбрался на бетонку и вдавил педаль в полик. До финиша двести метров, а Андрей уже выкарабкивается на прямую. Юрка оглянулся. «Хмарка» догоняла. Васька Кучерявый мчал следом так быстро, будто заправил «Мустанг» собственной злостью. Три погрузчика, отчаянно дымя выхлопными трубами, мчались к финишу. Зрители, затаив дыхание, подавшись вперёд, сжимали кулаки и задерживали дыхание.

Финиш рядом. Серёга Хохол с матюгальником в руке и… Мария. Погрузчики теперь шли уступом. «Хмарка» и «Мустанг» сокращали расстояние с каждым метром.

— А вот хрен вам, ребята! Сегодня второе место меня не устроит! — через плечо быстро глянул на догоняющих. — «Форклифты», блин!

Наклонился вперёд, ласкающим движением погладил пальцами руль, тронул подсос: «Ну, „Маша“, давай!»

Уже почти догнавший Андрей заметил, как перестало сокращаться расстояние между машинами, а перед финишем трёхтонник будто прыгнул вперёд, и Юрка первым промчался мимо Серёги.

Евгений Минин

Навстречу труду и прогрессу

Горе на Босфоре

И размышляю: «Зря смеётесь, гады!
Ещё не кончен вековечный спор.
Ещё мы доберёмся до Царьграда
И вычерпаем шапками Босфор!»
Юрий Поляков

За убежденья не нужна награда.
Об этом мне мечталось с давних пор,
Чтоб как-нибудь добраться до Царьграда
И шапкой напрочь вычерпать Босфор.
Мне не спалось, и в рот не лезла пища,
Но пусть умолкнут навсегда враги,
Добрался, а смотрю — везде грязища:
Там Жириновский моет сапоги.

ПодГрибальное

когда я воскресну то буду грибом
в знак кармой оказанной чести…
Алексей Цветков. «Песни и баллады»

высокая кармой оказана честь
мне будет когда я воскресну
и буду из почвы стремительно лезть
навстречу труду и прогрессу
полезу под критики едким дождём
я вверх с горделивой осанкой
кем буду не знаю — маслёнком груздём
а может быть бледной поганкой.

Двусмысленное

Дрожит писатель полупьяный
над строчкой: вышла или нет?
Над ним струит закат багряный,
двусмысленный и горький свет.
Бахыт Кенжеев. «Послевоенное»

Когда строку закончу точкой,
неладное потом со мной:
скажи, что делать с этой строчкой —
с такой нежданной и родной?
Страдаю с пушкинскою кружкой,
в помине рядом няни нет.
Струится над моей избушкой
тот самый несказанный свет.

Прозревательное

Поэты падки на химеры
и прозревают среди тьмы.
Владимир Рецептер

Поэтов губят их манеры,
поэт душою нынче слаб,
он очень падок на химеры
в лице красивых очень баб.
И лишь когда я стал поэтом,
театра позабыв огни,
вдруг уяснил, прозрев при этом,
что сам такой же, как они.

Евгений Мартынов

Чур, ведьма!..

Сплошь нависшие
грозовые облака
всё ближе, ближе…
Ежели бежевые
с синим, то к урожаю!..

И то Путь Млечный.
Звёзд дальних мак. Остра как—
логика костра!..
Полова мыслей. Трепет.
Чешет… ночное. Лепет…

Евгений Казанцев

Вчера был на кладбище. Навестил отца и брата. Царство им Небесное.

Быстро шагаю по набережной Кана. Вниз по реке. Она—справа от меня. Приток Енисея. Рад прицепиться к местности и следовать. Что вполне даже естественно. Такова уж природа человека: привязанность, увы,—слабость наша. Хлёсткая слабость. Кан в этих местах извилист. Меня настигает свободно плывущее по течению, свалившееся где-то выше в предгорьях Саян хвойное дерево. Возможно, кедр… Вот она, *свобода!..* Невольно прибавляю шаг, но тщетно—отстаю, отстаю!..

Правый берег—сопки, опушённые хвоей и листвой. Пятнами. Лиственный лес светлее. Левый, по которому я и следую,—более полог, низок, но сами откосы круты. Вóды реки где-то внизу волнами мельтешат-переливаются—синим, голубым… Верхушки тальника высунулись и смотрят на наш прекрасный, белых стен потаёжный Зеленогорск. Вот и я гляжу и шагаю, шагаю и гляжу. *Путь.* Наша жизнь частная—цикл при циклах… О, ветер с Лысой горы пыль сметает!.. Но вскорости стих… явленьем природы.

Бабочки порхают, вижу, стрекозы. Вижу—катает жеребая кобыла маленьких детей на своей покладистой спине… отстаёт от поезда…

…Паровозик—с дизельным мотором (выхлоп газов—в «толстую трубу»!), но совсем как настоящий. Мечта!.. на лавочках вагончиков чинно восседают детишки. Слáвны, глазеют, зырят—сказали бы раньше. Та лошадочка себе, не коза, «*помётывает*»… свой хвост приподняв. Маменькин сынок остановился, глядит: «Раз, интересно».

А вот впереди меня мальчишка-лучник пульнул в сторону реки!.. Даже издалека вижу, что стрела—так себе, с пробкой вместо железного (!) наконечника. Она хоть и недалёкого полёта, но, вижу, всё же перемахнула через чугунную ограду и приземляется в гуще перепутанного ледоходами тальника. Жарко. Расстёгиваю ворот рубахи. Малыш хнычет. Порывается вслед за стрелой, но мамка—ох уж эти мамы—его удерживает:

— Куда ты? Сорвёшься!..

Пришлось выручать.

— Спасибо скажи.

— Спасибо.

Иду и рассуждаю: «Ну, этот-то малыш розовощёкий—ещё куда ни шло, ладно. Но ведь и старшенькие-то мальчики—позорище прямо. В войну-то, упаси Бог, мы бы со смеху на животах катались. Нет, вы только посмотрите: ну что это за лук? Разве это оружие?.. Полихлорвиниловый какой-то, тьфу!.. Или, точнее изречь, ещё того не тошней».

Не этого, а того… из моего детства… Не хвастаясь, скажу, а что было, то было. Нет, в нашем детстве было совсем по-другому.

Вот, например, стрелы… делается это так: из консервной банки выстригаешь косыночку… В наше время и пустые консервные банки, по мальчишеским ценам, дорого стоили—попробуй отыщи! Сгибается пальчиками эта жестянка. Помещается на торец чурбака, или там на полено, или на ступеньку крыльца—без разницы. Берётся самый что ни на есть большой гвоздь, лучше чтоб не фабричный, а найдёныш кованый, и вокруг его острия молоточком, аккуратными ударами сужается, закругляется крохотный, но жёсткий вымпел этот… Подклёпывается сама пика… а потом…

Ну уж ладно, как изготовить почти боевой лук, рассказывать не буду, но скажу: могли!.. И поверьте на слово, они, эти луки, нами напружиненные, забрасывали стрелы на восемьдесят-сто метров!.. а в вышину могли достать коршуна, парящего по-над низкими тучами перед самой грозой. Без хвастовства скажу: в самого коршуна, в воздухе крыльями распахнутого, попадать не удавалось, но этот планер-планерист от стрелы, мной пущенной с земли, в небе шарахался!..

Вот он, лёгкий на помин, заштатный завсегдатай—по-над крышами девятиэтажек, проверяющий… в том числе верхние балконы. Смотри,

какой он огромный, с орлом спутать можно! Природа подделок не терпит. Эх, а красивые же всё-таки места!.. вокруг нашего Зеленогорска!.. Постой-покрутись, посмотри, полюбуйся!.. Правда же?..

Прекрасны цветы на клумбах. Пестрота. Шашлыки жарят. Дымком пахнуло. За столиками под цветными зонтами... припеваючи!.. И ведь не новые русские, а обычные горожане...

А вот, например, рогатки... Уродство какое-то пластмассовое!.. А ведь рядом такой тальник вдоль берега, чуть повыше рогозы,—ну, брат!.. Не будь я тогда Женькой-детдомовцем!.. И можно выбрать себе рогатку-то по руке!.. Ножичек вытянул из кармана в штанине и... А здесь... слов нет, ну просто беда с этой цивилизацией... Богу неугодной... Вот оно, пожалуйста вам, наглядное пособие: мальчик четырёх лет, не больше, в сопровождении и под руководством своей мамочки, держит в ручонках огромную пустотелую рогатину! Резинка—умора, из пажей штанишек, не иначе! Вот он, всерьёз осваивающий законы природы, *растянул*, и—пшик: шарик от пинг-понга вырвался из корзиночки, для него предназначенной, и медленно так полетел куда-то вправо, совсем не туда, куда наметил малыш. А ведь заросли тальника рядом: что бы, казалось, не сделать рогатку из него? Да кто бы подсказал, помог!..

А вытянутым телом стрелы нам служила камышинка трёхступенчатая. Вот же она—рукой подать, рядом!.. Камыш должен был быть выдержанным, не молодым!..

Шагаю. Помалкиваю. Воздух чист и прозрачен.

«Дойду до острова-клина, рассекающего воды реки на две почти равные доли»,—думаю. Чуть сзади везёт, сопит себе в две ноздри лошадочка та.

Мамы, папы и дети, дети счастливые. И такие уж они милые да хорошие, дети-то!.. Так ли, не так ли... надо поглядеть. Посмотрим, поживём—увидим.

Перспектива...

Кусты акации. Пчёлы донимают их цветы. Нектар сосут и пыльцу собирают. Вихрь!.. кем-то взвинченный... Вот хапуга!.. Локоны берёзки податливы, стан белый... Лето! А внизу—Кан стремит свои воды волнительно так. Лето!! Лето же, лето!.. Вот встречные люди пройдут—и сниму рубаху... Бестолковый дог не уследил, в какую сторону палку метнул хозяин... О, родственник-пёс!..

Какой-никакой, а праздник: День пограничника. «Зелёные береты» пошатываются, словно тарелки НЛО, мне навстречу:

— Здоро́во, дед!..

Ответно и я тоже... До ночи далеко, а пограничники уже на взводе. Выстрелы!.. Оглядываюсь. Невольно... Звёзды!.. Звёзд-то, звёзд-то!.. среди бела дня... проливным дождём разноцветным—фейерверк! Что будет ночью!..

Вихрем... к порогам в верховье—лодка... Гребной винт, покровитель!.. неистово ворчит, слышу.

Всё тот же вечер. Всё то же лето. Солнечные лучи отражаются от стёкол окон дома напротив... Но, видимо, стало прохладней: пиджаки деды уже надели. Я в своей квартире. Дома. Если так можно сказать: свободен как ветер... но поужинать не мешает... День затухает.

Смотрю в своё давно не мытое окно. Несколько мальчуганов, старший из них в красной рубахе, донимают полоумного. Гонятся за ним. Кидают камнями и тем, что под руку попадёт... А он длинный, тонконогий такой, как на ходулях. Как журавль-подранок вроде, шарахается, машет невпопад ручищами своими... А пацаны окружили... забегают вперёд, пакостники, и плюют. Плюют! Чертенята!.. стараясь попасть в лицо божьего человека... Хоть опять выходи из дому и выручай... Завариваю «Императорский». Китайский. Ужин.

Позже, когда уже совсем стемнело и на небе стали накапливаться звёзды, я вышел всё же на улицу. Пограничники («ракетчики»!), видимо, внедрились, рассредоточились по городку нашему, окружённому со всех сторон довольно высокими и крутыми сопками.

...Взорвалась,
миг—гроздьями звёзд,
ракета!..

Выстрелов не было слышно, но души разноцветные падали, гасли...

И тут мне *вспомнилась* одна история-поступок. Острые звёзды, на землю падающие... метеориты. До чего же ты, Мир подлунный, очаровательный, заколдованный, что ли, Боже мой!

Мы в ночном... Цветут акации... Балаган. Мы—детдомовцы. Мальчишки... Мой родной брат, Вовка Казанцев,—где-то там, в спальне, под одеялом. Меня зовут Женька. Будем знакомы. Вовка на три года младше меня и ещё как бы не дорос до такого ответственного дела. А нам тут—лафа теперь, воля!.. Костёр-язычник—что надо, до неба *достаёт*! Засверкала первая звёздочка...

Куст жимолости. Сизая тьма ягод. Не гроздьями, но россыпью.

На объеденье завтра? Как бы не так!.. таится. Ночь. Звёздно. Редко падают метеориты. Встречно, как из-под наждака—вниз (вверх), костёр искр!.. Где низ, где тут верх в заколдованном мире—пойми попробуй...

— Ну, попробуй... Испеклась?..

— Испеклась! Уже—как репа-парёнка.

Ужинаем.

— Сядь! Что ты торчишь-то?..—это Ротермиль.— Женька, тебе же говорят: чо толчёшься?
— Горяченькая…

Витька Нестеров и Колька по кличке Арбуз загружают в костёр на прокалку высушенные глиняные шарики—«пули» к рогаткам… Про запас загрузили—их уже полные карманы, но ведь и расход, надо сказать, большой: мало ли в кого метить можно? В сокола, в вора, в зубра, может. А что?! Например, ту же ворону-воровку возьми на прицел или сестру её, сороку. Да мало ли в кого… придумать… подвернётся под руку если… Хороши эти шарики калёные скудельные, увесистые и при общественных драках, пока—издалека, когда «деревенские» на нас, «детдомовских», наседают. Не верите? Время-то суровое—сороковые. Сходимся где-нибудь возле школы, обиженные и обидчики!.. пойми попробуй, кто из всех кто. А школа-то, ёшь твою мать, одна для тех и для других—воистину… Костёр горит, пылает! Весёлый.

Проверяют, подёргивают за кожанку свои пращи с узенькими удобными таловыми рогатками. Резина тяжей—вырезана из маски боевого противогаза, хорошо, упруго тянется-сокращается!!.. Метко бьют пацаны, почти без промаха.

Насытившись и отвалившись от костра, Ротермиль, стоя на коленях, начал донимать таловым же прутиком чёрного жука обтекаемой формы с жёсткими, плотно прижатыми, как вроде приклеенными к тельцу, хитиновыми крылышками. Быстроногий жучок этот уклонялся, уклонялся, увёртывался, терпел, убегал, преодолевая наспех придумываемые проказником препятствия, и вдруг изловчился, выбрал момент, приподнял попу—да и выпустил под большим давлением тонюсенькую, но очень вонючую струю прямо в глаза и нос хулигана!..
— Фу, гадость! пакость,—возмутился мальчишка, утираясь шершавым рукавом бушлата.

А жук-хитрец, пехотинец, тем временем устремился в темноту ночи, от костра подальше. Мы засмеялись.

Скота знакомые силуэты еле вырисовываются. Особи, спасаясь от мошкары, самоорганизовались, расположились на ночь вокруг того же костра под покров—дымовую завесу. Два мерина, Сивка и Бурка, спутанные, семенили. Изредка подпрыгивали. Пара молодых, но уже мало-мальски обученных быков тоже была ещё на ногах, три коровёнки—те уже улеглись, пыхтят и смачно пережёвывают винтообразно нахватанную за день, каждая своим подвижным языком, траву. Мирно подрёмывают. Дышат. По всем правилам: через влажные ноздри.

Налопавшись от пуза, мы разместились поудобней вокруг баловня-костра и стали рассказывать друг другу разные страшные истории. Кто что знал. Игнат таинственным шёпотом, широко раскрывая глаза,—про ведьму. Икает даже… Про её якобы страшные колдовские проделки:
— Я с ней столкнулся на могилках. Шёл с уздечкой через кладбище за Сивкой мимо вороньих гнёзд на Солнечную поляну. Мне надо было, луна…—он стоит на четвереньках, лицо веснушчатое, испуганное…

И хоть детдом и был отдельной державой в деревне Боголюбовке, мы все наверняка знали, что эта ещё не так уж и старая, худющая тётка юродивая, про которую он говорил,—ведьма, настоящая колдунья. То, что ведьма, по ней сразу было видно. И при нечаянной встрече сторонились или даже обходили… мы её, понятно. Слушаем, *ужасаемся*, *верим*…

Где-то гремит война… Вспомнили про свои тугие луки и острые стрелы. Ночь. Тьма, куда ни глянь—глаз коли!.. Плохо ли, хорошо ли—детдом был гнездом нашим…

Луна-глыба ещё не взошла. Шорохи…

Занялись экспериментом. Мир слухами полнится. Наслышаны уже были про «катюшу»-то, про ракеты-то, и самим нам не терпелось внести свою лепту. Интересно… в освоение нового оружия. Банки консервные из-под американского мясного паштета (помощь!) мы с собой прихватили, и два комка *серы* кристаллической из школьной лаборатории—вот они!.. Не говоря уж о стрелах и луках и всей мальчишеской «сбруе»: ножичек вот на привязи в кармане-конуре, кресало (огниво), баночка с проваренным сухим трутом, кремень!.. и тому подобная необходимая мелочь, не мода, нет, оправданная нашим жизненным укладом.

И вот мы эту серу—в баночки, а баночки—на угольки, которые, не очень-то и усердствуя, сделали содержимое *текучим*!.. *Ничо*, *чинно*. В эту жидкую субстанцию мы и окунали наконечники. Вот таким образом и наращивали, намораживали, так сказать, эту кристаллическую серу на холодные стальные наконечники стрел…

Такое небо! чёрного бархата!.. Я ещё такого вовек не видел!.. Над балаганом на случай дождя—шатёр!.. дырочки—звёзды!.. Да, мы стреляем!.. эко мужское племя наше… Ночь колдовская. Такое чудо. Салют! Фейерверк!!.. С неба сыплются искры. Альты мальчишек—возгласы восторга!.. Тьма. Тишина леса.

Натешились.

— Ведьма, колдунья!..—шепчет испуганно Игнат. Пятится в кусты.
— Да, нет, это тебе показалось, Володин! Ты что, помешанный на ней, что ли?..—выдавливает из себя кто-то из мрака ночи.—Тебе со страху померещилось, пуганая ты ворона, Игнат. Это же

куст, куст, я же вижу!.. Ха-ха-ха!.. конечно...— и—осёкся!..

...Она, она, змея подколодная, *приближается*. Вот она уже в зоне освещения. Как пьяная... Теперь всем ясно: ну да, колдунья!..

Мы вскакиваем и выставляем перед собой наши тугие, почти боевые луки. Стрелы их с прежде утяжелёнными (намороженными в костре) кристаллической серой наконечниками. Набалдашники разгораются, разбрызгивая в разные стороны искры!.. Зырим!..

Ведьма прямо из кромешной тьмы—на нас быстрым шагом по просёлочной, не наезженной, заросшей небольшой травой дороге. Смотрит не под ноги, а именно вверх, будто звёзды считает. Театр, да и только, представление. И хоть бы тебе раз споткнулась!.. Топ, топ... Дорога пролегает в двенадцати шагах от бивака. Мы шарахаемся, пятимся, стреляем в неё из луков, но эта колдунья идёт на нас, раздавая грудью темноту!.. На ощупь каждый из нас вновь наставляет пя́точку стрелы на тетиву, и мы, вздымая луки, подтягиваем каждый свою струну-тетиву, храбрецы... к лицам, носам своим и навскидку выпускаем по второй стреле в ведьму же, азартно:

— На́ тебе, колдунья, получай!!..

Стрелы, разбрызгивая искры-мигалки, проносятся близко, почти задевая ведьму, с шипением и даже свистом. Но всё мимо да мимо остолбеневшей женщины!.. нищенки.

И... тут она не выдерживает, кричит благим матом и бежит прочь от нас по дороге, удаляясь от Боголюбовки в сторону поля.

Одета, сволочь, в мятое... в темноту же!.. можно сказать. Давно, видимо, не мытые её длиннющие волосы-космы распущены и мотаются из стороны в сторону. Рот сжат. Жуть берёт... Мы настигаем, окружаем, осаждаем, как пигмеи мамонта. Она неестественно для человека, понятно, словно ветряная мельница лопастями, вертит-машет... невпопад ручищами своими, как бы отбиваясь. И вдруг начинает уже по-человечески, по-бабьи так, жалостливо-жалостливо причитать. Плачет горькими слезами!.. притворяется, змея, знаем!.. При тусклом свете звёзд мы видим, как что-то непонятное, жидкое и кашеобразное, стелется за ней по траве!.. Но мы—в погоне!.. Колючие взгляды наши!.. Тупо гоним... как зверя.

Преследуя, довольно яро пуляю и я тоже... Безветренно. Искры—вразмёт!.. по сторонам—тьма леса, сверху—звёзды!.. Из ковша Большой Медведицы льются на наши горячие головы, студят их.

Ведьма втягивает в плечи голову, оборачивается... и снова замахивается, теперь уже на меня лично!.. Глаза её горят. Отстаю, ошалелый...

Волосы—копны соломы. Искрящиеся стрелы ещё летят, но, к счастью,—всё мимо да мимо. Так надо, видимо. Небу так надо.

— Ах ты же, сука!..—Игнат.

Ведьма испуганно оглядывается и... прибавляет ходу. Но мы, настырные, вдохновлённые её бегством, прищуриваемся, стреляем, стреляем этими трассирующими! Огненно брызжем. О!.. боеприпасы на исходе. Но Колька-то и Витька мечут немо из пращей (рогаток!) прокалённые ка́тушки глиняные окаменевшие. Их—полные карманы! Эти-то комочки, пожалуй, цели достигают и во мраке ночи!.. пацаны из рогаток стрелять умеют!!..

Так!.. так!.. так!!! Вот так. Вошли в азарт...

Может быть, и на фронте там наши отцы, старшие братья так же лупят фашистов? Нет, так не должно быть...

Боеприпасы кончились. Бежим к костру, хватаем каждый по горящей головёшке и... ещё вдогонку! Несуразные беспризорники, неуёмные. Кинокартина!.. Вовка Ротермиль впереди, с поднятым, пылающим над головой древком.

— А-а! на тебя дрисня напала, дрисня напала!..— от испуга, перешедшего в дикое воодушевление, визгливым голосом вопит во тьме...

Рота... наш шут гороховый.

Прекратив преследование, шумно возвращаемся, чумазые, с пылающими щеками. Возбуждены, склонны считать себя победителями. Розовощёкие. Обугленные, чуть вспыхивающие швырки бросаем в почти потухший, раздёрганный, разорённый костёр. Трофеи?..

Приходим в себя вроде... и я обтираю... и пацаны (ха-ха!—отнекиваются)—о траву свои запачканные ступни ног, склоняясь то вправо, то влево... и так, и этак... постепенно успокаиваясь, посмеиваясь над собой. Сопляки. Под Большой Медведицей...

А лошади пасутся себе, будто не слышат, совсем не обращая на нас внимания. Коровы и быки жуют, жуют...

Эх, чертенята. Лица мальчишек, вымазанные сажей, действительно чертовски похожи на бесенят... они в нас вселились будто... Пока на время...

И... сразу как-то вдруг умолкаем. И почему-то даже смущены... Вспомнили про... тех, кто в окопах.

С той стороны, куда умчалась колдунья, стала всходить полная луна. Сделалось немножечко светлей. Звёзды чуточку потускнели. Но темнота ещё властвует.

Жмёмся друг к другу. У шалаша вздыхает о чём-то лошадь. Ночь...

Встал на колени и дую в угли, дую... валежник сверху.
Опора—локти. Горят. Заря над самым лесом.

Зинаида Кузнецова

Смотрины

— Лёль, ты готова? — в гримёрку влетела Маша, на ходу снимая кокошник и бросая его в коробку с лентами, бусами и прочей «красотой». — Ты чего сидишь? Там лётчики собрались, приглашают в ресторан! Переодевайся скорей!

Снимая через голову длинный цветастый сарафан, Маруся, смеясь, рассказывала, как после концерта за кулисами её поджидала толпа поклонников и как ей с трудом удалось ускользнуть от них. А тут лётчики знакомые: предлагаем отметить в ресторане!

— Нет, Маш, я не могу. Меня Сеня ждёт, мы с ним собираемся на Новый год к моим в деревню съездить. Надо ещё за вещами домой заехать.

— Смотрины? — засмеялась подруга.

— Ну какие смотрины? — Лёля, снимая грим, разглядывала себя в зеркало. — А вообще-то — да, конечно, смотрины. Они его ещё не видели.

— Жалко, что ты не идёшь. Там такие парни! Ну ладно, я пошла! Пока, счастливой поездки!

Маруся убежала, а Лёля, задумавшись, продолжала сидеть перед зеркалом. Она ещё не отошла от концерта. Где-то внутри всё ещё дрожала какая-то струна, сердце билось неровно. Всегда так. Вот вроде и концерт прошёл хорошо, зрители принимали великолепно, даже цветы были. И где их только доставали? Послевоенное время, не до цветов, картошки бы вдоволь вырастить!

Она и Маруся, солистки областного народного хора, были любимицами публики. Обе высокие, красивые, статные — настоящие русские красавицы. Да ещё такими голосами Бог наградил! Поклонников хоть отбавляй.

Всю войну они в составе концертной бригады ездили на фронт, выступали перед бойцами на передовой, попадали под бомбёжки и обстрелы. Бывало страшно, конечно. И не только от воя снарядов над головой. Она всегда перед выходом на сцену испытывала ужас. Это осталось у неё с тех, ещё довоенных, времён, когда её, пятнадцатилетнюю девчонку, отправили в район на смотр художественной самодеятельности. Она с детства была голосистой и пела всегда и везде — дома зимними вечерами у жарко натопленной печки, в поле, когда вязала снопы или собирала картошку, на крылечке деревенского клуба, куда их, подростков, не пускали взрослые парни и девчата.

Она долго отказывалась. Председатель колхоза обещал ей приписать лишний трудодень и даже премировать отрезом ситца на платье, но она плакала и говорила, что всё равно не поедет. Тогда он строго напомнил ей, что она комсомолка и это её комсомольское поручение.

И вот она стоит за кулисами сцены Дома культуры и дрожит с головы до ног. Один за другим выступают конкурсанты, вот уже поёт Клавдия, из их же деревни девчонка, бойкая, общительная. Скоро её очередь. Сквозь звон в ушах она слышит свою фамилию, но не может сдвинуться с места. Зрители в зале хлопают, ждут выходы артистки. К ней подбегает Клава: «Ты что? Твой выход!» Она продолжает стоять как вкопанная. Подходят ещё какие-то люди, что-то говорят, но она поворачивается и бежит куда-то, запутываясь в пыльных кулисах, через какие-то скрипящие деревянные сооружения — скорей, скорей на воздух, домой…

Но во время войны, выступая сначала перед ранеными в госпитале, а затем и на фронте, она научилась преодолевать робость, и никто бы никогда не догадался, что от страха у неё холодеют руки и трясутся колени. Её звонкий чистый голос выделялся в хоре, и вскоре она стала солисткой.

На часах было уже около одиннадцати, и Лёля, спохватившись, стала торопливо одеваться. Наверное, Арсений уже заждался, а она тут сидит, мечтает. Взглянув в зеркало, она сама себе понравилась: в новом пальто, в белом пуховом платке, на ногах резиновые ботики на каблучках, румянец во всю щёку, а самое главное — глаза! Глаза счастливой женщины!

Арсений ждал её у служебного входа, с букетом цветов в руках. Как всегда, одетый с иголочки, на голове новая каракулевая шапка, сапоги начищены до блеска — весь сияет, как медный пятак. Она познакомилась с ним ещё во время войны. Высокий, стройный, с орденской колодкой на кителе, он был похож на плакатного воина-победителя. Он служил в каком-то тыловом ведомстве, слегка прихрамывал и ходил, опираясь на трость. Он сразу стал ухаживать за Лёлей, но она ответила взаимностью уже после войны. Марусе Арсений почему-то страшно не нравился — быть может, потому, что все мужчины были на фронте, гибли

там, терпели всякие лишения, а этот дамский угодник окопался в тылу.

«Но у него же тяжёлое ранение»,—обижалась Лёля. В глубине души она думала, что Машка просто завидует ей. «Надо ещё посмотреть, какое такое у него ранение и где он его получил,—не сдавалась подруга.—Может, какой ревнивый муж покалечил».

Вот уже два года как кончилась война, но раны, нанесённые ею, заживут не скоро. Не обошла война и её семью: один брат пропал без вести, второй—лейтенант-пограничник—погиб в первые же дни войны. Самый младший, Николай, слава Богу, пришёл с войны, но покалеченный—рука одна не действует. У старшей сестры муж вернулся на костылях—какой из него работник? А в семье пятеро ртов, да вот недавно ещё двойняшки родились. Нищета беспросветная.

В сорок шестом скоропостижно умер отец Лёли. Заболел живот, маялся, бедный, два дня, на третий стало совсем невмоготу, надо везти в район. А на улице пурга третьи сутки гудит, белого света не видно. Председатель колхоза дал подводу, а ехать некому. Зять-инвалид вызвался, а что делать? Но не довёз, сбился с дороги, долго блуждал в снежной круговерти, и умер отец, не доехав до райцентра всего-то километра два.

Мать от всех этих бед как будто тронулась умом, но со временем отошла—всё хозяйство на её плечах, больная дочь-сердечница не помощница, как и мать, девяностолетняя старуха… Горевать некогда.

Лёля помогала матери деньгами, когда удавалось сэкономить, да изредка покупала что-нибудь из одежды сестрёнке. И сегодня радовалась, что везёт им всем гостинцы, даже про маленьких племянниц не забыла: в корзинке лежали два нарядных платьица, резиновый мячик и петушки на палочке, их любимое лакомство. А для бабушки—нюхательный табак и малюсенький флакончик духов. Бабуля добавляет в табак духи и нюхает, а потом громко и со вкусом чихает—много раз подряд. Лёля в детстве просила бабушку дать и ей понюхать табачку и тоже аппетитно и подолгу чихала

Поезд отправлялся в час ночи. Ехать часов пять, не меньше. Рано утром прибудут на станцию, а там, может быть, повезёт, подвода какая-нибудь подвернётся, чтобы до деревни добраться.

Общий вагон был набит битком. Люди сидели на своих чемоданах и мешках, стояли, ухватившись за верхние полки, кто-то забрался даже в багажные отсеки. Было невыносимо душно. Лёле с Арсением повезло: они сидели на нижней полке, тесно прижавшись друг к другу, сдавленные со всех сторон попутчиками. Корзинка с подарками стояла у Лёли на коленях. Напротив них сидели бабушка с внучкой, девочкой лет пяти-шести, закутанной в тёплый вязаный платок.

—Вы бы платок развязали,—сказала Лёля женщине,—жарко ведь.

Бабушка попыталась развязать узел на спине внучки, но не получилось, и она, махнув рукой, закрыла глаза и скоро задремала. Девочка с любопытством рассматривала корзину, будто чувствовала, что там находится что-то вкусное. Лёле хотелось угостить её, но она не могла даже пошевелить рукой.

Наконец все уселись, успокоились, многие пассажиры вскоре уже дремали. Сеня тоже спал, громко посапывая. Лёля никак не могла заснуть: было душно, к тому же сильно пахло керосином—какой-то дедок в промасленной телогрейке поставил в проходе бидончик с керосином, без крышки, с обвязанным тряпкой горлышком. Ну, ничего, можно потерпеть несколько часов. Зато как обрадуется мать. Интересно, понравится Арсений её родным или нет? Должен понравиться! Он умеет нравиться… Она улыбнулась. Перед мысленным взором поплыли картинки их знакомства: его настойчивые ухаживания, подарки, цветы… Она, деревенская девчонка, никак не могла привыкнуть, что она—артистка! Это ей хлопают восторженные зрители, это ей дарят цветы поклонники, от которых отбоя просто нет. А он всех отодвинул… И вот сидит рядом, такой родной, близкий, надёжный… Она задремала. И тут же увидела сон: она стоит на сцене, открывает рот, а голоса нет, она не может выдавить из себя ни единого звука, зрители что-то кричат, неистово хлопают в ладоши! Ей хочется убежать, спрятаться за кулисы, а кругом вспыхивают тысячи огней и освещают её, и некуда от этого света скрыться. Откуда-то сверху льётся дождь, но это не вода, а керосин…

Она проснулась от криков и в первое мгновение не могла ничего понять. Всё вокруг было в дыму, полыхало пламя, люди кричали, пытались выскочить в коридор, оттуда напирали другие пассажиры, кто-то пытался разбить окно—в вагоне был настоящий ад. Огонь распространился уже по всему вагону. Наконец кому-то удалось разбить стекло, но свежий воздух ещё больше раздул пламя. Люди горели заживо. Лёля, зажатая в своём углу, не могла пошевелиться. Пламя подбиралось к ней. Вдруг она увидела глаза девочки, в них стоял ужас, девочка, широко раскрыв рот, очевидно, кричала, но её крика в общем вопле не было слышно. Бабушка девочки упала на пол, на неё наступали, многие пассажиры уже не подавали признаков жизни. А где Арсений?—вдруг обожгла её мысль, и она тут же увидела его. Наступая на горящих людей, он рвался к окну.

—Сеня!—схватив его за рукав пальто, закричала она.—Сеня!

Но он с силой оттолкнул её, и она упала обратно на полку, больно ударившись головой. Девчушка оказалась у него под ногами, он, отшвырнув её, по головам людей добрался до разбитого окна,

мелькнули начищенные сапоги, и Лёля больше не видела, что с ним стало дальше. Девочка упала ей на колени, не переставая кричать. Пальтишко её горело, горели белые валеночки. На Лёле тоже занялось пальто, трещала вата, белый пуховый платок словно слизнуло пламенем, обожгло руки. Лёля прижала ребёнка к своей груди. Обезумевшие люди топтали друг друга, пытаясь прорваться к спасительному окну. Лёля с девочкой оказались в самой гуще этого месива. Выбраться не было никакой возможности.

— Будем, деточка, умирать вместе,— прошептала Лёля.

Девочка замолчала — то ли потеряла сознание, то ли умерла. Сильно жгло спину, ноги, горели волосы…

Она очнулась в какой-то светлой комнате. Белые стены, белый потолок. В окна бил яркий солнечный свет, смотреть было больно. Она застонала и закрыла глаза. Рядом кто-то пошевелился, тёплая рука осторожно коснулась её щеки. Она открыла глаза: мама. Рядом сестра Катя. Что случилось? Почему они здесь? «Мама»,— хотела сказать она, но губы не шевелились, всё лицо прожгла боль.

— Молчи, молчи,— испуганно прошептала мать,— тебе нельзя говорить.

Она снова впала в забытьё. Очнулась ночью. В палате было темно. Рядом, на стуле, дремала мать. Вошла женщина в белом халате, наклонилась над ней, мать испуганно вскинулась. Женщина показала на капельницу, что-то сказала матери… Значит, она в больнице. Но почему? Что с ней? Мысли тяжело ворочались в голове, думать не было сил.

Разбудил её луч света, проникший в палату сквозь неплотно задёрнутые шторы.

— Очнулась, кажется? — произнёс рядом чей-то голос, и она узнала его: это же Маша, подруга.

— Нет, спит,— тихо отвечала мать.— Всё время спит или без сознания. Ну пусть, она так боли не чувствует. Врачи говорят, девяносто процентов тела обгорело. Остались нетронутыми лицо и грудь. Говорят, девочку какую-то так прижимала к груди, еле оторвали… Поэтому и лицо огонь не тронул… А ноги…— мать заплакала,— с ног кожа, как чулки, слезла…

«Девочка… Какая девочка? — не поняла Лёля.— Мы же с Арсением ехали в поезде…» В поезде… Она вдруг вспомнила всё: девочку, горящих людей, их истошные крики. Она застонала и открыла глаза. Над ней склонились почерневшее от горя лицо матери и мокрое от слёз лицо подруги.

— Всё будет хорошо,— шептала Маруся, а слёзы градом катились по её щекам.— Ты будешь жить, мы с тобой ещё споём, всё будет хорошо…

— А Сеня? — с трудом шевеля потрескавшимися губами, прошептала она.— Он жив? Он жив?!

— Да,— Маруся погладила её по забинтованной голове,— он жив.

— А почему он не приходит? Вы, наверное, обманываете меня? Он погиб, сгорел?

Она не услышала, как Маша сквозь зубы произнесла:

— Лучше бы он — вместо тебя!

Она не могла рассказать, что Арсений, узнав, что Лёля, почти заживо сгоревшая, лежит в больнице, больше ни разу не позвонил и не появился…

Спустя восемнадцать дней после трагедии Лёля умерла.

Я держу в руках старую фотографию. На ней две девушки, в одинаковых платьях серого цвета, с белыми кружевными воротничками. Впрочем, платья, может быть, и не серые, просто фотография чёрно-белая. Косы у обеих уложены короной, губы накрашены сердечком — по моде сороковых годов. Высокие, статные, настоящие русские красавицы. Одна из них — народная артистка, известная на всю страну, Мария Мордасова, чей голос многие годы чуть ли не ежедневно звучал по радио. Другая — моя тётя, Татаринцева Елена Петровна. Ей было двадцать четыре года. От неё осталась только вот эта фотография.

Олег Поляков

Колюня

Мой друг Витёк живёт с продажи автомобилей. В Бресте покупает, в Новосибирске продаёт. Ченч выходит неплохой. Витёк на маршруте Белоруссия—Сибирь все ходы-выходы знает. Где, сколько и кому платить, где тормознуть, где газку подбросить. Опыт.

— Я,—говорит Витёк,—всю трассу в полусонном состоянии пролечу. Нигде тачку не тряхнёт.

Но вот прочухал Витёк, что во Владивостоке машину можно дешевле взять, и решил переменить направление на сто восемьдесят градусов. На восток—не на запад, дороги неизвестны, мало ли что, и Витёк позвонил мне.

— Сгоняй со мной пару раз. Я пока трассу изучу, то-сё, и ты проветришься.

Ладно, думаю, почему другу не помочь? Согласился.

Долетели до Владика, осмотрелись. Действительно, дешевле машины. Взял Витёк «ниссан»-трёхлетку. Доволен. Запаслись мы харчами, всяким барахлом и погнали. Дороги, Витёк говорит, неплохие. Ну, не хуже, чем в Европе. Худо-бедно, а мы уже Иркутск проскочили. Вот на участке под Красноярском эта история и произошла.

Гоним мы по трассе. Настроение неплохое, тачка не сыпется. Что ещё надо? Асфальт без колдобин, дорога прямая, по сторонам, метрах в двадцати от дороги, густой лес.

Вдруг смотрим, впереди на обочине две иномарки стоят. Рядом с машинами пять «лбов». Куртки кожаные, штаны спортивные, причёсок нет.

— Так, спокойно,—говорит Витёк,—это мы проходили, это рэкет.

— Останавливаться будем?

— Посмотрим.

Витёк сбросил скорость, катимся потихоньку. Самый здоровый на нас смотрит, а в руке у него пистолет. У меня от страха в ботинках пальцы ног в кулаки сжались.

На Витька́ посмотрел—у него на носу пот выступил. Этот здоровяк нам на обочину показывает: останавливайтесь, мол. Я присмотрелся: у него в руке не пистолет, а сотовый телефон.

— А, была не была,—Витёк крикнул, и я почувствовал, как меня вдавило в сиденье. Это он резко даванул газ.—Смотри за ними. Что они будут делать?

Витёк впился глазами в дорогу, а я, повернувшись боком, смотрел назад. Я ждал, когда рэкетиры запрыгнут в машины и начнётся погоня, но ничего не произошло. Никакой суеты вокруг машин не было. Они как стояли, так и остались на местах. Мы стремительно удалялись.

— Не гони, Витёк,—я попытался его успокоить,—погони нет, они на месте стоят.

Витёк немного сбросил скорость, мы успокоились, и только частые поглядывания в зеркало заднего вида выдавали наше состояние.

— Может, это и не мафия,—Витёк откинулся на спинку,—а просто поломка у людей.

Мы проехали ещё километра полтора. Впереди на обочине стоял мужичонка небольшого роста, одетый в грязную телогрейку. Местный, подумал я, наверное, деревня какая-нибудь рядом. Я потянулся на заднее сиденье, где у нас лежала карта, чтобы посмотреть, когда будет населённый пункт.

Вдруг раздался страшный треск. Машину бросило в сторону, и она резко остановилась. В лобовом стекле у нас была большая дыра, и от неё в разные стороны лучами бежали трещины.

— Что случилось?—я сбрасывал с колен осколки.

— Этот идиот в нас камнем засветил.

Мы оглянулись. Мужичонка, никуда не убегая, стоял на обочине метрах в двадцати от машины. Мы переглянулись и вышли из тачки. Подходили мы медленно, ожидая, что сейчас этот придурок рванёт в лес, но он стоял на месте, бросая на нас короткие взгляды.

Витёк медленно подошёл вплотную к мужику и молча со всей силы врезал тому в ухо. Мужик, не проронив ни звука, упал, но тут же вскочил. Он стоял, опустив голову, и ждал.

— Ты что, идиот?—грозно крикнул Витёк.

Мужик шмыгнул носом:

— Работа такая.

— Какая работа?—мы опешили.—Стёкла, что ли, бить?

— Ну да.

Я внимательно оглядел мужика. На вид ему было лет сорок, но если бы он сказал, что ему двадцать пять, я бы не удивился. Типичный бомж. Грязная фуфайка, на голове мятая кепчонка, ботинки с оторванными подошвами и верёвочками

вместо шнурков. Запах от него исходил сложный. Запах птичника с пивнушкой.
— Я не понял,— у Витька́ злость сменилась недоумением.— Твоя работа — стёкла бить, так, что ли?
— Ну да.
— Ты на сдельной или на окладе? — язвительно спросил Витёк.
— На сдельной,— мужичонка был серьёзен.
Мы переглянулись, и я спросил:
— Так ты всем проезжающим бьёшь, что ли?
— Зачем? Мне говорят каким, вот тем и бью. Сказали — вам разбить, я и разбил.
— Тебе, случайно, не Господь Бог это говорит?
— Нет. Зачем Господь? Вы же проехали недавно мимо братвы и не заплатили. Вот они мне и велели разбить вам стекло.
Я вспомнил нашу несостоявшуюся погоню.
— Так, Витёк, мне всё ясно.
— Да мне, в общем, тоже. Постой,— обратился он к мужику,— у тебя что, рация здесь спрятана?
Мужик достал из кармана какое-то приспособление в виде самодельной телефонной трубки, обмотанной проводами и грязной синей изолентой.
— Ясно,— Витёк даже улыбнулся.— Ты понял, да?
Я кивнул.
— Они поэтому за нами и не погнались,— Витёк покачал головой.— Вот ведь система. Эй, бомжбруевич, тебя как зовут?
— Колюня.
— Послушай, Колюня, а сколько за проезд берут?
Бомж Колюня сообразил, что бить его больше не будут, обрадовался и быстро затараторил:
— Они не со всех берут. Только с дальнобойщиков и транзитников. Вот у вас транзитные номера, значит, должны платить.
— Я тебя спрашиваю: сколько? — опять начал злиться Витёк.
— Полтинник с легковой, сотку с грузовой.
Витёк в сердцах сплюнул:
— Лучше бы остановились и заплатили.
— Почему? — не понял я Витька́.
— Почему-почему,— передразнил он меня.— Лобовик три сотки стоит. Вот почему.
Я подошёл поближе к Колюне. Он съёжился.
— Слушай, а ты не боишься? Тебя же здесь грохнуть могут.
— Могут,— вздохнул Колюня.— Мне и так по пять-шесть раз в день достаётся. А что делать? Денег нет, жилья нет, а жить хочется.
— Давно бомжуешь?
— Уже пять лет,— он печально посмотрел на меня.— Ну ничего. Вот деньжат здесь подкоплю, поднимусь немного и нормальную работу найду.
— Ладно, ну его к чёрту,— Витёк застегнул куртку.— Поехали.
Мы пошли к машине. Сзади послышался рокот двигателя. Из-за поворота появилась красная кабина КАМАЗа. Мы остановились и стали с интересом ждать, что будет дальше, потому что Колюня прижал телефонную трубку к уху и усердно закивал.
КАМАЗ приближался. Сгорбившийся Колюня стоял на обочине, спрятав от ветра грязные пальцы в рукава телогрейки. Полёта камня мы не видели. Только внезапно побежавшие лучики-трещины на лобовом стекле, там, где сидит пассажир. Я думал, что КАМАЗ сейчас остановится и Колюня получит свою очередную порцию «дюлей». Но камазист решил по-иному. Он даванул на газ, и огромная гружёная фура с оглушительным рёвом пронеслась мимо нас. Спектакль был окончен, смотреть больше нечего. Мы сели в тачку и поехали. Я оглянулся. На обочине, спрятав кулачки в рукава, стоял сгорбившийся Колюня и ждал очередного неплательщика.

Вскоре Витёк продал «ниссан», и мы опять полетели во Владик. Взяли добрый джип и погнали домой.
— Платить будешь или как? — спросил я Витька́, когда мы проехали Красноярск.
— Лучше я полтинник отдам, чем ждать, когда этот придурок Колюня нам стекло выхлестнет.
Вот и знакомое место. Те же иномарки, те же лица. Здоровяк с бычьим выражением лица подошёл к машине.
— Первый раз едете?
— Да нет, всё знаем. Сколько?
— Как обычно, полтинник.
Витёк отсчитал деньги и, не удержавшись, спросил:
— Колюня-то ваш на посту?
Здоровяк угрюмо оглядел нас.
— Нет больше Колюни. А вы что, знали его?
— Да так, немного.
— Грохнули его дальнобойщики. Неделю назад колонна из трёх машин проходила. Не заплатили. Ну, Колюня головной машине стекло выхлестнул. Они остановились и отхайдакали его. Мы вечером подъехали — он ещё дышал.
Мы тронулись дальше. Ехали молча. Но когда повернули за поворот перед тем памятным местом, у меня глаза расширились. На обочине, сгорбившись и спрятав кулачки в рукава телогрейки, стоял… Колюня.
— С нами крестная сила,— прошептал Витёк.
Но чем ближе мы подъезжали, тем отчётливей было видно: это не Колюня. Это был другой мужик, более молодой, но в такой же забрызганной грязью фуфайке и помятой кепке. Мы остановились, и я опустил стекло.
— Как дела, бомжара?
Он настороженно посмотрел на нас, но, сообразив, что зла мы ему не причиним, улыбнулся небритым лицом:

— Дак чё? Хорошо дела.
— Зовут-то тебя как?
— Васёк.
— Давно здесь?
— Неделю уж.
— Ну и как, нравится?
— Жить можно. Нам к побоям не привыкать. Да и то сказать, я тут временно. Вот поднакоплю деньжат малёха, поднимусь, а там нормальную работу найду.
— Ну, будь здоров, Васёк.
— И вам того же.

Мы тронулись с места. Я смотрел в зеркало заднего вида. На обочине, сгорбившись, стоял Васёк. И чем дальше мы отъезжали от него, тем больше он становился похожим на Колюню.

ДиН пародия

Евгений Минин

Язык светила

Скотный приговор

Вновь сердца неуёмная скотина
взломать готова рёберный хомут.

Вновь памяти незагнанная кляча
копытом сбитым будит старый след…
Владимир Болохов

Однажды я почувствовал с испуга,
усевшись за обеденным столом,
что печени циррозная зверюга
бодает почки трепетным козлом.
И я, конечно, сразу, с пылу-жару,
почувствовав мурашки на спине,
помчался на приём к ветеринару—
лечить весь этот скотный двор во мне.

Жалоба

Пока ж природа—памятник себе
из золота, я статуей средь парка
стою в ней, и дыханье всё слабей,
и мне уже ни холодно, ни жарко.
Елена Некрасова

Собою нынче украшаю парк,
хотя стою без вёсел и ветрила,
я статуей навроде Жанны д’Арк,
кругом природа, а вверху светило!
И мне не говорите о стихах—
они нужны как мёртвому припарка,
в «Неве» опубликованы на днях,
а всем от них ни холодно, ни жарко.

Огонь и крыса

Сосуд она, в котором крыса та,
иль крыса та, которая в сосуде?
Юлий Гуголев

Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?
Николай Заболоцкий (1903–1958)

Мне говорили: классику не тронь,
в чужой избе не вздумай бить посуду,—
но заменил я крысою огонь,
и на меня окрысились повсюду.
Я тот, кого не тронет красота
глубоких слов, что дарят строки эти.
Поэт ли тот, в котором пустота,
иль крыса та, сидящая в поэте?

Электронутое

Но если солнца проскользнёт язык
В твой левый глаз—замкнутся все герконы.
Григорий Горнов

Под солнцем не валяюсь на траве,
Блюду я электроники законы,
У многих—тараканы в голове,
А у меня внутри одни герконы.
А если в левый или правый глаз
Язык светила проскользнёт подкожно—
Герконы замыкаются зараз…
И это по стихам заметить можно…

Артём Крик

«Кукурузный сюрприз»

1.

— Папа, ты мне купил кукурузные палочки? — спросил девятилетний Миша, когда отец вошёл в квартиру.

— Купил, сынок, — ответил отец и достал из пакета с продуктами, который держал в левой руке, пачку кукурузных палочек.

Миша с удивлением взглянул на этикетку, на которой большими красными буквами было написано: «КУКУРУЗНЫЙ СЮРПРИЗ».

— Что-то не так? — спросил отец, заметив удивлённый взгляд сына.

— Это не те.

— Разве? — отец повернул этикетку к себе и, прочитав название кукурузных палочек, вопросительно посмотрел на Мишу. — Ты разве не эти просил?

— Нет. Те, которые я просил, называются «Кукурузная дружба». А эти называются «Кукурузный…»…

— …«…сюрприз», — с нетерпением перебил отец. — Я уже прочитал. И что, эти хуже?

— Не знаю. Я такие ещё не пробовал, — промямлил Миша, уловив в голосе отца нотки раздражения.

— Ну так попробуй, — и отец сунул в руки сыну пачку кукурузных палочек.

Миша молча принял пачку и направился в свою комнату. Но не успел он пройти и трёх шагов, как услышал позади себя голос отца, в котором ноток раздражения чуть прибавилось:

— Ты ничего не забыл мне сказать?

Миша обернулся и со страхом взглянул на отца.

— Спасибо.

— На здоровье, — удовлетворившись ответом сына, сказал отец и, разувшись, пошёл на кухню.

Там он взглянул на часы, стоявшие на холодильнике, и напомнил себе, что ему нужно успеть поджарить картошку к приходу жены. Если он не успеет, то жена, которая обычно возвращалась с работы голодная и злая, скажет ему пару ласковых.

2.

Миша, закрывшись в своей комнате, сел на диван и снова взглянул на этикетку.

«КУКУРУЗНЫЙ СЮРПРИЗ».

«Странно, почему папа купил именно эти палочки? — подумал он. — Я же ему отчётливо сказал: „Купи мне кукурузные палочки, которые называются «Кукурузная дружба»“. Может, тех не было?»

Так или иначе, но Миша не собирался больше расспрашивать отца насчёт кукурузных палочек.

Какое-то время он просто смотрел на этикетку, перечитывая несколько раз название, словно хотел, чтобы оно хорошо закрепилось в его памяти.

«Почему я так долго смотрю на этикетку?» — задал себе вопрос Миша.

И вдруг он с ужасом понял, что знает ответ на свой вопрос: потому что он боится. Но чего? Боится открыть пачку? Да. Боится дотронуться рукой до кукурузных палочек? Да. Боится положить их в рот? Да, да и ещё раз да!

Миша отбросил пачку от себя.

Та упала на ковёр, и в этот момент в комнату вошёл отец. Заметив на ковре пачку, он разозлился.

— Почему открытая пачка валяется на ковре? Ты потом будешь пылесосить?

— Я ещё не открывал её, — ответил Миша.

— А, ты ещё не открывал, — успокоился отец, но ненадолго. Через секунду взгляд его снова стал злым. — А почему? Если я купил другие кукурузные палочки, то ты их даже не попробуешь?

Отец замолчал. Но не ушёл. Ждал, какая реакция последует у Миши. Тот, ощущая с ног до головы злой и пристальный взгляд отца, встал с дивана, поднял с ковра пачку и попытался открыть её. Но у него не получалось. Несколько секунд Миша тщетно мучился с пачкой, и эти несколько секунд отец наблюдал за ним. Затем, видимо, у отца лопнуло терпение, потому что он произнёс:

— Дай сюда.

Миша дал. Отец, как только взял пачку в руки, тут же разорвал её и вернул обратно Мише. Тот со страхом поглядел на кукурузные палочки.

— Пробуй, чего смотришь? — с нетерпением сказал отец.

Миша, повиновавшись, взял одну палочку, положил её в рот и стал жевать.

— Вкусно? — спросил отец.

— Да, — ответил Миша.

Отец, удовлетворившись ответом сына, вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

3.

На самом деле было невкусно. Но Миша не сказал правду, потому что не хотел ещё больше злить отца.

Когда тот вышел из комнаты, Миша стал думать, как избавиться от кукурузных палочек. Лучшая мысль, которая ему пришла в голову (или так ему просто казалось), была такая: высыпать их из окна.

Миша подошёл с пачкой в руке к окну и посмотрел вниз с четвёртого этажа. Внизу был двор. Во дворе стояло несколько припаркованных машин, росло несколько деревьев, сидело на скамейке несколько старух, на другой скамейке—несколько алкашей, погода была пасмурной и невесёлой.

Открыв окно, Миша высунул пачку наружу открытой стороной вниз. Когда последняя кукурузная палочка выпала из неё, подул сильный ветер и, к ужасу Миши, вырвал из его рук пачку.

Миша закрыл окно и сел на диван.

Через минуту в комнату вошёл отец.

Миша только мельком взглянул на него, затем уставился прямо перед собой, боясь снова посмотреть на отца и вообще пошевелиться. Он замер, с ужасом ожидая, что будет дальше.

— Уже съел?

Отец пристально смотрел на Мишу.

— Да,—ответил тот, всё так же глядя прямо перед собой.

— А где пачка?

Этот вопрос Миша больше всего боялся услышать.

— Я её выбросил.

Возникла маленькая пауза.

— И куда же ты её выбросил?

— В окно.

— В окно?—переспросил отец удивлённо.

— Да.

Отец открыл окно и посмотрел вниз. Миша со страхом ждал, что сейчас отец увидит где-нибудь внизу валявшиеся на асфальте или в траве кукурузные палочки. Но отец, поглядев из окна несколько секунд, закрыл его и, не сказав больше ни слова, вышел из комнаты.

4.

Миша делал уроки, когда в квартиру вошла мама. Это была толстая женщина с вечно угрюмым выражением лица. Она вошла в комнату, в которой сидел отец, смотревший в этот момент телевизор, и спросила:

— Ты картошку поджарил?

— Поджарил.

— Это хорошо, что поджарил,—сказала мама и, выйдя из комнаты, заглянула к Мише.

— Привет, мама,—сказал Миша, увидев мать.

— Привет, сынок,—сказала мама.—Уроки делаешь?

— Да.

— Это хорошо, что ты делаешь уроки,—сказала мама и, оставив Мишу в покое, снова вошла в комнату, где сидел отец.

— Кстати, забыла тебе сказать. Когда я шла к подъезду, то увидела на асфальте кукурузные палочки.

Так как у мамы был громкий голос, то и Миша в своей комнате мог расслышать, что говорила в этот момент мама.

— Это ж надо так намусорить!—с негодованием воскликнула мама. И добавила:—Знала бы, кто это сделал, убила бы его.

Спустя пять минут, когда мама была в туалете, в комнату Миши вошёл отец.

— Так, значит, ты не съел кукурузные палочки, которые я тебе купил?—спросил он, с подозрением глядя на сына.

— Нет,—признался Миша, со страхом глядя на отца.

— Я с тобой потом поговорю на эту тему. Когда мама будет на работе,—отец улыбнулся. Ничего хорошего в этой улыбке не было.—А сейчас мне нужно сходить в магазин за хлебом.

Отец закрыл дверь, и Миша снова остался один в своей комнате. Некоторое время он думал, какой разговор его ждёт с отцом. Разговор, который, скорее всего, случится завтра после пяти, потому что завтра после пяти отец придёт с работы домой. А мама придёт с работы домой примерно на час позже.

Когда Миша очнулся от своих мыслей, он опустил взгляд на штаны и увидел, что они между ног стали мокрыми.

5.

На следующий день, когда до прихода отца оставались считанные минуты, Миша подумал: а не выпрыгнуть ли ему из окна, пока папа не пришёл домой?

Он подошёл к окну. Погода за окном была такой же, как и вчера,—пасмурной и невесёлой.

Спустя несколько минут, когда открылась дверь его комнаты, Миша всё ещё смотрел в окно, выпрыгнуть из которого он так и не решился.

Обернувшись, Миша с удивлением увидел на лице отца улыбку, и в нём затеплилась надежда, что тот передумал его наказывать. Но тут он заметил, что отец прячет одну руку за спиной, и это показалось ему подозрительным.

Подозрение его не было напрасным, так как через секунду отец воскликнул:

— Сюрприз!—и вынул руку из-за спины.

6.

Миша посмотрел на пачку с этикеткой «КУКУРУЗНЫЙ СЮРПРИЗ» в руке отца и понял, что эта была та самая пачка, которую он вчера нечаянно выронил из окна.

— Я собрал их ещё вчера, когда ходил в магазин за хлебом,—сказал отец, перестав улыбаться.—На, бери и ешь,—он протянул Мише пачку.—А я буду смотреть на тебя до тех пор, пока ты не съешь всё до конца.

Миша покорно взял пачку и посмотрел на кукурузные палочки, некоторые из которых были уже не такими чистыми, как прежде. Взяв одну из них, он положил её в рот и с отвращением начал жевать.

— Только ешь побыстрей, а то мне ещё до прихода мамы нужно успеть поджарить картошку,—поторопил его отец.

Миша взял следующую палочку, затем ещё одну и ещё.

Он ел эти невкусные грязные кукурузные палочки и молил Бога, чтоб его не стошнило. Потому что Миша уже догадывался, что отец заставит его сделать, если его стошнит.

ДиН стихи

Мария Васильева

Заблудшему меж Гадесовых рек…

● ● ●

Я знаю два замечательных слова, они мне отец и мать,
Глагольную суть того и другого—побеждать и прощать.
Мужское и женское—дух единый—есть человек.
Прощай же всех тех, кого не простила,—и победишь всех.

Упасть на колени пред тем, кто виновен.
Тихо спросить: «Зачем?»
Так делает воин, не трус, а воин.
На добро всем.
И тот вдруг заплачет, ведь он Его сын, мой брат.
Не зверь он, вовсе не зверь, мой враг.

И чтобы ни сделал со мной человек,
Не нареку его волком.
Он лишь заблудший меж Гадесовых рек,
Света не видевший толком.

Осталась жить—не дожёвывать век.
Обида Отцу не угодна.
Простила—теперь свободна.
Ему же носить наш грех.
Ему тяжелее всех?..

● ● ●

Я счастлива! У меня есть руки, ноги и мудрость.
У меня есть сердце. В нём много места.
Я ничья ни жена, ни невеста.
Я простилась с тем, кто уже не нужен,
Кто не мог бы быть ни отцом, ни мужем.
И теперь всё—лёгкость, а раньше—трудность.
Я свободна, как ветер, и я взлетаю.
Будто Бог меня спас от неясной стаи:
От того, кто плачет и ждёт подмоги,
От того, кто, сухо смотря, вытирает ноги,
От того, кто сделал меня ненужной,
От того, кто кости мне моет дружно
С посторонними, близкими—с кем попало.
Слава, Господи Боже, что не попала.

Бранка Такахаши

Не совсем японская и не совсем любовная история

Из цикла «Рассказы Луны»

Я всегда рядом. Ночью—само собой, но и днём, когда вы на меня не обращаете внимания.

Я всё знаю. Нахожусь на нужном расстоянии, поэтому всё хорошо вижу. Ну, когда облака и толстые шторы не мешают.

Не успеешь и глазом моргнуть, как год прошёл! Мне-то, правда, всё одно—что год, что век, что миллениум, но у людей за год многое меняется. Например, трёхлетний ребёнок и выглядит по-другому и знает гораздо больше двухгодовалого. И для женщин, похоже, год представляет что-то большое: тридцатипятилетняя дама вплоть до следующего дня рождения твердит «Тридцать пять!» Ясно, как день, что полгода спустя она уже ближе к тридцати шести, но такого ты от неё не услышишь. Наверное, имеется какая-то большая причина, нам, лунам, неведомая. Это мне женщина в тридцать пять и тридцать шесть кажется одинаковой потому, что я так далеко? Не думаю. Да их окружение также не замечает перемены! Впрочем, не важно. *Благодаря* морщинкам и седым волосам, которые видны им одним, женщины могут без устали болтать часами.

Сегодня я увидела ту сербку, чей ребёнок играет в парке недалеко от реки, и вспомнила, как страшно было в прошлом году в это время. В тот день, когда она ехала в аэропорт, для того чтобы встретить мать, прилетающую из Сербии, как раз дул *хару ичибан*[1]. «А самолёт приземлится как положено?!..»—с тревогой думали и мать в воздухе, и дочь на земле. Было из-за чего тревожиться: дуло просто ужасно! Дочь, которая бронировала маме авиабилет, ругала себя: «Ну и угораздило меня выбрать именно сегодня!»—и злилась до следующего дня. Но и третьего марта ветер ничуть не ослаб! «*Второй* весенний?!»—на всякий случай проверила у своего японского мужа дочь, хотя знала, что считается только тот, вчерашний, первый.

Четвёртого марта ветер продолжал неистовствовать, а также пятого и шестого числа бедная мама не собралась с духом выйти из дому. От дочери она слышала о том, как Япония красива, и хотелось поскорей все эти красоты увидеть; но в течение семи дней единственными впечатлениями о Японии были вой ветра, словно спецэффекты в фильмах ужасов, и парк, который виден из квартиры: деревья сгибались до земли, и казалось, что не останется ни одной уцелевшей ветки.

В этом году прошла неделя от *хару ичибан*—и в Токио угнездилась кроткая весна. Каждый день тепло, парк кишит мелкой детворой. Мамы стоят кучками и болтают либо бегают за своими отпрысками. Сербская мама сидит на лавочке и читает. Иногда глазами поищет сына: *не споткнулся ли? не упал ли в пруд? не повздорил ли с кем-нибудь?*—и опять вернётся к книге. Похоже, что она особо не дружит с другими мамами. Значит ли это, что мир японских мам закрыт для иностранок? Или она и не пытается в него войти?

Во время обеда из близлежащих фирм потекут служащие с бэнто[2]. Пообедав, некоторые сидят с закрытыми глазами и наслаждаются солнцем на веках, а другие кликают по смартфонам. О! Эти двое—свежеиспечённая пара! Сидят на скамье рядом, плотно прижавшись бёдрами. Она из небольшой хлопчатобумажной сумочки (кажется, её ручная работа) вынула две коробки бэнто, большую отдала ему. По большой порции риса разбросаны сердечки из мяса и овощей. Белки, витамины, углеводы—она заботится о его здоровье. *Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок*—это, видимо, знают все девушки мира. Она наверняка станет хорошей женой. Разумеется, что—хотя бы поначалу—она будет готовить каждый день. А спустя какое-то время иной раз она накроет на стол и какой-нибудь полуфабрикат. Но разве можно её упрекнуть? Из года в год, три раза в день—это надо и придумать, и приготовить!

1. Хару—весна, ичибан—номер один, первый; хару ичибан—первый сильный юго-восточный ветер в конце февраля—начале марта, означает начало весны *(прим. авт.)*.
2. Однопорционная упаковка еды, состоящая в основном из риса, мяса или рыбы и немного свежих или маринованных овощей *(прим. авт.)*.

Пусть та, которая никогда не накормила мужа блюдом из магазина, первой бросит в неё камень!

Весна, а из влюблённых — одна лишь эта пара?! Не-хо-ро-шо-о-о… А бомжей… один… два… три… Четыре бомжа!

Один идёт через парк, грохочет тележкой, с которой свисают два семидесятилитровых мусорных мешка, набитых спрессованными алюминиевыми банками. Другой сидит на забетонированной насыпи реки и читает энциклопедию в такой же стадии оборванности, как и он сам. Надо отдать ему должное за образовательное рвение: книжища весит с хороший кирпич.

Остальные двое спят на скамейках. Тот, что занял скамью поближе к пруду, до бровей закутался в спальный мешок; если не считать чёрного цвета мешка, то он похож на кокон шелкопряда или на мумию. Маленький старик, полулежащий на скамье недалеко от песочницы, одет в старьё в последней стадии распада, а на ногах у него — где же он их отыскал?! — почти новые модные полусапоги тёмно-зелёного цвета. Ноги он перебросил через металлические подлокотники такого же оттенка зелёного цвета, как его обувь. Люди, где же ваши фотоаппараты?!

Из издательства рядом с парком вышла, с бэнто в руке, женщина лет чуть за пятьдесят и на входе в парк остановилась, ища взглядом, где можно сесть. На каждой скамье кто-то уже расположился. Ей не хотелось присоединяться к тем, с которыми и так весь день на работе. Но она также не хотела мешать влюблённой паре. А о том, чтобы сесть рядом с тем ободранным бомжем, и речи не могло быть…

Иностранка поискала взглядом своего сына, убедилась в том, что ребёнок спокойно играет, и тогда заметила эту женщину. Она подвинулась ещё ближе к подлокотнику и улыбкой предложила женщине сесть. Женщина ей ответила поклоном и улыбкой и присела.

…………………………………………………

Стоит немного опоздать с выходом из офиса — и все скамейки оказываются занятыми. Завтра выйду пораньше. Придётся прочитать нотацию тому неспособному и — что хуже всего! — невоспитанному молокососу, который недавно стал главным редактором. Что за манера всучивать людям работу непосредственно перед выходом на обед?! Ох уж эта теперешняя молодёжь! Да, он главред, но он моложе всех в редакции и свою уверенность, что он схватил Бога за бороду, мог бы так уж явно и не демонстрировать. К тому же парень сильно заблуждается. Я — не *какая-то там* тётка, а тётка, *которая отказалась от кресла главного редактора*. Вот каким способом он продвинулся в карьере. Я была не против повышения зарплаты, но этому сопутствует и столько же лишнего стресса, так что я поблагодарила за доверие и осталась на своём месте.

Я не хочу сказать, что старшим надо высказывать уважение во что бы то ни стало. Тот факт, что кто-то родился раньше тебя, ещё не значит, что он тебя превосходит в смысле ценности. Если он старше, опытнее (что не обязательно синонимы!), интеллигентнее, мудрее (также не синонимы) и говорит и делает вещи, стоящие уважения, — да, тогда я снимаю перед ним шляпу; но не вижу, с чего бы мне кланяться кому-то лишь по той причине, что ему больше лет. С другой стороны, я не буду ходить вокруг и демонстрировать своё непочтение. Вот так. С этим я давно разобралась (сколько бы такое отношение ни вызывало неодобрения у моих земляков), и если бы у меня был ребёнок, я бы его воспитала в таком духе (и уж точно не позволила бы ему вырасти таким недоделанным, как этот напыщенный мальчишка).

«Взгляды на воспитание — в сторону, мне действительно негде присесть», — подумала было я, когда одна иностранка подвинулась и освободила мне место на скамейке, так что я наконец-то села. На её улыбку я ответила тем же и сказала спасибо. На секунду я засомневалась, не лучше было ли сказать «thank you» — может, она не говорит по-японски, — но тогда я заметила книгу у неё на коленях. «Любовь глупца» Дзюнъитиро Танизаки — на японском же! Вот это был сюрприз. Она *читает* или *пытается читать*? Насколько понимает? Меня это очень заинтересовало, и я к ней обратилась:
— Простите… Вы иностранка?

Она была небольшая, с ровными тёмными волосами — могла ведь быть и полуяпонкой.
— Да, я сербка.
— Ух ты! Вы издалека приехали. Простите за любопытство… вам не тяжело читать на японском языке?
— Тяжело, конечно. Попадаются незнакомые слова и иероглифы. Когда читаю дома, то сразу ищу их в словаре, но когда нет словаря под рукой, я просто иду дальше и только те слова, которые часто повторяются, я запоминаю и потом проверяю по возвращении домой.
— Так, значит…

На этом я закончила разговор. *Как долго она в Японии? Каким способом она изучала японский язык? Что думает о японской литературе?* Многое хотелось узнать, но если бы я продолжила, бедная иностранка почувствовала бы себя словно на допросе и решила, что мы, японцы, напористая нация. К тому же у меня не было времени для болтовни; надо было заканчивать обед и идти назад на работу.

Я убрала свою коробку из-под бэнто и палочки в пакет, поблагодарила любезную сербку за то, что она освободила для меня место, и вернулась в редакцию.

Сегодня тоже тепло, и я вновь пошла в парк на обед. На этот раз я вышла пораньше, и можно было выбирать, где сесть. Пока я стояла и думала, *сюда* или *туда*, та сербка меня заметила, махнула мне рукой и сказала:

— Добрый день! Если хотите, можете присоединиться.

— День добрый! Да, с удовольствием присоединюсь.

— Вы работаете где-то поблизости, да?

— Да, в том белом здании. Я — редактор в литжурнале.

— Ах, вот почему вы сразу обратили внимание на то, что́ я читаю!

— Да, профессиональная деформация! Я скорее замечу книгу, чем подробности лица читающего.

— Я вас отлично понимаю. Я занимаюсь литературным переводом, поэтому, как только узнаю о какой-то новой книге, у меня первая мысль: переведена ли она на сербский язык?

— Так вы переводчица?! Переводите, предполагаю, с японского на сербский язык, да?

— Да, с японского и русского языков.

— Да вы что?! Я училась на кафедре русского языка и литературы!

— Невероятно! Я освободила место для человека, с которым у меня такое неожиданное общее! — сказала она с солнечной улыбкой, но сразу затем нахмурилась и крикнула: — Микио, *;№((*?:-::%?(_)*?*%:;%!!!!!*

К нам прибежал трёхлетний мальчик и сказал:

— Мама, *(:%;;№%*(X_)___??*?:%:;;:.*

Кроме «мама», я не поняла ничего, но решила, что это сербский язык. Мама мальчика попросила у меня прощения:

— Извините, пожалуйста! Я с сыном всегда на сербском разговариваю.

Мальчика звали Микио, так что папа, скорее всего, японец. Я спросила, на каком языке они общаются дома. Я так прикидывала: на японском или на сербском. Но могло быть и не так. Если они не знали её или его языка, когда познакомились, тогда общение проходило, возможно, на английском. Или на языке страны, в которой они встретились. Моя немецкая подруга и её японский муж поженились в Сан-Ремо, и хотя она уже давно отлично говорит по-японски, они и по сей день разговаривают на итальянском.

— Мы с самого начала общаемся на японском. Когда мы познакомились, я училась на кафедре японоведения, и мне нужна была практика. А три года назад у нас родился сын — и вот с ним я разговариваю на своём родном языке, потому что мои родные меня не простят, если он не будет в состоянии общаться с ними.

— Конечно! А ваш малыш ещё слишком маленький и не понимает, как ему повезло в жизни. Он не догадывается, насколько одна взрослая тётя завидует его возможности освоить два языка легко, играючи. Я начала изучать русский язык уже взрослой, и мне было очень тяжело. Другой язык — это не просто новые слова, а совсем иной способ мышления, совершенно новая логика вещей, и я то и дело восклицала «но почему же?» и «а это откуда взялось?!» — ну, вы наверняка понимаете, вы прошли ту же дорогу в обратном направлении, от славянского языка к японскому. А если бы у меня с детства была возможность видеть и слышать русский язык, я бы его выучила незаметно и знала бы его, как и родной японский. Эх, если бы я родилась метиской!

Она заулыбалась.

— А я сколько раз об этом думала! Когда занимаешься переводом, особенно переводом художественной литературы, язык должен быть естественным. Если бы у меня была возможность ещё один язык впитать с молоком матери!..

И сразу потом она опять крикнула на сына, на этот раз на японском:

— Микио, я же сказала не играть с мячом тут! Вот, посмотри, ты толкнул дядю. Быстро попроси прощения!

Затем она встала и подошла к человеку лет около шестидесяти и сказала:

— Извините, пожалуйста!

Он ответил:

— Да нет, ничего, — а потом повернулся к мальчику: — Хей, дружочек, хочешь с дедушкой поиграть в футбол? Мама и её подруга будут болеть за тебя.

Микио не надо было долго уговаривать — он уже пинал мяч вокруг *дедушки*. Мужчина был спортивного телосложения и одет для спорта: фуфайка, джинсы, кроссовки.

Мама мальчика вернулась на лавочку.

— Простите! На чём мы остановились?.. Хотя нет, сначала вы посмотрите, сколько у вас времени осталось!

— Ёлки-палки! Мне надо идти! Вот как летит время с занимательным собеседником. И Микио такая лапочка, вот сидела бы тут с вами и смотрела, как он играет. Но работа зовёт.

— Жаль. Мне тоже было очень интересно. Есть одно дело, связанное с русской литературой, о котором я бы хотела вас спросить… но это мы оставим на следующий раз. Если и завтра будет хорошая погода, я обязательно приду. Кстати, меня зовут Драгана…

— Драгана? Ваше имя что-то значит?

— Да, оно произошло от прилагательного «дорогой».

— Ох, как красиво! А меня зовут Таэ.

— И я могу вас так звать?[3]

3. Таэ — это имя, а японцы в основном обращаются друг к другу по фамилии *(прим. авт.)*.

— Конечно. Я намного старше вас, но в душе мне восемнадцать, хи-хи. Но теперь мне действительно пора, не то — придётся бежать, и тогда будет очевидно, сколько мне лет. Ладненько… до завтра!

Небольшое опоздание с обеденного перерыва в нашей редакции никогда не считалось бог весть каким грехом, но мы все стали суперпунктуальными, потому что не хочется слушать замечаний по поводу ничтожных нескольких минут *свободы*. Наш новый главред либо пока не научился руководить старшими коллегами, либо просто недостаточно умён и думает, что лучшие работники — это те, что почему-то по редакции передвигаются бегом, шумно вздыхают и как будто про себя жалуются: «Боже, как много работы, как много работы!..» Как бы то ни было, я, которая всегда с удовольствием приходила на работу, теперь бы с большей охотой сидела на лавочке с Драганой и смотрела, как её малыш бегает.

Сегодня опят сияет солнце, не могу сидеть в офисе. Без пяти двенадцать я уже выключила компьютер. Я собиралась было выйти точно в двенадцать, но шефа не было в редакции, и я на три минуты раньше уже спускалась по лестнице. «Как проказливый ребёнок», — думала я и ощущала, как моё лицо растягивается в улыбке. В школе и в университете я никогда не прогуливала занятия, так что это чувство было для меня новым. Говорят, те, что в молодости ведут себя серьёзно, позже *сходят с рельсов*. Правда, три минуты продлённого перерыва вряд ли можно назвать забастовкой.

Но похоже, что быть *правильным* всю жизнь — трудно. Рано или поздно все почувствуют потребность нарушить какой-нибудь неписаный закон. Вот Макико: вышла замуж за своего первого возлюбленного, растила детей, затем и внуков, тридцать пять лет была верной женой, а теперь у неё любовник. И не один, а два! Первый — действительно любовник, ну, во всех смыслах этого слова, а второй — парень, который ей нравился в школе, она нашла его в «Одноклассниках». С ним не встречается, а только переписывается. Но переписка у них — чистая порнография, что вполне достаточно для квалификации «измена». Я её спрашиваю: «У тебя всё в порядке? Ты не боишься, что муж тебя поймает?» — а она говорит: «Мне первый раз в жизни говорят такие вещи! Я только сейчас почувствовала себя женщиной!» И правда: вся светится, помолодела…

Я на этом поприще отработала своё в молодости. Похоже, я немного переборщила: когда страсти стали утихать, я поняла, что упустила шанс выйти замуж. А теперь бы хотелось испытать спокойную любовь, подходящую моему возрасту…

…думала я, когда наткнулась взглядом на играющихся в песочнице Драгану и Микио. Я заняла нам скамейку и стала ждать Драгану.

— А Микио не будет протестовать, что вы оставили его?
— Не-е-ет, это ребёнок, который в одночасье находит себе компанию. В этом смысле мне очень повезло. А также везёт с погодой сегодня. Если бы шёл дождь, мне пришлось бы весь день играть с ним в квартире. Когда приходят его друзья по соседству, он меня оставляет в покое, но с двумя-тремя малышами, которые не умеют играть тихо, сосредоточиться на переводе невозможно. Зато с апреля он идёт в садик! Наконец-то у меня будет время на свои потребности.

Драгана сидя выделывала что-то похожее на танец живота и пританцовывала ногами по траве перед скамьёй, всем телом показывая, как радуется предстоящей свободе. Я подумала, насколько мы и в жестах отличаемся от «них», иностранцев, — японка бы в этой ситуации, возможно, сделала несколько движений ладонями, но никогда бы не стала крутить бёдрами.
— Детей растить нелегко, да? У меня их нет, поэтому не знаю… Но подруги говорят, что радость, которую дарит свой ребёнок, это что-то особое.
— Совершенно верно. Собственный ребёнок такой сладенький, что человек говорит и делает вещи, из-за которых окружающие начинают вертеть пальцем у виска. Однажды, некоторое время спустя после того, как Микио родился, мы с мужем ходили за покупками, и когда мы проходили мимо булочной, так запахло, что у меня вылетело: «Боже мой, пахнет, как какашка Микио!» Муж у меня чуть не упал со смеху. Но это действительно так: какашка грудного ребёнка не воняет. С тех пор, как наш мальчик покакает, муж меня оповещает: «Микио испёк хлеб!»

Ох, я долго так не хохотала! Я видела разных родителей, которые были без ума от своего чада, но вот это был очень уникальный номер.

Договорив, Драгана понюхала воздух и наморщилась.
— А вот это сильно отличается от *хлеба* Микио.

Установилась хорошая погода, пыльца летела вовсю, и моя аллергия активировалась, так что нос у меня ловил запахи с задержкой.

Тёплый южный ветер принёс тот характерный запах тела, не мытого месяцами. В нескольких метрах от нас на скамье лежал старый бомж в лохмотьях, свисающих с его слабенького тельца. Я иногда прогуливаюсь вдоль реки Сумиды и насмотрелась разных владельцев *голубых палаток*[4], но этот старичок опустился так, что ниже было некуда.
— Давайте перейдём, а то вы потеряете аппетит, — сказала Драгана и встала.

4. Японские бездомники чаще всего живут в палатках светло-голубого цвета, так что «голубая палатка» стала синонимом для бездомного человека *(прим. авт.)*.

Больше не было свободных скамей, и мы сели на низкую стену песочницы.

— Здесь тоже не идеально… у вас получится обед, приправленный песком.

— Ничего страшного! Может, это улучшит мне пищеварение. Некоторые птицы специально глотают песок,—я рассмеялась и не особо волновалась, потому что дети—пока—играли спокойно.

— Мне бы хотелось показать этого бомжа сербам и русским,—сказала Драгана.—Когда идёт речь о Японии, все сразу представляют чистоту и благополучие. А те, которые знают, что и в Японии есть бездомные люди, думают, что они просто так, из каприза, захотели дистанцироваться от мира, они видят их кем-то вроде хиппи.

— Ну… вы знаете… Нельзя сказать, что нет и таких. Я тоже не эксперт по данному вопросу, но знаю, что есть люди, которые по тем или иным причинам порвали с обществом, развернули палатку или соорудили что-нибудь посолиднее в парке или возле реки и живут тут и летом, и зимой. Вы можете иногда увидеть бомжа-чистюлю: на верёвке у него сохнет постиранное бельё, он одет аккуратно,—если не увидеть, как он выходит из голубой палатки, ни за что не подумаешь, что живёт такой жизнью. У них есть и велосипеды, и горшки с цветами, и разные другие украшения вокруг палаток. Тогда нечего удивляться, что иностранцы, видевшие таких бомжей, имеют искажённое представление. Но большинство бездомных людей всё-таки наподобие этого старичка… Ничего страшного, если встречаешь его в парке, но мне однажды пришлось сойти с электрички намного раньше своей остановки. В вагон, в котором я ехала, зашёл и сел на самое отдалённое сиденье вот такой же месяцами не мывшийся бомж; что самое страшное, он был ещё молод, ему было не больше тридцати. За несколько секунд вонь распространилась по всему вагону. Когда у меня нет аллергии, обоняние моё до боли остро; я еле дождалась следующей остановки и побежала сломя голову. Но давайте оставим эту *зловонную* тему! Нет, мы можем продолжить, если вы настаиваете…

— Нет, не-е-ет… Что вы, Таэ! Я тоже не намерена писать диссертацию о японских бездомных! Есть миллион более привлекательных сюжетов.

— Да! Но—у нас осталось совсем немного времени. Я, похоже, слишком увлеклась лекцией о бомжах. Теперь я буду молчать и кушать, а вы будете рассказывать. Если вы не против и не надоело вам—а, наверное, этот вопрос вам задавали все, кому не лень,—расскажите, как вам живётся в Японии? Что вам нравится, а что для вас неприемлемо?

— О-о, с большим удовольствием! Только, Таэ, когда вам надо будет уходить, вы не стесняйтесь меня перебить. Я как начну болтать—с трудом останавливаюсь!—смеялась Драгана.

Тогда за её спиной послышалось:

— Привет, дружочек! Не хочешь поиграть в футбол?

Это был тот вчерашний мужчина.

— Здорово! Играем в футбол!—Микио вылетел пулей из песочницы, бросая и друзей, и лопатку, и грабельки.

— Здравствуйте! Вас этот балбес не утомляет? Я вам очень благодарна!—Драгана встала и поклонилась мужчине.

— Нет-нет, это я должен благодарить его! Ваш мальчик мне помогает оставаться в форме. В последнее время мало двигаюсь.

Он был одет и обут для спорта. Я посмотрела на него повнимательней: *мужик интересный*. Не особо высокого роста, но хорошо сложён, и черты лица у него очень приятные—вот так в шестьдесят будет выглядеть красавец Ютака Такеноучи[5]. А волосы! Густые, чуть длинноватые, слегка волнистые, с сединой, соответствующей его возрасту. Вот такие мне нравятся! Не люблю, когда красят волосы. Не знаю ничего более жалкого, чем мужчина, который красит волосы или носит парик.

«Нет, кроме шуток, он очень привлекателен… Ох, как не хочется на работу!»—думала я. В спешке доев рис, я стала прощаться с Драганой, когда он ко мне обратился:

— На работу? Жаль.

«Мамочки, он меня заметил!» Ещё больше расхотелось работать… Но одновременно с этим я почувствовала странную лёгкость походки!

Сегодня, точно в двенадцать часов, я набросила палантин на плечи, взяла бэнто и пошла к двери, когда меня окликнула Кэко:

— Такигава-сан, кажется, с вами что-то случилось?

— Д-да нет, ничего особенного. А что?

— Вы улыбаетесь, как Мона Лиза!

Я попыталась перевести стрелки:

— Да? Весна же! Люди, пришла весна! Разве вы не заметили?—и выскользнула из офиса.

В парке Микио и тот мужчина гонялись за мячом, а Драгана «защищала ворота». Мужчина меня заметил первым и сказал Драгане:

— Пришла ваша подруга.

— А можно, я уведу вашего вратаря?—в шутку спросила я разрешения, на что Микио не в шутку мне отказал.

— Нельзя!—крикнул мальчик строго.

Мужчина обратился к нему мягким голосом:

— Микио, пусть мама пообщается с подругой. Это ж женщины, что с ними поделаешь—больше всего любят болтать!

И Драгана села рядом со мной.

— Фу-у… Таэ, вы меня спасли! Больше часа стою там, и каждый раз, когда заикнусь, что мне надо

5. Известный японский киноактёр *(прим. авт.)*.

отдохнуть, этот маленький диктатор кричит: «Нельзя!» Да и теперь отпустил только благодаря ловкому манёвру Судзуки. Мол, они—*мужики-корешки*—должны к нам, бабам, относиться снисходительно. Знаете, что я вам скажу: с ними нелегко с самого рождения!..

— А этот человек—Судзуки, говорите?—он прямо каждый день играет с Микио. Либо необычайно любит детей, либо мам этих маленьких детей,—я делала вид, будто подтруниваю над Драганой, а в самом деле пыталась узнать побольше о нём.

— Нет-нет, он действительно любит детей. Мать не обманешь. К тому же он очень умело обходится с детьми. Говорит, у него внук. А что касается молодых мам—ну, он, похоже, больше интересуется женщинами постарше. Он спрашивал о вас,—на этот раз Драгана слегка подшучивала надо мной.

— Что-что?—она меня застала врасплох, я чувствовала, как лицо у меня пылает.

— О-го-го, почему Таэ так покраснела?! А вы, случайно, не…

— Ещё чего! Бросьте! Меня это не интересует. И вообще, я женщина в возрасте…

— Ан нет, вы на днях сказали, что вам в душе восемнадцать!

— Ладно, дело не в возрасте: у человека внук. А это значит, что имеется семья. Меняем тему!—сказала я *как будто небрежно* и открыла коробку с бэнто.—А, да! Вы вчера начали рассказывать мне о своей жизни в Японии.

— Точно… Ну что вам сказать? Мне нравится. Я думаю, что Япония на редкость удобная для жизни страна. Практически нет криминала—ну, того, который угрожает жизни обычного человека; организованный криминал есть, как в любой нормальной стране, ха-ха… И ещё никто вас не расспрашивает о ваших религиозных взглядах.

Безопасность—да, это понятно, но из иностранцев, с которыми я общалась, никто не упоминал религию… Стало быть, это какой-то пунктик Драганы.

— Вы, Драгана… так, минутку… В Сербии, если я не ошибаюсь, православие, как в России. Вы, значит, православная?

— Вот именно это я и имела в виду! Предрассудок: *серб—православный*.

«Вот я и ляпнула!»—подумала я и извинилась перед ней:

— Очень прошу прощения! Я в религиях не сильна, поэтому я сказала первое, что пришло в голову. Вы католичка? Или, может быть, мусульманка?

— Нет-нет, Таэ, вы ничего плохого не сказали! К тому же у вас приличные знания о маленькой стране в десяти тысячах километров от Японии. Проблема—мои земляки и братья-русские. Сербия и Россия за эти два-три десятка лет превратились из стран, где нет Бога, в страны, где чуть ли не восемьдесят процентов населения верит в Бога. Не скажу, что не понимаю причины и механизмы этой перемены, а также не думаю, что это плохо,—хотя сильно сомневаюсь, что такое количество людей по-настоящему верит. Проблема же—в странном, порой во враждебном отношении верующих к атеистам. Если не падаешь ниц перед Богом—и обязательно перед «правильным», на православный манер,—сразу спрашивают: «А ты действительно сербка?» Заяви, что ты атеист,—и пространство вокруг тебя сразу опустеет. А если имеешь неосторожность высказаться против того, чтобы гомосексуалистов били и заключали в тюрьму, на тебя набрасываются, словно ты на центральной площади кричал: «Да здравствует педофилия!» В Японии, к счастью, с такими явлениями не приходится иметь дело.

Она права. Меня тоже в Японии никто не вовлекал в дискуссии о религии. И даже никто не спрашивал, верю ли я в Бога. Это дело слишком личное. А в России, наоборот, в последнее время что ни разговор—то о *духовности*. Однако истинно одухотворённые люди не так часто и встречаются—даже среди духовенства и тех, кто к одухотворённости призывает

— Да, теперь я вас поняла, почему вам нравится Япония. Но не кажется ли вам, что это довольно странная страна? В любом—как в хорошем, так и в плохом—значении.

— Ну-у-у… да, странная. Но те же Сербия с Россией в каких-то аспектах странные-престранные. Я люблю Японию и японцев. Когда я еду домой, в Сербию, мне все говорят, что я *объяпонилась*. «В каком смысле?»—спрашиваю. А они говорят: «Ты стала вежливой, как японка». Что крайне смешно! Большинство из них в жизни не видели японцев, а меня знают сто лет и забыли, что я всегда—спасибо маме с папой!—была воспитанным человеком. Это только говорит, насколько укрепилось в сознании нашего человека представление о японцах как о культурных, вежливых людях. Потом, возьмём, например, обслуживание. С тех пор, как я привыкла к японскому сервису, нигде не бываю довольной. Я, правда, не была в Юго-Восточной Азии и не могу прямо утверждать, что Япония—самая-самая, но по сравнению с Западом Япония—однозначно та страна, в которую надо ехать ради туризма и шопинга.

— Но,—я не могла не остудить её,—вам иногда не кажется, что вас обслуживают роботы? Существуют методические руководства о том, как обслуживать клиента, все работники проходят обучение, и они справляются со своими должностями технически превосходно, но во всём этом приоритет отдаётся форме, а содержание не так и важно. Поэтому, если спросите продавца или официанта о чём-то, чему его не обучали, он растеряется.

— О да, и со мной был один такой забавный случай! Мы с мужем сходили однажды в кафе «Chat

noir». Это на французском «чёрный кот». Между столами стояли перегородки из молочного стекла, расписанные песчаными холмами, пальмами и верблюдами. Меня это заинтересовало, и когда мы расплачивались, я спросила у официанта: «Почему дюны, пальмы и верблюды, если *chat noir?*» Видели бы вы его! Ошеломлён до боли! Он опустил взгляд и начал ни к селу ни к городу: «Ну… пустыня, да?.. а в ней… песок и верблюды…» На это мой муж скороговоркой сказал: «Спасибодосвидания!»—и вывел меня на улицу. Ох, как мы хохотали! Тогда муж мне сказал, чтобы я больше не задавала таких тяжёлых вопросов. Откуда этому бедному парнишке, зарабатывающему на карманные расходы, знать французский язык и разбираться в замыслах дизайнера кафе, в котором он только разносит кофе?

Появились Судзуки и Микио.

— Микио, дружочек, дай дедушке немного посидеть. Я подустал.

— Нельзя!

Это был, видимо, излюбленный ответ Микио. Драгана его обругала на сербском и увела в песочницу. Я осталась одна с Судзуки. На меня напало волнение. Тут я вспомнила, что он хотел посидеть, и я подвинулась. Он коротко поблагодарил и опустился на скамью. Я опять начала лихорадочно думать, что сказать, когда появилась Драгана.

— Судзуки-сан, простите, пожалуйста! Этот мой балбес сильно утомил вас. Но на какое-то время он нас оставит в покое—вот, заигрался с детьми в песочнице.

Тут она заметила, что мы молчим, и преувеличенно громко хлопнула себя ладонью по лбу:

— А я вас не познакомила! Хотя… почему я, иностранка, должна знакомить японца с японкой?! Но ладно. Таэ, это футбольный тренер Микио, а также и его жертва—Судзуки-сан.

Мы рассмеялись, и атмосфера разрядилась сама собой.

— Судзуки-сан, вот это жертва моей беспрестанной болтовни на ломанном японском языке… э-э-э… ничего себе, я ж не знаю фамилии… короче, Таэ-сан.

— Такигава,—включилась я в беседу.—Очень приятно.

И только тогда я к нему повернулась коленями и кротко подняла взор. Просто неимоверно, как меня трясёт! Боже, сколько лет прошло?..

— Драгана говорит, что вы работаете редактором в литературном журнале…

— Да, я отвечаю за русскую литературу.

— Уф, русская литература… Кроме Толстого и Достоевского, я вряд ли знаю ещё кого-нибудь. А что касается современных писателей—тем более… Они по-прежнему пишут мрачные книги? Простите, это у меня единственная ассоциация с русскими романами…

— Мрачные?.. Ну-у-у, бывают и такие, но есть и произведения с юмором.

У меня бешено билось сердце, пока я говорила. Я же не знала, интересуется ли он в самом деле или спрашивает из вежливости. Последние несколько лет у меня не то что не было любовных связей, я же практически не встречала людей вне своей профессии и уже забыла, каково это—вести лёгкую светскую беседу. «А вы чем занимаетесь?»—хотела спросить я, но почему-то не получалось. Повисла пауза. Опять Драгана спасла ситуацию:

— А, да! Таэ, есть одно дело, которое мне не даёт покоя уже несколько лет, и думаю, что именно вы мне поможете. Речь о произведении Пильняка «Рассказ о том, как создаются рассказы». Судзуки-сан не знает, поэтому я коротко для него объясню: Борис Пильняк—русский писатель, который в тридцатых годах прошлого века дважды приезжал в Японию. О Японии он писал весьма похвально, из-за чего на родине объявили его японским шпионом и, практически без суда, расстреляли в тридцать восьмом году. (А на самом деле он романом, совсем с Японией не связанным, задел режим во время самых страшных сталинских репрессий.) То, что мне и моим русским друзьям, занимающимся литературой, не даёт покоя,—это вопрос: был ли в Японии прототип для японского писателя Тагаки из рассказа? Таэ, вам это известно?

Я про себя просила прощения у Судзуки за то, что мы ведём разговор на тему, в которой он не может участвовать, но я была счастлива, что могу показать свои знания.

— Да, моя младшая коллега из университета—теперь она профессор русской литературы на филологическом факультете—опубликовала статью о Пильняке, и она считает, что именно Дзюнъитиро Танизаки—которого вы читали в тот день, когда мы с вами познакомились,—был прототипом Тагаки. Я думаю, что в этом она права. Во-первых, фамилии у них созвучные (хотя в Японии я не слышала фамилии Тагаки, это, скорее всего, фантазия русского писателя), и к тому же Тагаки в рассказе подсматривает за своей женой и описывает её во множестве натуралистических деталей, чем он неимоверно напоминает «почерк» Танизаки.

— О-о-о! Наконец-то загадка решена! Таэ, я вам очень благодарна! Судзуки-сан, если у вас будет возможность, обязательно почитайте. Кстати, Судзуки-сан, чем вы занимаетесь?

Когда Драгана это произнесла, я вздохнула с облегчением. Мне было жаль его: разговор на чуждую для него тему длился уже какую минуту.

— Я? Я на пенсии. Чуть раньше положенного срока я решил выйти на пенсию.

— А до того, как вы *чуть раньше положенного срока решили выйти на пенсию*, чем занимались?

— Я служил в одной фирме.

— Да?! Никогда бы не подумала! — сказала Драгана то, что и мне самой подумалось. — Вы не похожи на служащего. Правда, Таэ?

Нехорошо было бы одну Драгану заставлять вести разговор, так что я тоже добавила:

— Да, у вас аура свободного художника.

— Ха-ха-ха! Правда? Ну, может, теперь. Теперь я действительно живу крайне свободно. А до того я почти тридцать лет серьёзно зарабатывал язву желудка, исполняя монотонную работу в фирме. Но эта история не стоит того, чтобы Такигава-сан тратила оставшееся небольшое время до конца перерыва. Вы продолжайте толковать, а я пойду посмотрю, что делает мой друг Микио, — сказал Судзуки, элегантно уходя из центра внимания.

Он ушёл, а Драгана стала глазеть мне в лицо и шкодливо улыбаться.

— Таэ-са-а-ан?!

— Что-о-о?!.. Ну хорошо, действительно привлекательный мужик. Но мне-то что? Тем более — надо возвращаться на работу…

Я стала собирать палочки и коробку из-под бэнто в сумку, стараясь не встретиться взглядом с Драганой. Когда я проходила мимо песочницы, Судзуки сказал Микио:

— Микио, скажи: «До свидания, Такигава-сан, удачной вам работы».

— Да нет, это же Таэ-сан! — поучительно ответил Микио, на что Судзуки расхохотался и сказал мне:

— Ну, тогда, *Таэ-сан*, до свидания, и удачной вам работы!

Это мне только показалось, или у него в глазах сверкнуло *что-то*?

Сегодня пасмурно и температура на семь-восемь градусов ниже, чем вчера. Я решила, что Драгана с Микио не придут, но на всякий случай надела пальто и вышла в парк. А там — большой и маленький мужчины гоняют мяч, а бедная Драгана и сегодня *вратарит*. У неё на лбу написано: *кто-нибудь, спасите меня!*

Микио даже не обернулся ко мне и только на бегу крикнул:

— Пришла Таэ-сан!

А Драгана — *без позволения!* — присоединилась ко мне.

— Здравствуйте, Таэ! Сегодня холодно, никто не кушает на улице, и я решила, что вы тоже не придёте.

— А я, наоборот, думала, что вы с Микио не придёте! Разве в такую погоду выводят детей гулять? Микио не холодно?

— Да что вы! Не было шансов остаться дома. Микио хотел играть в футбол с Судзуки, а к тому же — детям никогда не холодно. Но что вас заставило выйти в такую погоду? Вы тоже хотите поиграть в футбол с Судзуки?! Хи-хи!

— Безобразие! — я надула щёки: мол, обижаюсь. — Не ради Судзуки я пришла, а для того чтобы повидаться с подругой. Кстати, у вас в Токио есть друзья? Вряд ли здесь много ваших земляков…

— Да, верно, сербов мало, но достаточно для качественной дружбы. Есть у меня и русские подруги, и несколько японских.

— Это мамы детишек, с которыми играет Микио?

— Нет, с мамами не дружу. Хотя вру: есть у меня одна очень хорошая подруга с детской площадки рядом с домом. Юка. Но с остальными мамашами мне не о чем разговаривать. От бесконечных рассказов на тему воспитания детей и Диснейленда у меня кружится голова.

— Японки — самоотверженные матери; они чаще всего не работают и всё время посвящают детям, поэтому есть определённая доза инфантильности. Я это поняла, когда жила в России. Была возможность сравнить. А вы говорите свободно, незачем стесняться.

Я принялась кушать, потому что мне было интересно, что́ она скажет, и ещё потому, что надо было успеть на работу.

— Трудно говорить всё, что думаешь… хочешь не хочешь — я здесь чужая. Так же, как мне было бы неприятно слушать какого-то иностранца, высокомерно комментирующего недостатки Сербии и сербов, так и я, когда нахожусь за границей, если критикую, то дважды подумаю, как это воспримет окружение. Но в конце всё равно высказываю всё, что думаю, в Японии особенно. Это потому, что мне эта страна важна. У меня японское гражданство, здесь я ращу ребёнка — иностранкой-то больше не назовёшь. У меня право участвовать в выборах, поэтому я могу, как другие японцы, выражать своё недовольство тем или иным. Прошу вас обратить внимание на один важный нюанс… Таэ, вы можете одновременно кушать и обращать внимание на *важные нюансы*?

Она это спросила в тот момент, когда я закинула голову, чтобы сделать последний глоток чая, и я не могла ничего произнести, лишь пробурчала «м-г» и подняла большой палец на левой руке.

Драгана хихикала.

— Таэ, я шучу! Не сомневаюсь в том, что вы внимательно слушаете, но вдруг я поняла, что выражаюсь как политик в предвыборной кампании. И тем не менее, я, с вашего позволения, закончу мысль. Итак — *важный нюанс*. Если критикую, значит, болею за эту страну. Если б мне было всё равно, я бы сыпала ни к чему не обязывающие: «Ах, фантастика! Ох, красота! Ух, прелесть!» Это то же самое, что и отношение к своему ребёнку: хочешь, чтобы он был хорошим и преуспевающим человеком, и ради этого иногда ругаешь его, а по надобности можешь и дать подзатыльник…

— Да я вас отлично понимаю, Драгана! Я сама так чувствовала, когда жила в России. Мне хотелось о

многом высказаться, но я стеснялась, потому что не знала, сколько может себе позволить японка в России. Всё-таки у России и Японии были в прошлом довольно сложные отношения, да и по сей день есть нерешённые вопросы. Откуда я знаю, что моё «русские женщины одеваются, будто заняты в сфере древнейшей профессии» они не услышат как «верните Курилы!» — понимаете? Хочешь не хочешь — приходится вести себя дипломатично. Но ваша страна никогда не воевала с Японией, не имеет к нам территориальных претензий, так что вы смело можете говорить то, что думаете.
— О! Есть одно дело, по поводу которого никто не обидится: ненавижу землетрясения!
— М-г-м… интересно. А купаться в горячих источниках любите?
— Обожаю!
— Ну тогда вам придётся терпеть землетрясения! Да скоро привыкнете, — сказала я небрежно.

О том, что 11 марта 2011 года я испытала самый большой страх в жизни, я промолчала. Не потому, что мне было стыдно признаться, а потому, что незачем больше пугать бедную иностранку — она и так напугана.
— Это ещё одна вещь, которой всем нам надо учиться у вас, японцев: не раздражаться по поводу того, что не можешь изменить. О, опять комплимент, ха-ха! Но есть и вещи, которые меня не устраивают.
— Да? Вот это хочу узнать!
— *Лишняя упаковка*. В речи. Несколько слоёв вежливого языка, затем вокруг да около — вот к этому с трудом привыкаю. Это можно вызубрить — есть миллион учебных пособий, но для того, чтобы оно естественно выходило из ваших уст, это должно быть частью вашей природы или выращено с младых ногтей. И ещё есть одно выражение, которое мне в последнее время особенно действует на нервы. Именно оно олицетворяет японский дух, но на него у меня прямо аллергия!
— Ух ты! Похоже, вам оно чрезвычайно не нравится! И что это за выражение?
— Сасэтэ итадаку[6].
— Да? И что у вас в… — тут я не выдержала и стала ржать. — Простите! Что у вас в «сасэтэ итадаку» вызывает аллергию?
— Ничего-ничего, свободно смейтесь! И правда, умора. Я перегибаю, как обычно. Если хорошенько подумать, то Япония — последнее место для людей, поднимающих много шума из ничего. Вот это ирония судьбы — то, что я живу в Японии… — Драгана говорила с якобы сокрушённым видом, но хихикала, явно смакуя свою нестыковку с Японией.

— Вы знаете, то, что я японка, не значит, что всё в этой стране в моём вкусе. Итак, что в связи «сасэтэ итадаку» вам действует на нервы?
— А, да! Не скажу, что не понимаю скромности, которую «сасэтэ итадаку» выражает. Я и сама иногда умею быть скромной… хотя порой не произвожу такого впечатления, ха-ха-ха! Это выражение, несомненно, имеет широкое применение. Человек, который выпячивает грудь и своё «я», мало кому нравится, даже в странах, где ценится индивидуальность. Но когда человек, достигший чего-то большого благодаря своим способностям и труду, об этих своих достижениях говорит, десять раз употребляя «мне было позволено» или «мне дана возможность», у меня начинается чесотка. *Чувак, тебе никто ничего не позволял — ты всего этого добился сам, брось пустой политес!* То есть каждый раз вместо «я сделал» он или она говорит «мне было позволено». Словно компьютер, запрограммированный каждое «я сделал» заменить на «мне выпал шанс сделать» — когда надо и когда не надо. Но в случае компьютера это простительно, тогда как человек, по идее, должен различать ситуации и знать, какое выражение подходит в этом случае. Японский язык богат, а большинство людей сводит его к кучке *трёхэтажных* вежливостей, которые таким употреблением на самом деле их обесценивает. Культура речи в данный момент такова, что никто не осмеливается сказать что-либо попроще, и я каждый раз хорошенько вспотею, ища способ обойти стороной «сасэтэ итадаку» и остаться вежливой. Потому что есть ситуации, где «мне дана возможность» ни по какой логике не проходит! Например, вы взяли на себя какую-то работу, от которой все уклонились. Я тогда не могу сказать: «Мне было позволено…» — потому что мне было не *позволено*, а *навязано*. Меня прижали к стенке, и пришлось делать. Этот автоматизм, с которым японец даже в таких обстоятельствах скажет «сасэтэ итадаку», — вот что я плохо перевариваю!
— Вот это было прямо в яблочко! Японский вежливый язык многослоен и слишком сложен даже для японцев, так что совсем немногие употребляют его правильно. Поэтому большинство говорит что попало, главное — чтобы *выглядело* уместным. Если попал впросак, скажи «сасэтэ итадаку» — будешь казаться вежливым и даже начитанным! Потому что важна форма — мы уже с вами об этом разговаривали. Форма — это то, что первым бросается в глаза, а до содержания докапывается меньшинство. Но вы должны открыто говорить о том, что вам нравится, а что не устраивает, — зачем стесняться?!

Драгана рассмеялась.
— Я всегда за что-то воюю. В Японии — за чистоту японского языка, а в Сербии и России обязательно вступлю в перебранку с каким-нибудь мужиком, если речь пойдёт о женской литературе. И всё это — понимая, что бодаюсь напрасно! Сколько

6. В японском языке есть несколько слоёв вежливого языка, а суть в следующем: возвышать собеседника, а себя умалять. «Сасэтэ итадаку» — одно из стандартных выражений, которое приблизительно означает: «Благодаря (кому-то), милостию (Божьей) я сделал это» *(прим. авт.)*.

бы я с пеной у рта ни напутствовала, сто тридцать миллионов японцев не станут говорить правильно, а в России и Сербии женщина-писатель не перестанет быть личностью второго сорта. Уф, я опять распалилась!.. Таэ, разве вас не волнует эта вопиющая несправедливость?! В Японии такое не встречается, но в России это вам должно было намозолить глаза!

Да, Драгана в самом деле распалилась! Она махала руками, а лицо её выражало готовность «надавать бобов» кому-нибудь. Микио возвратил её из России в реальность нашего парка. Он с размаху залетел к ней на грудь, послышалось «туп», он взял своими ручоночками её лицо и повернул к себе:

— Мама, хочу сок! Сок хочу пить! Мама, купи сок!

Попробуй не обратить внимания на него!

Тем временем до нас дошёл Судзуки. *Может, он упадёт мне на грудь?!* Господи, что за идеи?! Вот ненормальная…

Судзуки сказал мальчику:

— Микио, идём, я тебе куплю сок.

— Нет, я пойду с моей мамой!—Микио стал тянуть Драгану за руку.

Она встала. Как я уже сказала, попробуй игнорировать его! Драгана пошла с ним к автомату с напитками, оборачиваясь ко мне:

— Таэ, я быстро! Сколько у вас времени осталось?

— Идите, идите! У нас ещё целых десять минут!

— Микио бросил меня…—смеясь, сказал Судзуки.—Но это так: я тоже до первого класса держался за мамину юбку.

— Похоже, что вы, мальчики, особо привязаны к мамам. Ой, улетел!

Внезапно поднялся ветер и унёс мой пакет. Судзуки подпрыгнул и схватил его.

— В пакете есть что-то вам нужное?

— Нет, только использованные палочки. Дайте, я это выкину в офисе.

— Если собираетесь выбрасывать, дайте мне. Сейчас как раз такие плоские деревянные палочки мне нужны.

— Да, возьмите, конечно. Только дайте я их сначала помою…

— А, не надо. Я не буду ими кушать, мне они нужны, чтобы починить кое-что.

— Ах да, да, берите свободно.

Когда у меня дома что-то ломается, я думаю: «Эх, если бы был мужик, который починил бы…» Что это Судзуки чинит? Жена его попросила? И что он делает, когда не играет в футбол с Микио?

Микио ещё с пятиметрового расстояния начал отчёт:

— Я купил виноградный сок! Судзуки-сан, а ты любишь пить виноградный сок?

— Люблю.

— А ты, Таэ-сан, ты тоже любишь пить виноградный сок?

— Люблю, Микио.

— И моя мама любит виноградный сок.

Драгана присаживалась, смеясь.

— Да-а-а, и мама Микио любит пить виноградный сок. Тот, что хорошо сочетается с сырами и мясными блюдами!

— Ну, дорогие мои, мне пора… Очень не хочется с вами расставаться,—я стала собирать коробку из-под бэнто и пустую банку из-под чая.

Судзуки тоже встал.

— Я тоже иду в том направлении. Микио, до завтра!—сказал он и зашагал со мной.

Я обернулась помахать Драгане, а она мне подмигнула. Она читала меня, как открытую книгу! А во мне всё дрожало, пока я шла рядом с Судзуки. Словно шестиклассница! Я лихорадочно думала, что сказать, но ничего путного мне не приходило в голову. Тоже мне филолог!

— Ну, тогда—до свидания!—сказала я у подъезда редакции и повернулась войти, когда Судзуки спросил:

— Э-э-э… та банка… если она вам не нужна, я могу её взять?

Мне это короткое *свидание* так расшатало нервы, что я не сразу поняла, что он спрашивает.

— Что-что?

— Эту банку из-под чая. Я бы взял, если она вам не нужна.

— А-а! Эту банку? Возьмите. Ею тоже будете что-то чинить, ха-ха?!—неуклюже пошутила я, протянула ему пустую банку и ушла.

Ею тоже будете что-то чинить?—Господи, можно ли было придумать бóльшую глупость?!

До конца дня у меня было плохое настроение.

Сегодня распогодилось, и на улице настоящая благодать. Я взяла бэнто и в автомате для напитков возле подъезда редакции купила банку зелёного чая. На глаза мне попался виноградный сок, и я купила его для Микио.

Судзуки сидел на скамье, а Драганы с мальчиком нигде по близости не было. Он заметил меня, махнул мне рукой, и когда я подошла к скамейке, он мне сказал, что их сегодня нет.

— Обычно приходят к одиннадцати часам. Сегодня, скорее всего, не придут. А вы садитесь, пожалуйста.

Пока я, как в замедленном кино, спускалась на скамью, в голове проносилось: «Весь час вдвоём с Судзуки—не-е-ет; один из нас должен будет придумать какой-нибудь предлог и уйти раньше».

— Я принесла виноградный сок для Микио. Хотите? Вы же вчера сказали, что любите пить виноградный сок, ха-ха…

Судзуки улыбнулся и взял банку с соком. «Очень сомневаюсь, чтобы он ему нравился,—для взрослых он слишком сладкий»,—думала я, наслаждаясь своим терпким зелёным чаем. Я решила

быстро покушать и уйти под предлогом готовящегося номера.
— Микио — замечательный мальчик.
— Да, правда, — ответила я с облегчением, что Судзуки предлагает тему для разговора, но потом опять повисла тишина.
— А ваш внук... Драгана говорит, что у вас есть...
— Да, у меня один внук...

Обычно, когда спрашиваете бабушек и дедушек о внуках, они тают и не могут наговориться о своих малютках, а Судзуки после этого скупого ответа лишь смотрел перед собой и пил сок. Я предположила, что есть причина, по которой он больше не говорит, поэтому не стала спрашивать, от кого внук — от сына или от дочери. Сначала я собиралась так, шаг за шагом, узнать, есть ли где-то на горизонте мадам Судзуки, но разговор у нас явно зашёл в тупик.

Я кушала свой обед. Мне вдруг пришло в голову, что люди мучаются, когда в разговоре наступает тишина, потому что все, как по команде, сразу клеят к ней прилагательное «тяжёлая». А почему бы просто не наслаждаться солнечным днём? Разве надо во что бы то ни стало чесать языками?! С Драганой подобных ситуаций не бывает. Это и потому, что мы обе — болтливые женщины, и потому, что она мне ясно сказала, что ей наша, типично японская, телепатия чужда, что она любит слова — и сами по себе, и потому что в общении от них гораздо бóльшая польза, чем от молчаливых догадок. К тому же, хотя она и заступается за права «сексуальных меньшинств», сама к ним не принадлежит и рядом со мной не сидит с замиранием сердца. Нам с ней ничто не мешает щебетать за милую душу, но я сейчас с: а) лицом японской национальности, б) мужчиной, в) человеком, который у меня вызывает тахикардию и путаницу в мыслях. Поэтому я кушаю и молчу. Но тут опять подул ветер и стал запихивать мне волосы в рот. «Чёрт!» — начинаю серьёзно раздражаться и тут слышу, как Судзуки говорит:
— У меня только вот такое, авось поможет...

На ладони у него была резинка. Та, с помощью которой закрывают банки. Та, что сильно дёргает волосы, когда её снимаешь. «Но лучше и такое, чем ничто», — подумала я и сказала:
— Вы меня спасли!..

Я попыталась взять резинку. Ногти у меня короткие, руки дрожат, стараюсь не дотронуться до ладони Судзуки — и никак не получается забрать резинку. Становится смешно (ему) и раздражительно (для меня). Он берёт мою руку, поворачивает её ладонью вверх и кладёт туда резинку. У него крупные тёплые руки...

О-о-ох...

Когда в последний раз до меня дотронулся мужчина?

Да ещё такой привлекательный...

Я втрескалась. Как школьница.

Мне всё равно — пусть он будет женат, но я уже готова отдаться ему! Твёрдо это решаю, пока убираю волосы. Но как озвучить свои блудливые мысли?.. Поэтому возвращаю разговор на Микио.
— Сегодня нет Микио, некому заставлять вас бегать... Как вы будете поддерживать форму? — спрашиваю я невинно, а взгляд проснувшейся грешной Таэ суфлирует ему: «А я знаю, между прочим, один очень приятный вид спорта!»

Судзуки отводит взгляд. Естественно — он же японец. Это я в России привыкла собеседнику смотреть в глаза, а большинству японцев это неприятно.
— Не знаю... может, пойду в длинную прогулку.
— Живёте недалеко?
— Что? А... да.

Птицы пели, дети верещали. Послышалась сирена машины скорой помощи. Карета медленно пробивалась между автомобилями и грузовиками на двухэтажном автобане, который проходил над одной частью парка, и удалилась с тем воем, который заставляет содрогаться. Автобан Шуто стоит в пробках, как обычно.
— Автобан проходит рядом с жилыми домами — их жильцам, должно быть, шумно, — сказала я.
— Они давно привыкли. Человек ко всякому привыкает... — сказал Судзуки как-то про себя.

И наш разговор, как сообщение на автобане Шуто, нет-нет да и остановится. Я стала собирать свои вещи.
— Вы знаете, у нас номер идёт в набор, поэтому мне надо ещё кое-что сделать... — сказала я, протягивая ему резинку и пустую банку.
— Да? Ну, тогда до завтра.
— Да, до завтра. Если только не будет дождя, я приду обязательно. Надеюсь, и ваш дружочек появится!
— *А я буду здесь и в дождь*... — сказанное Судзуки себе в подбородок прозвучало мне как застенчивое приглашение на рандеву.

Я и в самом деле вышла бы, даже если бы лило как из ведра, но погода опять была замечательная. У меня и в самом деле было много работы, и я сократила перерыв на полчаса. Когда я пришла в парк, футбольная троица Микио уже тренировалась.
— Микио, пришла Таэ-сан! — сказал Судзуки как-то... *мажорно*?
— Здравствуйте, Судзуки-сан. Спасибо за вчера! — сказала я и села на скамью.

Драгана крикнула:
— Тайм-аут! — и прибежала ко мне. — Таэ, вы пришли! Замечательно! Я решила, что сегодня не придёте. Но вы хорошенько задержались. Что-то случилось?

— В редакции суета, номер идёт в набор. Вы лучше расскажите, почему вас вчера не было.
— У Микио была температура. К вечеру, правда, уже прошла, но я думала на всякий случай ещё денёк остаться дома. А Микио приспичило идти играть в футбол с Судзуки. Сам оделся, взял мяч и стал у входа. У меня не было выбора. Но и с вами хотелось увидеться!

Я извинилась и сразу начала кушать.

— У нас сегодня немного времени, да, Таэ? Ну, тогда я без дальних слов задам вопрос: вы вчера были вдвоём с Судзуки, да? И как? За что вы его поблагодарили сегодня?

Я жевала медленно, тщательно. «А что ей сказать?.. Ведь ничего такого не случилось…»

— Подул ветер, мне волосы мешали кушать, Судзуки мне дал резинку — вот, ничего особенного.
— То есть не вы у него просили, да? Он сам заметил? Так ведь?
— М-г-м…
— Вот это да-а-а! Это мужик! Немногословен, никаких театральных поступков, но на важные вещи реагирует как надо. Таэ, вы встречаетесь без пяти минут с Кеном Такакура[7]!
— Драгана, я с Судзуки не встречаюсь! Да, он мне нравится, но у него семья. А вчера вас не было, и мы с ним посидели на лавочке полчаса — вот и всё.
— Оно правда… мы о его семейном положении не знаем ничего. Похоже, в данной ситуации больше всех волнуюсь я, ха-ха! Но подождите, Таэ: то, что у него внук, не обязательно означает, что у него и жена. Может, он вдовец… Хотя нет, не надо такого трагического сценария… предположим, он разведён. Во! Ну и что, что развёлся? Зато теперь, возможно, свободен. То есть у вас, Таэ, большой шанс — это я вам серьёзно говорю!

Учит цыплёнок курицу… Но неважно, нам было забавно!

— Таэ, вы простите, что я вмешиваюсь в ваши дела, но это вещь, которую я хочу передать всем японцам. Ситуация тревожная! Всё больше брачных пар *sexless* — это слово уже одомашнилось в японском языке! А сколько молодых, заявляющих, что любовь их не интересует?! Меня это сильно волнует. И так рождаемость в стране мизерная, а что будет, если все перестанут заниматься любовью? Начнут заниматься войной?! Нет, конечно… но страна, несомненно, движется к кризису!.. Вот, опять я читаю лекцию!

Я улыбнулась. Драгана всколыхнула некоторые мои старые мысли, и улыбка у меня получилась горьковатая. Она это заметила.

— Таэ, простите, пожалуйста! Опять я со своим праведным гневом…
— Нет, Драгана, вам не за что просить прощения. Вы говорите правду. Дело в том, что вы мне напомнили меня в молодости, и я подумала, что вам в жизни будет непросто. Стоит без стеснения сказать, чтó думаешь, как большинство начинает странно на тебя смотреть. В Японии подстраивание под окружение считается добродетелью, а вы высовываетесь. Я была такой же. Но недостаточно называть вещи своими именами — от этого ничего не поменяется. Нужна акция. А у меня не хватало посвящённости какой-то конкретной цели, вот, выходит, что я попросту лаяла. Зато вы должны заняться политикой.

Она смешно моргнула глазами.

— О-о-ой!.. Давайте лучше продолжим любовную консультацию, мне это больше подходит, — сказала Драгана и расхохоталась.

Как назло, именно в этот момент подошли Судзуки с Микио. Мы с Драганой переглянулись, это заняло секунду, но Судзуки уже оказался вовлечён в наше пространство. Ощущение неловкости у нас, троих взрослых, он попытался перевести на шутку, обращаясь к Микио:

— Микио, ты слышал? Любовная консультация. Мы пришли в нужное место. Могу биться об заклад, что у тебя есть девочка!

У меня, к счастью, заканчивался обеденный перерыв.

— Надо убегать! До встречи!

Я отдалилась на несколько шагов, когда вспомнила:

— Я уезжаю в Москву в командировку. Ждите меня здесь через неделю!

На последних словах наши с Судзуки взгляды на мгновение встретились.

В пятницу, по возвращении в Токио, я из аэропорта поехала прямо в редакцию. Надо было кое-что сделать перед выходными; я это быстро закончила и через час уже была готова идти домой. Была половина шестого, но ещё не стемнело. «Как удлинился день!» — подумала было я и решила одну-две станции метро пройтись пешком. После девяти тесных часов в самолёте прогулка будет то, что надо.

Было чрезвычайно приятно. Какой прелестный апрель в Токио! Я люблю Москву, она меня вдохновляет, но после нескольких дней под её хмурым, тяжёлым небом мне хочется как можно скорее вернуться домой.

Я вошла в парк и направилась к той части, над которой проходит автобан Шуто. А там — Драгана! Как в первый день нашего знакомства, она сидела на лавочке и держала книгу. Но на этот раз она её не читала, а рассеянно куда-то смотрела. «Конечно, — подумала было я, — какое тут чтение, всё-таки начинает темнеть, тут даже её молодые глаза не справляются».

7. Кен Такакура — живая легенда японского кинематографа и символ настоящего мужчины — человека, который мало говорит, но зато делает *(прим. авт.)*.

Когда я её окликнула, она пришла в изумление, почему-то сначала посмотрела вокруг, а потом ринулась ко мне. Обняв меня коротко, она взяла меня под руку и, потащив, стала быстро-быстро говорить:

— О, Таэ! Какой сюрприз! Я не думала, что мы встретимся в этом месте и в это время. Но я очень рада! С возвращением вас! Как вы съездили? Быстро расскажите мне всё-всё!

Я в России привыкла к обниманию, я также привыкла ходить с подругой под руку — не это было проблемой, но когда я увидела, что она уводит меня не в нужную мне сторону, я стала притормаживать.

— Тихо, Драгана, подождите! Я пошла в сторону метро.

— Ничего-ничего, и с той стороны дойдёте до метро! Подождите минутку, надо забрать Микио. Микио! Микио-о-о!!! Давай, быстро идём домой!

Происходило что-то странное. Она звала Микио, но смотрела не туда, где он играет, а в ту сторону, откуда она меня увела. Раньше я её такой не видела.

— А вы с Микио и раньше приходили в парк в эту пору дня?

— Что? А, нет... Сегодня впервые, — сказала Драгана, ещё раз обернулась и только тогда отпустила мою руку. — А ну, давайте рассказывайте о поездке! В начале апреля в Москве ещё холодно, да? Рассказывайте всё! Даже мелочи! Нет — *особенно* мелочи! Я истомилась по Европе!

И я сдалась. Мы с Драганой и мальчиком шли дальней дорогой к метро, медленно шагая, а я рассказывала о командировке *истомившейся по Европе* и почему-то напряжённой сегодня Драгане.

Перед супермаркетом, в котором она всегда отоваривается, мы сказали друг другу: «До понедельника, в то же время, в том же месте», — и я пошла к станции метро.

....

В четверг утром у сына той сербки поднялась температура. Около полудня температура понизилась, но к вечеру ребёнок опять горел. Его мама считает, что иммунитету ребёнка нельзя мешать самому справиться с инфекцией, поэтому жаропонижающие средства она даёт ему лишь после тридцати девяти градусов, так что всю ночь она провела, меняя ему холодные компрессы и слушая, как он дышит. Под утро малыш вспотел и уже в первой половине дня стал агитировать за поход в парк. Мать вздохнула с облегчением, что ребёнок так быстро поправился, но ей, такой не выспавшейся, и в голову не могло прийти куда-нибудь его вести.

Мальчик какое-то время повторял: «Пошли в парк, мама, давай играть в футбол, мама, мама, мама!» — но когда понял, что мама никуда его не поведёт, решил, что *ему* надо вести *её*. Он надел брюки и куртку, кроссовки (в последнее время с высоким процентом попадания надевает правую кроссовку на правую ногу и левую кроссовку на левую; раньше, с носками, смотрящими в разные стороны, был такой потешный!) и стал в прихожей, тихо ожидая, когда мама подпишет капитуляцию.

Когда они пришли в парк, все дети, как его мать и думала, либо уже ушли, либо готовились уходить. Только один пятилетний мальчик играл в песочнице — его мама забылась в разговоре с подругой и не заметила, что ребёнок играет один. Маленький метис прибежал к этому мальчику, и они моментально подружились. Пока сербка шла к ним, они уже сорвались с места и умчались в другую сторону парка. В той стороне находился пруд с небольшим садом в традиционном японском стиле. Деревья, большие камни, каменные фонари и тропинки между ними были идеальным набором для игры в прятки.

Та мама раньше или позже увидит, что её ребёнка нет, и, конечно, испугается, так что сербка выбрала скамейку, с которой видела ту маму и могла проинформировать её о том, где её малыш. С той скамьи она так же хорошо видела и сад, и детей. Она села и вынула книгу из сумки. Недалеко оттуда над парком проходит автобан Шуто, а на бетонированной части под ним стоял *посёлок* голубых палаток. Сербка не думала, что бездомные представляют опасность для детей, но на всякий случай время от времени поднимала взор с книги и осматривала весь парк.

На тропе, покрытой булыжником, в двух метрах от неё, послышался стук колёс тележки. Сербка машинально подняла голову. Одно тихое «о!» вырвалось, пока она смотрела, как человек, который каждый день играет с её сынулей, проходит мимо, не замечает её и удаляется. На тележке у него было уложено несколько спрессованных картонных коробок, а наверху подпрыгивала небольшая дорожная сумка. «Точно же, он сказал, что живёт поблизости... — вспоминала сербка, пока провожала его взглядом. — А для чего ему эти коробки?..»

Мужчина остановился перед пустым местом между четвёртой и пятой голубыми палатками.

«Неужели?!» — её охватило нехорошее предчувствие.

Мужчина снял сумку с тележки и положил несколько картонов на бетон.

«Неужели?.. Неужели?!» — двигались её губы безголосо.

Мужчина затем снял с тележки четыре картона и из них соорудил *стены дома*. Из сумки он вынул коврик и положил его перед входом в *дом*. Он снял кроссовки и в носках стал на коврик. Затем он снял свитер и начал отстёгивать джинсы.

«О нет!.. о нет, нет!!!» — повторяла сербка шёпотом.

Увидев, что у мужчины под джинсами кальсоны, она вздохнула с облегчением. Мужчина сложил одежду и положил её в *дом*. Из сумки он достал тренировочный костюм, надел и верх, и низ, затем подвинул одну *стену дома* и вошёл вовнутрь. Оставшимся картоном он накрыл *дом* и больше не появлялся.

Ошалевшая иностранка какое-то время парализованно смотрела на неожиданное жилище своего знакомого. А тем временем туда направлялась её японская подруга, вернувшаяся из командировки. Я поудобней угнездилась между двумя мягкими облаками и с интересом стала ждать момента их встречи, думая: расскажет ли иностранка об увиденном?

Людмила Суфэль

Наслаждение дао

• • •

Знали бы вы, сколько их,
дремучих, как мезозой,
пугающих, лохматых,
как скрип ночи,
печальных, как дольмены,
безобразных, как свора собак,
огромных, как Вселенная,
угрожающих, как змеи,
одичавших, как война,
тяжёлых, как утрата,
жалящих, как мысли,
внезапных, как укусы ос,
страхов
исчезло в моих руках—
в золотом коллапсе якорей!

• • •

ДАО отдыха мурлычет,
Как кошка.
А хорошо молчать
И глядеть в око
Школы вечности…
Посмотри, на нас ДАО смотрит,
В окошко наших сердец:
— Какое ты хочешь прошлое?
Мурлычущее, как кошка?
Вдохни в себя этот образ
Любви
И выдохни в будущее.
Какое теперь впереди
Прошлое?
Ах, ДАО.
Мы все его дети.
ДАОсята.

• • •

Послеодуванчиковая жимолость,
крепкие ягоды с налётом тайны
прошлого,
взрывной вкус твоих обьятий
и терпких поцелуев—
целебный сироп для души и тела.
Сладкое, терпкое варенье из жимолости
завораживает.
Ворожу?
Нет, наслаждаюсь каждой каплей.

• • •

Судьба.
Изломы тягучего времени,
изгибы стрелочных перемен,
переломы радужных конфетти,
квадраты любви,
капризы карнавальной ночи,
пятна восхищений,
цвета прозрений.
Судьба!

• • •

Отблески зари
в молочном чае
ношу на руке.
Тайну Дикой орхидеи храню,
прячу.
Как стыдливые отблески,
затаившиеся в молочном чае,
лунокаменное молчание
окружает браслетом
подробности о себе.

Ирина Щеглова

Красная щель

…Шелест моря, скрипичный концерт цикад, вдохновенные лягушачьи хоралы, и за всем этим — почти неслышимое, неуловимое постукивание снастей укрытой в бухте фелуки. Дикая луна, резкие тени, очерченные горные склоны, тонкий запах дыма, смешанный с другими — влажными и пряными. Быстрые людские тени, негромкий говорок, незнакомый и в то же время словно бы понятный, известный и вечный язык…

Высокий старик в драной черкеске, босой, сутулый, редкобородый, равнодушно торгуется с суетливым турком; а тот торопится, поглядывая на сонное море с опаской, словно дерзкая луна вот-вот наколдует казацкий шлюп.

Заворожил меня Советский, заворожил красным башлыком, сложенными крыльями, колышущимися поверх черкески. Это всё он: ходил мягко, развернув плечи, перед разинувшими рты туристами и рассказывал об адыгах, населявших когда-то эти берега, о черкесах, о кубанском казачьем войске, о шустрых турках, промышлявших пиратством и работорговлей.

— «Геленджик» переводится как «невесточка»; здесь процветал невольничий рынок, отсюда увозили красавиц-черкешенок за море, в турецкие гаремы. Казаки поставили крепость, разогнали турок, но название осталось…

Гордость Советского — дискотека: дощатый настил с навесом, выкрашенный финской краской (почему-то происхождение краски особенно подчёркивается). Отдыхающие тихонько сидят на скамейках, слушают, смотрят.

И… замер казак на мгновение, словно дожидался опаздывающей музыки, чуть коснулась улыбка рыжеватых усов, и взлетели полы чёрной черкески, застучали стремительной чечёткой мягкие сапоги, порхнул алыми крыльями башлык — пошла, пошла гулять лихая казацкая плясовая.

Было? Не было?

— Спрос рождает предложение, — говорит Советский. — Народ в здешних поселениях часто голодал. Что лучше — продать девчонку богатому турку или смотреть, как она же от голода пухнет? Вот сюда, например, в нашу щель, приходили турецкие фелуки, их загоняли по прорытому каналу в такую яму-бассейн, маскировали, чтоб с моря не было видно, и грузили-разгружали. Место, где была яма, до сих пор сохранилось, можно посмотреть.

— А куда делись поселения? — спросил кто-то.

— Смерч упал и полностью смыл оба аула. Их тут два было: на том и на этом склоне, — объяснил Советский. — Это давно было, более двухсот лет назад. Только с тех пор здесь никто не селился, а щель прозвали Красной…

Давно…

Рыжая луна пролилась тяжёлыми каплями в море, разделила тусклым золотом, залила светом каменный берег, погасила звёзды. Словно смотришь на мир сквозь тёмные очки, а на самом деле — что ни на есть солнечный день. Только лягушки поют свою долгую песню — радуются ночи.

Уже завтра. Уезжать…

Спать невозможно! Спать грешно и нелепо. Море тянет поиграть с ним в русалочьи игры. Я подчиняюсь. Вода теплее воздуха. Я плыву с луной, по луне, к луне… На берегу парень поёт одну за другой песни для своей подружки, поёт, почти не прерываясь и не меняя интонаций. Лягушки, цикады, человек… Так тоже уже было, наверное… Было уже много-много раз.

Странное место, ей-богу. Сначала вроде ничего — как обычно: мусор на пляже, столовка под навесом, пересохшее русло горной речки — треснувшая дощечка на двух камнях перекинута, палатки жёлтые в зарослях кизила на склоне. Туалеты пахнут по-человечески — хлоркой и… чем ещё пахнут туалеты? Туристический приют в ущелье с названием Красная щель, а по-другому — турбаза «Черномория». Тоже всё по-человечески: смешные деньги, и живи себе, радуйся — море, солнце, кормёжка трёхразовая. Хозяин всего этого рая — Валера Савицкий. Мальчишки его Советским прозвали. На вопрос «почему» отвечают, что Валера, мол, любит всё советское. Мальчишек много, как и девчонок: спортсмены из Питера, школьники из Твери, две группы из разных сибирских городов. В общей сложности набирается до ста человек, вместе с преподавателями.

— А что это такое — советское?

— Ну, это когда всё бесплатно, и ещё партсобрания были, — соображает кто-то.

Другие мычат, удовлетворённые ответом. Для одних — целая жизнь, для других — краткий промежуток жестокой российской истории. Ленин — мифический герой, Сталин и Гитлер — близнецы-братья, больше похожие на голливудских вампиров. И ничего с этим нельзя поделать. Правда, патриотизм тоже имеется.

— Почему американцы хотят присвоить себе нашу победу над фашистами? Ведь это мы победили!

В этом «*мы*» чувствуется гордость великоросса, гены которого не знают поражений.

О том, что было раньше, мальчишки не знают или почти не знают; да и сам Советский плохо помнит.

Он приехал сюда двадцать семь лет назад — инструктором на студенческую практику, и затянуло.

— Я юрист, — с гордостью говорит Валера, — у меня образование высшее, поэтому я всё понимаю. Чего они теперь носятся со своим президентом? Смотреть противно! Демократы хреновы, развалили страну: этот алкаш, и тот ещё был — меченый… Воры. Вор на воре. Собрались разбойники в Пуще и поделили. Оно им принадлежало? Они это собирали? Раньше идеалы были, а теперь? Жадность возвели в государственную идею. Уголовники! У меня друзей не осталось, все помешались на прибыли.

Жмурюсь лениво после только что поглощённого обеда. Валера сидит напротив и «грузит» меня по обыкновению.

— Валер, почему ты всё время о политике? — удивляюсь. — Тебе-то что?

— Как — что? Я историей увлекаюсь, книжки читаю. Вот кто сегодня модный писатель? Сорокин. О чём пишет? О говне. Вот она — главная идея, основа нынешнего рыночного общества. А был бы Сталин — всех этих говноделов давно бы к стенке поставил!

Столовский навес и густая листва заботливо укрывают нас от послеполуденного жáра, шелестит море, стучит мячик — рядом играют в пинг-понг. Самое время пойти в палатку, поваляться…

— Уже было…

— Что? — он неумолим. — Значит, мало! Мешаешь жить — к стенке!

— Так ведь ты тоже кому-то мешаешь, — хмыкаю в ответ. — Значит, и тебя тоже?

Перспектива Валере явно не улыбается. Он не желает к стенке; он хочет жить в обществе людей достойных, поступающих только по справедливости. Таких людей, как он сам, — ведь он, несомненно, человек достойный и справедливый… Некоторое время он молчит, наклонив над столом голову. Наверное, я, сама того не ведая, подтачиваю Валерину теорию всеобщего счастья. Он знает: реализация любой идеи требует жертв. И Валера готов жертвовать, ратуя за свою мечту. Распрямившись, глядя прямо мне в глаза, он говорит:

— Значит, и меня!

— Нет, — вздыхаю, — не проходит твоя доктрина. Нам не стрелять друг друга надо, нам в мире пожить хоть немного, очухаться, детишек нарожать.

Он задумывается, встаёт и молча уходит. Наверное, переваривает услышанное, чтобы снова как-нибудь, сидя со мной в столовке или поймав на пляже, поделиться новыми мыслями о том, «как обустроить Россию».

На островке, что намыла речка, один из Валериных постояльцев построил вигвам. Настоящий вигвам, только вместо звериных шкур — листы рубероида. Чтобы место не пустовало, Валера пустил на островок дикарей. Они поставили палатки, заплатили за аренду земли и живут.

Об этом надо подробнее. Дикари появились с моей лёгкой руки. Сначала приехал один из моих старых приятелей, так сказать, посмотреть. Он появился как раз во время ужина.

— Валера, это — Саша, — представила я вновь прибывшего. — Можно ему остановиться на несколько дней?

Советский придирчиво осмотрел незнакомого парня и разрешил, даже денег с него не взял. Саша поселился в пустующей палатке рядом с нами, питался кашей, оставшейся от завтрака, и бродил по побережью в поисках халявной стоянки. Таковой не обнаружилось. Тогда предприимчивый Саша договорился с Советским об аренде поляны вокруг вигвама. Валера и это разрешил, с одним условием: не должно быть маленьких детей. Это условие жёстко оговаривается Валерой со всеми туристами: на базе нет врача, до ближайшего посёлка семь километров, змеи и огонь-трава. Валера панически боится детей. Поварихи рассказывали потихоньку, что у Валеры есть сын, которого он видел в последний раз, когда мальчику было лет пять. Мол, при виде младенцев директор сатанеет. Правда, на турбазе вместе с мамой живёт годовалый младенец, но он — сынишка Валериного друга. Советский поселил маму с ребёнком в домик, подальше от глаз.

Валера подробно инструктирует Сашу:

— У нас туристический приют. Существуют определённые правила, которые нарушать нельзя: никаких детей младше семи лет! У нас не комната матери и ребёнка, случись что — меня по головке не погладят. Комиссии каждый день, — он раздражённо машет рукой в сторону моря. — Я вас селю, потому что за вас поручились, — теперь кивок в мою сторону.

Саша слушает внимательно, медленно, с достоинством соглашается. Его прямо-таки распирает от солидности и понимания.

— Конечно. Ты не волнуйся. Моему сынишке уже восемь. Остальные все взрослые.

Они расходятся довольные, пожав друг другу руки. Саша бежит на берег — сбрасывать SMS-ки друзьям.

Первыми приезжают Сашин шеф с семейством. Груженная продуктами и вещами лодка привозит моложавую тёщу шефа, пока сам с женой и дочерью идёт по побережью, любуясь красотами. Саша у них за проводника, разумеется.

— Не встревай,—предупреждает Ольга,—потом не отвяжешься. Ты уже всё сделала.

Я соглашаюсь. Но перед ужином иду на берег. Одинокая женщина в кокетливом джинсовом костюме сидит на горе рюкзаков, кастрюль и сумок.

— Здравствуйте. Вы к Саше?

— Да,—удивлённо отвечает она.

— Сейчас я позову кого-нибудь, чтобы помогли вещи отнести.

Ольга обречённо качает головой. Мальчишки быстро перетаскивают на место стоянки пакеты с картошкой, выварки с салом, тюки, сумки… Они хорошие, мальчишки.

Советский успокаивается окончательно. Правда, ему непонятно, отчего такие солидные люди не хотят платить за полный пансион, но, видимо, решив, что это не его дело, Валера отступает. Он разрешает взять лишние настилы для палаток, и на островке с вигвамом поселяются первые дикари.

С утра Валера, в белых брюках, красной рубахе и портфелем под мышкой, уехал встречать новую группу. Вернулся расстроенный. Нашёл меня на пляже, присел на выкинутое штормом бревно.

— Что случилось, Валер?

Он достал платок из кармана, вытер пот со лба. Помолчал.

— Да ну их!

— Кого?

— Туристов! Ждал, ждал; по всему вокзалу бегал, троих так и не нашёл.

— Бог с ними, сами доберутся.

— Нет, ну до чего народ у нас дурной! Ведь сказано же: будет автобус. Нет, двое на частнике уехали, а ещё одна даже не знаю где. Ведь обдерут как липок!

Об этом я знаю. Учёная. Как только мы с Ольгой приехали в Новороссийск, я нарвалась на «кукольников». Мы ждали свой автобус на вокзале. Ольга осталась присматривать за вещами, а я отправилась в туалет. Мимо пробежал мужчина. Что-то уронил и, не оглядываясь, повернул за угол.

— Молодой человек!—крикнула ему вослед.

Рядом остановился пожилой кавказец и поднял с земли свёрток.

— А, это ваше?—я пошла дальше.

Но кавказец нагнал меня и спросил:

— Вы знаете того парня?

— Какого?

— Того, что уронил свёрток.

— Нет…

— Он не с вами?

— Нет…

— Это он уронил,—доверительно сообщил кавказец.

— Так это не ваше?—удивилась я в свою очередь.— Надо его догнать…

— Тише, тише,—попросил он.—Надо посмотреть, что в этом свёртке. Будете свидетелем.

— Извините, я в туалет…

— О, да тут деньги,—не обращая внимания на мои слова, мужчина развернул полиэтиленовый пакет.—И доллары есть. Раз, два, три… Пятьсот долларов, не считая рублей!

— Слушайте, давайте я догоню его. Это же, наверное, все его деньги. Как же он…

Мужчина оттеснил меня к забору, как бы преграждая дорогу, и начал расспрашивать:

— Вы куда едете?

— В Криницу.

— А я с женой в Ростов. У вас автобус когда?

— В десять тридцать…

— У меня тоже скоро. Слушайте, раз он такой лох, давайте поделим, и дело с концом,—он пытливо заглядывал в мои глаза.

— Как же?—я испугалась.—Может, у него вообще больше денег нет. Что вы!

— Да я могу вообще себе всё взять. Просто подумал: раз вы видели, то и вам половину, а?—видя мой страх, он заторопился, прикоснулся к крестику на груди.—Вы не подумайте, я тоже христианин. Но раз такое дело, людей иногда надо наказывать.

В голове моей происходил полный сумбур: «Что делать? Взять у него деньги и бежать за этим несчастным? Ведь должна же быть милиция? А вдруг он не один? Господи! Куда я вляпалась? И Ольга не видит…»

Молодой человек неожиданно подошёл сзади и спросил:

— Вы не находили мой пакет?

— Пакет?—сообразила не сразу.

— Пакет, полиэтиленовый,—он нетерпеливо переминался с ноги на ногу и заметно нервничал.

И тут до меня дошло. Я стояла между двумя мужчинами, понимая, что сейчас у меня отберут всё. Вокруг никого не было; как себя вести, я не знала.

— Там были деньги,—сказал молодой.

— Так, ребята, никаких денег я не брала. Я иду в туалет.

— Я не видел,—сказал кавказец.

Он держал пакет под газетой. Я смотрела на него.

— Покажите, что у вас в сумке?—это мне.

Я открыла сумочку.

— А у вас?—это кавказцу.

Он развёл руками.

— Вот же мой пакет!—торжествующе крикнул молодой.—И не стыдно?

Кавказец опустил голову.

— Девушка не виновата,—это он обо мне.

Молодой ушёл со своим пакетом. Я на ватных ногах всё-таки добрела до туалета. «Что это было?» — думала всё время.

— Ты где так долго? — удивилась Ольга.

— Кажется, меня ограбили.

— Как?!

Я пожала плечами и наконец полезла в сумочку. Естественно, денег там не было.

Валера эту историю знал. Пришлось рассказать, потому что мы смогли оплатить только часть стоимости путёвок. Он волновался за своих туристов, звонил в агентство, предупреждал. Мы сейчас думали об одном и том же: кидалы продолжали обирать отдыхающих. Саша рассказывал о пожилом кавказце, кинувшем ему под ноги бумажную «куклу». Этот же кавказец пытался развести ещё одного наивного, но тот был с женой: женщина, в отличие от меня, оказалась стреляной воробьихой и пригрозила вызвать милицию. Говорят, что это «гастролёры», потому, мол, такие нахальные. Что делать — сезон! Все жить хотят: и жулики, и милиция…

Думать об этом не хочется, не стоит оно того. Солнце уже низко. Нежное море лениво готовится к закату. Прохладные горные тени прогнали дневное пекло. Благословенные часы, когда каждая клеточка живёт в полной гармонии с окружающим миром. Мы молчим, закрыв глаза; тёплый воздух гладит кожу, осторожно, не спеша, раскрашивает тело бронзой. Хорошо…

Я поворачиваюсь на бок и вижу, как по берегу в нашу сторону бредёт женщина.

— Смотри, какая странная.

Советский приложил ладонь ко лбу и разглядывает некоторое время приближающуюся тётеньку. Она абсолютно голая, если не считать двух тонких платков — на плечах и бёдрах. Женщина тащит тяжеленную сумку.

— Не твоя потерявшаяся, случайно?

Советский хмыкнул, но остался сидеть на месте, ожидая, пока женщина подойдёт поближе. Вскоре сомнений не осталось: она направлялась прямо к нам.

— Здравствуйте, — голос у неё низкий с хрипотцой.

Она сбросила с плеча сумку, выдохнула с облегчением и уселась рядом с Валерой.

— Вы директор? — спрашивает она.

— А вы отставшая? — в свою очередь интересуется Валера.

— Да.

— Как же вы добрались?

Он разглядывает её, не смущаясь, скорее, чуть раздражённо. Женщина успела обгореть, пока протопала семь километров. Плечи и живот стали малиновыми, солнце обожгло ей лицо и покрыло красными пятнами небольшую отвисшую грудь.

— Ничего, нормально, — отдуваясь, отвечает она, — только сумка тяжёлая.

Советский сокрушённо покачал головой.

— Пойдёмте, я вас оформлю.

Она поднялась поспешно, попыталась подхватить свою поклажу. Советский опередил её.

— Там ещё пакеты, — сказала женщина, — я бросила их на пляже. Сейчас сбегаю…

— Оставьте, — поморщился Советский. — Я скажу, вам их принесут.

Вечером были шашлык, вино и знакомство с новенькими. Отставшую женщину зовут Валей, а по профессии она — экономист. Я почему-то так и подумала, когда впервые увидела её. Мы с Ольгой тоже представляемся: я — журналисткой, она — художницей. Заранее договорились, не будешь же каждому объяснять, что мы зарабатываем на жизнь, торгуя на выставках всякой ерундой. Да и не соврали мы, в общем-то. Я действительно время от времени пишу рекламные статейки, иногда рецензии на книги или ещё какую-нибудь заказуху. Ольга — прикладник: то куклу подружке на день рождения сошьёт, то из кожи что-то мастерит, то ткани расписывает; иногда это удаётся продать. Одна наша знакомая, та керамикой занимается. Точнее, она ей торгует. Берёт у художников их изделия и продаёт. У самой уже времени на творчество не остаётся. Как говорится, двум богам служить невозможно… Но кушать-то хочется!

Новенькие словно с цепей сорвались. Всю ночь турбаза стояла на ушах, народ надрался до изумления. Кто-то тоскливо кричал из темноты:

— Люди! Где я живу? Кто-нибудь!

Снизу по склону пыталась подняться женщина, закутанная в одеяло. Она шла на свет от фонаря, но у неё никак не получалось преодолеть подъём, она тянула вперёд руки и всхлипывала:

— Помогите…

Мы втащили её на наш пятачок.

— Проводите меня, пожалуйста, до палатки, — лепетала несчастная.

— Какой у вас номер?

— Не знаю…

— Господи Боже! Ну хоть примерно, — взмолилась Ольга.

Женщина тяжело сопела, честно пытаясь вспомнить номер.

— Кажется, пятая.

— Идёмте! — Ольга, тихонько чертыхаясь, пошла провожать перебравшую.

Потом сверху шумно скатился упавший юнец и завозился у задней стенки палатки, видимо, в тщетных попытках встать на ноги. Подобрали и его. В довершение ко всему появилась парочка.

— Ты от меня не уйдёшь? — громко вопрошала она.

— Не волнуйся, я тебя доведу, — тихо обещал он.

— Ой, как пи́сать хочется… Нет, стой! Стоять! — крикнула она.

— Да я стою…
— Знаю я вас,— проворчала женщина.— Дай руку.

Судя по звукам, она пи́сала и, видимо, держала его за руку, чтобы не смылся. Чуть позднее он всё-таки оторвался от неё и шумно убежал, не разбирая дороги, преследуемый её гневными криками. Кажется, Валя-экономист упустила местного инструктора.

А утром пошёл дождь. Первый за десять дней.

За завтраком народ тяжело похмелялся, разливая под столом.

У вигвамных дикарей пополнение — приехала Сашина знакомая с маленькой дочкой. Они пришли по берегу. Валера сделал вид, что никого не видел.

Штормит.

Одинокая экономистка лежит неглиже на туристическом коврике, сердитое море бросается волнами, окатывает её ноги. У всех проходящих мимо она кокетливо спрашивает: «Который час?» Мы загораем далеко от пляжа, там, где прибрежная скала пьёт солёную воду длинным каменным языком, окружённым тремя рядами белых клыков: обточенные морем валуны с кварцевыми наконечниками, пасть дракона.

— Вы не подскажете, обед во сколько? — радостно спрашивает Валя со своего коврика.
— В половине второго,— вежливо отвечает Ольга.
— Хорошо здесь, не правда ли?
— Замечательно.
— Кстати, вы будете участвовать в Дне Нептуна? Директор обещал устроить нечто грандиозное.
— Вряд ли,— мы порываемся уйти.
— А вы не знаете, где это всё будет проходить?
— Нет, не знаем.

Ольга тянет меня за руку. Валя замечает этот жест, приподнимается на локтях.

— Хорошо вам, у вас компания… Директор обещал сделать фотографии,— вспоминает она.— Приходите на праздник, будет интересно.
— Знаете, у нас такая работа, что мы, наоборот, стараемся избежать компании хотя бы на отдыхе.
— Понимаю, конечно,— она обречённо вздыхает.

Мы уходим, оставив позади драконью пасть.

Во время обеда Валера распекает воронежскую группу, особенно достаётся самым молодым. Причина — вчерашняя поголовная пьянка.

— Хотите орать — идите на берег и орите! — чеканит слова Советский.— Вы здесь подчиняетесь правилам общежития. Нет — возвращаю деньги, путёвки, и до свидания!

На скамейке, в стороне от всех, сидят медсестра Эля, сторож Олег Фёдорович и инструктор Юра. Им досталось от разгневанного начальника за продажу водки туристам. Валера не пьёт, не курит и не переносит алкашей. Почти все работники базы — родня Советского: его сёстры, племянники и племянницы,— или люди по особым рекомендациям от друзей. Олег Фёдорович и Юра относятся к спасателям, они назначены местной администрацией, с которой ссориться Советский не хочет; оно и понятно.

Юра — загорелый до черноты полнеющий и стареющий блондин. Ходит в шортах, на морщинистой шее толстая цепь — наверное, золотая. У него есть машина, на которой он возит желающих на экскурсии. По молодости, видимо, был избалован курортными романами; теперь, не заметив, как постарел, хорохорится, пристаёт к молоденьким женщинам, смотришь на него — смешно и жалко. Сказать? — не поймёт.

Олег Фёдорович — маленький сухой дедок. Запойный алкоголик, но человек очень хороший. В периоды трезвости жарит на своей кухоньке оладушки для отдыхающих, ловит сетью рыбу. Если попросить, то может приготовить вкуснейший шашлык на углях. Зарплата копеечная, около тридцати долларов, вот он и подрабатывает как может.

Эля — другое дело: единственный случайный человек, нанятый впопыхах, потому что прежняя медсестра не смогла приехать.

Крупная высокая девушка, громогласная, мужеподобная и сильно пьющая. О том, что она и есть медсестра, я узнала случайно: когда один из мальчишек упал и разбил губу, поварихи направили его к Эле. Эля сказала: «Заживёт». Тогда приятели привели плачущего подростка к нам. Оказалось, что у него кровоточит десна и шатается передний зуб. Промыли, намазали и велели не есть ничего твёрдого несколько дней.

На завтраке повариха Лена подошла и тихонько спросила, не умею ли я делать уколы.

— Умею… А Эля что?
— Она спит, теперь до обеда не добудишься, а мне надо по времени делать,— шептала Лена.— Только Валере не говори, а то Эльке и так достаётся.
— Слушай, у неё хоть какие-то лекарства есть?

Лена сокрушённо вздыхает и снова шепчет:

— Ей Валера спирт выдал, медицинский. Но она его уже выпила,— Лена оглянулась и одними губами произнесла:— Целую банку!

Повара работают через день. В одной смене — родная сестра Советского и племянница Лена; в другой — двоюродная сестра и Миша. Миша — профессионал, знаток кубанской кухни, Советский сманил его из ресторана в Новороссийске.

Каждый вечер, как только Советский собирает народ на дискотеке, мы уходим в столовку и сидим там со свечкой, пьём кофе и поджидаем енотов. Они приходят, потому что добрый Миша оставляет для них полное ведро помоев. Сначала мы познакомились с крупным самцом. Он почти не боялся, спускался со склона, становился на задние лапы, передними упираясь о край ведра, и принимался громко чавкать, время от времени

помешивая в помоях лапой в поисках лакомых кусочков — мясных косточек или курицы. Миша иногда присоединяется к нам и рассказывает о том, как осенью голодные шакалы подходят совсем близко и воют по ночам, о сучке Моте, которую на самом деле зовут Матильдой — и она единственная, кто выжил из всей живности в последнее наводнение.

— Когда река всё здесь посмывала, зверья не осталось совсем. Сидишь вечером — такая тоска… Мы приехали, апрель, туристов нет, по ночам до того жутко бывало, да ещё шакалы воют, оголодали за зиму… Вот однажды сижу в столовке, смотрю — енот пришёл. Тоже кушать ищет. Я так обрадовался. С тех пор всегда оставляю им еду. Теперь-то опять размножились, — он замолкает, отпивает глоток кофе. — Я вверх по руслу реки ходил, там выдра живёт, зайца видел, кабаны тоже есть…

Пока мы слушаем его, совсем забываем о ведре. Нас привлекают усилившиеся звуки возни, резкого писка, тявканья и топота. Миша светит фонариком: из ведра торчат пять полосатых хвостиков, заботливая мамаша суетится рядом, фыркает на стаю ежей. Поужинавший папа взобрался на мойку и пьёт воду. Малыши пугаются света, смешно сваливаются с ведра, только один продолжает увлечённо сопеть и чавкать, почти целиком погрузившись в помои. Самец замирает напряжённо; мать, видя, что её детёныши разбежались, лезет в ведро, как будто нас и нет вовсе.

Мы приходим сюда каждый вечер, говорим, шумим и пахнем. Еноты привыкают и даже позволяют нам гладить их жёсткий упругий мех.

Ложимся поздно, когда смолкает громкая дискотечная попса.

— Разве это отдых? Нет, это не отдых! — сама себе громко жалуется экономистка.

Только что из её палатки Эля увела одинокого москвича. Он что-то пьяно лепечет, поднимаясь за медсестрой по склону. Бу́хают по склонам гулкие Элькины смешки: га-хха! га-хха! аййя-ха-ха-а!

— Смотри-и не обмани-и! Гы-гы-хгы-хы-ии…

— Эля, Эля-ля-ля-ля… завтра… Эля-я…

Ночью была гроза.

Дождь не прекратился. На завтрак бежим под зонтами, ёжась от холодных капель, то и дело коварно падающих за шиворот. Ноги разъезжаются по скользким тропинкам. Дно речки наполнилось бурой стремительной водой. Чтобы попасть в столовую, перебираемся вброд, вода — по щиколотку.

База пустеет. Уехали сибирские ребятишки. Похожие на мокрых птиц, они сидели на пляже под дырявым навесом и ждали лодку. Грустили. Им так хотелось увидеть напоследок солнце.

— Да ладно тебе! Ты говоришь — мир прекрасен! Мы все так говорим. Но никто не задумывается над тем, что это «прекрасен» — только для нас, людей. Что значит «прекрасен» для тысяч других существ? Что такое красота вообще? Может быть, только то, что воспринимает хрусталик человеческого глаза, причём только отражение, понимаешь? Если вдуматься, что мы знаем об истинном положении вещей? О самих так называемых вещах? Мы их постигаем с помощью приспособлений наших тел. Мозг получает информацию в виде сигналов — импульсов. Их великое множество. Мозг эти сигналы непрестанно обрабатывает и создаёт самому себе ту реальность, которую он способен создать, исходя из инструментов, каковыми он обладает. Луч света, отразившись от скалы, дерева, моря, попадает в человеческий глаз, неся некую информацию, потом всё это обрабатывается в мозгу, да ещё, насколько я помню из школьного курса физики, в перевёрнутом виде… Посуди сам: что мы видим, и тот ли это мир?

Саша терпеливо слушает. Делать всё равно нечего, он поддерживает небольшой костерок, вкусно покуривает, запивая дым чаем. Шеф спит в палатке, женщины ушли на берег за дровами. Тишина и сырость, блаженное безделье. Говорю медленно, потому что говорить мне лениво, но я только что сделала для себя открытие и хочу им поделиться. Я знаю, что заходить надо издалека, иначе не поймут. Ольга поддерживает меня:

— …Допустим, стрекоза, она ведь тоже постигает мир, но он для неё совсем другой; и лягушка, и змея…

Саша кивает.

— Да, это наш глаз разбивает луч света на радугу и таким образом воспринимает предметы — при помощи отражённого света-цвета. Но что такое цвет для собаки? Или той же змеи?

— Угу, угу, — соглашается Саша.

— Так мы же ещё пытаемся расшифровать этот мир, по сути, не зная и не понимая его. Мы всегда видим, осознаём, ощущаем лишь его производную. В лучшем случае — первую. Когда сознание не замутнено. То есть я наблюдаю только при помощи органов чувств.

— Город — он высасывает, — неожиданно комментирует Саша, — а здесь хорошо!

Ветер расталкивает тучи, в просветы протискивается недовольное солнце. Миша звонит в колокол: обед. Вода в реке спа́ла, обнажив дно. В столовке нас мало. Часть народа ещё с утра отправилась в посёлок, часть — на водопады. Экономистка в коротком розовом халате подсаживается к Советскому:

— Скажите, Валера, когда будет хорошая погода?

— Откуда я знаю? — Валера угрюм сегодня.

— Как?! — она широко распахивает глаза, хлопает накрашенными ресницами. — Вы же директор!

— Но я не Господь Бог, — довольно грубо обрывает её Советский.

Она встряхивает обесцвеченными волосами, ложится грудью на стол и говорит с придыханием:

— Как жаль!

Валера вскакивает и уходит.

На пустом пляже стоят девочка и старушка. Девочка ждёт старшую сестру из посёлка, бабушка — внучку с водопадов. Шторм разбил и вышвырнул на берег плот, построенный одиноким москвичом. Притихшее море лениво лижет обломки.

К ужину народ возвращается. Старушка пытается журить внучку, у неё не получается. Бабушка хлопочет вокруг девушки, спрашивает, не обгорела ли она, не устала ли. И — как же без обеда?

Нет только Эли, москвича и Юли. Той, которую ждёт на пляже испуганная сестрёнка.

Густой серый сумерек сполз по склону, запутался в древесных стволах, укрыл палатки, затопил ущелье. Тихо. Мир дышит и живёт помимо нас — людей. Прибежала по веткам проснувшаяся соня, нырнула в пакет, достала кусок хлеба, потащила вверх. В соседней палатке шуршат мыши. Мы подкладываем им еду, чтобы не грызли наши вещи. Глухо падают с листьев редкие тяжёлые капли прошедшего дождя. Воздух пропитан морем, звуки плывут медленно и широко, вместе с сумраком, вокруг нас, сквозь нас… Помимо нас…

Где-то вскрикнул человеческий голос. Вскрикнул и сорвался, повис коротким звуком, сразу же поглощённым. И ещё голоса — вверх по склону, зашевелились, нарушили.

По тропинке поднялись мальчишки.

— Так, в море далеко не заплывать! — они запыхались, но тон начальственный.

— А что случилось? — я шевелю языком, как рыба… хотя у рыб нет никакого языка… ну хорошо, я шевелю языком, как рыба, если бы у неё был язык.

— Девочка утонула, девятнадцать лет, — загомонили разом.

— Стоп, погодите. Какая девочка?

— Наша девочка! Сегодня… Высокая такая…

— Так, не тараторьте, по очереди, — остановила их Ольга. — Говорите по одному. Итак, что случилось?

— Это правда. Сегодня девочка утонула. Юлей звать… звали…

— Ничего не понимаю! — раздражение от нелепого слуха поднялось, вспучилось в моей голове и размазало такие стройные, такие медленные и большие мысли. — Глупость какая! — разозлилась я. — Кто вам сказал эту чушь?! Сегодня никто не тонул, и вообще!!!

Они растерялись.

— Да нет же. Мы не врём. Только сейчас Элю встретили. Она сказала.

— Что сказала? — вконец опешила я.

— Ну, что Юля заплыла далеко, а Эля её спасала. Искусственное дыхание делала… Но не спасла.

Мальчишки замолчали.

— Бред, бред, — всё твердила я.

Но подошли другие ребята…

— Я всё узнаю… — потом прислушалась и сказала: — Дискотеки сегодня не будет, конечно.

Они согласились, разошлись молча по палаткам.

И всё, словно не было ничего. Тишина и сырость, мокрые стволы сосны и кизила, ночь.

Из столовки голоса слышны, обрывки, ругаются… понятно.

Заглянули к дикарям. Странно, почему здесь всегда — словно в другом месте и в другое время? Как они ухитрились притащить кусочек средней полосы? Всё своё ношу с собой? Звёзд здесь не видно, моря не слышно, и сыро всегда. Только это субъективно, конечно.

Рассказала и поняла, что их это не касается. Совсем. Как если бы телевизор, мельком. Они меня не слушали. Боже мой! А ведь это же правильно! Ничего лишнего. Никаких посторонних раздражителей. Только то, что касается меня и моих близких. Иначе — смерть! Тьфу, тьфу, тьфу! Слава Богу, что не с нами! Маме не говори, а то давление…

А смерть — вот она. Мы сидим у костерка, говорим негромко, пьём чай, а где-то в мертвецкой лежит длинное холодное тело девушки, с которой я говорила несколько часов назад. Как? Почему?

Но мне не у кого спросить об этом.

В конце концов, почему бы просто не забыть о ней?

Ввалились в столовку, опухшие от сна. На столах стаканы с тёмной жидкостью. Вино, понимаю.

— Проспали? — елейным голосом спрашивает Лена.

— Не пойму, что с будильником, — оправдывается Ольга.

Я ошарашенно смотрю по сторонам.

Поварихи сидят за столом тесной кучкой, с ними экономистка Валя. Они говорят тихо. Разговор очень важный. Мы топчемся на месте, не решаясь присесть, потому что чувствуем себя помехой этому важному разговору.

Лена всё-таки поднимается со своего места.

— Вот, помяните, — она подаёт нам стаканы с вином. — Могу бутерброды сделать, каша кончилась…

Они смотрят на нас с осуждением.

— Девочки, что всё-таки случилось?

Видимо, на моём лице написано действительное и полное неведение. Женщины немного оживляются.

— Ой, да сами толком не знаем, — с досадой говорит Марина.

Лена ставит перед нами тарелку с колбасой, пачку масла, хлеб и печенье:

— Кофе, чай, наливайте…

— Спасибо, — мы робко усаживаемся.

— А вы что, правда вчера ничего не слышали? — спрашивает Лена.

— Мальчишки болтали… Но неужели правда?

— Да, утонула…

— Как?!

— Элька сказала, что пыталась её спасти.

— Ох уж эта Эля!
— Послушайте, мы видели, как сестрёнка этой девушки мечется по берегу. Это перед ужином было…
— Ну да. Собрались от скуки, пошли в посёлок. Сигареты, фрукты, то да сё… Зашли в кафе, выпили водки. Потом девчонки вроде на рынок пошли, а Эля с москвичом и Юлей пить остались…
— У Эльки глотка лужёная, сколько ни влей — всё ничего, особенно на халяву.
— Так что, эта девушка пьяная поплыла, что ли? — спросила я.
— Да неизвестно, — ответила Марина. — Разве от Эльки добьёшься чего? Только, говорят, Юльку мужики вытащили, когда её уже к берегу прибило. Одетую…
— Так кому тогда Эля искусственное дыхание делала? — удивилась Ольга.
— А хрен её знает!
— И главное, — быстро заговорила Лена, — девчонки-то за Юлей в кафе вернулись. Только Юльки в кафе не было, сумка под стулом стояла. Москвич совсем пьяный, и эта — сказала: «Идите, мы сами дойдём». Они спросили, где Юля. Элька ответила, что пошла в туалет…
— Так, может, её действительно *уже* не было?! — ахнула я.
— Может, и не было. Только кто же знал? — Лена зыркает на мать и продолжает: — Элька нам говорила, что у неё с москвичом несерьёзно и она его на бабки крутит, чтоб он её поил, значит…
— Да Юлька-то ей зачем понадобилась? Ну и пила бы со своим москвичом!
— Дожди, народ пьёт со скуки, — робко предположила я.
И тут же поняла, что сморозила глупость.
— Господи, что теперь дядь Валере будет?! — Лена схватилась ладонями за щёки.
— Ничего не будет, — сказала я. — Несчастный случай произошёл не по его вине и не на его территории.
— Юлька сколько раз ночью пьяная плавала, — неожиданно объявила Валя. — Да. И я с ней плавала. Мы далеко заплывали. Она вообще — спортсменка!
Теперь все мы смотрели на неё.
— Слава Богу, что не у нас! — прошептала Марина.
— Валера как?
— Переживает. Вчера телеграмму родителям дал, в морг ездил… Ой… — Марина взмахнула рукой.
— Главное, — снова заговорила Лена, — семья у Юльки бедная. Они только на её зарплату жили. Она сварщицей работала.
— Надо деньги собрать, — предложила Валя. — Только жадные все, не допросишься.
— В обед объявить, — предложила я.
— Точно! И пусть только попробуют отказаться!
После обеда Валентина со строгим лицом важно пересчитывала собранные деньги. Она доставала смятые купюры из полиэтиленового пакета и складывала в аккуратную пачку. Поварихи вытягивали шеи, стараясь вычислить сумму.
Валентина скорбно покачивала головой и молчала.
— Ну, сколько там? — не выдержала Марина.
— Мало, трёх тысяч не набирается.
— Хоть так…
— Жлобы, пропивают больше! По десять рублей положили и словно облагодетельствовали.
— Может, денег нет, — предположила я.
— Ладно, не защищай! — отмахнулась Валентина.
Я и не защищала. Дело в том, что мы с Ольгой попытались выпросить денег у дикарей. Но наша попытка не увенчалась успехом. Сейчас нам было стыдно, мы боялись, что нас спросят об этих деньгах. Но никто не спросил.
Советский появился только на следующий день. Он был измучен. Подсел на ужине.
— Как ты? — спросила.
— Устал.
Он попросил себе стакан чая. Я опередила Мишу, налила сама.
— Есть не хочешь?
— Какой там, — он отмахнулся.
— Может, тебе валерьяночки накапать? У меня есть.
— Не, спасибо… Маринка уже накапала. Слушай, у тебя, случайно, нет медицинского образования?
— Нет.
— Жалко. Я подумал: уколы делаешь, в лекарствах разбираешься… Вдруг есть? Мне медсестра нужна.
— А Эля?
— Я её выгнал. Дал зарплату и пожелал всего хорошего. Сегодня. Всех отправил: родителей и сестру Юли с телом…
— Они приезжали?
— Да.
— И как?
— Весёлого мало. Чем мог помог. У нас, сама знаешь, кому горе, а кому — куш сорвать… Вся эта бюрократия… Уф-ф!
— Деньги успели передать?
— Деньги? Да. Лена прибегала, принесла. Я им ещё пятнадцать тысяч от себя дал.
— Администрация как-нибудь поучаствовала?
— Что? Не смеши меня! Они ж только брать приучены.
Туча повисла над морем — тяжёлая, лилово-серая, взбаламученная, словно грязные комья войлока. Она тянула к воде длинные синюшные щупальца и ворчала далёким громом.
Советский тревожно бегал по берегу. Вместо белых штанов — водолазный костюм зелёный, с чёрными вставками. Он стал похож на экзотического ящера, только что сбросившего хвост. Дождь то принимался сыпать торопливо, то затихал. И тогда всё замирало, даже море, странно

притихшее, серое, как-то робко шевелило гальку на пляже.

Мы миновали влажный, по-особенному просторный берег, перешли пересохшее русло речки. В столовой народу было немного. Поварихи испуганно смотрели на тучу.

— Доброе утро…

— Ой, доброе,— Лена явно досадовала.

— Как вы думаете, девочки, это ураган?— глупее я ничего не придумала.

— Откуда я знаю?— в сердцах бросила Лена.

— Но ты же боишься. Я вижу. То есть ты можешь предположить, чем всё это чревато,— не унималась я.

— Да чем угодно! Может просто пронести, и всё. А может… Всё что угодно может!

— Понятно…

Ничего мне не было понятно. Хотелось узнать у старожилов о погоде, но старожилы прогнозы делать не рисковали.

Во время завтрака снова пошёл дождь. Но теперь он окреп, лил тугими частыми струями, потом вода хлынула без удержу, как будто в небесном водоёме вывалилось дно. Мальчишки и Ольга решили проверить дикарей. Я осталась под навесом, слушала и смотрела, как дождь превращается в ливень, как скапливается вода и заливает землю, как она собирается в лужи и лужи вскипают и пузырятся, подбираются к моим ногам, окружают столовскую печь…

— Как настроение?— крикнул мокрый Советский, забегая под навес.

— Нормально,— ответила я.— Ты у ребят на островке был?

— Мы только что оттуда,— сказали вернувшиеся мальчишки.

— Как там?

— Пока нормально,— ответил Валера.— Но я предупредил: если будет заливать, чтоб хватали вещи и бежали на склон.

Распорядился и нырнул в ливень.

По руслу хлынула вода. Бурые потоки слились, объединились, и помчалась грозная горная река. Она кинулась в ворчащее море, схватилась с ним, и воды встали на дыбы, как два борца, сжимающие друг друга в мощном захвате. Море взревело гневно, но река не отступила, её мутные воды заляпали грязью прибрежные волны, и всё кипело, кипело…

Лена с застывшим лицом смотрела на ливневую стену.

— Ой, мамочка, мама,— шептали её губы.

Мальчишки решили проверить, можно ли перейти реку вброд, но их вернули с руганью.

— Вы думаете, переходить реку опасно?— невинно поинтересовалась я.

— Опасно?!— поварихи возмущённо посмотрели на меня.— Да пожалуйста! Переходите! Только если вас собьёт с ног несущимся бревном…— они фыркнули почти в унисон, дав мне понять, что вопрос мой настолько глуп, что даже не заслуживает полного ответа.

— Нет, нет, конечно. Я просто так спросила. Я же не дурочка…

Взяла зонт и пошла к реке. На другом берегу стояли дикари, и Ольга с ними. Они что-то кричали и махали руками, но слышно не было: потоки жидкой грязи, проносящиеся с рёвом, шум ливня и рёв моря заглушали их голоса. Я видела, что вода в реке поднимается; с моей стороны небольшой обрыв ещё мог её сдержать в русле, но островок с вигвамом был в большей опасности, и я не знала, сколько он ещё сможет держать прибывающую реку.

Неожиданным рывком возник ветер, он разорвал тучу, отбросил её в море, расчистил небо над ущельем. Дождь прекратился резко, словно его выключили. Вода в реке, дойдя до самой последней, критической отметки, всё ещё оставалась грозным горным потоком, но уровень её установился. И хотя мы оставались отрезанными от остальной базы, ощущение опасности отступило. Народ высыпал на берег— поглазеть на разыгравшуюся стихию. Кто посмелее, закатывали штаны, пытались войти в реку, держались за руки, кричали. Вода ещё была сильной, ещё сбивала с ног, ещё могла протащить в море, но она уже устала, она спадала, успокаивалась, разбивалась на потоки и только у самого моря, впадая в узкое глубокое жерло, ею же промытое, ещё ярилась, толкая штормовую волну.

— Вы не знаете, как отсюда уехать?— спросила Валентина.

Она стояла на берегу и с тоскливой обречённостью бросала гальку в море; море раздражённо рокотало.

— Так же, как и приехали,— я пожала плечами.— Автобус от Криницы идёт в шесть утра— это прямой. Но можно и на перекладных…

— Как надоело всё-ё!

— Разве так плохо?— спросила участливо.

— А что тут делать?— её голос стал злым.— Погоды— никакой; общество,— она усмехнулась, глянув на меня,— никакое,— повернулась и продолжила с вызовом:— А вам что, нравится?

Я засмеялась:

— Очень!

— Ну, мне вас не понять…

Она всё-таки осталась. До тех пор, пока погода не установилась. Валера помог ей нанять лодку. Одинокий москвич с ней напросился.

Он, всеми покинутый, бродил по ущелью и бесконечно набирал Элин номер на мобильнике:

— Эля-ля-ля-я…Э-ля…ля…

Поварихи шептались:

— Это он хочет на сорок дней к Юльке поехать…

— Совесть мучает?

— Да какая совесть? Элька его мучает, никак забыть не может…
— Ещё бы! Такая баба!
— Он, небось, и не видал таких…
— Откуда?..

Официальные лица прибыли ближе к обеду. Белый катер с государственным флажком высадил на берег троих в форме. Но то ли место такое, то ли форма эта курортная — чёрные брюки, белые рубахи с коротким рукавом, — в общем, грозности никакой не исходило от представителей власти, несмотря на погоны и кожаные папки.

Советский, в белых штанах, надетых по такому случаю, сопровождал начальство по берегу, где оно, начальство, распоряжалось:
— Что это у тебя? Брёвна какие-то, мусор…
— Не успел, — оправдывался Советский.
— Как это — не успел? А когда же ты успеешь, осенью? Пляж надо привести в порядок! И лучше это делать заранее!
— Руки никак не дойдут…

От обеда в столовке начальство отказалось. Хотя обычно разные там дамы из санэпидемстанции, а также доблестная милиция и представители местной администрации охотно кушали у Валеры. Эти уехали скоро.
— Высокое начальство? — поинтересовалась.

Валера был бледен.
— Президент прибывает. Говорят, будет пролетать на вертолёте вдоль побережья…
— А… Деревья подстричь, газоны покрасить?
— Вроде того…
— Чем им пляж не понравился?
— Да, видишь, я никак мусор не уберу. Брёвна ещё эти! — Валера со злостью пнул просолённый ствол, выброшенный ещё весенними штормами.
— А сидеть на чём? — возмутилась я. — И потом — это же дрова.

Валера явно был расстроен.
— Скажу пацанам, поскидывают в море…

На следующий день на берег вышли ребята из Перми со своими руководителями. Валера выдал всем мешки. Люди бродили по пляжу, собирали мусор, ветер трепал ярко-синий полиэтилен; казалось, что вот-вот стая большущих шаров оторвётся от земли и полетит, унося человеческие фигурки в пасмурное небо. Валера с племянниками тяжело ворочали брёвна, катили их к воде, сталкивали. Море сердилось, брёвна болтались у самого берега и никак не уплывали.

Мы стаскивали мусор в одну кучу, которую мальчишки должны были сжечь. Я тоже ходила с синим полиэтиленом и думала о том, что вот полетит президент на вертолёте, а тут — мы, похожие сверху на суетливых муравьёв. Трудимся не покладая лапок, услаждаем взор, так сказать… От этих мыслей мне становилось смешно и немножко противно. Словно услышала похабный анекдот.

На месте мусорной кучи теперь была чёрная проплешина, ещё несколько таких же уродливых пятен зияли в разных местах пляжа. Стволы беспомощно болтались в прибое. Но Советский, кажется, был вполне доволен.

Он перестал говорить о политике. Зато очень часто отлучался в город, надев, по обыкновению, белые брюки.
— Соседнее ущелье заняли — колючая проволока и таблички. Говорят, что будет государственный объект… На моё хозяйство знаешь сколько народу зарится? Только отвернись — сразу отберут. Нахлебники, дармоеды!
— Валер, пока нормальной дороги не будет, никто ничего у тебя не отберёт — невыгодно.
— Так-то оно так, — недоверчиво качал головой Советский и вздыхал сокрушённо.
— Сам посуди: тут работать надо, а кто будет этим заниматься, кроме тебя? Так они хоть какие-то деньги с этого куска земли имеют.

Поляна заполнялась. Прибыли в самый шторм безумная Сашина сокурсница с маленьким сыном, её подруга; потом пришли совершенно мокрые кум с кумой, благо крестницу нашу они оставили у бабушки (мы с Сашей кумовья, так случилось); и напоследок приехал Сашин брат с семьёй (и снова младенец, теперь уже грудной!). Миша — отец Михаил то есть — православный священник.

Когда Советский увидел, как разгружают лодку с младенцем, двумя молоденькими женщинами и Сашиным сынишкой, то совсем ошалел. Лодка билась в высокой волне, огромный отец Михаил стоял на носу во весь рост с развевающейся бородой, похожий на былинного русского богатыря, и руководил разгрузкой. Валера застыл на берегу, пригвождённый к месту совершенно диким зрелищем.
— Отец Михаил, благословите, — попросила я, после того как мы обнялись с Мишей и всем его семейством.
— Он что, действительно поп? — Валера, округлив глаза, ждал от меня ответа.
— Да, — просто ответила.
— А я думал, мужик из бывших хиппи или ещё что-нибудь, — Советский покачал головой. — Не, а ты что, правда веришь? — он никак не мог успокоиться.
— Верую…
— Ну, этого я совсем не понимаю… Дурят людям голову… Первые брехуны и есть!
— Миша настоящий священник, правильный. На своём месте человек, понимаешь?
— Тебе видней, — задумчиво произнёс он.

Ночью на поляне много гостей: пришли мальчишки, заглянула мама штатного младенца — жена Валериного друга. Забрели юноша с девушкой, те, что были ночью на пляже, когда я купалась в лунном море…

— Ребята, давайте знакомиться. Расскажите каждый о себе,—чинно, на правах хозяйки, распорядилась Сашина сокурсница.

И снова долгие разговоры до самого рассвета, песенки под гитару о войне, на которой никто из нас не был, чай бесконечный… Заснувших мальчишек растолкали и отправили спать, юноша увёл свою девушку, мама побежала смотреть, как там её сынишка. Сидеть на бревне неудобно, уйти—невежливо, я тоже должна что-то сказать, но пока до меня очередь дойдёт…

— Я что-то не пойму,—возмущается Сашин шеф.— Ты тут в качестве кого?—это он Мише, отцу Михаилу.—Смотрю, тут некоторые к тебе «батюшка» обращаются, вопросы разные задают…

— Игорь, перестань,—тихо просит жена.

— Нет, почему же? Мы тут все равные были до сих пор. Давай выясним этот вопрос!—шеф распалился.—Как к тебе обращаться прикажешь?

— Как обращался, так и обращайся,—улыбается Миша.

— А то, я смотрю, некоторые за благословением подбегают!

— Игорь, я—священнослужитель,—мягко ответил Миша,—но я такой же человек, как ты и все остальные. Поэтому если ты ко мне обращаешься как к своему другу, то называй меня Мишей, но когда ко мне обращается верующий—за благословением или ещё какой-нибудь надобностью, то говорит «отец Михаил».

— Ну, спасибо! Значит, ко мне это не относится.

— Ну перестань,—просят женщины.

— Пусть выскажется,—Миша необидчив.

— Эта бесконечная дискуссия ещё дома надоела!

— О, сколько у тебя заступников!—почти выкрикивает шеф.

— Нам с тобой лучше поговорить отдельно,—говорит Миша.

— Почему не при всех? Боишься?

— Ты же прекрасно знаешь, что нет.

— У нас свобода совести,—мне надоело, я злюсь на шефа.

— Я атеист и горжусь этим!

— Нет более верующего человека, чем атеист,— смеётся Миша.

То и дело в палатках начинает хныкать кто-то из младенцев, мамаши поспешно вскакивают и бегут успокаивать своих чад. Бездетная незамужняя женщина монотонно и долго говорит о своём эгоизме, жадности и неумении любить.

— Мне даже куска мыла жаль… Вот попросит кто-нибудь—я дам, но мне мучительно жаль будет… Или не дам, отговорюсь как-нибудь… Я и друзей своих стараюсь не знакомить друг с другом, ревную. Вдруг они полюбят друг друга и от этого меня меньше любить станут? О ребёнке я даже думать боюсь; ведь это что получается: я от себя должна оторвать—и всё ему? Нет, я не готова к такому самопожертвованию!—она тихо посмеивается, разглядывая тех, кто остался у затухающего костра.—Вы теперь будете плохо думать обо мне. Но мне это всё равно, если честно. Потому что я хотела высказаться. То есть мне не важно ваше мнение. Мне важно, что вы есть и что вы такие все вежливые, потому что сидите и слушаете…

Да, надо было раньше уйти.

Теперь уже совсем рассвело.

Было прозрачное утро. Вода в реке—как жидкое стекло. Звенящая тишина, пронизанная солнцем. Бреду по щиколотку вверх по течению; вода перебирает красные водоросли, медленно стекает с низких каменных порогов. Я чувствую разлитую в мире любовь, как эту реку, от холода воды немеют ноги, но уйти, лишиться этого невозможно, потому что мир принял меня, я стала его частью, как и он стал частью меня. Это так просто—стать с миром единым целым.

Месяц прошёл.

Ранней ранью нас увозила лодка. Море сияло чистейшей бирюзой, слегка волнилось мягкими бугорками. Сонные дикари собрались на пляже. Отец Михаил—словно пастырь со стадом. Я не простилась, жаль было будить. Валера бегал по берегу, потом остановился у самой кромки и замер, приложив ладонь козырьком к глазам.

— Спасибо! Валера, я вернусь!

Подняла руку и качала ею над головой до тех пор, пока лодка не выскочила из бухты и не обогнула утёс.

Галина Якубовская

Последний мужчина, или Любовь по Шопенгауэру

Я чувствовала себя подростком, удирающим из родного дома. Всякое сравнение хромает, а это и вообще на обе ноги. От подросткового максимализма меня отделяет по меньшей мере лет… А стоит ли конкретизировать?

Скажу так: я женщина постбальзаковского возраста.

Бальзак любил в своих романах описывать тридцатидвухлетних женщин. Я уже в эту компанию не попадаю. Я — «постбальзаковская дама». Мне за сорок. И это приблизительно. Можно ли в эти годы чувствовать себя подростком? Чувствовать, конечно, можно. А выглядеть, к сожалению, нет. Если только со спины.

Пожалуй, уместнее сравнить себя с цирковой лошадью, которая всю свою жизнь бегала по кругу арены, подчиняясь то ли любви своего хозяина, то ли ударам его хлыста. И вдруг однажды лошадь сбежала и оказалась на просторных лугах, где росла трава-мурава, журчали родники, пели райские птички и бегал белый жеребец её мечты. Вот так-то. Хотя непонятно: кто же хозяин моего цирка?

Но, так или иначе, не подростком и не лошадью, а свободной женщиной я шагнула на подножку поезда, оставляя на перроне свой возраст, свои обязанности, своё безразмерное чувство ответственности. Дочь, мать, брат, работа — до свидания! Отпуск я проведу, не оглядываясь. Только я и… Я. Где захочу, там заночую, где хочу — там задержусь.

И первое моё «хочу» колобком катило в славный город Томск, где я училась, любила, где была счастлива, но больше — несчастна. С тех пор минуло… Много, довольно много лет. Цифру опять же называть не буду. Чего пугать себя и людей?

Итак, я шагнула в вагон, как будто ступила на борт «Титаника». Проводница тяжело захлопнула дверь, вагон качнулся, за окном проплыли строения, серые на фоне свежего снега, и когда я устроилась на своём месте, поезд прочно вписался в пасторальный пейзаж, состоящий из леса и полей. Голые берёзы напоминали огромные метёлки, которые вот-вот окажутся в руках великана-дворника. Стук колёс звучал слаще вальса Мендельсона. И если бы сейчас какой-то художник попытался изобразить моё внутреннее состояние, то это была бы одна большая улыбка Чеширского Кота. Совершенно безответственная улыбка. А безответственность есть свобода. Я сейчас не мама, не дочь, не сестра и не руководящая единица, я — пассажир. Сижу в поезде, с умилением смотрю в окно, слушаю стук колёс и не знаю, что меня ждёт завтра в Томске.

И это славно.

Правда, стук колёс временами сбивался с сентиментального ритма и напевал мелодию, не соответствующую моему настроению: «Поезд длинный, смешной чудак, не сбиваясь, твердит вопрос: что же, что же не так, не так? что не удалось?»

Что за глупости? Всё так, всё удалось.

Я прислушалась к себе. Покой, гармония, лёгкая тревожность, естественная для путешествия, и никаких неуместных вопросов.

Нет, колёсики, не мою песню поёте. Откуда она приплыла, забытая гостья? Память, покопавшись на складе плотно утрамбованных лет, почти из самого дна вытащила наверх слова и мелодию песенки, которая относилась к моему школьному прошлому. Нет, туда возвращаться я не собиралась. Машина времени немного ошиблась. Школа — это слишком далеко. Надо повернуть стрелку на студенческие годы.

Возвращение в прошлое? Или возвращение прошлого? А какая разница? Тонкая! Но, откровенно говоря, дежавю мне совершенно ни к чему. Хотя…

Что «хотя»?

А то, что примерить прошлое на меня теперешнюю крайне любопытно. Ведь приятно покопаться в бабушкином или мамином шкафу, доставая старые платья и примерять их на себя. А если попробовать натянуть на себя юбку, которую ты носила в двадцать лет? Могут быть неприятные открытия, которые вполне предугадываемы — надо только включить воображение. Сколько во мне тогда было килограммов? Пятьдесят девять. А теперь? Шестьдесят пять! Примерка юбки отменяется.

А вот примерка прошлого на меня нынешнюю начинается. Говорят, если не хочешь страдать, не

возвращайся туда, где был молод. Я возвращаюсь, самоуверенно полагая, что теперь всё будет иначе. Вряд ли меня там ждут негативные переживания. Откуда им взяться? Встреча с однокурсниками — только положительные эмоции!

А встреча с СВ?

Я прислушалась к себе, как беременная прислушивается к жизни внутри её. Пустое! Всё давно забыто. Пульс ровен, сердце холодно, как язык в заливном. Тяжело ворочается только любопытство. Любопытство старой сытой кошки, которой совершенно не нужен тот серый зверёк, что прячется в норке, но всё же она не может остаться равнодушной.

Так-так-так! Значит, я подсознательно хочу «сожрать», как кошка мышку, того, кто когда-то пренебрёг моей любовью и женился на другой? Дважды! А может, и больше.

Глупости! Ничего я не хочу!

«Так уж и ничего?» — спрашивает меня очень внутренний голос.

Ломаясь, как кисейная барышня, признаю́сь: да, есть один интерес. Нет, два. Впрочем, второй интерес — тайна, и она умрёт со мной. Остановимся на том, что я хочу произвести на него ошеломляющее впечатление. Чтобы он понял, как ошибся! Не оценил! Не увидел! Не понял своего счастья!

Глупо, мелко, но такова психология женщины. А может, и не только женщины. Может, всех когда-то отвергнутых.

В действительности всё должно быть по Пушкину: «Что пройдёт, то будет мило».

И опять неправда.

Ничего милого в отношениях с ним я не помню. Боль, боль и боль.

Боль в тысячной степени.

Любовью скольких мужчин я заглушала эту боль! И только один из них смог сделать это с эффектом доктора Курпатова. Я забыла всё, когда в мою жизнь вошёл Старик. Так называли его друзья, так называла его и я. Обаятельное влияние Хемингуэя.

И всё это тоже в прошлом. Но в то прошлое мне не вернуться никогда. Оно растворилось в бесконечности, как взлетевшая к небу искорка костра.

Но почему же меня так неотвратимо влечёт в город моей студенческой молодости?

Вдруг мне стал сниться СВ… Не любимый Старик, а безразличный мне СВ. Он приходит в мои сны, как ночной сторож. Ходит по ним, стучит колотушкой, будит воспоминания…

И вот я еду в Томск.

Проводница принесла чай. Я смотрела на тонкий стакан в подстаканнике и чувствовала себя абсолютно счастливой. Поезд с его атрибутами, ритмичным стуком колёс — совершенная психотерапия. И никаких разговоров с попутчиками! Все эти мифы об откровенных исповедях с соседями в купе — такая глупость.

Звонит сотовый, такой же неуместный в этой обстановке, как слон в посудной лавке. Подруга!

— Привет! Да, я уже еду. Вагон чудесный: светлый, как реанимация. Шучу! Собираюсь ли я рассказать ему о дочери? Да я вряд ли найду его. И вообще, стоит ли делать ему такой подарок? Не хочу думать об этом. Она моя дочь. Да, от святого духа. Пока. И тебе удачи!

Звонок выбил меня из колеи, швырнул в прошлое, которое, откровенно говоря, меня не волнует. Ну и что с того, что моя девочка — дочь СВ? Я давно об этом забыла. Мне кажется, что в её появлении на свет мужчина не участвовал. Я захотела — и дочь родилась.

…Беременность обрушилась на меня, как снег на голову. Совершенно неожиданно, как неожиданно наступает зима. Каждый год происходит одно и то же. Знаешь, что зима на носу, но не успеваешь к ней подготовиться. Мороз ударил, а ты ещё окна не заклеила, варежки не купила, в сапогах молнию не поменяла. Так и с беременностью. Занимаясь любовью, ты прекрасно знаешь, что в результате может случиться ребёнок. И, однако же, это случается нежданно-негаданно. Как говорил Жванецкий, одно неосторожное движение — и ты уже отец. Или мать.

Беременность — обрушилась на меня, как снег на голову.

Когда эта истина открылась мне со всей очевидностью, я несказанно обрадовалась. Ребёнок! От любимого человека! Он будет счастлив! Мы поженимся! В общем, одни восклицательные знаки и ни одного вопросительного. Мир эмоций — и ни одной трезвой мысли. Хотя в действительности всё было наоборот — только вопросительные. Но в большинстве своём девушки витают в облаках, рисуя безоблачную жизнь с милым в шалаше.

Вот такой каламбурчик у меня получился.

В общем, я летела на крыльях любви к СВ. Со счастливой улыбкой на лице я вошла в дом. Хозяйка, у которой СВ снимал комнату, не ответив на моё «здравствуйте», равнодушно, как кондуктор в трамвае, объявила: «А СВ женился и съехал».

У меня подкосились ноги, будто кто-то невидимый ударил меня под коленки. Я плюхнулась на высокий порог. Улыбка сползала с моего лица, как с картины «Сикстинская мадонна», когда на неё плеснули серной кислотой.

Не думать об этом.

Такая задача далась мне легко. Ведь я не думала об этом все эти годы.

Чай, что принесла проводница, довольно неплох. Чудненько!

Ложка слегка постукивает о стакан в такт колёсам. Этот дорожный оркестр меня умиляет. Только бы никто не приставал с разговорами.

Оглядываюсь—все заняты своими делами и не проявляют желания общаться с попутчиками.

Чудненько!

Смотрю в окно вагона, как в калейдоскоп,—и избави меня Бог от знакомств. Я дорожу своими ощущениями, леплю из них приятные ассоциации, вяжу из них воспоминания и в эту свою мастерскую не хочу допускать ни одного человека. Полное одиночество под стук колёс. Что может быть прекраснее?

Только сон. И он накрыл меня своей тёплой и уютной шалью.

Город-призрак. Я иду по нему, понимаю, что это Томск, но как будто не узнаю, хотя уверена, что это он и есть. Кругом пусто—люди исчезли. Меня это не смущает. Будто так и надо. Меня ведёт цель—я должна найти СВ. Я моментально прохожу улицы, как пролетаю. Улицы, дома тоже улетают. Вот общежитие. Здесь копошатся люди в каких-то маленьких каморках, подвальных помещениях. Будто кто-то мне говорит, где можно найти того, кого ищу.

Но я забываю эту информацию и опять ищу его по городу. Он вновь пустой.

Я понимаю, что искать СВ надо в частном деревянном секторе Томска. И вот я уже там, уже вот-вот увижу его. И, кажется, даже вижу.

Однако всё исчезает, подёргивается пеленой, рябью, я сижу на берегу водоёма, на камне, как Алёнушка в картине Васнецова, вглядываюсь вглубь—города, дома, лица ушли на дно. Пустота. Пустота прозрачна до безнадёжности. Тоска отчаянно дышит, как попавшая на берег рыба…

И… ничего. Какое-то мгновение меня нет. Нет нигде, ни в жизни, ни в смерти. Я зависла в каком-то третьем мире.

Вынырнула я в поезде Москва—Томск. На боковой полке плацкарта. Ненавязчивый свет в потолке вагона обрёл во мне попутчика, обрадовался, ярко мигнул раз, другой и загорелся во всю мощь.

За окнами висела какая-то театральная темень. А я—стареющая актёрка, поехавшая за молодостью? Что ещё напоминает театр? Пейзажи за окном меняются почти так же быстро, как декорации на сцене. Вагон пуст в ожидании действий. Ещё немного—и всё оживёт и пойдёт по сценарию.

Первый выход.

Проводница.

— Вставайте! Через два часа Томск.

Сердце встрепенулось, волнение взорвалось холодом в желудке. В мои мысли вполз червь сомнения и принялся их грызть. Этот непрошеный гость нашёптывал мне о том, что я поспешила созвониться со своим однокурсником, который выразил желание меня встретить. Таким образом, я теряла свободу передвижения по городу. Я-то ведь планировала в эйфорическом ностальжи пройтись по памятным местам, зайти в учебный корпус, предаться воспоминаниям. А главное—найти СВ.

Это главное?

Глупости.

Разве я считала это главным? Ну, найду—хорошо, не найду—не расстроюсь. Конечно, как всякой отвергнутой женщине, мне хотелось предстать перед ним свободной, раскованной. Ну что я такое была тогда? Влюблённая идиотка. Раба любви. Слова лишнего вымолвить боялась: вдруг ему не понравится? Личность испуганно пряталась неизвестно где, а любовь управляла мной, как наглая интервентка.

Любовь, как позже я сделала вывод, может быть двух видов: разрушающей и раскрывающей «я». Горе, если тебе достаётся первый вариант. А со мной так и было. К счастью, Бог частенько не слышит наши молитвы или слышит, но не спешит выполнять заложенные в них просьбы.

Как сейчас помню запись в своём дневнике: «Мне не надо ничего, ни квартиры, ни машины, ни денег, только бы СВ был со мной рядом». Каково?

А сейчас у меня есть это всё, но нет рядом Его, и я вполне счастлива. И с ужасом думаю, что Он мог на мне жениться!!! Ужас оформился именно в такую мысленную форму, а не в другую: Я могла выйти за него замуж! Наверное, в этом есть какая-то психологическая тонкость.

Вот что время делает с нашей любовью. Когда-то я за неё готова была отдать полжизни, а сейчас даже ломаного ногтя жалко.

Поезд вползал в Томск, как усталая лошадь в гору. Воспоминания всплывали, как крупная рыба, и тут же уходили в глубину, не задерживаясь на поверхности больше секунды. Я их не поощряла, и реальность окончательно победила.

Когда состав остановился, я уже стала самой собой.

Сейчас я покину вагон и вступлю на землю своей студенческой юности. Годы пролетели как один миг. И я вернулась. Машина времени в нас самих. В моей памяти всё осталось прежним. С чем я столкнусь? Скажу ли я ему то, чего он не знает, но к чему имеет непосредственное отношение? Да имеет ли? Я уж сама давно не связываю его с моей тайной. Разум знает, сердце не принимает.

Во всяком случае, встреча не принесёт никаких разочарований. Потому что я как путник, бесцельно идущий по свету и созерцающий мир без всяких надежд. А если нет надежд, нет и разочарований.

Я твёрдо ступила на платформу.

Я чувствовала себя уверенной, симпатичной и молодой женщиной. Мой психологический термометр возраста застрял на тридцати шести и шести. А может быть, и на тридцати двух и двух. Наивность приказала долго жить, а мудрость только-только приняла смену. Уж с ней-то мне не страшен никакой мужчина.

Томск встретил меня чудным осенним утром. Небо искрилось такой бирюзой, что хотелось сковырнуть кусочек и вставить в оправу кольца, на память. Оно обещало тепло, которого в принципе октябрь не мог себе позволить. Но солнце поощряло это обещание. И я знала, что оно его выполнит. Сегодня будет солнечно, ярко, жарко.

Перрон кишел пассажирами, похожими на муравьёв, которые самозабвенно тащили свой груз. Сравнение банальное, но точное. Человечество по сути своей большой муравейник, а вокзал — уменьшенная его копия.

Правда, я себя муравьём не чувствовала. Скорее, Робинзоном Крузо, вернувшимся на свой остров. Жив ли Пятница?

Однокурсника я узнала в движущейся толпе сразу же. Всё те же черты лица, только слегка подправленные полнотой. Доброта, обещанная в молодости, теперь щедро выступила наружу. Ошибки быть не могло: человек из него получился хороший. Я обрадовалась и успокоилась. И пока шла ему навстречу, может, всего какую-то минуту, вспомнила наши совместные гулянки. Память пролистала иллюстрации к книге под названием «Студенчество» и остановилась на одном эпизоде.

…Андрей Первотолчин жил в небольшом деревянном домике недалеко от общежития. Его образ смутно шевельнулся, но так и не проявился. Зато одна из пирушек выпукло напомнила о себе: на меня из форточки, в которую я грустно курила, прыгнул здоровый чёрный кот. Прыгнул — и исчез, втянутый прошлым, как пылесосом.

Мы обнялись. Вот что значит студенческое братство. В сущности, чужой мне человек, с которым вдобавок не виделись всю сознательную жизнь, а такие тёплые, почти родственные чувства.

Я получила первую порцию комплиментов. Женщина любит ушами, и с этим ничего не поделаешь.

— Да ты стала ещё красивее.

«Хо-хо-хо». Слова отлетели от меня, как теннисные шарики от ракетки. А с другой стороны, может, я действительно была и осталась ничего себе?

Первотолчин повёз меня в свой офис. По дороге рассказывал о себе. Молодец мужик! Добился приличной должности, в доме — хозяин, заботливый отец. Этого, пожалуй, достаточно, чтобы прослыть хорошим мужем. Или надо ещё что-то?

Семьи делятся на три категории. В первой глава — муж, во второй — жена, в третьей — совместное ведение хозяйства. Андрюха ловко управлял своей жизнью. Всё ему удалось. Правда, уже во втором браке. Первый распался. Женился он в студенчестве. На симпатичной отличнице Лидочке, которая мне совершенно не нравилась. И вот, пожалуйста, я была права. Их брак распался. Лидочка с сыном отправилась в свободное от Андрея плавание. Или он от неё. Я расспрашивать не стала.

Оказывается, офис Андрея был местом постоянной встречи однокурсников. Здесь бывали все, кто заезжал с оказией или, как я, просто так. У Андрея даже собралась целая коллекция фото этих тёплых встреч однокурсников. Теперь в ней буду и я.

Мы начали с коньяка. Сначала вдвоём. Потом подтянулись те, кто смог покинуть рабочее место. Постаревшие мальчики и девочки. Как в фильме «Сказка о потерянном времени». Те же лица, но только над ними потрудился безжалостный гримёр — жизнь. Каждый принёс с собой выпивку.

Меня, как Остапа Бендера, понесло. Я хвасталась. Я представляла себя успешным человеком. Всё у меня было замечательно: работа — лучше не пожелаешь, дочь — чудо как талантлива, мужики — вьются молодым гуртом, машина в моих руках — звездолёт.

В общем, жизнь закрутилась, завертелась, понеслась, как бешеный жеребец. Отдельные огромные куски этого скоростного движения, как по американским горкам, провалились в никуда.

Помню, кто-то скромно вспомнил об СВ. А я хоть и вошла в раж, но об этой своей задаче — найти СВ — не забыла. Не показывая своей особой заинтересованности, равнодушно и безразлично поинтересовалась его судьбой. Мне дали его телефон. Нажимая на кнопки телефона, я волновалась. Надо же! Сейчас я услышу голос человека, которого любила до самозабвения…

— Да.

— СВ?

— Да.

— Это я, Алина Ямская. Ты помнишь ещё такую фамилию?

— Помню.

В голосе никаких эмоций. Просто автоответчик какой-то.

— Я в Томске. Хотелось бы увидеться.

— Я занят сейчас. В аэропорту, встречаю группу «Дип Пёпл». Позвони попозже.

Разочарование волной накрыло меня. Вот если бы он позвонил мне, я бы радостью расплавила телефонную трубку!

Ну и плевать. Не позвоню!

Пьём дальше. Закуска кончилась, а вино лилось рекой. И я в ней тонула. Сознание то включалось, то выключалось, как фонарь на ветру. Конечно, я позвонила опять. Рейс, на котором должны были приехать знаменитые музыканты, задерживался. СВ вместе с другими журналистами маялись в ожидании.

— Приезжай в аэропорт, — позвал он.

Первотолчин предложил свою машину с водителем. И я рванула. Помню дорогу смутно. Но день сверкал всей своей октябрьской прелестью. Осенняя прозрачность переливалась солнечными бликами, как мыльный пузырь. Я и сама была переполнена эмоциями, как мыльный пузырь воздухом.

И так же сияла, как он. Я любила весь мир. И СВ в том числе. Всё давно забыто, как прививка от кори. Разве я помню сейчас ту боль? Любопытство толкало меня к этой встрече — не более того.

В общем, сияя, как медный самовар, я шла по площади аэропорта. Узнаю ли я его? Вдруг я увижу толстого лысого дядьку?

Вглядываюсь в пространство, полное расплывающихся лиц, пытаюсь отыскать среди них СВ.

Слышу:

— Аля?!

Оглядываюсь.

Вдали, на бетонных плитах, изображающих заборчик, вижу мужчину. Он!

Вот я уже у него на шее. Кажется, целую, восторженно вопя.

О чём я вопила?

Кажется, восхищалась тем, как он здорово выглядит. Ни тебе лысины, ни намёка на животик. Седина потерялась в волосах. И морщин не обнаружила. И немудрено, коль глаза залил алкоголь.

Что он отвечал мне?

Провал.

А вот я уже иду по супермаркету на российский лад. За мной шефствует с корзинкой водитель, которого любезно мне одолжил Андрей. Алкоголь сыграл со мной забавную шутку. Почему-то я ощущаю себя богатой леди, за которой покорно и преданно бредёт слуга. Водевиль!

Я указываю, что взять.

— Шампанское. Икра.

Шампанское закусывают только икрой! Шоколадом закусывают плебеи. Или проститутки? Кто это утверждал? Сейчас не вспомню.

Что дальше?

Провал.

А вот другой кадр: мы уже пьём это паршивенькое шампанское.

Кажется, сначала это было на какой-то бетонной плите.

Потом — сиденье машины.

Я намазываю икру на хлеб. По-моему, пьём из бутылки. Да какая разница, из чего мы пили?! К тому времени мне уже было всё равно, что пить. Алкоголь, наступая на сознание, одновременно нейтрализовал и вкусовые рецепторы. Наверное, если бы мне подсунули уксусной эссенции, я бы выпила и не заметила. Удивительно, как я ещё держалась на ногах!

Возбуждение кипело во мне вулканом. А вернее сказать, я вся была — смерч.

Кем был СВ? Что бушевало у него внутри?

Держался он ровно. Интонация не выдавала его чувств. Не человек, а статуя Командора!

Хотя в тот момент это совершенно не волновало меня. Я была переполнена счастьем встречи, как больной — эфиром. И так же не контролировала свою болтовню.

Мы вываливали друг на друга наши истории жизни. Его история — караван двугорбых несчастий и страданий. Моя — торт «Безе». Или «Птичье молоко». В общем, слащавое повествование о счастье и успехах. Что конкретно мы говорили друг другу — исчезло в алкогольной амнезии, которая воронкой закрутила полученную информацию и заморозила в чёрной дыре беспамятства. Ничего удивительного. Сначала коньяк, потом киндзмараули, затем мартини. Сейчас этот чудовищный коктейль запиваю шампанским.

Провал.

Из пустоты выплывает короткое, как хайку, воспоминание.

Мы покупаем с СВ коньяк. Отчётливо помню, как он спросил:

— Ну что, наверное, коньячка купим?

«Белый аист» бездарно полетел в мой несчастный желудок, который сегодня подвергся такому стрессу, который сравним разве что с нашествием саранчи на зелёные поля.

Кажется, до этого пили водку. Уже у него в доме, за столом. Вижу рюмку, в которую льётся водка.

Провал.

Опять отчётливая картинка проявилась, как фотография под воздействием реактива.

СВ сидит у печки, дверцы которой открыты, — он курит, и дым уходит в огонь. Его чёрные глаза блестят так знакомо. Я вспоминаю это блеск. И этот странный голос, смех с хрипотцой.

Я усаживаюсь рядом, счастливо смотрю на него. Но совершенно по-дружески. Ничего не шевелится во мне. Я свободна от него. Я просто рада встрече.

Картина растаяла, будто рисунок на песке от набежавшей волны.

Полный провал.

Я очнулась и почувствовала, как оцепенение пеленает меня, превращая в гипсовую мумию. Я лежала на мужской груди, моя рука обнимала кого-то, и кто-то обнимал меня. Я в ужасе закрыла глаза, в голове закружился в вальсе весь выпитый алкоголь. Прислушалась к себе. Пусто. Только алкоголь качался на волнах моей памяти. Как говорится, приплыли.

С недоверием опять погрузилась в себя.

Я должна была вспомнить, с каким мужчиной я нахожусь в постели. Воспоминания воскресали, а вот ожидаемого ужаса я не дождалась. Где-то он заблудился. Да нет, пожалуй, это я заБЛУДилась. Подходящее к ситуации слово. Как мне подсказывает опыт, чувство, в котором я сейчас пребывала, называется любовной эйфорией. Все признаки налицо: внутренняя дрожь, отрешённость от мира, узость мышления, ограниченность желаний. Влюблённость, как и алкоголь, сужает мир до «Я и Он». Или «Он и Я»? Я лежала, полная любви. Но к кому?

Кто он-то?

Старик?!

Сознание качнулось резко и швырнуло меня во вчерашний день. Ответ всплывал в весёлых картинках эротического содержания.

— СВ, это ты? — спрашиваю я раз за разом, между поцелуями и срывами одежды.

— Да, Аля, это я, — раз за разом слышу монотонный ответ.

Но я опять забывала. И я опять спрашивала. Кого я любила в ту ночь?

Как случилось то, что случилось? Зачем?

Кто первый протянул руку к другому?

Неужели я? Не может быть! Ни в мыслях, ни в чувствах не было эротического притяжения. Я — сублимировавшаяся в творчестве женщина, какой тут может быть секс!

И всё-таки нас бросило друг к другу с такой страстью, будто все эти годы мы только об этом и мечтали. Возможно, под властью алкогольного хаоса, у меня ум зашёл за разум. Я приняла СВ за другого человека. Только так я могла объяснить случившееся.

Впрочем, есть и другое: баба пьяная, а кое-что (матерное слово на букву «п») у неё чужое.

Я опять погрузилась в сон на груди мужчины. Кошмар!

Когда я окончательно очнулась, ещё стояла темнота, но уже чувствовалось приближение утра. Рассвет робко и нежно пробивался сквозь ночные сумерки.

Мои пальцы гладили пальцы СВ. Рука не отвечала мне. Как будто это была не рука, а бейсбольная перчатка. Ни живой гибкости, ни ответной реакции.

— Ты почему такой неотзывчивый?

— То есть?

Объяснить я затруднилась. Откровенно говоря, у меня всегда были отзывчивые мужчины. Пальцы «разговаривали» с пальцами, губы с губами.

Меня охватил страх.

За одну ночь я потеряла свой панцирь, который тщательно лепила много лет, который надёжно защищал меня от мужчин и любовной лихорадки. Власть секса сильнее принципов? Природа, черт бы её побрал! Воля к жизни. Это ведь ещё Шопенгауэр объяснял.

Да при чём здесь немецкий философ?! Пить надо меньше! Это ещё герой Мягкова говорил в «Иронии судьбы». Тогда я бы не потеряла контроль над собой. Теперь вот я оказалась в бушующем океане чувств. И самое сильное из них — страх.

Страх, что сейчас СВ встанет, оденется и сделает вид, что ничего не случилось. Собственно, такой вариант развития событий самый предпочтительный — шептал мне разум. Но когда чувство слушалось его?

Продолжение следует?

Или не следует?

Страх этот когда-то был рождён именно СВ. Он вставал, уходил, приходил, но уже так, как будто мы и не спали никогда. Эта пионерская дружба продолжалась до следующего постельного столкновения. Я никак не могла понять, что держит его возле меня. Я-то его любила. А он-то зачем «дружил» со мной? Дружба, нарушаемая изредка сексом, довольно тяжёлая штука. Она кристаллизовала мои комплексы. И к тому же я постоянно пребывала в состоянии тоски. А для СВ, скорее всего, я служила лекарством от одиночества.

Впрочем, чего гадать? Как утверждает великий еврей и поэт Игорь Губерман:

> Разбираться прилежно и слепо
> в механизмах любви и вражды
> так же сложно и столь же нелепо,
> как ходить по нужде без нужды.

А так хочется!

«Вспомни Шопенгауэра!» — злобно посоветовал мне мой внутренний голос.

Ну и что? Ну и вспомню! А что именно? Его теорию воли к жизни?

«Влюблённый может даже ясно видеть и с горечью ощущать, какую несчастную жизнь сулят ему невыносимые недостатки, темперамент и характер его невесты (или жениха. — *Прим. моё*), и всё-таки не отступиться… Ведь, в сущности, он действует не в своих интересах, а в интересах некоего третьего, который ещё только должен возникнуть, — хотя и подвластен иллюзии, что действует в своих интересах…»

А, глупости! Я вполне разумная женщина, и мне появление третьего не грозит. (Этот третий появился много лет назад.) Моя воля будет сильнее шопенгауэровского учения.

Отсутствие мужчины в жизни женщины — залог психического и физического здоровья. Вот моё кредо. И вообще, наука установила, что незамужние женщины живут дольше замужних. Моя школа жизни крепка задним умом.

Но как же я тогда оказалась в постели с мужчиной? Куда делся мой крепкий задний ум? Меня подвёл слабый передний «ум». Прав таки оказался собака Шопенгауэр: «В секретную мастерскую её (воли) он (интеллект) не проникает. Он, правда, доверенное лицо воли, но доверенное лицо, которое не всё знает». «Интеллект… устранён от действительных решений и тайных замыслов собственной воли». Трудно с этим не согласиться. Я безвольно желала любви, нежности и ласки.

СВ встал.

Он ходил по комнате, чем-то гремел, пил воду. А я отчаянно боялась.

— Полежи со мной…

— Погладь меня по голове…

— Поцелуй меня… — просила я, пересиливая себя.

Как нищенка подаяния? Нет. Это были не просьбы. Это были методические указания.

СВ не умел любить. Он не знал, что после ночи женщину следует награждать вниманием, лаской. Поцеловать в плечо или в лоб, погладить бедро и прочее, прочее. Пожалуй, на прочее и прочее он не потянет.

Но он был небезнадёжен.

СВ полежал со мной.

Погладил по голове.

Поцеловал! Со страстью!

Счастье чуть не разорвало меня на части. Во всём нужна мера. Только не в любви.

Я лежала в чужой постели убогого домишки, напичканная алкоголем и любовью, как кубок Гертруды ядом. Я с трудом припоминала, что у меня есть дочь. Она отошла так далеко, как будто ещё и не родилась. Она была в другой жизни. Хотя тесно связанная с этой. Но всё ушло на второй план.

На первом — только он и я.

Ну ладно, со мной более или менее понятно.

А он — кто такой?

Кто этот мужчина, которого я когда-то знала как СВ? Прошлые знания меня не воодушевляли. Новые позволяли надеяться, что на этот раз всё будет по-другому.

И вдруг я услышала противно-ехидный смех внутреннего контролёра. Блин! Тебя ещё не хватало. Заткнись!

Я переспала с незнакомым человеком. Значит, это другие грабли.

«Другие-то они другие, но всё равно больно стукнут по лбу». Опять внутренний голос.

Но было поздно. Предостережение мягко ушло на дно моего сознания, как утопает в снегу выплюнутая косточка от оливки.

Я попыталась встать с постели. Пол пополз к потолку, а потолок влез на стенку.

— Когда тебе нужно уезжать? — раздаётся из другой комнаты голос СВ.

Трудно помнить о планах, когда нервы звенят от восторга любви.

— Вчера, — отвечаю я.

Да, я собиралась уехать вчера вечером. Теперь мне хотелось остаться здесь навсегда.

Интересно, он спросил об этом с надеждой, что я останусь или что уеду?

Так, начинается вариантность бытия.

Ох, как мне плохо! Пить надо меньше. Как был прав Женя Лукашин из «Иронии судьбы». Эта истина почему-то тонет в стакане и только на другой день всплывает со всей очевидностью похмельных страданий. С трудом я всё же победила карусель в голове и желудке и выползла из комнаты на кухню.

СВ собирался уходить на работу. Уже одетый, он стоял в дверях, и его взгляд притянул меня к нему, как рыбу на крючок. Наверное, он думал, что, вернувшись, он не застанет гостью из прошлого. В то мгновение и я так думала. Поэтому я прильнула к нему как в последний раз. Боже, как чудно колется его небритая щека! Как сухи и вкусны его губы!

С тоской в груди и штормом в голове я вернулась в кровать.

Думаю, когда СВ придёт с работы, то найдёт меня в своей постели. Не знаю, хватило бы мне сил уехать в тот день, если бы я была трезвой. Наверное, влюблённость помешала бы это сделать. Впрочем, в случае трезвости я бы уже сидела в вагоне. Но сейчас я просто не в состоянии была двигаться. Выйти из дома, добираться до вокзала представлялось мне ужасным предприятием. Как если бы мне нужно было выкопать двадцать пять соток картошки. Я не могла сделать и пяти шагов. Мне нужны сутки, чтобы вернуться к жизни.

Я провалилась в рваный сон, пьяная и влюблённая, как последняя подзаборная кошка.

СВ пришёл, наверное, в обед. Не знаю, на что он надеялся, но я всё ещё лежала в его кровати. С трудом оторвав голову от подушки и разлепив глаза, преодолевая некоторый стыд, я попросила у него пива. Общеизвестно: лечиться надо тем, от чего заболел. Так учат гомеопаты и алкоголики.

Даже любовная лихорадка отступила на второй план перед натиском похмельного синдрома.

Пиво меня слегка реанимировало. Нашлись силы, после того как СВ опять ушёл на работу, обойти дом.

То, что я увидела, меня расстроило. Обстановка напомнила мне детство. Такая мебель была у моих дедушки с бабушкой. Самодельные столы, шкафчики, буфет, шифоньер. Облупившаяся краска выдавала их возраст. Полы, хотя и грязные, блестели. Видно, их выкрасили не так давно. Стены побелены, скорее всего, весной. В одной комнате стояла железная кровать без признаков постельного белья. Я спала на деревянной, наверное, детской, кроватке во второй комнате. Она была мне мала, приходилось слегка подгибать ноги.

Ещё была кухня, с печкой, обмазанной глиной. Круглый стол был покрыт клеёнкой, яркие жёлтые цветы которой нарушали общую картину запущенности бытия и напоминали картину «Подсолнухи» Ван Гога. Холодильник, которому сто лет в обед, здесь смотрелся как «мерседес» среди «запорожцев». Посуда, наверное, осталась ещё с военных времён: алюминиевые тарелки, кружки, ложки и вилки. Впрочем, имелись и современные атрибуты.

Обычно такие дома сдавались студентам. СВ как раз и жил в таких. Тогда, более двадцати лет назад.

Может, я действительно перенеслась в прошлое?

Вспомнилась почему-то старуха, которая осталась у разбитого старого корыта в сказке Пушкина. Сердце сжалось, слёзы навернулись на глаза.

Что же случилось с тобой, дорогой мой СВ? Что жизнь сделала с тобой?

Я принялась мыть полы. Для моего состояния это был героический поступок.

Не однажды я мыла полы в тех домах, которые снимал СВ в студентах.

Припомнилось, как на пятом курсе я вот так же наводила порядок у него — и наткнулась на письмо. Я прочитала его. Оно было адресовано какой-то девице. Потом он женился на ней. Она родила ему двух сыновей.

Его вторая жена… Что-то он рассказывал мне о ней вчера.

Память буксовала, как застрявшая в песках машина. Однако справилась и выдала мне распечатку исповеди СВ: «У Райки была подруга — Людмила. Они дружили давно, с детства. Не знаю, что ей взбрело в голову, но она сделала операцию по смене пола. Ну, сделала и сделала. Я ничего не имел против. Сказал: „Люда, мой дом для тебя всегда открыт“. Однажды я застал их в постели. Райка спала с этим искусственным мужиком. У меня крыша поехала… Я, конечно, ушёл. А потом он стал Райку бить. Сильно. И как-то я пришёл навестить детей, а она вся в синяках, и этот Лёнька, бывший раньше Людкой, рядом. Не выдержал я, избил его. Как взбесился. Ногами бил. А сын Илька кричал: „Дай ему, папа, дай!“…»

Если бы я прочитала эту историю в газете, подумала бы, что это чистой воды выдумка.

Кажется, теперь Рая с сыновьями живёт во Франции. Как они туда попали? Память молчала, как склеротическая старушка.

Я взглянула на дело своих рук. Полы блестели. Влажная тряпка аккуратно лежала у порога. Об неё можно вытирать ноги, и грязи в доме будет меньше. Ай да я! Ну просто Золушка и Пчёлка в одном флаконе. Или кто там в одном флаконе? Доктор Пеппер?..

Теперь ещё немного полежать. Силы на исходе. Пора поспать.

Сон накрыл меня тяжёлой лапой. Обычно он мягко уносит на нежных волнах, как ласковая мать. А сегодня сон похож на тот, что изобразил в своей картине Сальвадор Дали.

Разбудил меня стук в дверь. Наверное, СВ вернулся.

Сиреневым платком за окном повис вечер.

Я всё ещё не была готова к жизни. Меня слегка потряхивало — то ли от остатков вчерашнего алкоголя, которые болтались в моей голове и желудке, как уши спаниеля на ветру, то ли от чувства влюблённости, которое так внезапно захватило меня в плен. Неужели одна ночь секса способна так изменить человека? Эй, разум, вернись ко мне!

У меня тряслись руки, когда я снимала крючок с петли. Сейчас войдёт мой объект любви, и я упаду к его ногам. Таково было моё восприятие реальности. Конечно, на самом деле я бросила к его ногам свою любовь, которую СВ не заметил, как не замечал много лет назад.

— СВ, да у тебя глаза совершенно пьяные!

— Да, я выпил. Я алкоголик, Аля, — он сказал об этом спокойно, словно сообщал, что у него насморк.

Я посмотрела на него с уважением. Навидалась я пьющих мужиков. Редко кто признавался в алкоголизме. Развивать эту тему я не стала.

— Знаешь, я сама сейчас хорошего вина выпила бы. Глотка два. Не догадался купить?

— Сейчас сбегаю, — и СВ с радостным предвкушением ушёл.

Да, ситуация аховая. Влюбиться в алкоголика, нищего и многодетного! Эй, внутренний голос, чего молчишь? Видимо, он потерял сознание от ужаса. Ничего удивительного. Я сама на грани обморока.

«Идиотка, держи себя в руках!» Ну вот и мой рецензент очнулся. Склонна с ним согласиться. Я случайно забрела в лабиринт любви. С чем я выйду из него? С какими потерями? А может, с приобретениями? Ещё не поздно повернуть назад, пока я не заблудилась окончательно.

А чего я боюсь, с моим-то любовным опытом? Мужчины для меня давно прочитанная книга. И не раз. Знаю наизусть.

Да, но разум и чувство — как щука и лебедь, тянут совершенно в противоположные стороны. Куда податься?

«Куда-нибудь подальше отсюда», — советовал внутренний голос. В данный момент я не была способна его послушать.

СВ вернулся с коробкой вина. Налил нам по стаканчику. Но я с трудом сделала несколько глотков, убедив себя в том, что это — лекарство.

— Я рыбы ещё купил. Камбалы. Давай пожарь. А я пока материал напишу, — и ушёл в комнату с железной кроватью.

Вот ещё одно испытание любви. Чистить рыбу я терпеть не могла. Старик это делал сам. Он многое делал сам. Мясо жарил в гранатовом соке, придумывал соусы из ничего, вообще любил творить сложные блюда. Бешбармак, например, или чахохбили. Ещё стирал мои вещи, пришивал пуговицы… Любил меня.

Вздохнув, скрепя сердце, я принялась чистить этих одноглазых чудовищ.

Какая гадость!

Снимают с неё кожу или так готовят? Проконсультируюсь.

— Как ты думаешь, а с рыбы надо кожу сдирать?

СВ ехидно засмеялся:

— Ну ты даёшь! Нет, конечно.

Преодолевая брезгливость, я вспорола камбале живот, выковыряла оттуда внутренности. Брр!

Моё отвращение не разделял Кешка. Он тёрся о мои ноги, мурлыкал, прося рыбки.
— На, Кешок, ешь, голубчик!

В приготовлении рыбы я не сильна. Наверное, надо обвалять в муке. На горячую сковороду класть или нет?

А, как получится!

Нет, ну стоило приезжать в Томск, чтобы жарить рыбу для СВ? Хотя в этом что-то есть.

«Если не можешь заниматься любовью, приходится стоять у плиты»,—захихикал внутренний голос. Ну и циник!

Во-первых, нам не двадцать лет.

Во-вторых, всему своё время. Вот наступит ночь…

Откровенно говоря, я и без намёков внутреннего голоса опасалась, что второй ночи не будет. Что сделает мужчина прежде всего, войдя в квартиру, где находится женщина, с которой провёл ночь? Если не сразу тащит её в постель, то обнимет, прижмёт к себе, поцелует. Дело не в сексе, а в том, что это одно из сильных доказательств симпатии и любви. Я думаю, ни одна женщина не хочет одноразовости. Это её унижает, оскорбляет, доставляет боль. Женщина—не салфетка: использовал и выбросил.

Я, хоть и была достаточно закалена опытом прошлых чувств, всё же, отравленная ночью, испытывала некоторый страх. СВ вполне способен сделать вид, будто ничего не произошло, и лечь спать отдельно. Я тоже могу сделать вид, что секс—не повод для знакомства. Но не буду.
— Дорогой! А сегодня мы будем спать в одной постели? Или сделаем вид, что друзья?

Сердечко моё затрепетало, как птичка в руке. Вот за что я и не люблю любовь: начинаешь зависеть от другого. Что скажет? Да как посмотрит? Да почему не позвонил? Почему сказал так, а не эдак? Может, то, а может, другое. И так до бесконечности.

Когда любишь, себе уже не принадлежишь. Ты—весь во власти сомнений, которые выедают душу, как червяк яблоко. В конце концов от плода ничего не остаётся, так и от любви. Но пока до этого дойдёт, изведёшься, похудеешь (или поправишься, если у тебя есть скверная привычка заедать тревогу), потеряешь сон, уверенность в себе. Вряд ли минуты любовного блаженства сто́ят таких потерь.
— Как скажешь, Аля,—отвечает без всяких эмоций СВ.

Я облегчённо вздыхаю, но напряжённость не спадает. Она только переключилась с двухсот двадцати вольт на сто.

В результате всех этих моих переживаний пострадала камбала. Она почему-то прилипла к сковороде и разваливалась, когда я пыталась её оттуда вынуть. (Как позже я выяснила, рыбу надо было слегка подсушить полотенцем.)

Впрочем, рыба всё равно получилась вкусной. Некоторые кусочки вышли почти целыми. Под вино, хоть и красное, ужин получился на славу.

Приятная истома расслабила меня. Я с нежностью взирала на СВ, который с аппетитом поглощал мою стряпню. Честно говоря, я ею не гордилась. Я способна на большее, и завтра он об этом узнает. А пока во мне бродят остатки алкоголя, размножая вирусы влюблённости, можно попытаться понять свои позиции.

Почему бы не спросить прямо: «СВ, скажи честно, я тебе нравлюсь, или это был банальный постельный экспромт?»

Может, боюсь услышать второй вариант ответа?

Ну и ладно. Не нравлюсь—ему же хуже.

Вокруг меня молодые мужчины бьют копытом и пускают огонь из ноздрей, так что комплекс неполноценности мне не грозит. Цену себе знаю.
— Чем занимался на работе?—решаю я вести на разговор на нейтральную тему.

Глупо выяснять отношения, которых, собственно, и нет. Это всё равно что, как утверждают китайцы, искать чёрную кошку в тёмной комнате, когда её там никогда и не было.
— Ездили в гости к бабушке Лохэ. Это знаменитая травница. К ней раньше сама Алла Борисовна приезжала за целебными травами. В прошлом году у неё был гонец от примадонны—Максим Галкин. Как раз давал у нас гастроли. Но не только Пугачёва лечилась у этой бабушки Лохэ. У неё бывали Андрей Миронов, Эдита Пьеха, Дмитрий Шостакович, Аркадий Райкин, Олег Борисов, Майя Кристалинская. Дочь целительницы помогает бабушке. Она, кстати, рассказала, что только благодаря их лечению у Илоны Броневицкой появился сын.
— Тот, что поёт в «Фабрике звёзд»?
— Да чёрт его знает! Я не слежу за этой чушью. Сама видишь, у меня и телевизора нет.
— Я, собственно, тоже никогда не видела ни одной передачи. Просто из газет знаю. А откуда у бабушки такая фамилия—Лохэ?
— От мужа. Он у неё был тибетским целителем, китайцем по происхождению. Его репрессировали, а жена продолжила его дело. Ах ты!—вдруг хлопнул себя по лбу СВ.—Я же совсем забыл: бабушка Лохэ мне травки насыпала, велела пить утром и вечером. Сказала, что это поможет избавиться от тяги к алкоголю. Организм перестанет его воспринимать: выпью водки, а она мне как вода покажется. Теряется смысл выпивки.
— Что, сильно увяз? Каждый день пьёшь?
— Не могу выйти из запоя. Как Ванюшка погиб—так и пью. И с женой с тех пор ругаемся. Обвиняем друг друга. Когда это случилось, я как раз на даче был. И как будто что-то почувствовал—домой потянуло. Я на велосипед—и в город. Когда мне сказали, я по полу катался в истерике. Несчастный случай—попал под машину. Потом мы Петьку

родили. Это нам помогло выстоять. Он родился недоношенным. Когда роды начались, я тоже был на даче. И опять меня что-то толкнуло изнутри. Приезжаю, а жена уже скорую вызвала. Петька родился крошечным, ещё без ногтей. Я его выхаживал. Ольга через три месяца на работу вышла, а я с ним сидел.

И вдруг СВ весь затрясся. Я даже не сразу поняла, что он плачет. Плачущий мужчина—это зрелище не для слабонервных. Когда плачет женщина, то это воспринимается естественно. Слабый пол, так сказать. Но если плачет мужчина—это нонсенс. Как чёрный сахар в сахарнице. Или белая сажа. В литературоведении есть такое понятие «оксюморон»—соединение контрастных величин, создающих новое понятие. Плач и мужчина—две вещи несовместные, как гений и злодейство.

А плакал СВ как раненый заяц. Правда, я никогда не слышала, как плачет заяц, но почему-то решила, что похоже. Сердце резанула острая жалость—хоть нитроглицерин принимай. Зря Горький кричал, что жалость унижает человека. Жалость—это разновидность высокой любви. Печорин это понимал.

— Это пьяные слёзы,—попробовал оправдаться СВ и ушёл в комнату.

Скрипнула кровать. Я пошла за ним.

— Слёзы—это хорошо. Это своего рода психоэмоциональная разгрузка,—сумничала я, присев на краешек кровати.

Я, конечно, не ждала, что жизнь СВ сложится успешно. Он в студентах уже без бутылки не мог существовать. И всё же не представляла, что встречу до такой степени избитого жизнью человека. Бедный ты, бедный. Мне захотелось приласкать и утешить его. Я погладила СВ по голове. Ещё и ещё раз. Седой мужчина-мальчик.

Я ехала, чтобы победить его. Но его давно победила жизнь.

Меня отуманила жажда прикосновения, как кошку, которая долго не видела хозяина. Я ласково погладила СВ по небритой щеке. Слега коснулась, боясь, что тот дёрнется. Так было не раз в той жизни, когда он не любил меня. Ничего не забыто. Но прощено?

Всё прощено, всё забыто.

Небритая мужская щека—это эротично. Моя чувственность заволновалась, но её накрыло волной обычной бабьей жалости, переходящей в нежность, не имеющую к либидо никакого отношения. В нас, женщинах, очень сильно материнское начало. Мы можем любить мужчин как детей. Впрочем, Фрейд категорично делил женщин на две группы: матерей и проституток. Так что обобщать не стоит.

СВ успокоился. И мы вернулись на кухню. Мне хотелось расспросить его о детях, но боялась вновь растревожить горькие воспоминания. Я никак не могла понять, сколько же у него, в конце концов, детей. Он сыпал именами, как теннисными мячами. Вася, Иля, Коля, Петя, Ваня, Даня, Ник… Неужели они все его сыновья? Первые трое—точно. Вася родился ещё в студенчестве, в первом браке. Иля и Коля—дети Райки. Они во Франции. И что, СВ «настрогал» ещё четверых?

Я стыдилась переспрашивать, потому что многого могла не помнить в результате алкогольной амнезии. Возможно, СВ мне уже рассказывал, кто есть кто. И всё же мне удалось выяснить, что…

Вот уже два месяца как он окончательно ушёл из семьи. После того, как Ванюшка погиб, они с женой, которая моложе его на семнадцать лет, так и не смогли наладить отношения. Скандалы, истерики, обвинения этому не способствовали. Рождение Петьки на какое-то время примирило их друг с другом. А потом в семье появился Ник.

— Однажды,—рассказал СВ,—Ольга делала передачу из детского дома и увидела там Никиту. Ей показалось, что это Ванюшка—так он был похож. Мы его усыновили. Вернее, взяли опеку. Ник родился в тюрьме, с диагнозом «сифилис». Но его вылечили. Правда, от другого заболевания не можем никак избавиться—писается по ночам.

— И давно он у вас живёт?

— Три года.

Взять ребёнка из детского дома—это не котёнка в подъезде подобрать. Не каждая благополучная и обеспеченная семья способна на такое. Я могла бы на такое решиться? Вряд ли. Слишком моя жизнь устоялась. Некоторые перемены меня страшат. Одно дело, когда они приходят сами по себе, и другое дело—сознательно на них решиться. Я даже с некоторым ужасом представила себя с маленьким ребёнком.

Святой человек этот СВ. Просто Папа Римский. В нравственном смысле, естественно.

— Сейчас Никитосу пять лет, а к нам попал в два года. Петька сначала принял его агрессивно. А теперь они уже забыли, что когда-то не жили вместе…

И всё же семья не состоялась. Жаль, жаль, жаль… СВ всегда хотел дом, детей. Правда, не со мной. В душе шевельнулась обида. Или уязвлённое самолюбие? По́лноте! Всё в прошлом.

Время неумолимо приближалось к полуночи. Мне страшно хотелось спать. Огромным усилием воли я не давала глазам закрыться. По натуре я—жаворонок. Одиннадцать часов вечера—граница моего бодрствования. Далее ничто не могло удержать меня от сна. Даже самая интересная книга или увлекательнейшее кино. Зато и просыпалась в шесть-семь утра. Когда-то я считала себя совой. Открыл мне истину мой эрдельтерьер. Ежедневные прогулки с собакой в любую погоду и в любом состоянии здоровья превратили меня в жаворонка. А может быть, раскрыли мою настоящую суть.

Прошло шесть лет, как пёс ушёл в мир иной, а я по-прежнему живу в том режиме.

Я с трудом держалась в качестве собеседника. Только любовная эйфория помогала мне бороться со сном. Да, в жизни всегда есть место подвигу.

СВ курил. Я смотрела на него как Ева, только что откусившая яблоко с древа познания. Неожиданный поворот событий. И как меня угораздило оказаться с ним в постели? Последнее, что я помню во вчерашнем вечере, так это то, что мы точно так же сидели на кухне. Он так же курил у печки, я подсела к нему… И провал.

— Послушай,— решила я восстановить ход событий,— а кто вчера кого соблазнил: ты меня или я тебя?

— Ты…

— Странно, у меня ни в мыслях, ни в подсознании этого не было. Я давно сублимировалась в творчество. Отношения с мужчинами меня не привлекают.

— На самом деле это я тебя соблазнил, Аля.

— Ну слава Богу! Это мне как-то больше греет душу. И всё же не ожидала я от себя такого. У меня давно не было мужчин. И, пожалуй, ты будешь последним моим мужчиной. Последний мужчина— это, пожалуй, круче, чем первый. Как считаешь?

СВ засмеялся недоверчиво. Как будто я клялась ему в верности!

— Господи! Как же я любила тебя! И была уверена, что всё прошло. Но вот чувствую, что оживает какое-то чувство. Что-то осталось.

— Да перестань, Аля. Не выдумывай.

— Нет, правда. Что-то есть. Можешь назвать это общечеловеческой нежностью друг к другу.

СВ хмыкнул, соглашаясь:

— Общечеловеческая нежность? Ну… хорошо. Давай за это выпьем.

Но выпить мы не успели. Дверь открылась, и в дом вошла женщина с ребёнком. Про таких говорят: со следами былой красоты. Но зато с яркими следами алкогольного пристрастия. Явно из любительниц крепко выпить.

Девочка выглядела необычно. Что-то в ней было не так. Какая-то заторможенность. Выражение глаз, лицо— как будто художник потерял интерес и не дописал детский портрет.

— Как у тебя чисто сегодня!— заявила гостья.

— Да, Аля постаралась. Познакомьтесь.

— Таня,— представилась женщина.

— А это Лиза,— добавил СВ.

Бедная Лиза! Кажется, она умственно отсталая. Девочке было лет восемь-девять. Она держала в руках красивый бумажный пакет и поглядывала на меня с любопытством и желанием показать своё богатство.

— Ну что, Танюха, пить будешь?

— Да у тебя вино дорогое и хорошее!— с уважением констатировала Танюха.— А мы заскучали. Решили к тебе зайти, развлечься. А у тебя— такая роскошь!

Она говорила размеренно, не спеша, с внутренним комфортом женщины, живущей в ладах с мужем и миром. Я даже засомневалась в своей догадке насчёт её пагубного пристрастия.

— Пей, Танька, не стесняйся! Я слышал, ты с соседкой подралась?— СВ налил ей полный стакан.— Напились, что ли?

Татьяна стеснительно глянула на меня.

— Так а чего она в меня плюнула? Сидели, нормально выпивали…

Лиза, как доверчивый котёнок, подошла ко мне и прижалась.

— Что у тебя в пакете?— спросила я девочку.

— Да вот книги всякие. Букварь,— Лиза с удовольствием принялась доставать их и с трепетом показывать.

Букв она не знала. Но ей так хотелось их знать! Личико девочки светилось любопытством. Когда мать с дочерью ушли, я спросила:

— Что с Лизой? Она вроде бы большая девочка, а читать не умеет…

СВ ответил с раздражением:

— А кто её учить будет?! Мать пьёт. Братья— бандиты. Отец на заработках где-то. Её даже в школу не могут отвести.

— Как это?— не могла поверить я.

— А вот так! Это жизнь. А ты заметила, что у неё один глаз— искусственный? Выбили родственнички.

Ничего себе сентиментальное путешествие «на дно» у меня получается!

— И как ты среди всего этого живёшь?

— Я дружу с ними. Меня не грабят. Лизка приходит к моим ребяткам играть. Правда, вши у неё бывают. Я Таньку отчитал за это. Ещё не хватало, чтобы мои сыновья завшивели. А вообще жалко девчонку.

Сколько по всей России таких детей? Вполне может быть, что у неё и свидетельства о рождении нет. За ним ведь в загс идти надо и платить. Что будет с Лизой дальше? Неграмотная, без документов, она вряд ли устроится на работу. Впрочем, подрастёт— начнёт пить. Повторит судьбу матери. Кстати, её мать обмолвилась, что была когда-то «Мисс Улицы».

Мы молча выпили, и СВ ушёл в комнату с железной кроватью. Она заскрипела издевательски, как эшафот под шагами палача. Потом я услышала шелест страниц. Читатель, блин!

Я не удивилась, не расстроилась. Дежавю. Так было в юности. В сущности, я была уверена в таком раскладе. Но теперь я определила его поведение иначе: импотент. Дважды в жизни я встречала мужчин с таким диагнозом. А уж ждать сексуальной активности от пьющего человека, да ещё в этом возрасте,— верх глупости.

Но ведь можно было бы просто спать в объятиях друг друга. Это тоже приятно.

Однако страх показать своё половое бессилие диктует мужчине свои правила. Неужели СВ в голову не приходит, что подобное поведение оскорбляет женщину? Создаётся эффект пренебрежения.

К счастью, мне это безразлично. Что я, секса не видела? Всё моё при мне. Я ничего не теряю.

Я немного ещё посидела за столом, посмеиваясь над ситуацией. Потом заглянула к СВ. Он лежал и читал. На меня не взглянул.

Внутренний голос хохотал как ненормальный.

«Да замолчи ты!» — вяло приказал я ему.

Либидо моё равнодушно внимало ситуации.

Люди не меняются, сделала я вывод и с лёгкой душой ушла к себе на кроватку.

Меня вполне устраивала ночь без секса. Никто не нарушит мой сон. И я ушла в него с лёгкой душой. Вот он, бесценный дар времени: уснуть, не страдая.

Очнулась только утром, когда зашипел электрический чайник.

СВ нервно сновал по дому, в трусах и валенках. Зрелище было бы забавным, если бы не ощущение тревоги, которое возникло во мне при взгляде на него. СВ напоминал больного зверя в клетке, а скорее — нервнобольного в палате психбольницы.

— Что, плохо? — проявила я сочувствие.

— Ломает всего. Мне бы сейчас сто граммов…

Я хотела сказать: что ж ты не оставляешь на похмелье? — но промолчала. Алкоголики не способны думать о завтрашнем дне.

Кажется, я не допила вчера вина. Действительно, почти полный стакан.

Но эта слабая доза не помогла.

— Сейчас киоск откроется, я сбегаю и куплю чекушку водки. Продавщицы меня уже знают, радуются. Ещё бы! Я им хорошую прибыль даю, — нашёл силы посмеяться СВ.

— Хочешь, я схожу?

— Нет! — строго, почти грубо запретил мой несчастный друг. — Темно, а район здесь полон бандитов.

Смотреть на его мучения было так же невыносимо, как на роды.

Я вспомнила дядю Лёшу, друга моей мамы. Одно время, наверное, лет пять-семь, они жили вместе. Но потом разъехались и дружили домами. И всё из-за того, что дядя Лёша страдал алкоголизмом. Самое большое, на что он был способен, — не пить две недели. В конце концов мама не выдержала — прогнала. Купили ему маленький домишко, и он съехал. Но каждый раз, когда его вот так же, как СВ, ломало и корёжило, дядя Лёша прибегал к маме и умолял помочь. Он стоял на коленях, валялся в ногах, клялся никогда не пить. Мама, естественно, его «спасала», дядя Лёша какое-то время опять поселялся у неё, отмывался, отъедался… А потом шёл к себе, и начиналось всё по новой. Частенько мы с братом сами забирали его, чтобы он уж совсем не пропал. Но алкоголики долго не живут. Так и наш дядя Лёша, добрейшей души человек, остроумный рассказчик и мастер на все руки, погиб от водки в шестьдесят два года. В последнее время перед смертью он пил, не разбирая, в том числе и технический спирт. И однажды ночью кровь хлынула через горло, и дяди Лёши не стало. Цирроз печени. И ведь ни разу в больнице не лежал. Видимо, глушил боль алкоголем. Хотя печень-то не болит. Она очень терпеливый орган. Но однажды просто не выдерживает издевательств и разваливается. Или превращается в камень? Хоть я и близка к медицинским кругам, но таких нюансов не знаю.

Уже много позже мама как-то сказала, что зря она выгнала дядю Лёшу. Мол, пил бы помаленьку, да зато по хозяйству бы помогал. А я всегда так думала. Дядя Лёша был безобиднейший человек. Никогда не скандалил, а выпьет, поговорит малость — и спать. Мне всегда было его жаль. А мама вечно его пилила, перевоспитывала. Никак не могла понять, что алкоголизм — не дурная привычка, а злостное заболевание.

Конечно, житьё с пьющим человеком — не мёд. Если у тебя на руках дети, а муж всё пропивает и в доме от него толку никакого — только скандалы да пьяный дебош, то в этом случае терпеть не стоит. Себя спасать надо и детей.

Но алкоголик алкоголику рознь. Я знаю другую семью, в которой муж периодически запивает. Это как стихийное бедствие. Цунами в отдельно взятой квартире. Все родственники стойко переносят эти моменты. Пьёт он три недели. Затем начинается выход из запоя. После этого вновь наступает нормальная жизнь. И в это время муж и отец ведёт себя идеально. Семья не нарадуется. Но знают, что отец болен и однажды с ним случится приступ. Может быть, когда-нибудь жене это надоест… Но нам не суждено заглянуть за завесу времени.

В моей жизни алкоголики встречаются постоянно. Иной раз кажется, что весь мир из них только и состоит. Старик тоже был из таких. Пил часто, много, но хорошо закусывал. А это крайне важно — не так быстро сопьёшься. Обычно при слове «алкоголик» все представляют опустившихся мужиков, деградировавших до последней степени. Но есть и другие категории. Они кажутся вполне нормальными людьми. Только пьют через день да каждый день. Таких полно. Может быть, полстраны. И среди известных людей, и среди обывателей. До поры до времени они держатся в рамках, но алкоголизм, как рак, разрушает организм. Страдают психика, головной мозг, печень и так далее.

Наверняка СВ уже во власти этих разрушений. Столько лет пить — это вам не за ухо лить. Ещё

удивительно, что он не опустился. И работает, и детей содержит, и книжки почитывает. На полках их немало. И авторы неслабые: Толстой «В чём моя вера?», Гессе «Игра в бисер», Андреев «Роза Мира». Библия! Список можно продолжить эзотерической литературой. Значит, человек пытается понять себя, понять мир. Впрочем, философствующий алкоголик—не редкость. Творчество частенько ищет истину в вине, а находит её, в конце концов, в могиле. Впрочем, у всех свой путь, а конец один.

Надеюсь, СВ будет жить долго. И, может быть, со мной. От этой дикой мысли сладко защемило в груди.

«Нет, женщины—неисправимые идиотки! Мечтать о жизни с алкоголиком?!»—внутренний голос походил на разъярённого дрессировщика, которому не подчинился его любимый тигр.

И правда, чего это я? Долго граблями в лоб не получала? Кажется, не мазохистка. И вообще, женщина эмансипированная, сублимировавшаяся в творчестве—и нá тебе: хочу мужчину. Нет, это всё-таки дикий инстинкт, заложенный ещё тогда, когда Ева соблазнила Адама. За эти тысячелетия животная потребность в Адаме въелась в наше подсознание, как угольная пыль в шахтёра.

СВ не подозревал о моих переживаниях. Казалось, он не принадлежал себе. У меня было ощущение, что в нём жило другое существо, которое управляло им, как управляют инопланетные страшилища, вселившиеся в тела землян, в фантастических фильмах. И это существо—один огромный ненасытный рот—требовало от него пищи в виде новой порции алкоголя. Ещё и ещё.

— Может быть, сделать чаю?—предложила я.

Он взглянул на меня непонимающе, но зло.

— Чай заварить? Выпьешь, и станет легче,—стучалась я в его сознание.

Ответить СВ не успел. Раздался телефонный звонок. Он нехотя откликнулся:

— Да, конечно, я отведу детей в садик. Как всегда. Без проблем. Я в норме. Да, уже выхожу.

СВ поспешно начал одеваться.

— Чёрт! Я совсем позабыл о времени. А мне ведь Петьку с Ником в садик вести. Я каждое утро их отвожу. Сегодня что-то замешкался. Ну всё, я побежал.

Он чмокнул меня в щёку и скрылся за дверью. Дверь хлопнула, и я осталась одна. В тишине чужого дома.

Дома, который вдруг приобрёл для меня значение колодца в пустыне или жемчужины в навозной куче. Да, неисповедимы пути Господни.

Одно радует: я—трезвая. Сегодня я могу сказать, что алкоголь оставил мой организм, а вот любовное опьянение вцепилось в меня, как бульдог, всеми челюстями. Разжать их и бежать! Впрочем, чего бояться? Мой путь известен: дальше, к подруге. Эта констатация факта подействовала на меня как индийский фильм на наивную барышню: я превратилась в одну большую слезу. Я плачу редко. Последние два раза я рыдала, когда умерли Старик и мой пёс. Почему сейчас мне хотелось плакать? Из-за этой влюблённости, которой совершенно нет места в моей жизни, в душе, в сердце, в печёнке—вообще нигде, я сломалась. Я как-то сразу скуксилась и ощутила себя так, будто у меня отняли меня и взамен подсунули невнятную идиотку со слёзками на колёсках. «Зимняя вишня» какая-то получается.

Как меня подкосило!

Нет, поддаваться нельзя. Каждый раз в отношениях с мужчинами я повторяла одну и ту же ошибку: я переставала жить своей жизнью. Моя жизнь отступала на второй план, всё подчинялось чувству. На этот раз так не будет.

Поэтому сейчас я отправлюсь на вокзал и куплю билет.

Билет я купила на семь ноль-шесть следующего дня. Купить на более близкий поезд не хватило характера. Уехать и не проститься? Не увидеть эти изумительные глаза? Не услышать, что он меня любит? Боже, что я несу!

Внутренний голос смеялся, не произнося ни слова.

Ладно, насчёт любви я погорячилась. Но у нас будет ещё один долгий вечер. И…

И ночь! Нет, лучше без восклицательного знака.

Трезвые вечер и ночь с СВ. От этой перспективы у меня внутри всё затряслось, будто в желудке включился блендер. Неясные надежды забродили во мне, как овечки по лугу. Скорее всего, я сама не позволяла надеждам принять вполне конкретные очертания. Кажется, это называется состоянием фрустрации.

Нет, надо сосредоточиться.

Билет я купила. Теперь что?

Теперь надо купить продуктов, чтобы приготовить вкуснейший ужин. «Путь к сердцу будешь пролагать?»—ехидно зашипел мой внутренний друг, который всё более походил на недруга. Ах, если бы всё было так просто: накормил мужика—и он твой навеки. Как бы не так.

Перво-наперво алкоголика надо накормить до отвала. Когда в желудке густо, пить не хочется. Или не так сильно хочется. И желательно накормить борщом или щами. Мама всегда дядю Лёшу откармливала этими блюдами. Чем они различаются, я не знаю. Наверное, борщ готовится из всего свежего, а щи—из квашеной капусты.

Значит, так. Берём мясо. Курицу—филе и ножки. Ножки пойдут на второе. Капуста у СВ имеется. Свёкла и морковка тоже. Перец ещё надо, помидоры. Сметана! Не забыть! Без неё не тот вкус и цвет.

Ещё надо купить сыр. Для второго блюда. Зажарю ножки в сыре, морковке, с луком и картошкой. Всё это перемешать вместе с майонезом, в конце

добавить чеснока — пальчики оближешь. Он ещё пожалеет, что не женился на мне!

Я выложила все свои покупки на стол, они возвышались приятной горой, лаская взор и душу домохозяйки, то есть в данном случае — меня.

И тут пришёл СВ.

— Да ты настоящая хозяюшка! — восхитился он.

— А ты как думал? Ведь я (тут я слега запнулась и чуть не проговорилась о настоящем возрасте дочери. Хотя вряд ли ему пришло в голову подсчитывать и делать выводы)... столько лет воспитываю дочь. Пока она не уехала учиться, я кормила её три раза в день. Готовила горячие завтраки перед школой, обеды, ну и ужины, естественно. Набила руку. Благо работа позволяла задерживаться дома в обеденный перерыв.

— То-то ты её так раскормила, что она такая толстая...

— Тебе-то откуда знать, какая моя дочь? — удивилась я и оскорбилась.

Конечно, моя дочь не худышка задрипанная, но и не Наталья Крачковская. Зря он так сказал. Ребёнок, собака и автомобиль — это святое.

— Ты же фотографии мне вчера показывала. В машине, когда шампанское пили. Красивая девчонка. Но на тебя не похожа. В отца, что ли?

— Ни в мать, ни в отца — в проезжего молодца, — сострила я.

Пожалуй, никогда ему не узнать мою тайну.

— А я хочу ещё себе дочь. Нужна мне ещё девочка. Сыновей-то хватит.

— Чего хочешь? — переспросила я, поражённая до глубины души.

Алкоголик до кончика ногтей хочет дочку! Безумие какое-то!

— Дочку хочу ещё...

— А ты уверен, что она родится здоровая? Ведь твой организм пропитан алкоголем, как пуховик пухом.

— Ну... можно из детского дома взять.

— Но ведь ты уже не молод. Успеешь ли её вырастить?

Моё благоразумие боролось с его легкомыслием. Так мне думалось.

— Не успею — опять в детский дом попадёт...

М-да. Без комментариев. Я могла бы, не сходя с места, сделать его счастливым обладателем дочери.

— Жаль, я не успела до твоего прихода поесть приготовить. Теперь придётся подождать, — перевела я тему разговора.

Нечего ему делать в моей жизни. Пока, во всяком случае.

— Я с удовольствием, с вашего разрешения, вздремну.

Наверное, у него вся жизнь так: выпил, поспал. В промежутках между этими действиями — дети, работа. Или я упрощаю?

Готовить я люблю. Лишь бы были продукты. Моя любимая передача по НТВ — «Едим дома» с Юлией Высоцкой. Мне бы такую кухню, такие заготовки из холодильника! Такого мужа! Впрочем, в таких условиях всякая дурочка — шеф-повар. А вот вы попробуйте сварить суп из топора!

Борщ варить — кастрюли нет. Заглянула во все углы — нет. Вышла в сени. Стоит на полу кастрюля, позабытая-позаброшенная, в пыли и ещё в чём-то, похожем на известь. Отмоем! Для нас, Золушек, не проблема.

А что принц?

Спит пьяный.

Вот вам старая сказка на новый лад.

После свадьбы Золушка так и не смогла стать настоящей принцессой. С утра до ночи она занималась королевским хозяйством. Следила за чистотой, за тем, чтобы кладовые были заполнены продуктами, проверяла их свежесть, чистила серебро. А потом пошли дети. И всё меньше и меньше оставалось времени на принца, вернее — уже короля. Он, чтобы заглушить одиночество и невнимание супруги, начал попивать и через двадцать пять лет превратился в горького пьяницу. Доброго, милого, но пьяницу. А Золушка всё ходила по замку — выискивала пыль, воспитывала внуков, а когда освобождалась, то супруг уже лыка не вязал.

Вот как непосильный с детства труд испортил Золушку.

Эст модус ин ребус. Есть мера в вещах.

Я не собираюсь быть домРОБОТницей (именно так, через букву «о», от слова «робот») и нянькой. Излишняя заботливость ведёт к утрате личности. К невидимке. Так говорят психологи.

Но так как я не собираюсь здесь долго задерживаться, то можно проявить себя во всех талантах. Я и хозяюшка, я и собеседница, я и любовница, я и просто друг.

Может, не такой уж он алкоголик?

У меня всё кипело, шипело, пыхтело, булькало, парилось и благоухало. Ах, как я сейчас накормлю его! Места для алкоголя не останется.

Моё кулинарное колдовство удалось на славу. Борщ переливался золотисто-малиновым цветом, тая́ в себе мозаику вкусовых оттенков. От куриных ножек исходил восхитительный дух сыра с чесноком.

Всё готово, пора бы проснуться моему другу. Мне не терпелось увидеть, как он будет это всё поглощать. Я заглянула в комнату. Увы, СВ даже не шевелился. Надо чем-нибудь громыхнуть. Случайно. Я уронила кружку на ведро. Настоящий весенний гром получился.

— Ах ты, Господи, — фальшиво запричитала я, — надо же такому случиться. Ну что я неловкая такая?

Из комнаты по-прежнему не донеслось ни звука. Ни храпа, ни скрипа пружин.

Вздохнув, я оглядела комнату. Надо чем-то занять себя. Пойду вынесу помойное ведро.

Когда я вернулась, СВ заглядывал в кастрюлю и втягивал носом аппетитный аромат. Сердце моё подпрыгнуло, как резиновый мячик. Меня бросило в жар. Я мгновенно стала счастлива.

— Как пахнет!

— Наконец-то ты проснулся! У меня уже всё готово.

Я налила ему большую чашку борща, а себе в тарелочку немного. Какая может быть еда, если сыта любовью? Сыта не сыта, но переполнена. Любовью не любовью, но чувством, похожим на любовь. Во всяком случае, тогда, очень много лет назад, я считала это любовью. Тогда она была для меня смыслом жизни, фетишем, наркотиком. Может быть, она и хотела бы покинуть меня, да я не давала. Любовь-Горе мучила меня и осчастливливала. И за мгновения счастья я расплачивалась неделями страданий.

Хочу я этого опять?

Ни за что!

Это твердил мой ум, а сердце стучало в такт любви.

«Получишь граблями по башке, так сразу опомнишься!» Это, конечно, мой разумный внутренний голос изрёк своё мнение. Спрашивали его!

Когда моей дочери было года три, моя разведённая подруга сказала: «Ах, как я соскучилась по жующему мужчине! Как я хочу, чтобы вечерами за моим столом сидел мужик, а я бы его кормила. Я бы готовила ему столько вкусной еды — только бы он ел и ел. А я бы сидела напротив и смотрела». Тогда я совершенно не понимала её. Я снисходительно думала про неё как про бабу-дуру. Но — любя её.

И вот теперь я сидела, смотрела, как СВ ест мой борщ, и наслаждалась. Совершенная баба-дура. Он ел уже третью порцию. Это было чертовски приятно. После четвёртой добавки он отвалился от стола со стоном.

— Так вкусно я давно не ел. И знаешь, ты права: мне совсем не хочется водки.

— Это общеизвестная истина: сильно выпить хочется тогда, когда ты голодный. Организм требует калорий; получая их из другого, не алкогольного, источника, успокаивается.

— Хочешь сказать, если я так буду жрать каждый раз, то пить брошу?

— Во всяком случае, меньше тянуть будет.

— Погулять надо. Иначе я просто умру. Ты как?

— С удовольствием. Это входило в программу моей поездки сюда. Я здесь уже третий день, а так и не погуляла по своим памятным местам.

Зато в мою программу не входила любовь. Она выскочила из меня, как джинн из бутылки, в которой просидел тысячу лет. Так и моя любовь. Последний раз она давала о себе знать пять лет назад. Терзала меня с полгода. Как рак. К счастью, химиотерапия победила. Я постоянно твердила себе: всё проходит, пройдёт и это. Не беда, что эту истину открыл Соломон. Чтобы её понять, надо её пропустить через свой опыт. Однажды, с упорством Сизифа внушала я себе, ты проснёшься утром и ничего не почувствуешь. Боль уйдёт. Так было не раз, так будет и сейчас.

Почему никто не прославляет уход любви? Свобода приходит ей на смену, и это обалденное чувство. Похожее на то, когда у тебя в животе зреет понос, и он уже готов вырваться из тебя, а ты всё ещё ищешь туалет и наконец находишь — и освобождаешься от всего этого дерьма внутри себя… О, какое наслаждение! Конечно, это не поэтично. Тогда можно сравнить с родами. Живёт в тебе любовь целых девять месяцев. Раздувается в огромный живот весом килограммов десять. Некрасиво, тяжело, обременительно. Ждёшь не дождёшься освобождения. Потом несколько часов мучений, а у меня — так целых три дня, и — нет живота. Любовь из тебя вышла и превратилась в твоего ребёнка.

Облегчение для организма — как и при диарее.

Одна женщина советовала: хочешь избавиться от любви — каждый раз в туалете, смывая г-но, называй имя возлюбленного. Так с дерьмом и уйдёт.

Снимая куртку — оборвала вешалку, а она трудно пришивается. Машинально обратилась к СВ:

— Ты не мог бы пришить мне вешалку?

В ответ — странный смех, как будто я попросила о чём-то невероятном. Например, достать с неба луну.

Я балда! СВ — не Старик. Я всё время путаюсь.

Когда мы шли по знакомым улицам, разлуки как не бывало. Я и СВ. И моя любовь к нему. К нему или к Старику?

Это — СВ, дорогая!

Мы идём по Томску, как два привидения. Те мы давно умерли. Теперь мы другие. Но… он всё такой же неразгаданный. А я всё такая же озабоченная: как он ко мне относится? Значу я для него что-нибудь или нет?

На набережной мы присели на скамеечку. Время не существует. Промежуток между «тогда» и «теперь» в размере четверти века исчез, как будто кто-то могущественный его отрезал и потом сшил оба конца. Даже шва не осталось.

«А дочь двадцати лет?» — ехидно поинтересовался внутренний голос. Я отмахнулась от него. Откуда он берётся, этот внутренний голос? Кто, в конце концов, хозяин моей личности? Что хочу, то и делаю.

— Знаешь, я, пожалуй, схожу за ребятами. У них детский сад недалеко отсюда. Погуляем вместе.

Он ушёл.

А я заволновалась. Как мне вести себя с ними? Я всегда любила детей, но уже очень давно в моём окружении их не было, и я забыла, как с ними обращаются.

Буду естественной и доброжелательной. Они тоже люди. Маленькие человечки.

Увидев издалека, как они идут, я испытала странное чувство. Многие наши сверстники воспитывают уже внуков. А СВ наплодил детишек. Чего ради?

«С мозгами дружить надо, а не идти на поводу основного инстинкта!» — проворчал внутренний голос. Тоже мне умник! Следуя таким советам, человечество давно бы вымерло. «И к лучшему!»

Невыносимый ворчун.

Сколько лет мальчикам? Кажется, приёмному — пять, а родному — четыре. Успеет ли папа поставить их на ноги, ведь мужики в среднем живут пятьдесят восемь лет. А алкоголики и того меньше. Правда, мой отчим дотянул до шестидесяти двух лет.

Его сына я узнала сразу — по отцовским глазам. Они чёрными продолговатыми оливками глядели на меня с выражением, которого нельзя было разглядеть в этой черноте. Тонкие черты лица, бледность, сдержанность, загадочность — ну просто маленький Печорин. Весь в родного батюшку. Второй ребёнок был другой. Голубоглазый, белобрысый, приветливый, открытый, улыбки слетали с его лица, как бабочки, он напомнил мне мою дочь. Ничего общего, слава Богу, с настоящими родственниками у неё не было. Она у меня — как ясное утро, а они — как мутный вечер.

— Знакомьтесь, это тётя Аля.

Мальчуганы взглянули на меня: один — настороженно, другой — весело.

— А я сейчас узнаю, кто есть кто. Ты — Петя, а ты — Никита.

— А ты тётя! Тётя! — закричал Ник и широко улыбнулся.

Мимо пролетел на роликовых коньках парнишка, и оба мальчугана сразу потеряли ко мне интерес. Они вырвали у отца руки и побежали вперёд. Окружающий мир был куда интереснее какой-то тёти.

— Какие они у тебя разные. Как ночь и день.

— Да. Пётр весь в нашу родову. Он просыпается всегда с недовольным видом, хмурый, мрачный. Словно во сне ему лучше, чем наяву. А вот Ник — наоборот. Он просыпается с улыбкой на лице и с любопытством в глазах.

— А сколько им лет?

— Нику пять. Он у нас уже три года. А Пете — четыре года. Он родился недоношенным, в семь месяцев. Даже ноготков не было. Олька почти сразу пошла на работу, а я сидел с ним. Она больше зарабатывала, чем я.

— Прямо как в Швеции. Там многие папы сидят с ребёнком, а мамы работают.

— Повозился я с ним. У матери молоко почти сразу пропало. Правда, он был очень спокойный. Всё время спал, редко плакал. Сил набирался. А сейчас уже Ника догнал.

— Они смотрятся одногодками. А внуки у тебя есть?

— Нет. Даже Ваня ещё не женился. Не в меня, дурака.

Да уж! Жениться в двадцать лет — всё равно что в армию пойти в двенадцать. А всё гормоны виноваты. Чёрт знает что! Существуют в нашем организме такие штучки, называются надпочечники, которые и вырабатывают гормоны. Как котёл, варящий волшебную кашу, в сказке братьев Гримм. Варит, варит, каша оттуда лезет и лезет, уже весь город завалила. Так и гормоны: лезут и лезут во все щели. Мозги отключаются напрочь. Трахаться хочется с утра до ночи. А где? Да негде. Всё урывками да тайком. Поэтому и женятся, чтобы делать это на вполне законных основаниях. Отгуляли свадьбу, поставили штамп в паспорт — трахайся на здоровье. Родители слова не скажут.

Другим приходится жениться, чтобы расплатиться браком за трах, который оставил свой след в чреве партнёрши. Конечно, всё это прикрывается словами о любви. Потом, как гениально сказал Владимир Маяковский, любовная лодка разбивается о быт.

Гормоны кипят, юноши и девушки сходят с ума, принимая физиологию за любовь. Правда, современная молодёжь стала умнее. Не все, конечно. Идиоток хватает, которые, трахаясь, забывают о предохранении. Я и сама в молодости такая же была. Так мы же ничего об этом не знали! Я была совершеннейшей романтичной дурой, начитавшейся Вальтера Скотта. Прекрасная любовь к рыцарю никак не сочеталась с презервативом. Поэтому однажды я поплелась на аборт. А одна моя подруга на это не решилась, вышла замуж в двадцать лет, родила, взяла академический. Другая — дважды сделала аборт.

К счастью, моя дочь не читала Вальтера Скотта и про презервативы знает куда больше меня. Современный Айвенго без предохранительных средств — просто лох, за которым ведёт охоту СПИД, чёрный рыцарь смерти.

Октябрьская прохлада висела прозрачной пеленой над городом. Смеркалось. Дети всё время бежали впереди, выискивая развлечения. А я боялась. Боялась, что вдруг выскочит машина. Что вдруг упадут и сломают руку. Что вдруг сорвутся в реку. Что вдруг…

Невыносимо. Не помню, чтобы этот страх жил во мне, когда дочь была маленькая. Не те нервы стали.

Как хорошо, что это не мои дети. И я подумала о своей дочери. Она никогда не знала своего отца. Никогда не спрашивала о нём. Будто родилась в цветочке, как Дюймовочка. Впрочем, я могла бы дать ей отца теперь. Я пристально взглянула на СВ, будто взвешивала «за» и «против». СВ выглядел счастливым, как сука в окружении щенков. Мы с дочерью тоже были счастливы. От добра добра не ищут.

Зашли в ресторан. Петя захотел шашлыков.

СВ раздевал Петюшу, а я Никиту. Вся эта возня с одеждой, когда то рука застрянет, то замок заест, то шапка пропадёт, показалась мне приятной. Напомнила далёкие времена, когда дочь была маленькой. Простые заботы о детях приносят столько радости. Если СВ чувствует то же самое, то его можно понять.

Но с другой стороны…

Мужчина в его возрасте должен всё-таки стоять совсем на другой ступени, чем мужчина в двадцать.

Ресторан утопал в сумраке. Тяжёлые столы, стулья, зелёные скатерти, зажжённые свечи… СВ заказал ещё и водки.

А я так надеялась, что мой борщ, в соответствии с моей теорией, этому помешает. Наивная!

Шашлыки я никогда не любила. Может быть, потому, что их не умели готовить те, что продавали. Эти были также бездарно приготовлены. Не мясо—резина. Дети с трудом его прожёвывали.

— Ник! Чего ты пихаешь полный рот? Жуй как следует, да побыстрей!—раздражённо рявкнул СВ.

Я съёжилась. Не люблю, когда кричат на детей. Впрочем, Никита не дрогнул. Наверное, знал, что всё равно папа добрый.

— Ты чего нервничаешь? Дети требуют терпения. Торопиться нам некуда,—очень мягко, как больному, разъясняла я папаше.—Ты вырастил столько детей, а терпению не научился.

— Да разве я их растил? Разве только временами,—с горечью возразил СВ.—Как-то поговорили по душам со своим старшим, Ваней. Он и сказал, что никаких чувств ко мне не испытывает. Мол, если уж в детстве отца не видел, так что́ теперь начинать эти отношения? И он прав.

— А два других сына?

— Я ушёл из семьи, когда Райку застукал с подружкой-трансвеститом. Всё пошло наперекосяк. Приходил, конечно. У меня ключ был от квартиры. Илья часто дома не ночевал. А Райка всё твердила: «Ах, Гаврош, мой Гаврош! Мальчик улицы!»

— Как это? Не ночевал дома?—обалдела я.

— В семье раздрай. Вот он и убегал.

— И мать это не волновало? А наркотики, криминал?

— Да нет, ничего такого. Потом Райка сбежала во Францию. Она занималась бизнесом, влезла в долги. Все их отдать не смогла, хотя пришлось поменять шикарную квартиру на хрущёвку. В общем, скрылась от своих кредиторов во Франции. Детей оставила мне. Мы хорошо жили. Хотя, конечно, мальчишкам сложно было. В школу ходить не хотели. Когда я, дурак, в командировку в Чечню уехал, они все две недели бездельничали. Ну, я приехал и им всыпал.

— Ты оставил их одних?—ей-богу, у меня инфаркт приключится от таких родителей.

— Я соседку попросил за ними приглядеть.

Есть такое выражение: глаза полезли на лоб. Выражает крайнюю степень изумления. Вот я и чувствовала, как мои глаза лезут на лоб. Мне даже казалось, что у меня не два глаза, а четыре или шесть. И все они лезут на лоб, как клопы.

Ничего себе отцы и дети!

— Папа, папа! А зачем здесь две тарелки?—любопытствует Никита.

— Так надо!—«объяснил» папа.

— Это для того,—вмешалась я,—чтобы скатерть не запачкать. Если ты из первой тарелки уронишь какой-нибудь кусочек, то он попадёт на вторую тарелку, а скатерть останется чистой.

Во всяком случае, моё объяснение понятно ребёнку.

Да, СВ—не идеальный отец. Не много моя дочь потеряла.

В графине оставалось водки на одну рюмку.

— Не пей больше. Давай я это допью, а тебе домой вина купим,—самоотверженно взяла я огонь на себя.

Так и начинается женский алкоголизм. Жёны начинают пить с мужьями, чтобы тем меньше досталось. И спиваются.

Я вылила водку к себе в рюмку. Это страшно разозлило СВ. Вот так собутыльники убивают друг друга, подумала я. И вылила водку в его рюмку. Да запейся ты! Оно мне надо?

У меня своя жизнь. Я здесь случайный попутчик. Завтра утром махну вам рукой, и—«прощевай, седая шкура! И во сне не вспомяну. Новая найдётся дура гладить волчью седину».

И так мне стало больно, так заболела душа, будто меня лишили смысла жизни.

Ну что мне этот человек? К чему? Он мне и не нравится вовсе. А вот, кажется, свет без него не мил. Отними его сейчас у меня—умру.

Всё как тогда, когда мы были молодыми. Но тогда я ещё была слепа. Теперь зряча, а чувства практически те же. Неужели это и есть воля к жизни? Эй, Шопенгауэр, что скажешь? Философ молчал, за него вещать начал внутренний голос: «Воля к жизни должна подталкивать нас к тем представителям противоположного пола, чьи несовершенства могли бы нейтрализовать наши собственные (большой нос у одного родителя и нос-пуговка у другого могут дать пропорциональный нос у потомства) и тем самым способствовать восстановлению физиологического и психологического баланса. Такова теория нейтрализации Шопенгауэра. Она полностью подтвердилась на твоей дочери, и не стоит делать второй попытки…»

Какая ещё вторая попытка? С ума сошёл? Импотенция непобедима, как и алкоголизм. Но ведь было же, было. Вчера. И неплохо. От воспоминаний внутри опять включился блендер.

И уже наступил вечер. За ним придёт ночь. Мы будем с ним вдвоём… От этой перспективы

кружилась голова и сладко щемило в груди. Всё остальное уходило на второй план. Нет, на третий. А может, на двадцать третий. ОН и Я—весь мир.
—Папа! Я домой хочу! К маме!—захныкал вдруг Петюша.
—А я с папой останусь. И с тётей,—жизнерадостно заявил Никита и добавил:—Ягодка!
—Какая ягодка?—удивилась я.
—Ты—ягодка!
Ничего себе мужик подрастает.
—Домой вы не пойдёте, Петя. Пусть мама отдохнёт. Поспит завтра утром подольше. А вы со мной сегодня переночуете.
—Я к маме хочу!—заревел Петя, а Ник схватил меня за руку, заглядывая в глаза.
А я сама готова была зареветь, как Петя.
Надежды мои разрушились, как Торговые башни США.
Семья—дело святое, вздохнула я и смирилась. Я любила общаться с детьми. В конце концов, их можно уложить спать и…
Мы покинули ресторан и отправились домой.
Петька вис на отце, Никита—на мне. Каждому ребёнку хотелось иметь собственного взрослого, который бы только ему уделял внимание. Я в этом солидарна с детьми. Нам, женщинам, тоже хотелось бы иметь своего собственного мужчину. Мне в данный момент—именно этого мужчину. Но я детям не конкурент.
Вечер прошёл под созвездием мальчиков. Они таскали меня на улицу, показывали какие-то пустяшные секреты, потом мы вместе слазили в подполье, где тоже было много всего интересного, на их взгляд. Они задавали всякие вопросы, и я отвечала на них, безудержно фантазируя.
Складывалось ощущение, что детям не хватает родительского внимания. Иначе с чего бы они так липли к чужой тёте? Моя дочь всегда липла только ко мне, хотя общительна сверх меры. Потому что ради неё я всегда откладывала все дела. Нам всегда было интересно быть друг с другом.
СВ сидел на табурете в своей знаменитой позе: одна нога подвёрнута под ягодицу, вторая свисает,—и, глядя, как резвятся его сыновья, жмурился и слегка улыбался, как довольная кошка.
А я чувствовала себя способной жить такой семьёй. С этими детьми, с этим мужчиной.
Вот если бы вдруг куда-нибудь исчезла его жена и если бы СВ сделал мне предложение, я бы могла вторую половину своей жизни прожить совсем по-другому. Наверняка у меня хватило бы сил. Во мне много нерастраченной любви, нежности, мудрости.
«К счастью, жизнь не ставит перед тобой такого выбора». Внутренний голос тут как тут.
Он прав. Я представила себе эту ситуацию. Дочь была бы в шоке. А я слишком люблю её и свой нынешний образ жизни, чтобы согласиться. Господи, о чём это я? Насочиняла себе новую судьбу и уже почти живу в ней.
Это только игра. Маленький спектакль. Я играю роль самой лучшей в мире жены и матери.
—Пап, а что в этой коробке? Сок? Его можно пить?—Петя нашёл картонную упаковку из-под вина.
—Нет! Оставь! Нельзя!
—Я хочу сок! Почему нельзя?
—Нельзя, и всё!
Ну и папаша! Детям надо объяснять, показывать, доказывать, рассказывать.
—Петя,—вмешиваюсь я,—там уже нет сока. Давай мы нальём туда воды и помоем коробку.
—Давай!
Я наливаю воды, бултыхаю её, мальчишки заинтересованно наблюдают, выливаю.
—Чувствуете, как неприятно пахнет?
Пахнет остатками вчерашнего вина. Не так уж и плохо. Но дети со мной соглашаются, теряют к коробке интерес.
Пришло время укладывать детей спать. Они расшалились и никак не успокоятся. Призывы отца не действуют. Я жду, что он применит рекомендуемую практику подготовки детей ко сну. Прежде всего, надо перевести активные игры в спокойные. Но СВ только прикрикивает. Я вздыхаю и беру ситуацию в свои руки.
Мы вышли на пять минут на улицу, посмотрели звёзды, поискали Большую Медведицу, не нашли, потому что она уже ушла укладывать спать своих медвежат.
Так как телевизора не было, мы поиграли в «Спокойной ночи, малыши!». Я расспросила, какие мультики они любят, какие сказки читают на ночь. Удивилась, что они не знакомы с Братцем Лисом. Рассказала им одну историю про этого хитреца.
Мальчишки утихомирились и уже с готовностью отправились спать.
Они легли втроём: отец и два сына. Не раздеваясь, в колготках и свитерочках, не постелив свежее постельное бельё.
Это меня тоже шокирует. Раз к тебе приходят ночевать дети, будь добр приобрети постельное бельё.
—Тётя, тётя! Иди к нам!—это крикнул Ник.
Я зашла.
—А ты где будешь спать?—спросил Петя.
—В той комнате. За стенкой. Вы можете мне постучать.
—А ты что сделаешь?
—А я тоже постучу. Ну, спокойной ночи!
Я поцеловала детишек в лобик, нежно потрепала волосы. Уже с порога комнаты послала воздушные поцелуи. Ник с радостью сделал то же самое, Петя—с некоторой робостью.
Эх, почему я не поцеловала СВ? В лобик. Он лежал, закрыв глаза, с тихой улыбкой святого на лице.

Дети ещё повозились, позевали и затихли. Я в полной тишине сидела за кухонным столом. Одинокой кукушкой. Почему кукушкой? Соломенной вдовой. Тоже не подходит. Ненужной гостьей.

Любовник провалился в свой алкогольный бред рядом с любимыми детишками. Он очнется часов в шесть. Вторая ночь — псу под хвост.

Спать не хотелось. Но не сидеть же на кухне. Пойду лягу и почитаю.

Я зашла в свою комнату. Вид кровати, этого ложа недавней любви, сразил меня наповал. На ней не было ни белья, ни подушки, ни одеяла. Скомканное чёрное нечто — может, покрывало? — возвышалось на матрасе бесформенной горкой, будто свидетельствуя: ты здесь лишняя. Ты никому не нужна. О тебе не позаботились. Даже если ты устроишься здесь, как на вокзале, ночью Он к тебе не придёт. А ты будешь ждать? Просыпаться от каждого шороха, надеясь, что… Но ничего после «что…» не будет. А ты всё-таки будешь ждать. Жалкая, ничтожная личность, как любил говорить Паниковский. Нет, теперь это не про меня.

Ужас надвигающейся ночи, которую сознание мне так ярко живописало, сдавил моё сердце, как рука великана хрупкую канарейку.

Что я здесь делаю? Я, женщина, которую любят молодые мужчины. Даже восторгаются. Меня обожают подруги и коллеги. Я самодостаточный человек! Что я здесь делаю? Стою посреди чужой комнаты, обречённая на одинокую ночь. Чувствую себя ограбленной и изнасилованной.

Мне это надо?

Бежать!

Время подкрадывалось к двадцати трём ноль-ноль. Это меня подбодрило. Не двадцать четыре ноль-ноль и не два часа ночи, а всего одиннадцать вечера. Главное — не медлить. Страх остаться в этой комнате, где родилась и теперь умирает любовь, оказался сильнее страха ночной улицы. Вон из этого морга любви!

Ещё не поздно.

В пяти минутах от дома — студенческое общежитие. Значит, молодёжь бродит допоздна. А студенты — не бандиты. И освещённая магистраль недалеко.

Я пошвыряла вещи в сумку.

И решительно шагнула в объятия ночи, которая приняла меня как мать родная. Хотя я предпочла бы быть в объятиях СВ.

Встреча вторая (на обратной дороге)

В город, где жила моя подруга, я приехала около пяти утра. В таком раннем приезде есть особая прелесть. Это непривычное для тебя самой пробуждение обостряет радость встречи с друзьями (или родственниками). Встаёшь ни свет ни заря, чего обычно не бывает, да ещё в поезде. Организм уже под стрессом, как под прессом. Но хороший стресс полезен человеку, как хороший секс. Это от плохого стресса случаются всякие болезни, а от хорошего только адреналин повышается, который помогает ощущать жизнь во всей её красоте. Услышать ноту «си». Или «до» второй октавы.

Волнение от предстоящей встречи с дорогими тебе людьми ещё подливает масла в огонь, и тот бушует во всю мощь, и ты на всех парах мчишься навстречу… Чему?

Жизни?

Приключениям?

Любви?

Дружбе. Это мой вариант.

И всё было бы замечательно в пять часов утра на вокзале, с которого я незамедлительно рванула бы на такси к домашнему очагу, хозяева которого видели сладкие сны и не подозревали о том, что скоро их ночные грёзы прервутся моим громким звонком в ритме пионерского горна. В другое время так бы и было. Но не теперь.

Теперь я была во власти одуряющего чувства. Влюблённая сомнамбула. Зомби. Пленница. Не принадлежащая себе, я думала только о том, как бы позвонить СВ. Мне было неловко. Мой побег — поступок подростка, а не взрослой женщины. Но, с другой стороны, это было проявление здорового эгоизма. Бегство как спасение души.

Интересно, когда он обнаружил моё отсутствие?

Я представила, как он заглядывает в комнату, а меня там нет. На улице темень. Криминал торчит на каждом углу с кинжалом в зубах и пистолетом в кармане. Что он подумал? Встревожился? Без сомнения. Он ведь нормальный человек.

Теперь меня терзало чувство вины, как огонь — лист бумаги. Но ещё больше меня выворачивало наизнанку желание услышать его голос.

Надо позвонить. Извиниться.

Может быть, он скажет ласково…

Это он-то?

Странно, что мой внутренний голос молчит. Или спит, подлец, как замученный пёс. В такую рань только петухи поют. Виноватым голосом.

Я долго бродила по вокзалу, отыскивая автомат. Потом искала, где бы купить карточку. И, дрожа всем телом, набрала цифры. Наверняка он не спит. Тоже дрожит всем телом, но только с похмелья. Думает обо мне? Где я, что я? Жива ли?

Минута — и мне ответил ровный голос:

— Да?

— Привет! — и смешалась, не зная, что сказать.

— Ну не молчи, говори.

— Извини меня. Не сердись. Я сбежала в каком-то беспамятстве. Не в себе была.

«Что правда, то правда», — проворчало наконец-то сонным голосом моё второе «я».

В ответ тишина — абонент завис, как комп, наевшись вирусов.

— А, это ты? А я думал — жена.

Внутренний голос захихикал.

Он был прав, мой внутренний голос. Я ведь представляла, что СВ только и делал, что думал обо мне, ждал звонка. Волновался. Места себе не находил. Мне казалось, что мы с ним качаемся на одной волне: одинаково чувствуем, слышим, одного и того же желаем. А он сразу подумал о другой. Значит, ждал её звонка, хотел услышать её голос.

Меня это не отрезвило, а только больно кольнуло. Боль — вечная спутница любви. Опять она со мной. Много лет где-то таилась, микроба чёртова, и вот опять тут как тут, зараза!

Тьфу ты!

Всё, пора Томск оставить позади. Вперёд, в гости!

Беру такси, заезжаю за шампанским и звоню в дверь…

И тут меня настигло раздвоение личности. Одна я гостила у подруги, другая я принадлежала СВ. Я говорила, смеялась, ходила, пила, ела, а сама только и думала о том, как позвонить ему. Мне казалось, он ждёт моих звонков. Что он без меня как без рук. Или, может, как инвалид без протеза.

У хозяев домашнего телефона не было. И я не могла дождаться той минуты, когда все уходили на работу, чтобы сломя голову помчаться на почту, к автомату, и позвонить.

Однажды спросила с замиранием сердца, зная, что не получу нужного ответа, и придумав для этого случая ответную фразу. Шлифовала её и так, и эдак, чтобы она прозвучала беспечно.

— Ты думаешь обо мне?

— День и ночь! — сердито, с долей едва различимого раздражения, ответил он.

— Я так и думала, — бросила я легко и беззаботно эту самую, в сущности, пустую фразу, чтобы он не подумал, будто я серьёзно об этом спросила.

Но важна была интонация, она мне удалась. СВ засмеялся — я добилась нужного эффекта, а сердце задохнулось в тоске, как муха в капле янтаря.

И это ещё были цветочки. А ягодки ждали меня впереди.

На обратной дороге я решила опять сделать остановку в пути. Чтобы исправить конец любовной истории. По-человечески уехать, простившись как полагается. Но прежде…

…«Испить сладкий напиток любви ещё раз», — подсказал мой внутренний дружок, играющий роль моего второго «я», мудрого и всезнающего.

И что тут возразишь?

Первый блин вышел комом.

Попробуем испечь другой. Самонадеянно я считала, что он получится ладным, вкусным, сочным. Грёзы любви с кулинарным налётом.

Он уничтожил их одним взглядом. Я даже не успела разбить яйцо, чтобы замесить тесто.

Когда я сошла с поезда, темнело. Хотя я сообщила СВ о своём приезде, но не надеялась, что он меня встретит. Однако он встретил. Я увидела его в толпе и задрожала, как пёс в зимнюю стужу. Он двигался мне навстречу против течения пассажиров, мрачный, как генерал, проигравший битву. Я была так рада — меня сто лет никто не встречал — и не придала этому виду никакого значения. Защебетала какой-то бред, обычный для такого случая, взяла СВ под руку. Он отвёл её, слегка отстранился. Так поступают подростки, боясь, чтобы не задразнили товарищи. Детский сад, ей-богу.

Я усмехнулась про себя: «Фу-ты ну-ты! Да я вполне самостоятельная женщина. Могу и без подручки обойтись. Мне наплевать! Я всё могу сама: ходить, дышать, жить».

Я внимательно посмотрела на него. Ну, то, что ни в лице, ни в глазах я не обнаружила радости, не особенно меня удивило. Он всегда был холодным, как щека покойника. Да он и выглядел не лучше: бледный, с трёхдневной чёрной щетиной. Может быть, в другой раз это показалось бы мне аристократичным, но мрачность тяжёлого взгляда не позволила сделать ему этот комплимент, не вслух, естественно. Я почувствовала, что могу погибнуть под этим взглядом, как Дон-Жуан под рукой Командора. Даже мной внутренний голос не издал ни звука — испугался, философ!

Но зря. Я не сдамся! Мне не двадцать лет. Прикинусь дурочкой. Умная женщина может себе это позволить. Его состояние не было для меня загадкой. Им управляло чудовище, которое изо дня в день, с утра до ночи кричало: «Выпи-и-ить! Выпи-и-ить!» Сначала его требовалось напоить, а потом оно позволяло жить. До следующей порции.

При последнем нашем разговоре по телефону СВ обмолвился, что не пьёт уже три дня. Он находился в командировке в таком месте, где алкоголя нет. То ли это был какой-то прииск, где царил сухой закон, то ли старообрядческая заимка. Поглощённая чувствами, я не конкретизировала этот факт. Какая разница, где он находился? Главное — я с ним разговариваю!

Три дня без алкоголя — чудовище свирепствует, бесится, сжимает терновый венец на голове СВ.

Всю дорогу я играла в беззаботную дамочку — рассказывала о поездке, о подруге, её муже и детях. Я уже жалела, что приехала. Ждала радости — получила гадости. Но не уезжать же немедля?

Внутренний голос молчал, как пришибленная собака.

С каждым шагом к его дому понимание напрасности приезда давило меня, как водолаза морская глубина. Главное — не молчать, иначе аура моего несчастного друга раздавит меня, как танк лягушонка. Моя болтовня воздвигала броню, которой удавалось сдерживать натиск мистера Мрачность.

Мы шли по улице, ведущей к общежитию — недалеко находился и дом СВ. Шесть лет бегали

мы по этой дорожке на троллейбус, мчались как сумасшедшие, чтобы не опоздать не лекции в университет. И вот прошло уже почти четверть века. Дорога практически не изменилась. Только выросло между церковью и общежитием новое здание театра.

— А театр давно появился здесь? Или он и тогда был?—спросила я невинным голоском только для того, чтобы не молчать.

Я прекрасно помнила, что театра здесь не было.

— Да, Аля, его здесь не было,—передразнивая мою интонацию, ответил мой мрачный друг и продолжил:—Что ты дурочку-то из себя строишь?

Это было сказано с таким злобным раздражением, таким противным голосом, что моя броня разлетелась на мелкие осколки, как лопнувшая лампочка. Пущенный снаряд, к моему удивлению, не раздавил меня. Он разорвался во мне яростью. И как я удержалась и не врезала кулаком по его роже?! А хотелось. Врезать, повернуться и убежать. На вокзал. На поезд. Домой! К покою, счастью, пониманию, любви.

Что помешало мне? Не хотела поставить СВ в неловкое положение. Ведь им управляло чудовище.

И я только спросила:

— Ты почему такой злой? Выпить хочешь, что ли?

И он ответил уже мягким тоном:

— Конечно. Сейчас купим и выпьем.

Эта перспектива, видимо, усмирила чудовище. СВ заметно повеселел. Ещё бы! Скоро он примет заветные сто граммов, и жизнь опять превратится в зону сносного существования. В повести «Грибной царь» Юрия Полякова один из героев говорит: «…Попытаемся взглянуть на проблему шире, как говорится, sub specie aeternitatis [с точки зрения вечности.—*лат.*]. Если бы алкоголь приносил человечеству вред, то коллективный опыт давно бы его отторг. А ведь не отторг?.. Почему? А потому что, являясь злом для отдельных индивидов, алкоголь—благо для человечества в целом, ибо служит естественным средостением между идеалом и гнусной реальностью». Вот такая философия. И трудно возразить.

Алкоголь смягчает бытие, смазывает сознание, как солидол шарикоподшипники, чтобы уменьшить трение. Да, алкоголь смягчает трение человека с жизнью, теоретизировала я, глядя на СВ.

Или я принимаю его таким, какой он есть, или нет. Это мне предстояло понять.

Хотелось также выяснить: как он относится ко мне? Что думает обо мне? Вопросы, которые мучают всех влюблённых. Так-то оно так. Но мне-то это зачем?

Зачем я иду рядом с чужим, в принципе, для меня человеком и ломаю голову над вопросами, которые давным-давно должны были кануть в Лету?

Не знаю ответа и терзаюсь дальше.

Ну что, в конце концов, между нами произошло? Честно говоря, положа сердце на руку (это я специально перефразировала, зная, что надо говорить: положа руку на сердце; но мой вариант интереснее), просто встретились алкоголь с физиологией и слегка пошалили в постели. И никаких красивых чувств. Наверное. Возможно, я и заехала-то к нему только затем, чтобы это выяснить.

Старая мебель, как и её хозяин, хранила своё дряхлое ко мне равнодушие. И всё же мне нравилось тут. Как будто я попала на древний корабль, где всё растрескалось, скрипело, но дышало романтикой дальних странствий. А в домике СВ будто застыло время, и от этого казалось, что нам по-прежнему двадцать лет. И я страдаю от неразделённой любви, а он принимает мою любовь—и не более.

«Что, опять всё сначала?»—с осуждением проворчал внутренний голос. Давненько он меня не беспокоил.

Дважды в одну и ту же реку не войдёшь. Это ещё древние умники поняли и нам передали по наследству. Если им верить, то, значит, я вошла в другую реку. Вот только берега у неё всё те же: на одном я, а на другом—СВ. И мосты разведены.

Нет, были разведены. Мы же встретились.

— Знаешь, ты брось свои штучки,—ворчал СВ, растапливая печку.—Я уже не в том возрасте, чтобы подвергаться таким стрессам.

— Ты о чём?—не поняла я.

— Про прошлый раз. Зачем ты ушла? Здесь очень криминальный район. Мне ни к чему такие переживания.

— Я, наверное, не в себе была. Прости.

Не могла же я сказать правду. Правду о том, что ночь с ним за стенкой была мне невыносима.

— Не в себе! Да уж, это точно. Ты и теперь не в себе.

Интересно, как это происходило?

Утром, часов в пять, наверное, СВ проснулся. В моей комнате горел свет. Он заглянул: постель пуста, меня нет. Наверное, сначала СВ решил, что я в туалете. Подождал, походил, корёжась от подступающего алкогольного синдрома. Может быть, вышел на улицу. Потом обнаружил, что нет вещей. И всё понял. Возможно, он подумал, что я ушла только что.

А я-то ушла в двадцать три ноль-ноль. Долго бежала, потом села в маршрутку и вошла в вокзал, как в дом родной. В гостинице мест не было. Но за сто рублей оплатила право ночевать в зале улучшенной комфортности. Я упала на мягкие кресла, чувствуя облегчение и свободу—и в то же время разрывающую сердце боль.

Но лучше ему этого не знать.

— Меня мучает чувство вины, поэтому я и приехала.

— Что ж, это чувство не самое плохое. Пить будешь?

— Буду. Только я люблю с закуской.

СВ противно засмеялся.

— У меня нет ничего. Капуста одна, солёная. Подойдёт? Сам вырастил, сам посолил…

— А что делать? Выбора-то нет. Хотя капусточка — дело хорошее. Витаминная закуска, исконно русская. К счастью, у меня ещё дорожные припасы целы.

Я вытащила яйца, сыр, жареную рыбку — два кусочка. Ирка снабдила. В поезде у меня аппетит спал непробудным сном. Он всегда у меня засыпал, когда я влюблялась.

Кешка, почуяв запах рыбы, принялся тереться о мои ноги. В сказе об Аладдине надо было потереть лампу, и джинн исполнял желания. А в жизни кот трётся о человеческие ноги и тоже получает желаемое.

— Держи, Кеша.

Для меня животные — святое. Я из категории людей, которые собак и кошек воспринимают как членов семьи и соответственно относятся к ним.

Ласковый котик. Хозяину бы у него поучиться.

Хозяин после стопки водки оживился, расцвёл прямо на глазах. Даже черты лица подобрели. Но всё-таки я ощущала его отрицательное напряжение. Хоть табличку вешай: «Не влезай — убьёт!» Будь на его месте другой мужчина, я бы, как Кешка, потёрлась о его плечо, приласкалась. С кем-нибудь другим — да, но не с СВ.

С СВ надо держать ухо востро. Чуть что не по его — полетят стрелы с ядом. Сколько ран в моей душе они оставили в молодости!

Когда-то я была беззащитной, наивной и сентиментальной девушкой, выращенной на романах Вальтера Скотта. Теперь я — взрослая женщина, тёртый калач. Мои душевные раны затянулись, кожа задубела, и ядовитые стрелы мне не страшны. Не так, как в юности.

— На тебя так алкогольное воздержание подействовало, или ты не рад, что я приехала? Так надо было мне сказать: не приезжай.

— Да я тебе намекал, намекал…

— Никаких намёков я не поняла. Яснее надо выражаться. И вообще, я не понимаю тебя. Мы не виделись почти двадцать пять лет. Мой приезд встряхнул тебя, внёс в твою жизнь что-то новенькое. Или, во всяком случае, хорошо забытое старенькое. И главное — я опять уеду. Чего дёргаться? Завтра утром уеду. Уж потерпи!

— Уж потерплю. Только давай без всяких сантиментов.

— Ты имеешь в виду секс?

Вот, блин-мандарин, влипла. Будто я к нему пристаю, а он отбивается, как невинная девочка. Что творится в мире?

Как говорит мой друг-коллега Павель (в просторечии Паша), кругом одни пидоры, а я бы добавила: и импотенты. Не могу же я сделать вывод, что как женщина не привлекаю его? Ведь было же, было! А может, это только алкоголь и физиология?

— А что же было тогда, дорогой? Алкоголь плюс физиология?

— Да, дорогая, — передразнивает он меня гадким тоном, — алкоголь плюс физиология.

— Эх ты. Мог ведь ответить по-другому. Неужели трудно сказать, что я тебе нравлюсь, что тебе было хорошо со мной?

СВ коротко смеётся.

— Ну я и влип так влип.

Мне больно. Хочется его любви. Любви-реванша? Может быть.

Но чего можно ждать от алкоголика и импотента?

Не дай Бог, если на пути женщины встречается мужчина с ослабленной потенцией. Это всё равно что голодному смотреть по телевизору на стол, полный яств, У меня было таких два случая.

Первый — с интеллигентным кандидатом наук. Очень милый сорокадвухлетний мужчина, с исключительно симпатичной бородкой совершенно в моём вкусе. Я тогда страдала. В очередной раз. Вообще, страдательное состояние долгие годы было моим характерным и переходящим признаком.

И тут этот рыцарь науки в качестве пилюли от тоски. Какое-то время секс был хорош. Потом мой любовник заметно ослабел. Стал избегать интимных встреч. Я нутром чувствовала: кончилась его потенция, я же её всю до донышка и использовала. Он смотрел на меня ласковыми глазами, в которых таилась грусть. А я изводилась. Сомнения терзали меня: может, дело не в нём, а во мне? Может, я его не возбуждаю? На предложение встретиться он ссылался на занятость. Приятельница компетентно заявила: «Если мужик весь в работе, значит, импотент».

Однажды, когда мы с ним в кафе пили кофе, он грустно сказал: «Ты же умница, сама всё понимаешь». Это понимание далось мне душевной кровью, потому что всегда оставался не импотентский вариант. Если бы он сказал прямо: не могу, дорогая, не стои́т! Чёрта с два! Дождёшься от них правды, как же!

Месяцев через восемь мой импотент попытался наладить отношения — видимо, накопил энергии или подлечился. А у меня всё перегорело. Страсть превратилась в пепел.

История повторилась через несколько лет. Импо под номером два был предпринимателем. Здоровый мужик. Тридцать восемь лет. Его тоже хватило ненадолго. С ним всё было ясно: стресс из-за бизнеса, алкоголизм. И опять начались мои мучения. А вдруг? А может?.. Хотя ошибиться было трудно. Когда лежащий рядом мужчина прислушивается к движению своего дружка, пытается его подбодрить руками и всё напрасно, вывод однозначен.

Мои попытки реанимировать инструмент любви тоже терпели крах.

Впрочем, это смех сквозь слёзы.

После неудачных попыток завести любовника я сублимировалась в творчество. Оно не подведёт, пока ты сама шевелишься.

И вот, блин-мандарин, я вновь встретила импотента. Судьба смеётся надо мной?

Или всё дело в том, что я нарушила клятву, данную Богу, когда Старик лежал при смерти? При этом известии я в ужасе и отчаянии побежала к последней инстанции — в церковь, чтобы напрямую связаться с Всевышним. Хлюпая носом и умываясь слезами, я ставила свечи всем святым подряд. А перед иконой с изображением лика очень красивой женщины (совершенно не знаю имён святых) я запричитала: «Прошу тебя, помоги ему. Ты ведь сама наверняка была молодой и любила. Помоги, прошу тебя. Пусть он будет жить. Христом Богом молю. Обещаю, если он останется жив, никогда с ним не видеться. И отрекаюсь от всех других мужчин. Только бы он был жив».

Старик выжил чудом. Его сбросили с поезда какие-то бандиты, был сломан позвоночник, отказали ноги. Врач маленькой провинциальной больницы на свой страх и риск предложил Старику дёрнуть его за ноги. Дёрнул — и Старик сразу почувствовал, как в ноги потекла горячая жизнь. Конечно, ему ещё потом долго пришлось восстанавливаться, но он двигался. Ходил! Полностью вернулся к прежней жизни.

А я обещание не сдержала. И со Стариком встречалась, и с другими мужчинами грешила. Впрочем, много ли нагрешишь с импотентами? Но, видимо, дело принципа. Бог своеобразно отомстил мне за нарушение клятвы. Шутник, право слово!

Но ведь обидно! Сидит перед тобой желанный мужчина, с которым три недели назад ты провела бурную ночь, и… И что? Одна ночь? Всего-то? Да и та покрыта мраком алкогольного опьянения. И хоть намекнул бы, что не может. Хотел бы, но — увы!

Я подбиралась к этой теме осторожно, как кошка к мышке.

— Ты ещё прекрасно выглядишь, хоть и алкоголик. У другого бы давно здоровье пошатнулось, и не до женщин бы было. А ты ещё хоть куда! — льстила я.

— Я чистку организма провожу по системе йоги. А так бы давно, наверное, отдал Богу душу.

— Но, наверное, всё же на мужской силе это сказывается?

— Женщины не жалуются. Нинке нравится.

Нинка — наша общая знакомая, луноликая хакаска, мы с ней учились вместе.

— Ну и зачем ты мне это говоришь? — разозлилась я.

— А ты зачем это говоришь?

Он прав, чёрт побери! Чего я допытываюсь? Чтобы он сказал: да, я импотент? Глупо.

— Это была ошибка. Прости.

— Это тоже была ошибка.

Чего я пристаю с разговорами? Излишнее любопытство грозит утратой рая, сказал один мудрец. Тут раем и не пахнет, а скорее — пыточной.

Зачем я приехала?

— И надолго ты приехала? — спрашивает мой гостеприимный хозяин, забыв, что я пообещала уехать уже завтра утром.

Я не отвечаю, держу паузу. Пью водку. Эх, закуски маловато! Водка хороша под хорошую закуску. Может, приготовить чего-нибудь поесть?

— Есть у меня здесь ещё кое-какие дела, — нагло вру я. — Родственников навещу. Ты же помнить их должен. Даже ночевал у них однажды.

— Не помню. Чего сразу к ним не отправилась?

Я пожимаю плечами.

— Ты бы, прежде чем приехать, поинтересовалась у меня: рад ли я? Готов ли я к встрече?

СВ просто на глазах обрастал иголками и кидался ими в меня, как при игре в дартс. Увернуться было невозможно. Не буду обращать внимание. Да и панцирь я нарастила, как у черепахи, — не пробить.

— Что-то есть хочется. Я люблю водку пить с закуской. Давай чего-нибудь приготовим! Что там у тебя в холодильнике?

— Посмотри!

Смотрю. Несколько банок солёной капусты. Горбуша в томатном соусе. Уже лучше. Морковка, лук. Замечательно! Сейчас сделаем маринад.

СВ курит в печь. Молчим.

Перемирие.

СВ наблюдает за моими действиями.

— Что делать собираешься?

— Сейчас потру морковки, потушу в сковороде вместе с луком. Потом добавлю горбушу — получится вкусный маринад. Меня подруга научила. Вкусно!

— Водки мало, — мрачно констатирует СВ.

— Ха! Какие проблемы? Небось, ларёк круглосуточно торгует?

— А как же! К счастью, не советское время.

И я вспоминаю.

Однажды, в дни далёкой уже юности, не помню уж, и на каком курсе было дело, не хватило выпивки. Моя любовь к СВ была в самом расцвете. Для него я была готова расшибиться в лепёшку. Достать с неба луну, вытащить из подземелья каменный цветок.

Внутренний голос недовольно заворчал, словно стыдясь ту меня. Что было, то было! Из прошлого факты не выкинешь. Их, правда, можно забыть. Или посмеяться над ними. «Кто не был глуп, тот не был молод». Александр Сергеевич всегда прав.

Так вот. Выпивки не хватило. СВ, прекрасно понимая, что я для него сделаю всё, отправляет меня в магазин. Время позднее. Дохлый номер

практически. Поздняя осень, темень, кое-где разорванная светом редких фонарей. Магазин, где ещё был шанс купить любимый напиток студентов — «Агдам» (о, сколько мы его перепили!), оказался уже закрыт. Рядом — шашлычная. Но и та уже закрывалась. А мне так хотелось сразить СВ выполненным поручением. Ведь он не мог не понимать, что шансов у меня нет. Однако послал туда, не знаю куда, но знаю зачем. И я должна бросить к его ногам шкуру убитого медведя. Вот как я его любила.

В общем, у входа в шашлычную я познакомилась с представительным мужчиной внешности Мефистофеля. Крупный, вальяжный, носатый и интеллигентного говора. Он проникся моей задачей и предложил свою помощь. Сказал, что у него дома есть вино и он может мне его продать. И я поехала к нему! Боялась слегка, но поехала.

Человек это оказался, к счастью, не маньяк и не насильник. Его квартира была полна книг, редких, старинных. Он что-то мне показывал, объяснял. Я же думала только о том, как я удивлю СВ. Наконец две бутылки вина оказались у меня в руках, и я, счастливая, вернулась в общежитие, где уже умирали от беспокойства. Меня не было часа три. Я вернулась с триумфом. Вино, правда, оказалось дрянным — вермут самого дешёвого пошиба. Да и сердце СВ я этим не завоевала. Но зато я была счастлива в те минуты.

А сейчас? Я счастлива?

Нет!

«О каком счастье ты говоришь? Он — разрушитель, дура!» Внутренний голос сказал это печально, как мудрая старая черепаха.

Да ладно! Я счастлива вообще. Вот вернусь домой и успокоюсь. А сейчас можно и пострадать для разнообразия. Скорее всего, это мои последние страдания из-за мужчины.

Пока СВ бегал за дополнительной бутылкой, маринад ароматом дразнил мой желудок. Вот теперь можно вкусно закусить. По мне, хватило бы и того, что осталось в этой бутылке. Моя норма — три-четыре рюмки. Дальнейшее питие ведёт к неудовольствию. Сначала тянет ко сну, потом к подвигам, а потом к полной потере памяти. Можно позволить и четвёртую — лёгкий перебор, но вполне терпимо. Главное — закусывать побольше. Закон третьей рюмки надо блюсти, чтобы не превратиться в свинью. СВ вернулся счастливый. Ещё бы! Водка есть, закуска и собеседник тоже. Мечта русского алкоголика.

— Ну, что твоя стряпня? Готова? — прозвучал нарочито противный голос СВ.

— Да, дорогой, — ответила я как можно мягче, как больному, и нежно дотронулась рукой до его плеча.

Он дёрнулся, будто от ожога. И всё же в этом движении была какая-то фальшь, словно он демонстративно хотел сказать: «Эй, не стойте слишком близко, я — тигрёнок, а не киска!»

Козёл ты! Но я не обращаю на тебя внимания. И нянчиться с тобой тоже не собираюсь. Не хочешь любви и ласки — получишь отношения унисекс.

У меня есть мой рай, и скоро я в него вернусь. А ты мог бы получить в подарок красавицу-дочь, но останешься в неведении.

Какого чёрта я сюда приехала?

Впрочем, дело сделано.

Я поставила сковороду на стол. Маринад выглядел аппетитно. Моя воспалённая душа страдала, заполняя болью всю меня. Как аппендицит, который сначала болит в одном месте, а потом раздирает все внутренности.

Надо сделать компресс.

— Наливай! — скомандовала я.

Выпила одним глотком всю стопку.

А маринад хорош!

Алкоголь побежал по кровеносным дорожкам и взорвался в голове маленьким атомным взрывом, волны которого обволакивали тёплым облаком мою израненную душу. Пошло обезболивание.

— Ну как? Вкусно? — спросила я, как бабушка внука.

— Слишком много масла налила. Жирновато.

Правдивый ты мой!

Спать легли по разным комнатам.

Я уснула мгновенно. Не дала переживаниям шанса пропустить меня через мясорубку.

Однако утром проснулась с тоской. Она толкнула меня безжалостно, как палач, пришедший за жертвой. Темнота зависла, словно чёрные паруса на пиратском судне. Капитан ворочался за стенкой.

Интересно, который час? Я прислушалась к своим биологическим часам. Наверное, шесть-семь. Скорее всего, шесть тридцать. Обычно я ошибаюсь минут на десять. Но теперь ошибка может быть гораздо больше. Ведь я переезжала из одного часового пояса в другой. Механизм мог сбиться.

Зазвонил будильник на сотовом. Значит, семь часов утра.

Хотелось двигаться.

Я встала, включила свет, оделась. Налила в чайник воды, воткнула шнур в розетку. Кешка, интеллигентно спавший в моих ногах, потянулся, посмотрел на меня и снова свернулся калачиком.

Из комнаты вышел СВ. В футболке, трусах и валенках. Я с трудом отвела глаза от его тощих ног. Они мне не понравились. Не мужские какие-то, подростковые.

Я обрадовалась: есть повод разлюбить его. Разве можно иметь любовника с такими тощими цыплячьими ногами? (Что бы сказал по этому поводу дока Шопенгауэр?)

— Доброе утро, — ровно сказал он.

— Привет! — ровно ответила я. — Завтрак тебе сделать?

Он скривился, будто наелся дерьма.

— Вот только не надо всего этого…

До чего вредный тип!

И я летела к нему на крыльях любви!

Эй, внутренний голос, чего молчишь?

Нет ответа. Плохой признак.

Зазвонил сотовый. Не мой.

— Да, Оль? Нет, я трезвый. Не пил. Абсолютно. Конечно, я отведу детей. Как всегда. Без проблем.

И он заспешил, одеваясь.

Я чувствовала себя лишней. Я бы даже сказала — невидимкой.

У него дети. Наверное, на них у него только и хватает любви, заботы, духовных сил. Всё остальное, в том числе и я, лишь случайные встречные.

Уже уходя, он остановился у дверей и посмотрел на меня. Его глаза магнитом манили меня. Было сильнейшее ощущение, что он хочет чего-то от меня. И, кажется, я понимала чего.

«Нет, — сказала я себе, — ты не кинешься ему на шею, не прижмёшься к небритой щеке (о, как это сладко!) и не поцелуешь, прощаясь».

Его глаза звали. Но я не могла забыть, как вчера они меня истязали.

Я сжала волю в кулак и сказала равнодушно:

— Пока.

Любовь готова была вывалиться изо всех щелей моей души, как тесто из кадушки. Бац! Бац! Кулаком её, кулаком. Пусть сидит себе тихо. Больно? А как же! Любовь без боли не бывает. Но ничего, я кулинар опытный, справлюсь с этим любовным тестом. Слеплю что мне надо. И мир снова станет большим, и в нём проявятся другие люди, и небо станет синим, а солнце золотым. Я увижу, как собаки бегут по улице, и буду умиляться их целеустремлённости.

Это будет. Потом.

А сейчас не вижу ничего, кроме его глаз.

Он уходит. И с ним уходит моя жизнь. Она залезла к нему во внутренний карман, поближе к сердцу, прижалась к нему, как бездомный щенок. А я безжизненной оболочкой осталась в пустом мире. Не могла пошевелиться. Только глаза ещё способны были двигаться. Они поморгали, прогоняя слёзы, и почему-то застряли на сковороде, которая с остатками маринада стояла на середине стола. Я стояла, смотрела на эту сковородку как на НЛО. На меня нашёл столбняк. Тело существовало отдельно от меня, а мысли — это была Я.

Когда я ехала сюда обратной дорогой, то сочиняла разные версии и планы, как всё пройдёт. Я думала, как наготовлю много вкусного. Я составила меню. А теперь я стояла в ступоре посередине кухни, как кактус в пустыне, и не находила в себе сил даже убрать сковородку со стола. Напрасность приезда пригвоздила меня к полу, а безнадёжность чувств лишала меня жизни. К счастью, мозг мой всё-таки работал.

Никакой я не кактус. Я цветок, требующий бережного и ласкового обращения. Но я попала не к тому садовнику.

Я чувствовала, как во мне рос тот самый ужас, который в прошлую нашу встречу выбросил меня из дома СВ. Он поднимался с самых глубин души, заполнял меня, как неоновый газ воздушный шар. И наконец оживил меня.

Что я делаю здесь? Зачем я тут? Мне здесь не рады. Меня здесь не любят. Бежать! Пленница собственных иллюзий, я теперь хотела свободы. Сбросить тяжесть неразделённого чувства поможет именно бегство.

И я побежала.

Сначала по дому, собирая вещи, одеваясь, поминутно оглядываясь на часы. Стрелки застыли на восьми двадцати. Смутно помнила: в девять тридцать должен быть поезд. До вокзала в лучшем случае минут сорок. Это если сразу попасть на автобус, а до него ещё бежать минут десять-пятнадцать. Но всё в руках Судьбы, великой насмешницы и помощницы. Какую роль она сыграет на этот раз?

Я выскочила из избы, как будто за мной гналась крыса. Нет, скорее, маньяк с огромным кинжалом. Нет, со страшным кухонным тесаком. С трудом замкнула дверь, не помня, сунула ключ в тайник и выбежала на улицу. Холодный воздух ударил мне в лицо с силой заправского боксёра. Но рот хватал его с таким удовольствием, будто я вырвалась из морских глубин, где чуть не умерла от кислородного голодания.

Я помчалась по улице Провиантской, мимо частных домов, скрытных и страшных. Выскочила на улицу 25 Октября, к общежитию, на крыльце которого я много вечеров шептала заклинание: «Незваный, несуженый, приди ко мне ужинать». Оно действовало. СВ приходил. Когда это было? Неужели не вчера?

Осенний ветер продолжает реанимацию — бьёт по глазам и щекам, приводя в чувство. Всё вокруг чужое. Всё моё — в другом месте, в другом городе.

Пробегаю мимо деревянного маленького домика на углу со знакомыми воротами. Прошло почти двадцать пять лет, а ворота всё ещё стоят. Уже тогда они выглядели старыми, такими же выглядят и теперь. Старости некуда спешить.

А мне есть куда.

Время не ждёт, как и поезд.

Я опять летела сломя голову от СВ. Это было бы смешно, когда бы не было так больно.

Следом отлетали воспоминания. Они, как призраки, зависли за спиной. После церкви отпали. Словно испугались рванувшегося с разрешения светофора грозного потока машин. Город обрушился на меня яростным шумом, как только я перешла дорогу. Автомобили стремительно проносились мимо с шипением ядовитых змей. Огромных анаконд. Чуть зазеваешься, и они тебя

раздавят, как маленькую букашку. Царь ли теперь человек на Земле?

Вот и остановка. Если в течение пяти минут подойдёт трамвай ли, автомобиль, то мои шансы успеть возрастут до восьмидесяти процентов. Из-за поворота вырулила жёлтенькая маршрутка с чёрными точечками такси, похожая на божью коровку. На ней конечной остановкой обозначен железнодорожный вокзал. Судьба явно в духе.

Как подсказывала интуиция, сейчас должно было быть около девяти часов. Если доеду за двадцать минут, то ещё десять минут останется на приобретение билета и посадку. Успею? Госпожа Удача, верная служанка Судьбы, протяни мне свою руку!

Бывают дни, когда с первого часа всё течёт гладко, всё получается, складно складывается. Бывает и наоборот. Это всё игры небесной канцелярии. Сидят там чиновники, играют в нас, как в куклы. Попался в руки злому кукловоду—чёрная полоса, доброму—белая. А может, мы шахматы в их руках. Сегодня выигрывают белые, завтра—чёрные.

Впрочем, с одной стороны, мне очень хотелось уехать, отгородить себя расстоянием от несчастной моей влюблённости. С другой стороны, где-то глубоко в подсознании я надеялась опоздать. И тогда мне пришлось бы вернуться. И тогда в душе опять проклюнется надежда.

«Какая надежда?!»—возмутился мой внутренний оппонент.

Вдруг я ему небезразлична? И он злобится потому, что боится своего ко мне отношения?

«В его возрасте надо быть выше таких комплексов. Он был и остался эмоционально незрелым человеком. А тебе к чему отрицательные эмоции?»

Ах ты, умник мой! Ты прав, и потому я убегаю.

«То-то же!»

Пока я вела беседу со своим внутренним голосом, маршрутка уже пересекла мост через реку, на берегу которой разбросал свои владения ж.-д. вокзал. Ну, ещё три минуты—и я у цели.

Но что же это? Машина свернула совсем в противоположную сторону. Что за шутки, госпожа Удача?

— А вы разве не на вокзал едете?—тихим на грани бешенства голосом спросила я.

— На вокзал, но только окружным путём,—пояснил водитель.

Ха! Сколько займёт окружной путь? Ей-богу, мной сегодня играет Весёлый Случай—ещё один слуга Судьбы. Ну-ну, посмотрим, куда они меня заведут.

Небесная канцелярия наслаждалась интригой.

Маршрутка везла меня какими-то жуткими закоулками. Город опять превратился в деревню. В машине я уже осталась одна. Время остановилось. Наконец мы вырулили к вокзалу.

На табло светилось девять двадцать пять. Шансов у меня не больше, чем у рака, брошенного в кипяток. Я мчусь к кассам. У окошечек пусто—ни одного пассажира. Понимая глупость затеи, я попросила билет на ближайший поезд. Ощущение было как в казино: выиграет моя фишка или нет.

— Ближайший поезд подойдёт через пять минут,—сообщила кассирша, выписывая мне билет.

И тут же вокзальный «Левитан» объявил о его прибытии.

Нет, мне повезло больше, чем несчастному раку. Однако Судьба изрядно посмеялась. Тоже мне кошки-мышки.

То ли счастливая, то ли несчастная, с билетом в руках я поплелась в подъезд, из которого пассажиры отправлялись на перрон. Табло показывало, что мой поезд отправляется в десять ноль-пять. У меня ещё была куча времени. Я ещё могла позвонить и попрощаться. Чтобы на этот раз всё прошло по-человечески. Интеллигентно. Не побег, а обычный отъезд незваной гостьи домой.

И ещё раз услышать его голос! Услышать! И уехать! (Ах, кабы остаться!. Но это—в бессознательном, как учит Шопенгауэр.)

Меня трясло. С трудом набрала заветный номер телефона.

— Привет! Я уезжаю. Мой поезд через двадцать минут…

Горло душил спазм, голос дрогнул, слёзы обручем обожгли глаза.

— А ты оставила свой адрес?—спрашивает СВ растерянно.

Небось, думал, что я дождусь его, и он опять будет тренировать свою язвительность. Нет уж!

— Так ты оставила свой адрес?—переспрашивает он.

Я в ступоре. Мне и в голову не пришло это сделать. Зачем? Я ему на хрен не нужна. И вдруг такой вопрос. Что это значит?

— Нет,—отвечаю я, чуть не плача.—Я позвоню тебе. Знаешь, Кешка не захотел идти на улицу, я его оставила в доме. Не могу вытолкнуть животное насильно. Не в моём характере,—отвлекаюсь я, чтобы сбить слезливость бытовыми подробностями.

— Ты лучше напиши,—голос его испуган.—Я целую тебя.

Он ещё трижды сказал: «*Я целую тебя*»!

Смешное слово «целую». Если поставить ударение на первый слог, получится глупость. Я, видимо, брежу от любви.

В вагон я вошла бесконечно счастливая.

И зачем я уехала?

Может, всё бы получилось?

«Вот дура-баба!»—просипел мой внутренний голос.

Сам дурак! Шопенгауэр называл это волей к жизни.

«Сама дура! Тебе сколько лет? Тоже мне—воля к жизни!»

Он, конечно, был прав, мой внутренний голос, хотя бестактен до грубости. Волей к жизни Шопенгауэр называл любовь как стремление к продолжению рода. А с другой стороны, природе виднее. Против бессознательного разум бессилен.

В вагоне я упала на полку и провалилась в горько-счастливую анестезию.

Встреча третья

С настроением добродушной собаки я набирала номер телефона СВ. Перед тем я перебирала архив и, к своему удивлению, обнаружила тесную переписку с СВ. Я нашла от него письмо уже в то время, когда у меня родилась дочь. После поздравительной открытки с седьмым ноября переписка оборвалась. Видимо, к тому времени прошлое оторвалось от меня, как изношенная подошва.

И вот оно опять вошло в мою жизнь, но уже в настоящем времени.

Мне хотелось зачитать СВ его студенческое письмо ко мне. Он там писал о какой-то пьесе, которую хотел бы закончить.

Какое волшебное изобретение—телефон. Нажимаешь на кнопочки, и в соответствии с законами физики тебя соединяют с любимым человеком. Где-то в пространстве носятся какие-то жутко умные волны, о которых нам рассказывали на уроке физики, но я ни черта в этом не понимала и не понимаю, но которые, вопреки моему непониманию, показывают по телевизору весь мир, рассказывают по радио, доносят голоса по телефону и делают прочие самые полезные вещи.

Вот моя волна перенесла меня к СВ.

— Привет! Представляешь, я тут нашла твоё письмо. Любопытное…

— О! Вот только не это! Не надо мне никаких писем из прошлого. Не хочу!—в его голосе сквозили истерические нотки.

Я растерялась. Вот так всегда: ты к нему—с раскрытым забралом, а он в тебя—лошадиным помётом.

Что у него опять случилось? Так тем более надо отвлечь.

— Послушай, но это интересно. Ты тут пишешь…

Он прерывает меня, как капризный ребёнок:

— Зачем мне всё это? Ты не понимаешь, меня ломает всего. Тело сейчас разорвётся на куски. Руки, ноги, голова, туловище разлетятся в разные стороны. Я не могу больше! Не могу!

Послышались рыдания. Я оторопела. Рыдающий мужчина—это страшно. Его боль и страдания вонзились мне в душу, как острые осколки разбившегося стекла. Я сама была готова разрыдаться.

— Дорогой, ну что ты! Успокойся! Приезжай ко мне, отвлечёшься, тебе станет легче.

— Да, да, я приеду к тебе,—в голосе отчаяние и нервозность.

— Ты только ничего с собой не делай. Хорошо? Обещаешь?

— Обещаю, да.

И он прекратил разговор.

Я сидела у телефона в оцепенении. Мне было бесконечно его жаль. Одинокий, разочарованный во всём, ещё раз потерпевший крах в семейной жизни, истерзанный алкогольным чудовищем мужчина. Хотелось броситься к нему и защитить.

И я бросилась, как бросаются спасать утопающего соответствующие службы. Не я, а 911.

Кино прокрутилось в обратную сторону.

Я помчалась сломя голову к трансагентству, чтобы узнать расписание поездов. Если нынче я исполняю роль белой королевы на шахматном поле небесной канцелярии, то уже завтра утром я буду в Томске.

Первый ход был в мою пользу. Поезд на запад отправлялся через два часа. За это время я должна успеть:

- занять денег (не было ни гроша),
- вернуться домой,
- вымыть голову,
- собрать вещи,
- не опоздать на автобус, который идёт до вокзала сорок минут,
- купить билет, если есть свободные места.

Программа-максимум была выполнена мной блестяще. Был только один неудачный ход: автобуса, на который я рассчитывала, в расписании не было. Он должен был пойти через час, и тогда—шах и мат. Но, к счастью, в мире есть не только автобусы, но и такси. И хотя мне страшно было жалко ста пятидесяти рублей, пришлось ими пожертвовать, но выиграть партию.

На мой поезд было всего одно свободное место, и оно досталось мне. Без сомнений, сегодня в небесные шахматы играла покровительница любви.

«Или алкоголиков!»—съязвил мой внутренний оппонент.

Но я не обратила на него внимания. Я находилась в состоянии аффекта, как Наташа Ростова накануне первого бала.

«Это в твои-то годы?—не успокаивался внутренний голос.—Лучше бы Анну Каренину вспомнила!»

А что, и вспомню.

Во-первых, «любви все возрасты покорны», а во-вторых, я ехала не за любовью, а поддержать человека в тяжёлую минуту. Обычное человеческое, я бы даже конкретизировала—женское, благородство.

«Ну просто мать Тереза!»—фыркнул мой собеседник.

Но я перестала обращать внимание на этого скептика, погрузившись в мечтания, лёжа на

верхней полке плацкартного вагона. Как я приеду, что скажу, что он ответит, как посмотрит… Может быть, на это раз блин не получится комом. Но прежде всего надо сходить в парикмахерскую. С такой головой я не могла показаться ему на глаза. Волосы хоть и чистые, но лежали на голове как трава на кочке. А должны—как перья павлина. То есть украшать.

Перебирая варианты встречи, я заснула под уютный стук колёс.

И вот я опять на вокзале. Милые воспоминания грели душу. Все мои побеги казались мне чудесным приключением.

Надо позвонить.

Страшно!

В чувствительном порыве, заглушившем всякое здравомыслие, я, как безумная лошадь, перепрыгнула на другую сторону пропасти и теперь с некоторым ужасом оглядываюсь назад. А стоило ли прыгать?

Волнение ознобом пробежало по мне и притормозило в желудке, вызвав лёгкую тошноту. Что он мне скажет?

«Ты в своём уме?»

«Тебе что, делать нечего?»

«Давай-ка отправляйся назад!»

Ни одного мармеладного варианта мне в голову не пришло.

Неужели зря деньги потрачены? И дочери я обещала приехать и эти самые деньги дать ей на лекарство. Чувство вины шевельнулось, как неуклюжий медвежонок в тесной берлоге. Лекарство дочери не к спеху, а вот СВ, как тяжелораненый боец, нуждался в немедленной помощи.

«Тоже мне санитарка, звать Алка!»—умирал со смеху мой вечный оппонент. Но у меня в одно ухо влетело, в другое вылетело.

— Алло!—я замешкалась, подыскивая слова.—Ты будешь смеяться, но я в Томске.

— Начинается!

Я прислушиваюсь к его интонации, как слухач в подводной лодке. В ней не было ни единой скверной нотки.

— Я сейчас занят. Дома буду в час. Приходи.

Конечно, я приду. Примчусь, прилечу. От радости я чувствую себя белокрылой лошадкой, готовой взлететь к небу.

— Хорошо! У меня как раз ещё всякие дамские дела есть.—Боже, что я плету?!—Дочери обещала нефритовый браслет купить в подарок,—почему-то вру я.

Ну не говорить же ему про парикмахерскую, в самом деле? Пусть думает, что у меня причёска сама по себе такая замечательная.

— Ладно! До встречи!

Победоносный поход белой королевы («Ты же только была лошадкой»,—съехидничал внутренний голос) продолжается.

В привокзальной парикмахерской очереди не было. Стрижку этим мастерам я бы не доверила, но уложить феном волосы—другое дело. Проще пареной репы, как говорится. Плохой вариант и тот сгодится. Будут волосы пышнее—и ладно.

Из парикмахерской я вышла в одиннадцать часов. До встречи оставалось ещё два часа. Совсем немного. Только на дорогу уйдёт полчаса, а то и больше.

Выйду в центре, пройдусь по магазинам, не найду браслета (у меня и денег-то на него нет). Закуплю продуктов для моего знаменитого борща. Главное—мужика накормить, напоить, спать уложить. Так говорила Баба Яга. Мудрая женщина была. Тут важно не пере**БОРЩ**ить. Тогда третий пункт программы обращения с мужчинами наступит слишком быстро и совсем не в том смысле, в каком его воспринимает влюблённая женщина. Хотя в моём случае он явно лишний. Может, заменить его на «разговоры говорить»? Уж лучше болтать, чем секса ждать от того, кто на него не способен. Алкоголик и секс—две вещи несовместные, как гений и злодейство.

И вообще, чего я секс вспоминаю? Мне ли он нужен? Только как подтверждение любви.

Чем ближе я подходила к дому, в котором разбиваются сердца (мои), тем больше страхи и волнения наполняли мою душу. Я ослепла, оглохла, потеряла обоняние и так далее—в общем, лишилась всех чувств. Будто я шла не на встречу к любимому человеку, а на ринг, где меня ожидает свирепый Тайсон. Ну как тут не вспомнишь астрологию? А в соответствии с ней Огонь (я—Стрелец) боится Воды (он—Рак). Эти две стихии несовместны, как гений и злодейство. Ах, нет, это сравнение уже у меня было. Скажем так: как беременность и девственность.

Мне бы хотелось войти к нему в дом с лёгкой душой, не отягощённой страхом. Волнение естественно. А вот страх! Что это? Сигнал опасности или условный рефлекс, выработанный прошлыми любовными неудачами? Я действительно перехожу дорогу на красный свет или воображаю, что он красный?

Может, посмеяться над собой и не придавать всему этому серьёзное значение?

Нет, не посмеяться, а превратить страх в прах. Как это сделать? Будем рассуждать логически. Страх делает человека маленьким. Значит, надо вырасти над ним.

Я—мать Тереза.

М-м-м… Попахивает эдиповым комплексом.

Я—королева.

Я—фея.

Я приду и превращу дом во дворец, а его—в…

В кого же его превратить?

В доброго доктора Айболита.

Вот это уже смешно.

Страх ушёл, как наевшаяся кошка. За ним ворвалось волнение, накинулось на меня, как ураган на беззащитный островок.

Сердце бешено колотилось, когда я постучалась в дверь.

Он ждал меня?

Он ждал меня!

Я поняла это, как только вошла и увидела СВ.

Он метнул в меня взгляд, быстрый, как молния. Но я успела в нём прочесть нечто, что меня окрылило, и в душе расцвели аленькие цветочки. Однако я сказала совсем буднично, будто вернувшаяся из магазина… Кто? Жена? Домработница?

Домохозяйка.

— Привет! Я вот накупила опять всего…— сказала ровно, будто расстались только утром и прожили вместе и счастливо тридцать лет и три года.

— Привет!— ответил он нормальным голосом. Без прошлой противности и мрачности.

Кинуться на шею я не могла. Почему? Откуда это чувство невозможности так сделать? Или мной управляет боязнь того, что он оттолкнёт?

Да и как бросишься такому на шею? В глазах— кромешная тьма сродни равнодушию, лицо— посмертная маска. Когда человек радуется, он улыбается.

Эй, дорогой, ты разве не знаешь, что такое радоваться гостю? Женщине, с которой ты с удовольствием не так давно переспал? Это— дамская логика. Постель— не повод для тёплого чувства? Что по этому поводу думает Шопенгауэр?

«Он говорит, что дьявол посмеялся над тобой!»— мой дорогой внутренний голос знает всё!

Ладно, будем друзьями. Мои гормоны замёрзли. Ещё в прошлый раз. Теперь, наверное, их не разморозить никогда. Да и что хорошего в сексе? Возня! О-хо-хо! Не та ли я Лиса, что виноград бранит по причине невозможности его съесть?

Я начинаю рассказывать, каким чудесным образом мне достался последний билет, как я ехала, как искала дочери нефритовый браслет, как меня поразили цены на яйца… В общем, смешала всё в кучу, потому что не знала, что говорить. На самом деле мне хотелось ему сказать, что так жить больше нельзя, что надо лечиться, что я даже звонила и узнавала, сколько стоит лечение. Но как подступиться к такому разговору?

И вдруг я увидела телевизор. В прошлый раз его не было.

— Ты телевизор купил?

— Нет. Я на областном фестивале фоторепортёров признан лучшим, за что и получил первую премию в виде телевизора.

— М-м-м,— мычу я удивлённо-радостно.

Кто бы мог подумать! А кто сказал, что алкоголизм и талант не могут идти рука об руку? Могут, да ещё как часто. Как близнецы. Человек состоялся в профессии. Уважаю. Любовь, замешанная на уважении, крепче… самогона. Шутка!

— Так ты талант?

— Я и в прошлом году был победителем. Ко мне тут подошла молоденькая студентка, сказала, что по моим работам пишет курсовую. Приятно.

— Вот ты какой, оказывается, маститый мастер.

В студенчестве он талантом не отличался. Так себе учился. Пил да женился. Если бы не я, то он и университет бы не закончил. И вот, пожалуйста: лучший фоторепортёр области.

На этот раз СВ был тише воды, ниже травы. Ведь может быть нормальным человеком.

Пожалуй, займусь борщом, который для алкоголиков очень полезная вещь. А заодно можно осторожно поговорить о лечении. Из дома я звонила в Томск и узнавала, сколько это будет стоить. Телефон нашла в газете, которую прихватила на память у СВ. Стоит, конечно, недёшево. Это притом, что большинство алкоголиков— люди малобюджетные. Но, может быть, я и ошибаюсь. Просто явные алкоголики, которых мы встречаем на улице в самом безобразном или жалком виде, на виду, как снегири на снегу. А сколько тайных злоупотребителей? Не счесть! Разве про СВ скажешь, что он— алкоголик?

Борщ пришлось отложить до вечера. СВ собрался на рынок. И я с ним, конечно. Мне и в студенчестве частенько приходилось таскаться с СВ по его делам. До сих пор для меня загадка: зачем он это делал? Неужели страх одиночества толкал его ко мне? Я всегда была рядом, всегда готова исполнить любое его желание, как золотая рыбка.

А сейчас готова?

Нет.

Тогда сначала был он, а потом я. Теперь сначала я, а потом он. А я— это моя дочь, моя работа, мои родные, друзья. То есть я— это моя жизнь. Он в неё не вписывается. Но всё же присутствует. Это факт.

«Печальный факт, и противоречит Шопенгауэру»,— ехидно встрял внутренний голос. Я не стала с ним дискутировать. Потому что я опять погрузилась в нереальный мир влюблённости, который сузил мой мир до «Я и Он». Или «Он и Я»?

Но одно точно: в теперешнем мире я— другая. Присутствие мужчины сделало меня другой. Вот удивительно! Дело даже не в том, что я раздваиваюсь. Или в том?

Одно «я»— это человек, другое «я»— это женщина. И человек всё время наблюдает за женщиной, которая отвыкла от этого состояния и ощущает себя как лошадь на льду. Иногда побеждает человек, и женщина превращается в невидимку. В другой раз наоборот. Например, когда я с СВ перехожу дорогу, похожую на линию фронта. Миллион раз я делала это в одиночестве, и это обычное дело не требовало от меня никаких особых переживаний. Подумаешь— дорогу перейти! Пустяки.

Но если рядом СВ, мне непременно нужна его рука. Я хватаюсь за неё, будто без неё мне эту дорогу ни за что не перейти.

Страх перед безумно мчащимися машинами почему-то усиливается в присутствии мужчины. Сразу чувствуешь себя слабой женщиной. Хочется опереться на сильную мужскую руку, словно она защитит тебя от опасности, как броневик.

Если бы внутренний голос не ретировался, как последний из могикан, он бы поиздевался над моим поведением. Хотя он не прав. Самоирония разрушает. Так говорят психологи, если верить Елене Колиной. Читала я тут недавно её повесть «Дневник новой русской».

Мы неоднократно переходили с СВ дорогу, и это каждый раз было так волнительно и даже эротично. Я превращалась в совершенно слабую женщину, а он — в абсолютно сильного мужчину-защитника.

Моё либидо навострило ушки. Кыш-ш-ш! Твоё время ушло.

Огромный крытый рынок соблазнял множеством вкусных вещей. СВ купил только десять пакетов кефира «Снежок». Для детей, наверное. Он не бросил ни одного взгляда на прилавки и витрины, которые чего только не предлагали.

А Старик был гурман. Он понимал толк в еде. И ему хотелось угостить меня, открыть мне вкус того или иного блюда. Если бы сейчас на месте СВ был Старик, то скупил бы полрынка. А СВ равнодушно проходил мимо фруктов, рыбы в разных видах, мясных изделий, корейской продукции. Даже глазом не скосил. Не спросил, чего хочу.

«Да у него в голове только рюмки вертятся», — проворчал печально внутренний голос. Я опять его проигнорировала. Да и что тут возразишь? Он был прав.

— Надо зайти сейчас куда-нибудь выпить.

Мы зашли в первую попавшуюся рюмочную. Аудитория вполне приличная.

— Ты будешь пить?

— Буду! — решительно промолвила я, убеждая себя в том, что это для согрева.

Ветер свирепо гонялся по улице за прохожими, как Джек-потрошитель. Я продрогла до костей. Но алкоголь на самом деле не согревает. Согревает только чай. И всё же благостное тепло, вопреки утверждению врачей, разлилось по телу после пятидесяти граммов водки. СВ выпил сто.

Я с жалостью смотрела на него. Алкоголизм, конечно, заболевание, но обывателем воспринимается как распущенность. И трудно взглянуть на пьющих с другой точки зрения. Не имеющим этой проблемы кажется, что бросить пить так же легко, как перестать есть сладкое. Впрочем, я не знаю ни одного сладкоежки, который бы пересилил свою слабость. Я сама могу не есть сладкого какое-то время. Но ведь срываюсь и поглощаю конфеты без зазрения совести. Нет, неправда, — с зазрением совести. Если можно так сказать. Однако пристрастие к сладкому не ведёт в деградации личности, а алкоголь — да.

В общем, с рынка мы возвращались от рюмочной к закусочной, от закусочной к рюмочной. Я уже не пила, а СВ заливал неуёмную жажду чудовища, живущего в нём. Я страдала. Он погибал на моих глазах. Сколько ещё это протянется? Год? Два? Три? Кабы лет десять!

СВ занёс домой кефир. Договорились, что я буду его ждать возле забегаловки с надписью «Бутербродная». Его не было минут тридцать. А ведь сказал: «Я сейчас».

В голову лезли всякие нелепые мысли. Может, он забыл, что я здесь жду его? Сел в троллейбус и поехал к себе? Без меня. А может, я что-то упустила и должна ждать в другом месте?

А может, он с женой там разборки устроил? Да жена ли она ему? Он ещё с Райкой не развёлся. А она во Франции. А у него здесь от новой жены ребёнок, и ещё один приёмный. И ещё один от первой жены. А всего четверо сыновей. И ещё один приёмный. Кончаловский-2 прямо-таки.

Я зашла в бутербродную, погрелась. Вышла на улицу. Ужасно серый город. Тогда, в советское время, Томск выглядел старинным городом, яркая индивидуальность его затмевала безликость советской архитектуры. Теперь бездарная реклама, как неумелый грим, превратила его в некоего уродца. Время не пошло на пользу городу.

Наконец я разглядела в толпе СВ.

— Унитаз сломался. Пришлось налаживать, — объяснил он. — А зачем? Я всё равно там не живу…

В бутербродную не зашли. Маленькая радость.

— Ты купила дочери нефритовый браслет? — вдруг спрашивает СВ.

Придётся врать дальше.

— Нет, не нашла.

Денег-то у меня в обрез, какой уж тут браслет?

— Давай зайдём в художественный салон. Там наверняка есть.

Надеюсь, что нет.

Мне повезло: на витрине браслета не было. Я вздохнула с облегчением. Но СВ решил меня добить.

— А мы сейчас продавца спросим. Может, найдёт.

Я обратилась с молитвой к Богу, и Он меня услышал.

— В данный момент у нас нефритовых браслетов нет, только кольца, — заявила продавец.

Моё сердце радостно подпрыгнуло.

— Может, кольцо купишь дочери? — не отставал СВ.

Я была готова его убить. Купец, блин! Сам покупай. Это и твоя дочь тоже. Бразильский сериал!

— Нет-нет! Она хотела только браслет.

Вот враньё-то как выходит боком. Сделав расстроенное лицо, я спешу вон из магазина. Чего доброго, СВ начнёт искать (и найдёт!) мастеров нефритовых украшений.

— Не повезло! — грустит СВ.

— Да уж! — вторю я, кляня себя за неосторожное враньё.

И мы плывём дальше по серой улице. Снег похож на пепел, а мы — на вечных странников. Я бреду за СВ, как Неле за Тилем Уленшпигелем. И также заблудились во времени.

Где наша пристань?

Она оказалась тут как тут.

Ею заправляли художники, продававшие на улице у книжного магазина свои замечательные холсты. СВ встретили радостными возгласами:

— О, привет, парниша! Давай в нашу гавань! Деньги есть? В магазин бежать надо. Замёрзли тут уже.

А ветер и вправду здесь был особенно дерзко холодным. Пробирал, ей-богу, до костей. Художники стояли с красными от мороза лицами. От мороза ли? Глаза пьяно блестели, как у собак после украденной со стола сосиски.

СВ вытащил сотню. Самый отзывчивый из творческой стаи тотчас ринулся в бега.

— Ну что, как поживаешь? Давно тебя не было видно. Ты с дамой? Знакомь давай!

Говоривший выглядел как лесоруб. Огромный, в пальто, похожем на тулуп, заросший бородой и с выдающимся носом. Колоритная личность.

— Знакомьтесь, моя подруга Аля. Учились вместе. А это кошачий папа, Александр Петрович.

— Кошачий? — удивилась я, ответив на галантное пожатие руки художником.

— А вон, видишь, картины стоят с кошками? Это Александр Петрович творит. Очень животных любит. Как таких людей называют? — вопрошает СВ.

— Зоофилы, — говорю я, и все гогочут.

Второго художника зовут Пётр Александрович. Он немного отличается от своего тёзки наоборот. Такой интеллигентный лесоруб, с ухоженной бородкой, в современной куртке на синтепоне. Его картины — это пейзажи.

— И вы каждый день здесь? — интересуюсь я.

— Работа такая. С утра и — сюда, — отвечает Александр Петрович. — Иначе жена выгонит из дома, если не будем работать.

То-то жене радость, думаю я, каждый вечер встречать пьяного муженька. А принёс ли деньги — ещё вопрос.

— И покупают ваши картины?

— А как же!

Ох и сомневаюсь я. Кошки, конечно, ничего себе, я бы даже сказала — классные. Но много ли любителей живописи среди народа?

Вернулся спиртонос. Все оживились, сбились в кружок. Потирают руки. Эх, сейчас согреемся! СВ за мной ухаживает. Наконец-то в нём проснулся джентльмен. Наливает водки в пластмассовый стаканчик, по моей просьбе добавляет туда лимонад, протягивает на закуску кусочек пиццы, разделённой на всех питейщиков.

Я всё поглядываю на Петра Александровича, Петрушу, как его зовут свои. СВ это замечает.

— Хороший мужик Петруша. Нравится? Хочешь поехать к нему? Я это устрою…

Дурак! Такую глупость сморозил, что даже обижаться смешно.

Я вздыхаю.

— Ты, СВ, совсем ненормальный? Или хочешь услышать от меня, что, кроме тебя, мне никто не нужен?

СВ хмыкает.

Водка выпита. Компания заметно скучнеет. Кошачий папа уже еле ворочает языком. Просит у СВ денег на троллейбус.

— Я тебе лучше талончики дам на проезд.

СВ достаёт из кармана талончики, отрывает два и протягивает Кошачьему папе. У того пальцы совершенно его не слушаются — застыли на холоде. Ветер, злобно кружившийся вокруг нас, уловил момент и вырвал тоненькие бумажки из пальцев художника. Талоны полетели, как осенние листья. Александр Петрович рванул было за ними, но понял, что это дело безнадёжное. Вернулся понурой собакой.

— Вот ведь невезуха! Этот ветер, сволочь, второй раз мне свинью подложил. В прошлом году деньги вот так же вот унёс.

— И много? — с ужасом спрашиваю я.

— Тысячу двести рублей. Всё, что заработал за день! Удачный день! Перед уходом решил я поделить их по-честному: часть себе, часть жене. Вытащил из кармана, считаю. И вдруг этот х…в ветер. Как налетит, что разбойник. Деньги — фьють из рук. Я за ними долго бежал. Вот она, судьба! Давай ещё талоны!

Я представила эту картину. Смешно! Принцип комедии: герой падает, зритель смеётся.

Мы прощаемся с художниками. Темнеет. Они собирают картины. Продал ли кто хоть одну? Грустно. Эх, были бы у меня деньги, я бы купила вон ту сиреневую кошечку. На память об уличных художниках. И о том, как я пила с ними водку в морозный ноябрьский день. Совсем как студентка.

— Я тоже много лет назад стоял вместе с ними и продавал свои работы.

Я не поняла.

— Так ты ещё и художник?

— Да нет. Фотографии свои продавал. Не мог нигде устроиться. У жены тоже не складывалось. Вот я и стал продавать фотографии. Года два, наверное. Потом устроился на телевидении оператором. А-а-а, тоже смешные деньги. На руках двое маленьких детей. Тяжёлое было время…

Бедняга!

Маленький домишко СВ я уже воспринимала как свой. Тем более и хозяин приветлив, как мартовский кот. Нет, это я зря. Ничего эротического в нём не было. Сексуальных искр между нами не пробегало. Медсестра и пациент. Я бы даже сказала, монахиня и евнух. Вот уж между ними действительно ничего не может вспыхнуть.

Я поставила варить борщ и взялась тереть морковку, чтобы сделать салат. Добавлю чеснока, и с борщом это будет необыкновенно вкусно. Вот теперь можно не бояться переБОРЩить. СВ, затопив печь, с чего-то решил пересмотреть свои фотографии. Принёс откуда-то чемодан времён моей прабабушки, а в нём куча фотографий. Он завис над чемоданом и, как фокусник, принялся выуживать оттуда застывшие мгновения своей жизни. Они оживляли воспоминания, среди которых немало было наших совместных. Часто попадались его жёны, его дети. Я отрывалась от кухни, чтобы взглянуть на них. Жёны не были красавицами, как и я. Тогда почему он выбрал их? Проклятый вопрос! Долго он ещё будет терзать меня?

Как его сыновья похожи на него! И везде он с такой нежностью и любовью смотрит на них. Так же он мог бы смотреть на мою дочь. На нашу дочь.

Я прислушалась к себе: в моём омуте не шевельнулся ни один чертёнок. Тиха его вода. Моя дочь—только моя дочь.

А возьми я и скажи: «А знаешь, СВ, дочь-то моя от тебя!»—поверил бы он?

А если нет, стала бы я доказывать? «Помнишь, мы тогда переспали? Это был такой-то месяц, а Сонечка родилась тогда-то, как раз через девять месяцев».

СВ, наверное, расчувствовался бы.

Может, сказать?

Раздался стук в дверь.

В дом вошёл большой мужчина приятной наружности.

— А, божий человек заявился! Давно тебя не было. Ну проходи,—обрадованно встретил СВ гостя.

Ужинали мы втроём. Божий человек уплетал мой борщ за обе щёки, дважды просил добавки и не жалел класть сметаны. На хлеб намазывал толстым слоем тёртую морковку с чесноком и майонезом. Не отказывался и от водочки.

— А что, вера не запрещает тебе водочку употреблять?—ехидно спрашивает СВ.

— Не велик грех,—не смутился гость.

— А чревоугодие?—наступал хозяин.

— Не грешен,—ответствовал гость.

— «Не грешен»!—передразнивает СВ и издаёт ядовитый смешок.

— Эх,—сладко вздыхает божий человек,—какой ужин Бог послал! Спасибо, хозяюшка!

— Да не хозяюшка, а гостья, как и вы. А вы давно веруете?

— Давно, матушка. Голос мне был. С тех пор и верю.

— А где он был, этот голос?—продолжала я расспрашивать.—В голове? Или с неба прозвучал? Как вы его услышали?

— А вот как услышишь, так и поймёшь, что это Он! Я на грани был. Бог меня и спас.

— На какой грани?

— У каждого человека своя грань, перейдя за которую, он изменяет своей душе. Отдаётся во власть бесов. А бес-то, он везде тебя дожидается. Вот и в рюмке тоже. Верующий человек в ней не утонет. Ну а кто без Бога в душе—закрутят бесы. Так закрутят, что человеком перестанешь быть. Может к верёвке потянуть: петлю на шею, а бесу радость. Я что, собственно, зашёл-то?—сменил тему поздний гость.—Мне нужно рамку сделать. Может, что у тебя осталось от прежнего хозяина? Всё ж художник был. Может, запасы какие имелись?

— Пойдём глянем в сенцах. Может, что и отыщем.

Пока они занимались поисками, я накрыла стол к чаю.

Люди верующие для меня загадка. Мне тоже хотелось бы отдать себя во власть Бога, но вопросы не дают покоя. Если Бог всесилен, то почему так несчастливы люди? Или Его всесилие только в том, что Он создал этот мир и человека? А уж что человек делает, как живёт—Господь не вмешивается. Тогда как же утверждение о том, что без ведома Бога с человека не упадёт ни один волосок? Неисповедимы пути Господни—ещё один постулат, который мы вспоминаем, когда случается что-то нам непонятное.

Мне мама рассказывала, как всей семьёй день и ночь они молили Бога о том, чтобы вернулся с войны их старший брат Паша. Не вернулся, сгорел в танке. Тогда моя бабушка отвернулась от Бога. Никогда о Нём не вспоминала и детям запрещала.

Мир на Земле прекрасен, но устроен он ужасно. Горя много.

После чая с очередной рюмкой водки божий человек засобирался домой.

Уже взявшись за ручку двери, он глянул на меня и сказал:

— Бог—не в силе, Бог—в духе.

Об этом надо подумать. Но не сейчас, когда вся я—в СВ.

Мы остались вдвоём. Что может быть прекраснее для влюблённой женщины? Или ужаснее.

СВ курил в печку, я о чём-то пощебетала.

Брат и сестра.

Потом СВ отправился спать на свою железную, как в тюрьме, койку. Он и выглядел как граф Монте-Кристо в замке Иф.

— Заснуть бы!—тоскливо молвил а-ля Монте-Кристо.

— Есть проблемы?—удивилась я, не знающая, что такое бессонница.

— Ещё какие! Если не напьюсь до беспамятства, заснуть проблема. А вот когда мне сын читал вечерами, то сон приходил быстро.

— Хочешь, я почитаю?

— Почитай!

Сначала я взялась за Гессе. Не пошёл. Это всё-таки не сказки братьев Гримм. В конце концов, остановились на «Душечке» Чехова.

Давно я не читала вслух. Как только дочь превратилась в девицу, необходимость в этом отпала. А дело это трудное. Сначала я буксовала, как пылесос, проглотивший крупный предмет, сбивалась с ритма, частила. Потом более или менее плавно пустилась по течению чу́дных чеховских фраз.

СВ не удержался и несколько раз проворчал по поводу моего неумелого чтения. Но я ведь не Алла Демидова.

Рассказ Антона Павловича пришёлся кстати. Мягкое повествование о жизни душечки усыпило беднягу минут через двадцать.

Перед тем как выключить допотопную настольную лампу, похожую на облезлого гуся, я взглянула на СВ. Он спал, свернувшись калачиком. Как когда-то во чреве матери. Там он был покоен и счастлив. Наверное. На самом деле мы этого знать не можем. Но предположительно так. Покинув свою тёплую и надёжную пещеру, пройдя через муки, человечек и далее на них обречён. Хотела ли мама СВ такой судьбы для сына?

И вообще, стали бы мы, женщины, рожать, если бы знали, на что обрекаем своих детей?

Если верить Шопенгауэру—рожали бы. Потому что, по его мнению, стремлением к продолжению рода правит не разум, а бессознательное. Добровольно—никогда. Вот природа и подстраховалась, наградила человека бессознательным, которому противостоять так же невозможно, как удержать диарею.

Так что́, меня бессознательное погнало к СВ?

Может быть.

Я всмотрелась в лицо СВ, бледное, вялое, несчастное. Под тонким одеялом—очертания тела не мужчины, а мальчика-подростка.

Моё либидо забилось куда-то в глубь бессознательного. Мной правило милосердие.

Надо бы накрыть СВ чем-то, к утру он наверняка замёрзнет. Тёплое одеяло он отдал мне.

Тоже мне джентльмен! Да вдвоём спать-то куда теплее. Ему бы гарем сторожить—никаких евнухов не надо.

Я вздохнула. Сняла с вешалки свою дублёнку и накрыла своего приятеля. Спи, дорогой. Видимо, есть только одно средство, способное заставить заткнуться бессознательное,—это алкоголь.

Из сна я выплывала медленно. Сознание ощупывало реальность осторожно, как щупальца осьминога незнакомый объект. Темнота, то ли ночная, то ли предутренняя, наполняла избушку деревенской тишиной. Здесь не было слышно ни одного городского звука. Просто необитаемый остров посреди дикого урбанистического океана.

За стеной зашевелился СВ. Моё сердце встрепенулось. Если бы у меня были уши как у собаки, то сейчас они бы выражали крайнюю степень внимания.

Встал, прошёл на кухню, включил свет, воткнул в розетку чайник. Бросил взгляд в мою комнату. Я поймала его. Любовь вспыхнула, как порох, на который упала искра. Бессознательное опять взяло вверх. Только зачем? В моём конкретном случае—зачем?

Я же не Дева Мария, которая родила Иисуса в пятьдесят или даже семьдесят лет. Мне продолжать род уже ни к чему. Дело было сделано много лет назад. Шопенгауэр чего-то тут недодумал.

Тогда зачем я здесь?

Наверное, это ангел-хранитель СВ сыграл роль бессознательного и вызвал меня к своему подопечному.

Когда я вышла на кухню, СВ был уже одет.

— Доброе утро!

СВ дёрнулся, будто ему на ступили на мозоль.

— У меня не бывает доброго утра.

— Никогда?

— Если сразу выпью, то утро сразу становится добрым.

— И ты вместе с ним?

— Ну да. Вот сейчас сбегаю в магазинчик, куплю водки… Хотя, знаешь, сегодня я чувствую себя почти хорошо. И спал всю ночь.

— Вот что значит пить с хорошей закуской и читать на сон грядущий Антона Павловича. Кстати, можешь никуда не бегать—я приберегла тебе немного водки.

СВ смотрел на меня как голодная собака.

Я достала из холодильника специально припрятанную вчера рюмку водки—граммов сто.

— Да, хорошо. Но мало…

Он выпил с отвращением.

— Всё равно в магазин бежать надо. Эта доза для меня—что слону дробинка.

Он ушёл.

А на меня свалилась усталость, будто я не спала всю ночь. Надо сейчас поговорить о лечении. Так дальше не должно продолжаться. Но как заговорить об этом? Как сказать: «Дорогой, ты алкоголик, иди лечись!»? В этом диагнозе есть что-то унизительное, а может, даже оскорбительное. А почему, собственно?

Если алкоголизм—заболевание, то и говорить об этом надо так же, как, например, о воспалении лёгких.

Когда СВ вернулся, я уже разогрела вчерашний борщ. Меню не для завтрака, но для закуски алкоголику—то, что нужно. Налила полную

тарелку, а СВ — полный стакан. Мой желудок и разум вздрогнули от ужаса.

— Послушай, — осторожно начала я, — может, пора обратиться к врачам?

СВ серьёзно посмотрел на меня. Глаза, до этого казавшиеся глазами затравленного зверя, теперь блестели, как жирный бок тюленя.

— Я уже изучил этот вопрос. Довольно дорогое лечение получается. Но я готов. У меня есть знакомая, которая работала до пенсии в психоневрологическом отделении, знает там всех. Обещала договориться, чтобы меня туда взяли. Сегодня должна позвонить и сообщить, когда меня смогут принять в стационар.

Долгожданный звонок раздался в десять утра. Завтра в это же время СВ ждали в больнице. После разговора СВ заволновался:

— Надо проститься со всеми.

— Как это? Ты же не умирать собрался.

— Я выйду оттуда трезвенником. Начну новую жизнь. Надо проститься со старой. По-человечески. Приглашу друзей, выпьем вместе последний раз… Только перед больницей мне нужно помыться. Сейчас схожу домой, приму ванну или душ. Там как раз никого нет. Олька на работе, дети в садике, Данька в школе.

— А Данька — это кто?

— Это старший сын Ольги. Ему двенадцать лет. Ты подожди меня. Я помоюсь, вернусь за тобой, и начнём прощальную гастроль. Лады?

— Хорошо!

Как удачно складывается! А я-то думала, мне придётся его уговаривать. Видимо, СВ сам понял, что дошёл до своего психологического (или алкоголического?) дна.

— А знаешь что? — обратился он ко мне. — Пойдём вместе. Посмотришь, как я жил.

Лучше бы я туда не ходила.

Это оказалась двухкомнатная хрущёвка. В маленькой кухне глаза резанул чёрный стол. Он выглядел зловеще, как клещ. Как можно усаживать маленьких детей за чёрный стол? Просыпаться и сталкиваться с этим чёрным квадратом кухонного стола? У мамы всё в порядке с головкой?

Остальные комнаты вызывали у меня такое же удручающее чувство. И бедность обстановки здесь ни при чём.

Когда-то в этой квартире жил СВ со своей семьёй. Потом жена убежала во Францию, оставив мужа и двух сыновей. Через несколько лет она детей забрала. СВ, погоревав, заполнил пустоту женщиной, Ольгой, с двумя сыновьями, которую привёл сюда из общежития. И зажила здесь опять полноценная семья. Однако счастье продлилось недолго. Один из сыновей новой жены СВ погибает. Но родится новый ребёнок — Петя. А потом из детдома сюда приводят Никиту. Казалось бы, опять полная, счастливая семья.

Но вся обстановка говорит об обратном. Здесь по-прежнему живёт несчастье. Оборванные обои, шторка невесёлого серого цвета, висящая на одной петле, незаправленные застиранные постели…

Уют семейной жизни хозяйка создать или не умеет, или не хочет. Как будто она опустила руки, так и не сумев преодолеть душевный кризис после смерти мужа, а потом и сына.

Встретились два несчастья: СВ и Ольга. И не смогли на этом простроить своё семейное счастье.

Я расстроена. Не знаю, что я конкретно хотела здесь увидеть, но иллюзии мои разбиты. В моём окружении ни у кого нет подобного дома. Мои знакомые — люди небогатые, среднего достатка, которые поддерживают соответствующий уровень жизни. У каждого — своё лицо дома. А здесь нет лица. Вместо этого пустота.

Наверное, на моём лице всё написано. Потому что у СВ тоже меняется настроение. А может, ему горько, что теперь в его квартире ему нет места. Он идёт на балкон и курит расстроенно. Мыться уже не хочет.

Мы выходим молча.

Заходим в кафешку.

— Чего пить будем?

Я хотела бы шампанского, но чего-то постеснялась. Всё-таки это праздничный напиток. А где праздник-то? Выбрала какое-то красное вино. Мы пили, а в перерывах между глотками СВ названивал друзьям. Приглашал попрощаться перед «завязкой». Но, похоже, в этот момент все находились в «завязке». Прощальный банкет срывался.

— А мы пойдём в театральное кафе. Там всегда полно моих знакомых. Погуляем напоследок! — оживился СВ.

Пока шли в это кафе, ещё несколько раз делали остановки в разного вида забегаловках. И везде пропускали по рюмочке. Но до места добрались вполне трезвые. Мало на этом маршруте питейных заведений оказалось. К счастью.

В театральном кафе при драматическом театре тихо играла классическая музыка, и две дамы смачно дымили за графином с водочкой. На СВ поглядывали с любопытством. Согласна, было в нём что-то богемное.

«Хороша богема! — ухмыльнулся внутренний голос. — Лысый, небритый, полупьяный… тип!» Не тип, а фотохудожник! А этот загадочный блеск глаз? А лицо аристократа? «Аристократа?! — залился хохотом мой внутренний голос. — Совсем зрения лишилась!»

Я не стала спорить.

Посидели мы в кафе часа полтора. Никто из знакомых так и не появился. Праздник прощания не состоялся. Для СВ не состоялся. Я-то пребывала в блаженном состоянии. Наверное, так чувствовал себя Винни-Пух в гостях у Кролика. Нет — Ассоль, когда попала на корабль к своему

долгожданному Грэю. СВ был мил, любезен. Эх, бывает же нормальным человеком!

А дома я опять читала ему перед сном. Душечка опять была счастлива.

«Из её прежних привязанностей ни одна не была такою глубокой, никогда ещё раньше её душа не покорялась так беззаветно, бескорыстно и с такой отрадой, как теперь, когда в ней всё более и более разгоралась материнское чувство. За этого чужого ей мальчика, за его ямочки на щеках, за картуз она отдала бы всю свою жизнь, отдала бы с радостью, со слезами умиления. Почему? А кто ж его знает — почему?»

Я приостановила чтение. Может, заснул мой бедный друг?

— Читай, читай! — прохрипел СВ.

«Проводив Сашу в гимназию, — вновь обратилась я к Чехову, — она возвращалась домой тихо, такая довольная, покойная, любвеобильная; её лицо, помолодевшее за последние полгода, улыбается, сияет; встречные, глядя на неё, испытывают удовольствие…»

Когда закончилось грустное повествование о душечке, женщине, которая умела любить преданно и бескорыстно, мой несчастный друг спал крепким сном.

Утром он проснётся и мужественно шагнёт в новую жизнь, где терзавшему его чудовищу будет раз и навсегда отрублена голова. Я надеюсь, что это будет так.

Я попрощаюсь и вернусь домой. У нас с дочерью другая, параллельная, жизнь, и вряд ли наши прямые ещё раз пересекутся. Моя миссия окончена.

Четвёртая встреча

Вот уж действительно: никогда не говори «никогда». Я вновь ступила на томскую землю. Не волнуюсь. Уже начала привыкать?

СВ сломал ногу. Конечно, я помчалась на помощь. «Вот ещё 911 выискалась!» — фыркает мой внутренний голос, моё противное второе «я».

В поезде я чувствовала себя вполне сносно, если не считать дорожного сервиса. Мне попалось место у туалета. Хуже не придумаешь. Эти хлопанья дверью, этот характерный запашок! Но в душе было комфортно. Той тревоги, что владела мной в прошлую поездку, не наблюдалось. Может быть, я научилась управлять своими чувствами?

Я говорила себе: «Ну что может ждать меня в Томске в случае самого плохого варианта событий? Если СВ не будет в его доме? Например, он переехал к семье. Да, я не увижу его. Но зато он будет жить в тепле, накормленный, присмотренный, окружённый детьми. А это при создавшихся обстоятельствах самое главное».

Легко ли человеку со сломанной ногой существовать в экстремальных условиях частного дома? Приготовить себе поесть — это ещё туда-сюда. А вот воды принести, дров наколоть, золу вынести, в магазин сходить за продуктами — задание для последних героев. Моё воображение рисовало яркие картины того, как СВ со всем этим не справляется, и душа рвалась на помощь. И я рванула вслед за ней.

Ворота были не заперты. И перед этим мне попались навстречу люди с вёдрами, полными воды. Хорошая примета.

Чёрта с два! Не верьте приметам — всё чушь.

Расстояние в десять-пятнадцать шагов по узкому дворику до двери я прошла, волнуясь, как перед экзаменационным столом, на котором разложены билеты. Страшно было шагнуть за порог. Как нырнуть в прорубь.

Что же такое сразу сказать? Не фальшивое, а такое — с лёгким юмором, чтобы сразу разрядить обстановку. С СВ никогда не знаешь, как повернётся дело. Он не умеет выражать радость. Мистер Мрачность, ничего не поделаешь.

Не придумав ничего остроумного, я вошла со словами:

— Сюрприз!

Лучше бы я нырнула в прорубь.

На меня обрушились громы, молнии, ураганы, смерчи и вообще все мыслимые и немыслимые катаклизмы.

— Ты зачем приехала? Кто тебя просил? Как вы меня все достали! Я хочу побыть один, вы что, не понимаете? Мне нужен покой!

Я разделась, достала пакет молока, пачку молотого кофе. Сердце сжалось, как в кресле у стоматолога. Но я приказала себе не сдаваться. Я не маленькая испуганная птичка. Я — кошка, которая гуляет сама по себе. И сейчас ей вздумалось гулять здесь. Но перестроиться я не успела.

— Ну хорошо, я сейчас выпью кофе и уйду, — прозвучало это с некоторым вызовом и, наверное, с плохой скрытой обидой в голосе.

— Вот-вот! Ты понимаешь, в какую ситуацию меня ставишь? Ты — такая хорошая, а я, подлец, тебя выгоняю. Ты уйдёшь, а меня совесть будет мучить. Вот что ты наделала! — орал СВ. — Нет, Аля, ты однозначно сегодня же уедешь. Почему ты не позвонила, что приедешь? Я бы тебе сказал, что этого делать не надо.

— Вот поэтому я и не позвонила, — отбивалась я.

Но ему удалось-таки заставить меня чувствовать себя виноватой и эгоисткой в придачу.

— А если бы я был с женщиной? — продолжал вопить СВ.

Смешно!

Видел бы он себя со стороны: с костылями, обросший, под глазами отёки.

С женщиной! Это нонсенс. Я бы даже осмелилась сказать — оксюморон.

— Ну и что? — спрашиваю я в ответ на его нелепый довод. — Ну и что?

Как развернулись бы события, если бы я действительно застала у него женщину?

Дежавю.

Однажды он на глазах у всей нашей честнóй студенческой компании увёл к себе Лильку. Мы отмечали всей группой какой-то праздник. Весь вечер он дразнил меня, заигрывая с другими. Я привычно печалилась и бесилась. Как он увёл Лильку, видели все, и я тоже. Рано утром обречённо я потащилась к нему на квартиру. Он снимал комнату в частном доме, рядом с общежитием. Из окна коридора можно было видеть ворота этого дома. Не помню, то ли это была осень, то ли весна. Скорее, весна. Утро выдалось тихое, будто замёрзшее от тонко выпавшего снежка. Ещё ни одни следы не нарушили девственность белоснежного покрова. Зачем я шла туда? Я ведь была уверена в том, что увижу. Может, я любила свои страдания? И шла туда за очередной их порцией, как голодный за горячим супом? Или как наркоман за дозой?

Лилька сидела, уже одетая, на постели. И противно хихикала. СВ примостился в своей традиционной позе на табуретке молчаливым сфинксом. Я бы даже сказала, свинксом. «А ничего не было. Ничего не было»,—лепетала моя однокурсница.

Как будто это имело значение. В данном случае намерение есть действие. А нюансы—просто маленькая неудача одного из партнёров.

Не сказав ни слова, я повернулась и ушла. Моя душа скукожилась от горя. Я увидела что хотела. Констатировала факт с мазохистским удовольствием.

Спустя какое-то время, кажется, уже была осень, я ещё раз пришла туда к нему. Он был весел и благодушен. Я ушла утром. И теперь у моей дочери его разрез глаз.

Чтó мне его женщины теперь?

Я бы, пожалуй, даже обрадовалась. Это бы означало, что я могу со спокойной душой вернуться назад.

Какое, однако, благородство! А что, не измылится, как говорила моя покойная тётя. Да, чуть-чуть цинизма мне не помешает.

— Была бы у тебя женщина! И что в этом страшного? Отправил бы её домой, а я бы осталась. Всё-таки я приехала издалека, а она здешняя. Может прийти к тебе в любой другой момент.

Но, похоже, он не слышал меня.

— Если ты не уедешь, со мной случится истерика.

Пожалуй, он был к ней близок.

— Да успокойся ты. Конечно, я уеду. Вот только кофе выпью.

В душе мгновенно образовалась пустота, в которую, как в шар, надули боль. Глаза стали горячими по краям, наполнившись слезами. Но я знала, что справлюсь.

Надо заняться кофе, отвлечь себя бытовыми мелочами.

Я включила электрический чайник.

Что ж, надо признать, моя спасательная экспедиция провалилась.

Вот дура-то! Размечталась! Думала: приеду, буду ухаживать за больным, вкусно кормить, поить. А главное—я мечтала отметить с ним Старый Новый год. Раз уж не удалось встретить настоящий. И рассказать о дочери. Может быть. Он мог ею гордиться.

Представляла, какой я накрою стол, со свечами, новогодней атрибутикой. Даже привезла с собой Деда Мороза с колокольчиком.

А теперь придётся уезжать несолоно нахлебавшись. Дочь опять осталась без отца. Нет, не так. Отец опять остался без дочери.

Главное—поезда сегодня вечером идут дрянские, типа Владивосток—Харьков. Я залила кофе кипятком, ждала, пока заварится. Конечно, его следовало бы сварить по-настоящему, в турке, на плите. Да чего уж! Всё идёт наперекосяк, так что сойдёт дежурный вариант.

Кофе привёл меня в чувство.

Бедный СВ! Это как же его побила жизнь, что он так реагирует на обычное внимание. Он корчится от него, как от раскалённого железа. Совершенно изломаны инстинкты. Вместо радости он впадает в истерику.

— Я никого не хочу видеть, понимаешь ты это?! У меня голова трещит—гайморит обострился. Мне покой нужен.

— А я к тебе не на свидание приехала. Воды принести, продуктов закупить, наготовить всего…

СВ снова дёрнулся.

— Не надо мне ничего готовить, я ничего не ем—почиститься хочу. Что вы все лезете ко мне! С работы звонят, спрашивают. Ты теперь… Я сам справлюсь.

— А это—гордыня, дорогой. Почему бы не принять помощь? Ведь это нормально, когда человек её предлагает. И вообще, не будь банален. Считай, что я приехала с другого конца города. Ну, неудачно зашла. Ничего страшного. «Живи один. Как царь»,—откуда эти строки?

Кофе выпила. Пора уходить? Нет, пожалуй, ещё заварю порцию. Куда спешить? Не хотелось так рано отправляться на вокзал. Хотя бы ещё час продержаться.

Я продержалась ещё два часа. СВ успокоился. Буря улеглась. Мы вполне мирно поболтали. Но настроение было такое, будто меня обманули. Обещали апельсин, а подсунули лимон. Обидно.

Но обида—чувство непродуктивное, я никогда не позволяю ему брать над собой верх. Обижаться на человека—значит, не понимать мотива его поведения.

А СВ я понимала. Предстать в таком жалком виде перед женщиной не всем под силу. Это всё равно что заставить больного человека тащить

рояль на девятый этаж. Другое дело, что я-то хотела помочь ему этот рояль нести. Но оказалась сама этим самым роялем.

Всё так. Но душа плакала.

— Извини меня,— сказал СВ, когда я оделась, чтобы уйти.

— Всё нормально. Пока,— ответила я и зашагала прочь, намереваясь никогда сюда больше не возвращаться.

«Тем лучше,— говорил мне мой внутренний советчик.— Зачем тебе этот больной несчастный мужик, с изломанной душой, да ещё импотент?»

О последнем доводе можно было и промолчать. Секс — это всего лишь одна из многих сторон отношений. Важная, конечно, но если твоё либидо спит, то ничего не остаётся, как только разговоры разговаривать.

Как написал мной любимый Губерман:

Когда года, как ловкий вор,
уносят пыл из наших чресел,
в постели с дамой — разговор
нам делается интересен.

Мой любовный пыл угас много лет назад. Может, угольки ещё и теплятся, но вряд ли их можно раздуть в огонь. Впрочем, СВ и не пытался. Каким бы больным мужчина ни был, но если рядом женщина, которая ему нравится, он обязательно проявит это чувство. Будет стараться прикоснуться к ней, обнять. И уж точно не будет спать в другой комнате, если только у него не энурез. Воля к жизни!

Или я совсем неинтересна ему как женщина, или СВ безнадёжный импотент. Бедняга. Хотя французы говорят: пока у мужчины работают пальцы, он всегда сможет доставить удовольствие женщине.

Стоп, стоп! Что уж я так? У СВ сломана нога, голова раскалывается, нос не дышит из-за гайморита, а я тут со своим сексом. По́лноте, мадам, оставьте эти глупости до его выздоровления.

«А лучше — навсегда,— добавил мой бесценный внутренний голос.— Вспомни Шопенгауэра!»

Утешимся Шопенгауэром. Если тебе в любви отказывают, то в этом виновата воля к жизни. Это она определяет выбор. Ей виднее, кому быть вместе, чтобы произвести более совершенное потомство.

Одна только закавыка: потомство от этого индивида я уже произвела. И довольно удачное, на мой взгляд.

С этими мыслями я вышла в центр. До предполагаемого поезда было ещё далеко. Зайду-ка я в книжный магазин, посмотрю, какой литературой живёт Томск.

Нет, всё же мир автомобилей мне нравится куда меньше, чем деревенский, в котором чаще можно встретить корову или собаку, а не технику. Этот вывод я сделала, когда пыталась перейти дорогу, чтобы попасть в «Книжный мир». Не улица, а линия фронта. Того и гляди — попадёшь под колёса этих железных коней, ставших хозяевами жизни. Прав, о, как прав был Есенин, опасаясь их наступления на мир людей.

— Подайте Христа ради! — слышу я мягкий мужской голос прежде, чем проявился сбоку его хозяин.

Лет тридцати, с приятной русой бородкой, в длинном коричневом плаще. Симпатичный. Я достаю пятьдесят рублей и отдаю ему. Неслыханная роскошь, конечно. Обычно нищим подают мелочь, я ещё иногда и десять рублей. Но в этом случае, как говорится, за красивые глаза и полсотни не жаль.

Сам просящий был удивлён моей щедростью. Хотя разве это щедрость?

— Как ваше имя? — спросил он.— Я помолюсь за вас сегодня вечером…

Помолись, голубчик, помолись.

В душевном смятении я перешла дорогу не на пешеходном переходе, хотя всегда придерживаюсь правил дорожного движения. Даже если нет в обозримом пространстве машин, никогда не иду на красный свет. Так и дочь приучила. А тут вдруг изменила своему принципу.

Меня не оправдывало и то, что светофор задержал нетерпеливый поток рвущихся вперёд средств передвижения. И всё-таки я себя этим оправдала. Внутренний голос что-то попытался вякнуть, но мне легко удалось не услышать его.

Из книжного магазина я вышла умиротворённая, если не сказать — счастливая. Тяжесть с души ушла, и я готова была наслаждаться жизнью. Много ли человеку надо? Вот купила я два диска классической музыки и книгу, о которой мечтала,— и мир заиграл для меня прежними красками.

Сегодня Старый Новый год и мой профессиональный праздник! Если мистер Костяная Нога спрятался за своими комплексами и отослал прочь, это не значит, что я не могу отметить эти даты с Андреем Первотолчиным. Тем более его офис почти рядом — свернуть за угол и чуть-чуть пройти по центральной улице. Надеюсь, я вспомню, как его найти.

Я почти не плутала по этажам здания. Один раз заглянула не в ту комнату, а во второй раз попала в точку. Андрей был на месте. Выглядел грустным.

— Здравствуй, Андрюша! Вот заглянула к тебе — есть повод выпить. Даже два повода: Старый Новый год и наш профессиональный праздник. Мы же журналисты по образованию. А я — так и по профессии. Могу сбегать за шампанским.

— Есть и ещё один повод. Но о нём потом. А пока беги в магазин.

Вернувшись с бутылкой шампанского, я узнала, что у Сергея сегодня — день рождения. Ему исполнялся пятьдесят один год. Да, время летит. Впрочем, не могла же я ожидать, что ему будет тридцать?

— А ты каким ветром опять у нас?

Сказать правду я не смогла, почему-то не повернулся язык. И тогда я сочинила историю о том, что…

— У меня сестра с мужем приехали сюда на юбилей брата мужа. А живут они на Дальнем Востоке. Чтобы повидаться с ними, я и прикатила. Ещё вчера. Сейчас они уже улетели, а я отправилась на вокзал. Но прежде решила зайти к тебе. И удачно.

Эту историю я приберегала для СВ. Думала использовать её как-нибудь, чтобы мой приезд выглядел оправданным. Мол, не ради тебя, а с оказией.

Почему я соврала Андрею?

Ну в самом деле, не рассказывать же ему про СВ? Я выглядела бы последней идиоткой. И вообще, в тот момент мне было стыдно признаться в том, что я сломя голову примчалась к человеку, который пренебрёг мной когда-то.

И об этом знал если не весь университет, то весь наш курс уж точно. Не объяснять же, что он теперь — израненный жизнью солдат. Да ещё на костылях! Ха-ха!

Не смешно.

Но вернусь к шампанскому. Так себе напиток.

Затем мы пили коньяк «Хеннесси». Уже не вдвоём. Пришла двоюродная сестра Андрея с охапкой разноцветных шаров и какой-то мягкой игрушкой. Потом подошёл его друг-армянин. И пирушка удалась на славу.

Приправленная музыкой юности «По волнам моей памяти», она легко свернула мои намеченные планы. Ни на какой вокзал я уже не собиралась, хотя изо всех сил изображала уезжающую вечером даму. Я уже приняла другое решение.

И когда мы наконец всё выпили и расстались в самом лучшем расположении духа, я потащилась к СВ.

Город погрузился в густые сумерки, похожие на кисель. Ещё чуть-чуть — и плотная вечерняя тьма укутает мир как паранджой. Но она не страшна, пока город не спит.

Я шла мимо ярких витрин, в которых ещё жил Новый год. Одна витрина остановила меня: в больших стеклянных вазах разноцветным пухом лежали лепестки цветов. Я представила, как будет классно рассыпать их в печальном доме у СВ. Новогодний листопад из роз. Может быть, это скрасит настроение мистеру Депрессия.

Когда я добрела до его деревеньки, которая хоть и находилась недалеко от центра, но будто существовала на другом континенте, стало темно — хоть глаз коли. Фонарей не было. Желтели комнатным светом редкие окна. И всё же я без труда узнала его ворота.

И тут меня ждал удар.

Ворота были заперты. Вряд ли бы я смогла выбить замок. Но попыталась дважды подать плечом. В своей новенькой светлой шубке! Может быть, я вообще приехала сюда только для того, чтобы показать свою обновку. Чтобы СВ посмотрел на меня в ней и влюбился. И вот сейчас я могу растерзать нежную шкурку о занозистую твердь ворот.

Замок стоял насмерть.

Отчаяние и разочарование завертелись во мне в ритме полонеза Огинского. Но я дама упрямая. Если чего-то захочу — добьюсь. А я во что бы то ни стало хотела попасть к СВ.

Перелезть, конечно, не удастся. Забор и ворота были довольно высокими — я представила, как карабкаюсь в своей новенькой любимой шубке. Дама в постбальзаковском возрасте, которой впору внуков нянчить, лезет через забор к любовнику. Смешно.

Да, охота пуще неволи. А ведь поверху, кажется, колючая проволока натянута. Просто крепость какая-то, а не лежбище рака-отшельника.

И тут я вспоминаю, как СВ ещё в первый мой приезд говорил, что замок в воротах, в принципе, можно открыть любым ключом. Что ж, попробуем.

Главное — не отчаиваться.

Не знаю, сколько бы я ковырялась у этих чёртовых ворот, как вор-домушник в дебюте, но тут Судьба ко мне смилостивилась. Она прислала мне помощь в виде соседа. Его фигура вынырнула из темноты и спросила доброжелательно:

— Вы к СВ?

— Да, приехала из Красноярска, а попасть не могу.

— Давайте я попробую открыть.

У него это получилось довольно быстро. Замок поддался, и желанные врата в рай (или преисподнюю?) открылись. Счастливая, я поспешила к светящемуся окошечку. Заглянула в него. СВ сидел к окну спиной, не ведая, что через минуту к нему постучится незваная гостья, которая, как он, небось, считает, несётся на всех парах домой.

Свинья! Выгнать женщину в неизвестность! На вокзал! А вдруг поезда не будет? Или он пройдёт поздно ночью, а то и вообще утром?

Но тут мой взгляд упал на костыли, и гнев стих. В конце концов, он меня не звал.

Но тут очнулся мой внутренний голос: «Тем более должен был обрадоваться».

Никому он ничего не должен.

Ладно, пора стучаться в дверь.

А что же сказать?

Скажу: «Это я. Я опоздала на поезд».

Ведь не выгонит же он пьяную женщину на ночь глядя?

Представляю, как СВ «обрадуется». Эта мысль рассмешила меня, и я, подкреплённая алкогольной уверенностью, постучала.

— Кто там?

Ах, с какой эротической хрипотцой звучит любимый голос!

Ну, держись, СВ!
— Это я, дорогой. Я опоздала на поезд.

Жаль, я не видела выражения его лица. Может быть, оно было радостным? Голос, увы, не выдал никаких чувств.
— Заходи. Ты как ворота открыла?
— Сосед помог. Это судьба, дорогой. Ты должен смириться.
— Ты никак выпила?
— Да. Я зашла к Первотолчину, а у него сегодня день рождения. А потом я опоздала на поезд. Не идти же мне в гостиницу? Такие деньги тратить, когда у тебя есть свободная кровать,—пустилась я в объяснения.—Давай деньги на гостиницу, и я уйду.

Чистый блеф. Никуда я не собиралась уходить.

СВ закостылял из кухни в комнату.

«Сейчас принесёт деньги»,—предположила я. Можно подумать, я их возьму!

И точно. Мой благородный друг принёс тысячу рублей.

Мужчины—полные идиоты. Или мне так повезло.
— Вот и замечательно,—ворковала я,—теперь на эти деньги я откупаю у тебя одну комнату…

Я смотрела на СВ, и он мне показался удивительно красивым. И так захотелось, чтобы он любил меня.

Но мой внутренний страж прошипел: «Не будь дурой! На эти грабли ты уже наступала. Человек не меняется».

На этот раз я к нему прислушалась.

Вечер прошёл мило.

В полночь я рассыпала лепестки. Я подкинула их вверх, и они плавно опустились на пол. Казалось, что пролетела стая разноцветных птиц и потеряла по пёрышку.

СВ, конечно, заканючил:
— Ну, Аля, зачем нужно разбрасывать?..

Да, слон никогда не станет бабочкой. Маленький принц, кажется, об этом говорил.

Чтобы не разочароваться, никогда не следует требовать невозможного. Многие отношения между мужчиной и женщиной портятся именно поэтому. Довольно часто женщина, выходя замуж, ждёт от любимого того, что он ей дать не может. И он в этом не виноват, как не виновата стиральная машина, что не может мыть посуду или печь пироги. А глупышки всё надеются на чудо, скандалят, давят на мужей и так далее. В результате—ненависть, разбитые сердца и развод по-русски.

СВ нагибается и подбирает мой новогодний салют.
— А зачем они нужны?
— Ванну принимать. Ванна с лепестками роз. Красиво.

И тут меня ударяет воспоминание.

Мы со Стариком в ванне пьём шампанское. Вокруг нас плавают яблоки, апельсины и витает абсолютное счастье. Приличные остатки напитка, который шипит, как гусь, Старик выливает мне на голову. Струйки стекают по лицу, я слизываю их. А Старик выливает на меня ещё одну бутылку…

Виде́ние это мгновенно. Где хранится оно? И какой механизм приводит его в действие?

Я смотрю на СВ. Он мне нравится. Но он—не мой мужчина. Я понимаю это отчётливо. Грустно. Но так бывает. С ним я буду несчастна.

Если Старик был человек-Праздник, то СВ—человек-Горе. Наверное, он не виноват в этом. Из четырёх его жён ни с одной не удалось создать настоящую семью. А какая женщина подошла бы человеку-Горю? Может быть, женщина-Радость?

Ба, так ведь это я. Хватит ли моей радости, чтобы избавить его от горя?

Эгоистичный внутренний голос захихикал: «Как же, держи карман шире! Да его горя хватит не на одну женщину. Каждую превратит в миссис Несчастье. Опыта хватит».

Я вздыхаю.

А может быть, тепло, забота, терпение, нежность и ласка превратят этого холодного и сдержанного болвана в настоящего мужчину, который ответит мне тем же?

«Не будь идиоткой. Сама же говоришь, что стиральная машина никогда не сможет напечь пирогов»,—внушал мне мой личный воспитатель.

СВ курил в печь.
— Хочешь покурить травки?
— Травки?—переспрашиваю я, раздумывая.—А почему бы и нет? Давай.

Я затягиваюсь, успокаивая себя тем, что:

- во-первых, никогда больше мне не выпадет такой случай, и поэтому не стоит бояться привыкания;
- во-вторых, многие творческие личности баловались травкой;
- в-третьих, могу же я попробовать это в… свои-то годы?

Дым проникает мне в лёгкие и… ничего. Даже головокружения я не почувствовала. Затянувшись несколько раз, я разочарованно и облегчённо бросаю это дело.

СВ смеётся:
— Видела бы тебя твоя дочь! Как ты косячок смолишь.

Да, она моя дочь. Только моя. А ты болван.

Я в ужасе замахала на него руками.
— Я недавно по радио слышал передачу о судьбах людей,—заговорил СВ.—Свою историю рассказывала пожилая семидесятичетырёхлетняя женщина. Говорила о том, как всю жизнь любила одного человека, который всю жизнь принадлежал другой семье. И вот недавно они стали жить вместе. Жена

его умерла, дети выросли, он одинок. И рядом он теперь с ней, но ей так горько, потому что не может дать ему молодой горячей любви…

— Да, грустная история.

А про себя думаю: если СВ решил намекнуть на наши отношения, так это сказочка не про меня. Я не любила его всю жизнь. Наша теперешняя встреча — ошибка судьбы. Или насмешка.

— Пожалуй, я прилягу, почитаю, — сообщает СВ.

Я устала, но мне жаль спать. Это будет потерянное время. Время, которое я могла бы провести с СВ, уйдёт на сон, то есть в пустоту, чёрную дыру.

— Можно, я посижу у твоей кровати?

Боже, я совсем спятила. Кто я? То ли сиделка, то ли любовница, то ли мать Тереза.

На душе покойно.

Я не терзаюсь оттого, что не лежу с СВ в постели. А, честно говоря, не отказалась бы.

— Можно, я полежу у тебя на плече?

Ответ мне известен заранее. Вопрос — это так, психологический тест.

— Аля, ну не начинай…

Господи, как хорошо, что я всё-таки не влюблена в него и что моё либидо крепко спит. Иначе моё сердце бы сжалось от боли. Его отказ кинжалом вонзился бы в мою душу и распорол её, как перину. Полетели бы от моей жизни пух и перья, а также рожки да ножки.

Мне становится смешно. Смех раздирает меня. Я не могу остановиться.

— О, прекрати это! — прошу я сквозь смех. — Что это такое? О Господи! Ха-ха-ха.

Смеялась я до слёз несколько минут. СВ смотрел на меня весело и мягко.

— Это от косячка тебя разобрало.

— Как ужасно не контролировать себя. Неужели смех — от травки?

— Конечно.

СВ опять уходит в книгу, а я прикрываю глаза. Всё-таки я устала. Может, пойти спать? Импотентское поведение моего больного очевидно.

Вспомнился Старик. Он уже жил в семье. Прислал письмо-загадку. О том, что лежит со сломанной ногой в больнице города Х. Я влюблена была до беспамятства. Как кошка во время течки. Чтобы отыскать его, мне пришлось обзвонить все больницы большого краевого города. Нашла, приехала. Утром и вечером я бежала к нему на свидание, как девочка-подросток. Хотя тогда мне было тридцать лет. Мы были окружены любовью, как Земля туманностью Андромеды. Мы в ней купались, как воробьи в пыли. Взгляды, прикосновения, поцелуи, слова — всё как во хмелю.

Я купила тогда себе и ему по сборнику сонетов Шекспира, и мы переговаривались с помощью великих стихов. Мы находили в них себя, свои чувства. И я не задавалась вопросом: любит ли? Это было очевидно.

Но с мистером Костяная Нога всё так сложно. Интересно, он читает или делает вид?

Я смотрю на СВ. Всё-таки он красивый.

— СВ, ты очень красивый.

— Алина, ты напилась, накурилась, вот и мерещится чёрт-те что.

Я не перечу. На душе лёгкость необыкновенная. Это после смеха. А смех — вещь крайне полезная. Что там писала о нём моя любимая Кларисса Пинкола Эстес, чью книгу я так удачно сегодня купила? Я достаю «Бегущую с волками» из сумки, листаю и наконец нахожу нужное.

(СВ всё это время с интересом наблюдает за мной, как зоолог за обезьяной.)

«Смеясь, женщина дышит свободно, и такое дыхание может вызвать прилив несанкционированных чувств. Что же это за чувства? Оказывается, это не столько чувства, сколько средства, которые расслабляют и лечат чувства и часто помогают пролить сдерживаемые слёзы, или извлечь забытые воспоминания, или порвать цепи, сковывающие чувственную личность».

— И что ты читаешь? — не выдерживает и спрашивает СВ.

— О, это замечательная книга американского философа и психоаналитика Клариссы Эстес о женских архетипах в мифах и преданиях. Я считаю, эта книга должна быть настольной у каждой женщины.

— А, дребедень, значит.

— Я тебе сейчас дам почитать одну сказку из этой книги. Мне хотелось бы знать, что ты об этом думаешь.

Женщина-Скелет

(Из книги Клариссы Пинколы Эстес «Бегущая с волками»)

Она совершила что-то такое, отчего её отец разгневался. В чём именно она провинилась, никто уже не помнит, только отец притащил её на берег моря и сбросил со скалы вниз. Рыбы обглодали её плоть и выели её глаза. Остался скелет, который подводные течения перекатывали по дну.

Однажды рыбак отправился ловить рыбу. Надо сказать, что многие в своё время наведывались в этот залив, но наш рыбак уплыл далеко от родного дома и не знал, что местные рыбаки стараются держаться отсюда подальше, потому что здесь водится нечистая сила.

И надо же было так случиться, чтобы крючок, заброшенный рыбаком, зацепился за ребро Женщины-Скелета. «Должно быть, на этот раз попалась большая рыба, — подумал рыбак. — Наконец-то!» В мыслях он уже прикидывал, сколько людей удастся накормить такой огромной рыбой, насколько её хватит, как долго он сможет отдыхать

от своих обязанностей добытчика. Рыбак боролся с тяжёлым грузом, висевшим на крючке, а морская вода кипела и пенилась, лодка-каяк подпрыгивала и дрожала, потому что та, что лежала на дне, пыталась освободиться. Но чем больше она боролась, тем больше запутывалась в леске. Несмотря на все свои усилия, она неудержимо приближалась к поверхности, влекомая зацепившейся за рёбра леской.

Рыбак как раз пытался поддеть добычу сачком и потому не видел, как из воды показался голый череп, не видел поблёскивающие в глазницах кораллы, не видел ракушки, облепившие жёлтые зубы. Потом он обернулся, держа в руках сачок, и тут увидел Женщину-Скелет во всей красе: она свисала с носа каяка, вцепившись в него длинными передними зубами. «А-а-а!—вскрикнул бедняга, и от ужаса сердце у него ушло в пятки, глаза полезли на лоб, а уши запылали огнём.—А-а-а!»—завопил он и сбил её с каяка веслом, а потом начал грести к берегу как угорелый. От страха он не сообразил, что скелет попался на удочку, и совсем перепугался, когда увидел, что ужасный призрак следует за ним к берегу. Куда он ни направлял свою лодку, Женщина-Скелет не отставала; её дыхание собиралось над водой клубами пара, а руки тянулись к нему, будто желая схватить и утащить на дно.

«А-а-а-а-а!»—закричал он, добравшись до берега. Одним прыжком он выскочил из каяка и, сжимая в руке удочку, бросился наутёк. А коралло-во-белый скелет, всё ещё обвитый леской, лязгая, запрыгал вслед за ним. Он на скалы—Женщина-Скелет за ним. Он через ледяную тундру—она следом. Он пробежал по мясу, разложенному для просушки, и разметал его в клочья своими сапогами-муклуками.

Неотступно следуя за ним по пятам, Женщина-Скелет подхватила несколько мороженых рыбин и стала жевать: ведь у неё во рту так давно не было ни крошки. Наконец рыбак добрался до своей снежной хижины, иглу, нырнул в лаз и на четвереньках прополз внутрь. Он лежал во тьме, задыхаясь и всхлипывая, а сердце стучало как бубен—самый гулкий бубен. Наконец-то он в безопасности, в полной безопасности, да, в безопасности! Слава богам, слава Ворону и изобильной Седне… наконец-то… он… в безопасности.

Он зажёг коптилку, и—о ужас!—на снежном полу ворохом костей лежала она: пятка зацепилась за плечо, колено застряло между рёбрами, нога закинута за локоть. Потом он не смог сказать, что это было: может, свет смягчил её черты, или всё дело в том, что он был одинок. Только в сердце его зажглась искра доброты, он медленно протянул почерневшие от сажи руки и, что-то ласково приговаривая, как мать, утешающая ребёнка, принялся распутывать рыболовную леску.

«Вот так, вот так,—сначала он освободил пальцы ног, потом лодыжки.—Вот так, вот так». Он трудился всю ночь и под конец закутал её в меха, чтобы согреть. Теперь все кости Женщины-Скелета были на своих местах, как положено у человека.

Он достал кремень и, отрезав часть своих волос, развёл маленький костёр. Время от времени, смазывая жиром драгоценное дерево своей удочки и сматывая леску из жил, он поглядывал на неё. А она, закутанная в меха, не говорила ни слова—не смела,—чтобы рыбак не вытащил её из хижины, не сбросил со скал, не разбил её кости. Рыбак стал клевать носом, забрался под меховое одеяло и скоро уснул. Бывает, что, когда человек спит, у него из глаз выкатывается слезинка. Никому неведомо, какой именно сон бывает тому причиной, но мы знаем, что этот сон навеян печалью или тоской. Так случилось и на этот раз.

Женщина-Скелет увидела, как в свете коптилки блеснула слеза, и вдруг ей ужасно захотелось пить. Позвякивая костями, она подползла к спящему и приникла к слезинке ртом. Эта одна-единственная слеза была как река, и она всё пила и пила, пока не утолила жажду.

Потом она легла рядом с рыбаком, проникла в него и вынула сердце, гулкий бубен. Села и стала бить в него с обеих сторон: бом-бомм! бом-бомм!

И под этот ритм бубна она запела: «Плоть-плоть-плоть! Плоть-плоть-плоть!» Чем дольше она пела, тем больше её кости обрастали плотью. Так она напела себе волосы, и зоркие глаза, и красивые полные руки. Напела себе лощинку между ногами, напела груди—такие длинные, чтобы ими можно было обернуться для тепла,—и всё остальное, что нужно женщине.

Когда всё у неё было на месте, она песней сняла со спящего мужчины одежду, забралась к нему в постель и тесно прижалась к нему. Она вернула обратно его сердце, гулкий бубен, и так они и проснулись—сплетясь телами, соединённые новой связью, доброй и прочной.

Конец сказки.

Пока СВ читал, я следила за ним. Прочитай и пойми, дурачок, что мы с тобой—как эти рыбак и Женщина-Скелет. Ты одинок, моя женская суть обглодана до скелета мужчинами-пираньями. Но мы можем помочь друг другу. Я мечтательно рисовала себе картины нашей идеальной совместной жизни…

—Чушь! Как вы, бабы, можете такое читать?—СВ отбросил книгу и уставился в потолок.

Да, рыбака из него не получится. Иди-ка и ты, несостоявшаяся Женщина-Скелет, спать в другую комнату.

Жаль, что у него две кровати.

Когда я уснула, из-под моих ресниц выкатилась горячая слеза. Должна была выкатиться.

Утро началось слишком рано, хотя я и жаворонок. Но я слишком поздно вчера легла спать и всё-таки накануне выпила немного лишку.

Так вот, утро началось слишком рано, с голоса СВ:

— Вставай. Сколько можно спать?

Я продрала глаза на окно. По степени рассвета время — около восьми. Ещё бы часок поспать. Зачем СВ будит меня?

— Мне что — пора уходить? — спросила я бодрым голосом.

— Шебурши по дому, раз приехала.

Ха! Я победила. Тигр ушёл в клетку.

Я натянула колготки, достала из сумки голубую рубашку своего брата и осталась довольна своим внешним видом. Женщина в мужской рубашке — это так сексуально! И хотя я не собиралась соблазнять СВ, выглядеть сексуальной всё же хотелось. В придачу, конечно, ко всем моим другим достоинствам.

СВ мой внешний вид не оценил. Или оценил? Он сказал язвительно:

— Чего это ты в неглиже расхаживаешь?

М-да, хорошее неглиже.

— Тебя смущает, что я в колготках?

— Нет. А тебя?

— Нисколько.

Но пошла и надела брюки, чтобы наказать СВ. Теперь он не увидит моих стройных ног.

Сначала я навела порядок на столе. Разложила всё по местам. СВ пристрастно наблюдал за мной, как будто не доверял мне как хозяйке. Смешно! Да я прошла такую школу, что с успехом могла бы работать домработницей. И всё же он зацепился. Я повесила разделочную доску так, что она одним боком оказалась поверх висящего рядом дуршлага. СВ тут же сделал мне замечание:

— Что, нельзя повесить аккуратно?

Я сразу поняла, в чём дело. Ни слова не говоря, я исправила ошибку. Меня разбирал смех. Большое дело, если досточка повисит криво. В другой раз я могу повесить её ровно. Разве это важно?

Да, сейчас замечание СВ меня смешит. А если представить, что он это делает изо дня в день?

— Ты всегда указывал своим жёнам, как делать?

— Ничего я не указывал.

Ладно, проехали.

Как девочка-сиротка у Бабы Яги, я безропотно выполняла все задания СВ. У меня было такое ощущение, что он специально ими меня запугивает. Но врёшь, меня не возьмёшь. Я девка деревенская. В детстве многое делать приходилось. И воду из колодца таскать, и комки угля топором разбивать, и печь топить, и дрова рубить.

И всё же огромные вёдра, из которых мне предстояло принести из колонки воды, меня слегка испугали. Я-то намеревалась с одним ведром сходить несколько раз. Но СВ подтолкнул мне и второе.

Ладно, справимся. Оказалось хоть и тяжело, но вполне по силам, если периодически отдыхать по дороге. Для себя я сделала ещё один вывод. СВ не подумал о том, что я могу сорвать спину. Хреново жить с таким мужчиной.

А с другой стороны, я вспомнила, как он увещевал своего сына Петю. Тот плакал и просился к матери, когда СВ привёл его и Ника к себе на «дачу» на выходные. Это было при первой встрече. Так СВ ему сказал: «Петя, пусть мама отдохнёт, поспит завтра подольше…»

Видимо, я не вхожу в круг заботы СВ. Ну и ладно, сама напросилась. Без обид — просто констатирую факт.

Я ведь друг.

— Итак, дорогой, что дальше? Какие будут указания?

Тимур и его команда.

— Давай попьём чаю, а потом ты сходишь в магазины и купишь всё по списку. Я сейчас напишу.

Этот чай мы пьём с утра. СВ намеренно голодает, чтобы очистить организм. В доме — шаром покати. Почти шаром покати. Есть небольшой кусочек сала, варёная свёкла и банка кабачковой икры. И две булки хлеба. Такая еда аппетита у меня не вызывала, поэтому я пью свой кофе с молоком. Этот тонизирующий напиток прекрасно отбивает чувство голода.

И всё же голод зажал меня в тиски, когда я отправилась покупать заказанное по списку. На Центральном рынке я долго бродила от закусочной к закусочной, не решаясь что-то съесть в таком неприличном для еды месте. Даже несмотря на то, что меня уже трясло от голода, я никак не могла пристать к какому-нибудь съедобному берегу. В попадавшихся мне точках тусовались субъекты, с которыми мне не хотелось находиться рядом и поглощать пищу. Да и все эти сосиски в тесте, гамбургеры, бутерброды, пирожки не воодушевляли, а отталкивали. Наконец я забрела в кафешку, где предлагали пельмени и манты. Там было опрятно, за столиками сидели двое молодых ребят и одна женщина. В таком обществе уже можно было поесть более или менее комфортно.

Пельмени с бульоном просто подарили мне второе дыхание. Эх, хорошо! Теперь можно взглянуть на список. Два-три килограмма рыбы для Кешки (куплю два килограмма, я всё же не тягловая лошадь!), стиральный порошок, три рулона туалетной бумаги (это сойдёт, бумага лёгкая), два пакета краски (для покраски Петиной курточки. Совершенно непонятная мне процедура) с подробным описанием, где их найти, ведро пластмассовое с указанием купить у китайцев на «Шанхайке», бисептол — для лечения гайморита.

Купила я всё, кроме стирального порошка. По дорогой цене я приобретать его не стала: не то чтобы опасалась выговора от СВ, а скорее — чтобы ему угодить. Мне показалось, он скупится на такие

покупки. А так как дешёвый мне не встретился, последний пункт списка оказался невыполненным. Впрочем, с ведром я тоже своевольничала—купила в обычном хозяйственном магазине. Буду я ещё искать китайцев!

СВ к этому и прицепился. Размер ему ведра не понравился, всего десять литров. У китайцев вёдра побольше раза в два. Но меня его придирчивость не раздражала, а забавляла. Может быть, потому, что я знала: вечером уже буду ехать домой. Впрочем, мой гипсоногий друг ворчал недолго.

За время моего отсутствия он вымылся и постирал. А ещё кочевряжился по поводу моего приезда! Ишь какая от меня польза—сколько воды наносила. И ещё принесу. Вёдра-то опять пустые.

СВ опять пригласил попить чаю.

Пожалуй, можно взять тайм-аут. Если не полежать, то хотя бы посидеть расслабленно. Спать хотелось до изнеможения. Вагонная полка в купе фирменного поезда стояла у меня перед глазами, как видеокартинка. Я только и мечтала о том, как зайду и упаду на своё место. И сразу засну. Под стук колёс! Вот блаженство.

Но прежде ещё надо вымыть полы и наколоть дров. Последнее задание Бабы Яги—Костяной Ноги, а вернее, Дяди Яги, меня напрягало. Нужно было расколоть топором довольно большие и тяжёлые сосновые чурки. К тому же они были явно не сухие, значит, процесс разделения их на части предстоял героический. Я с утра проходила мимо них с некоторой тоской в душе, понимая, что мне с ними не справиться.

Чай я заварила ещё утром по команде СВ Он только достал из своих закромов мешочек с какой-то травкой и добавил щепотку. Получилось вкусненько. Теперь мы разбавляли эту заварку кипятком и наслаждались приятной истомой, которую дарил напиток. О чём-то говорили, таком несущественном, что и не запоминалось.

В разгар чаепития на Провиантской (так называлась улица, где проживал дом СВ) раздался телефонный звонок.

—Да,—ответил СВ и весь превратился в слух, прямо как собака, готовая выполнить любое указание хозяина.—Конечно, Оля, я смогу. Не беспокойся, я поживу с ребятами. А когда ты уезжаешь? Шестнадцатого? А приедешь? Ну всё, договорились.

—Это моя Оля звонила,—начал пояснять он, хотя и так было ясно. Дал повод моему внутреннему голосу фыркнуть: «Моя Оля!»—Едет в командировку в Москву на неделю, просит пожить с ребятишками,—сиял, как ёлочная игрушка, счастливый отец.

—Вот и замечательно,—обрадовалась я,—уеду со спокойной душой. Всё-таки городская квартира—более подходящее место для человека со сломанной ногой. Как удачно всё складывается!

«Она могла бы сразу позвать его пожить до тех пор, пока нога не заживёт. Всё-таки это его квартира»,—сделал замечание мой внутренний оппонент. На этот раз я с ним согласилась.

СВ выглядел взволнованным. Переживал эмоциональный стресс. Он востребован семьёй, и это его воодушевляло куда больше, чем мой приезд. Для мужчины быть нужным более естественно, чем принимать помощь. Наверное, именно в таких случаях они чувствуют себя сильным полом. А я подчеркнула его беспомощность и тем самым уязвила его.

Стоп, стоп! Если так рассуждать, то сочувствие и забота—лишние понятия в отношениях с мужчинами. Наверное, всё же сильный мужчина, которого не мучают комплексы, примет помощь женщины как должное, понимая, что и он поступил бы точно так же.

Сделав такой вывод, вздохнув, непонятая, я взялась за мытьё полов. СВ прилёг в своей комнате. Брюки сковывали мои половые движения, и я сняла их.

—Если будешь выходить из комнаты, то знай: я в одних колготках. Мне так удобнее,—крикнула я моему скромному другу.

Погрузившись в процесс, я не сразу почувствовала, что за мной наблюдают. СВ жадно смотрел на меня. Я не сразу поняла этот взгляд. Кажется, его возбуждал вид женщины, моющей полы.

Не кажется, а точно. Я вспомнила случай из нашего студенческого прошлого. Я так же мыла полы в его доме, и дело закончилось постелью. Это воспоминание накрыло меня лёгкой сексуальной волной. Я не позволила окунуться в неё с головой. Сексуальность—вещь естественная, и нет никакой заслуги женщины в том, чтобы произвести на мужчину соответствующее впечатление. Физиология—не более того. Покорить сердце мужчины—вот достойная задача настоящей женщины.

Я сосредоточилась на мытье полов. И тут проскрипел голос СВ:

—Почему у тебя такие мокрые полы? Вытирать надо лучше.

—Я здесь ещё не вытирала, а только намочила.

—А я так не мою.

—Значит, ты просто их протираешь.

Вот какой половой разговор у нас получился.

И всё же его взгляд жёг меня. Я не могла освободиться от ощущения, что он съедает меня глазами.

А может, я всё это выдумала? Что по этому поводу думает мой внутренний голос? Удивительно, но он молчал. Спит, холера, когда так необходимо его мнение.

Я выскочила на улицу, вдохнула холодного воздуха, который несколько отрезвил меня. Нельзя поддаваться этому чувству. Никаких надежд. Это память тела и не более. Сосредоточимся на мытье полов. И потом, мне скоро отправляться на вокзал. Отряхнувшись от нежданных эротических иллюзий, я вошла в дом.

Едва я успела домыть пол, как в дверь постучали. Вошёл здоровый парень.

— А, Серёга, заходи! Ты вовремя. Наруби мне дров, будь другом.

Я обрадовалась. Проблема решилась без моей помощи.

— Какие разговоры?! Я сейчас, мигом!

— Да ты погоди, чай сначала попей.

Мы пили чай втроём и молчали.

Я устала. Не от работы. Душа страдала, а это тяжелее физических нагрузок.

Стрелки часов приближались к четырнадцати ноль-ноль. На это время я наметила свой уход на вокзал. Фирменный поезд Томск—Москва отбывал в шестнадцать пятнадцать.

Я чувствовала себя чугунной бабой, которая не может пошевелить своими чугунными ногами, чтобы встать и начать собираться.

Ещё подлила себе чайку, благо заварник стоял на столе. СВ переговаривался с Серёгой, но я не разбирала слов. Я сосредоточилась на себе. Ещё немного, и я встану.

Миссия невыполнима? У меня железная воля.

Я встаю и иду переодеваться, складываю вещи. Может, оставить здесь свою рубашку? Она будет напоминать СВ обо мне. И всё же решительно запихиваю её в сумку. Оставим сентиментальность в прошлом.

— Ну что ж, мне пора.

— Я провожу тебя,—сказал СВ, добрый оттого, что наконец-то избавляется от незваной гости.

Я не стала удерживать его, хотя, наверное, для человека со сломанной ногой это подвиг.

Я шла к воротам, как по «Зелёной миле». Он костылял за мной. Я ничего не ощущала. Вместо меня из ворот вышла оболочка.

— Спасибо, что приехала.

Я всматриваюсь в его глаза. Они пылают чёрным огнём, в которых светится… любовь? Глупости! Влюблённый мужчина ведёт себя иначе, даже если нога у него в гипсе.

Поцеловать его?

Да ну его к чёрту! Он не сказал мне ни единого нежного слова.

И всё же я посылаю ему воздушный поцелуй и решительно ухожу. Не оглядываюсь. Нет, я больше не вернусь сюда. Мне ясно дали понять, что я не нужна.

Ноги ускоряют мой ход. Я—одна большая страдающая душа. Душа, убегающая от боли. Перед глазами всё ещё стоит СВ. О чём говорил его взгляд? Да почему я должна это разгадывать? Для чего тогда человеку дан язык? Одно слово, одно прикосновение—и всё стало бы на свои места.

Если бы он сказал: «Иди ко мне…»—я задохнулась бы от счастья.

Сейчас я задыхаюсь от боли.

Я несусь, как парусник. Сейчас сверну за угол, и мне станет легче. Угол отрежет меня от него. Боль гонит меня, глаза слепят слёзы. Я выскакиваю из-за угла, как пробка из шампанского…

Огромная чёрная боль сшибла меня, как собаку. Почему-то эта боль имеет очертания автомобиля. Странно. Она расширяется, рвёт меня на части, давит на мозги так, что кажется, будто я теряю сознание и лечу по длинному тёмному коридору. Лечу, лечу…

И вдруг боль отпускает. Я чувствую необыкновенную лёгкость, как будто я птица. Как будто я всегда была птицей и летать для меня так же естественно, как человеку ходить. Я выныриваю из коридора в ослепительную небесную голубизну. Я лечу над домами. Я вижу двор его дома. Я вижу СВ.

СВ всё ещё ковыляет от ворот. Несчастный, как вся его жизнь. Дорожка скользкая, будто на ней разлили кисель. Ещё не хватало упасть. Только я об этом подумала, как костыль у него подвернулся, заскользил, и СВ плавно повалился на бок.

Я рванула с высоты полёта к нему. Обняла своими крыльями-облаками.

По его небритым впавшим щекам катились слёзы. Он повторял, сжав голову руками: «Господи, как же я люблю её. Господи, как же я люблю её…»

Моя нежность перелилась через край и упала на СВ.

«Я с тобой, дорогой! Я с тобой!»

Вот такой сентиментальный конец придумала я, пока, живая и здоровая, бежала до трамвайной остановки. И так мне было жаль себя и СВ, что сердце разрывалось на части от боли, а глаза—от наворачивающихся слёз. Я была уверена, что люблю этого совсем не подходящего мне человека.

Воля к жизни. С Шопенгауэром не поспоришь.

— Не бойся, я вернусь к тебе. Я обязательно вернусь…— шептала я всю дорогу.

А вернусь ли?

Сергей Пагын

Волхвы, холмы и реки

● ● ●

Она в жж выкладывает сны,
где в облаках разгуливают люди,
цветущей вишни фото, и сосны,
и пирога воскресного на блюде,

осенних ос и тоненькой зари,
черешни в миске, праздничного хлеба…
И вдруг—стихи с иголочкой внутри
домашнее прокалывают небо.

Оно летит почти что в никуда
с невыносимой музыкой и свистом,
чтоб тряпочкой на голых проводах
в пространстве обезлюдевшем повиснуть.

● ● ●

Белая опустевшая голова,
сквозь запястья тихо растёт трава,
между рёбер—ветер, в глазницах—свет
дождевой воды,
и времени больше нет.

Ты теперь пространственная величина,
что-то вроде лодки или окна
на сухом песке, в неживом дому
в бесконечный полдень
спустя войну.

● ● ●

И возникает тишина…
Среди разора и разлада
стоит высокая она
перед началом снегопада.

И свод небесный отворён,
как дверь родительского дома.
Там некто, чист и удивлён,
с порога сходит невесомо.

И шепчем мы: «Смотри-ка, снег…»—
прервав по улице движенье.
И верит старый человек
в печальный свет преображенья,

что он—ребенок у окна
с пиалой маминого чая…
Нам всем казалось—тишина,
а это музыка звучала.

● ● ●

В пространстве, светом сотворённом,
прощальным взмахом и тоской,
ты лес увидишь отворённый,
пустой, расшатанный, сквозной…

Листок осиновый отвесно
слетит сквозь инистую взвесь,
и тут поймёшь, что свет чудесный
на самом деле ты и есть.

Волы, волхвы, холмы и реки,
былое вежество, волшба—
всё существует в человеке,
за твердью сумрачного лба.

И снег, и тоненькие тени,
и пса прибившегося чих—
лишь снов твоих овеществленье,
прозрачных,
белых,
золотых.

Прощание

Я всё так же смертен, как всегда,
и ладонь моя—прозрачная вода.
Ничего туда не унесу,
даже иней, даже мёртвую осу,
даже крошку в бледном узелке,
даже грошик стёртый в кошельке.

Сколько слов извёл я, сколько слов…
Думал, стану светел, чист и нов,
словно воздух вербный по весне,
как рубаха на ветру во сне…

Ничего в себе не изменил
и живу всё так же, как и жил,
некой тайны в сумерках ища,
свет оконца в зарослях плюща,
где живёт-бытует много лет
та, которой не было и нет.

Что ж, прощайте, все мои слова,
пусть не колет стопы вам трава,
пусть вам будет тихо и тепло
уходить по снегу далеко,
уплывать по медленной реке,
улетать по небу налегке.

● ● ●

— Всё хорошо, мой Лазарь, всё хорошо,
выпей вина и миндаля отведай,
видишь, желанный дождь наконец пошёл,
первый засушливым этим летом.

Лазарь встаёт и глядит в окно:
дети, смеясь, танцуют в сиянье лужи.
Только под нёбом горько, в душе темно,
только на сердце иней посмертной стужи.

— Что же мне снилось? Марфа была в слезах,
и виноград, плача, несла Мария.
Я обнимал их, в Марфиных волосах
видел пчелу…
Но были мне все чужие.

Белый козлёнок смотрит в проём дверей,
воды текут улочками кривыми.
Сон отступает…
Ближе, теплей, родней
небо, земля и всё, что на них и с ними.

● ● ●

Может, не бить тревогу, а тихо жить —
просто растить детей, поливать капусту,
слушать прогноз погоды и говорить,
что абрикосов в этом году негусто…

Утром полоть бурьян, ожидать дождя,
ночью писать стихи о небесном свете…
Только несущий чашу, что для тебя,
вряд ли пройдёт поодаль и не заметит.

Криком кричать ли, с дочкой сидеть в тиши,
сказку читать ей о соловье поющем,
только приходит время — и ни души,
лишь в полумраке
с чашей к тебе идущий.

● ● ●

А ты живи в согласии с зимой,
будь чист и ясен, холоден и честен,
не убегая в тёплый травостой
печальной дрёмы и застольных песен.

Стой на холме, смиренно говоря
в прищуренное к вечеру пространство:
«Я брат твой кровный, воздух января», —
и обретёт тогда он твёрдость наста.

И ты пойдёшь над тем, что так любил,
среди дымов, с трудом держащих небо,
над визгом озверевших бензопил,
над запахом рождественского хлеба

в покой окраин, где недужный лес,
пустырь и остов пилорамы бывшей,
где снег блаженный бьёт в далёкий рельс,
и этот зов лишь ты один услышишь.

● ● ●

В тени любви — лишь жалость да печаль,
скрипящий дом и долгие заботы,
и прошлое, в котором смотришь вдаль
и ждёшь отца, идущего с работы.

Как жимолостью пахнет у столба,
и креозотом, и травой сухою!
И грезишь ты, пока коснётся лба
рукой отец, склонившись над тобою.

Из всех небес, подаренных тебе,
и безвозмездно отданного света
ты вынесешь прилипшую к губе
крупинку воска на исходе лета.

В неё впечатан будущий твой день,
когда назло печалям и тревогам
взметнётся вдруг прижизненная тень
и станет ослепительным потоком.

● ● ●

Жившей в пустынном и знойном краю,
холодно старой оливе в раю,
корни болят и немеют.
Рядом горящий и ночью, и днём
лёгким, бесшумным, прозрачным огнём,
куст Моисеев не греет.

Дети подходят, срывают плоды,
быстро суют их в безгрешные рты,
морщатся: слишком уж терпки.
После к смоковнице белой бегут,
вроде засохла когда-то, а тут
как расцвели её ветки!

Птаха взлетает в стеклянный зенит,
облако-колокол в небе звонит
тихо, с недолгой надсадой.
Снится оливе пастушеский дым,
ходит по жилам её золотым
тьма Гефсиманского сада.

● ● ●

Ну вот — ты чистым стал листом
и истолчённою водою.
И мир, как тёмный добрый сом,
плывёт к тебе и над тобою.

Ни сна, ни памяти, ни дна,
лишь тихий снег, сухой шиповник,
растущий в заводи окна,
натёрший ветвь о подоконник.

И чтоб родиться, нужен звук —
скрип двери,
вздох печной соломы
и неба медленного стук
о крышу сумрачного дома.

Марина Гарбер

Commedia dell'arte

● ● ●

Сиротливого ветра качаются волны, как будто,
Неуёмный и нежный, он ищет ладони и губы,
Только воздух обмяк, только замерли мёртвые срубы,
Только утро — опять незнакомое зимнее утро…
Мы с тобой однолюбы, мой ветер, как смерть, однолюбы.

Это жизнь увлекается каждой обновкой и тряпкой,
Лоскуточками правд прикрывая пусто́ты и глуши,
Это яркую жизнь никакая беда не задушит,
А у смерти и лика-то нет: ахиллесовой пяткой
Наступает на горло… Мы — души, мой ветер, мы — души.

Поспевает зима, где-то там, на зелёных болотах,
Где в купавах роса — капля в капле… Вот так на перроне
Друг за другом вагоны — за дальнею жизнью в погоне…
Прикипающий ветер, как мёд, созревающий в сотах, —
Мой бедовый, мой вязкий — елеем течёт на ладони.

● ● ●

Не всё ль равно, как город назовёшь —
Немецким бургом или русским градом?
Убрали урожай, пожали рожь,
Но хлеб — не хлеб, и дом — не дом, а прадом.

Назавтра окольцуется зимой,
Застынет — вещь в себе — подобьем льдины,
И ворон, позабыв, что — за спиной,
От кромки пробежит до середины.

Зима, где — купола и ни кола,
Жизнь умещает в скважине замочной,
Жизнь — два забытых за спиной крыла —
В лёд — траурным контрастом ненарочным.

Нечаянным… Теперь и места нет!
Не чаяли, а вот — мука и перья
Летят к земле, что мотыльки на свет,
Что жизнь — в себя — за стиснутою дверью.

Не всё ль равно, как назовёшь свой дом,
Страну, погост — каким прельстишься дымом,
Когда поймёшь, что суть не в нём, а в том,
Что вороном прикинулось бескрылым?

Застынет тень на том конце реки,
Ей по весне — скукожиться и стаять.
И тянут крылья снегомотыльки,
Короткие и лёгкие, как память.

● ● ●

Б. К. Г.

И клинопись лозы, и винограда
  разлитое по воздуху вино,
И терпкий дух оливкового сада,
  и к морю выходящее окно,
И солнце, окаймлённое пунктиром,
  и чайки не отчаявшейся взмах,
И чья-то речь — морским речитативом —
  взращённая на четырёх ветрах, —
Всё узнано, всё познано воочию,
  пережито не раз… Из полусна
Всплывает разговорчивою ночью
  всё то, что к ночи память припасла.
И, вырвавшись из забытья и дрёмы,
  вот здесь, вдали от ледяной пурги, —
Пронзительное ощущенье дома
  и дрожь тебе протянутой руки.

● ● ●

Здесь всё по-прежнему: труба в дыму и саже,
Конь под уздой, да и сама узда,
Дома, шкафы со сложенной поклажей,
Забытой без особого труда.

Протоптана старательно и узко
Дорожка, по которой всё текло.
В шкафу твоя сиреневая блузка
Впустую отдаёт своё тепло.

Здесь те же листья комнатных растений —
Не изумрудней и не тяжелей.
И остаётся радость превращений
Кому-то понаивней и смелей.

Внутри всё так же — ночью и при свете,
Снаружи то же: за скрещеньем рам
Снеговика долепливают дети,
Воздушные, как будто строят храм.

И, устремляя в небо сухожилья,
Забывшись в зимнем ледяном бреду,
Твои деревья расправляют крылья
И самоубиваются в саду.

Commedia dell'arte

Это сумрачный уличный театр
Развернул цирковые шатры,
А под ними проходит экватор
И отсчёт неземной широты.

Пульчинелла—расстёгнутый ворот,
Тяжело от дождя пальтецо,—
Это твой доморощенный город
Фонарём освещает лицо.

Присмотрись, самый верхний прожектор
Авансцену берёт на прицел,
И его указующий вектор
Выявляет, что жив ты и цел,

Что от занавеса до рампы—
Ровно десять красивых шагов,
Но суфлёр в забытьи, да и сам ты
К этой пьесе пока не готов.

Здесь задворки темны, как кулисы,
И в тревожном качании лет—
То capriccio, то чьи-то капризы,
Антураж, макияж, марафет…

Между лавок, сколоченных наспех,
Рыщет ветер, как уличный вор.
Выходи—на потеху и на смех,
Раз уж в театре таков уговор.

Взгляду не за что зацепиться:
Маски зала и город—без лиц.
Это время сплошных репетиций,
Бесконечных дождливых реприз.

Улыбайся, бесславный Петрушка,
Набирай этот горестный стаж!
Пусть целует любимое ушко
Разноцветный второй персонаж.

Не слезой же замешивать краску
Под шумок закулисной возни—
Скоморошью напяливай маску,
В бубен бей, в колокольчик звони!

Как же песня твоя неумела…
Зал смешит безыскусный чудак,
Выраженье изгваздавший мелом,
Несуразный надевший колпак.

Значит, так же в цене сантименты,
Ярко-красный смеющийся рот,
И, срывающий аплодисменты,
Твой простуженный голос не врёт.

Ведь, целуя впотьмах Арлекина
(Наговорам и сплетням не верь!),
Любит, любит тебя Коломбина,
Мой наивнейший Полишинель.

Италия

Она вторгается серебряным Ренессансом
    в щедрые щели плохо закрытых дверей,
Поддаётся простуженной музыке—романсам, стансам
    и даже мятежным метелям. Ей
Ничего не стоит уколоть многословием вьюгу,
    танцующую под один и тот же мотив.
Так строптивая ласточка—над чёрной волной по кругу,
    так рассвет воздушен, так ветер в полях ретив.
Её имя тает и тает, как снег в апреле,
    упиваясь медлительным звуком «ля».
А вдоль талии—музыка Боттичелли,
    для которой краски—море, небо, земля.
Вот она, под красным—с любыми оттенками—флагом,
    ни во что не верящая, тем более—в стяжную нить,
Переменчивая, как ветер, солдатом или варягом
    одинаково умеющая не быть,
Ибо немощна и в злобе, и в бунте—
    трубач, жаждущий отбоя атак,
Не приживающаяся только на нашем грунте,
    и никогда не следующая за русским «итак»…
Вот она—растрёпанная и босая,
    отбрасывающая непослушную прядь
С высокого лба с отметиной ада и рая—
    и я ей завидую. Но не могу принять.

Рим

В городе том, где аллея похожа на конницу,
Цокающую вдоль Тибра, покрытого инеем,
В городе том кареглазую му́ку-бессонницу
Я называла мужским—и единственным—именем.

В городе, где с куполов петушиное пение—
Так безнадёжно-безвыходно, паче отчаянья,
Кто-то заносит потери и приобретения
В книги нетленные, как поезда в расписания.

В городе, где не живут, а, как воины, ратуют,
Там, где безгрешность без проповеди немыслима,
Юноши-демоны (правильней: ангелы-статуи)
Каждой идущей вослед выдыхают: «Bellissima».

В городе том, где прохожие—римлянки, римляне,—
Жестикулируя, кажут протест домострою,
Я—иностранка, чужая—Франческу да Римини
Вслух называла своей итальянской сестрою.

В городе том, где под сводами триумфальными
Не полководцы кичатся своими удачами,
Там по ночам задыхаются окна за ставнями,
С мебелью, утварью, спящими домочадцами.

В городе, в фата-моргане, в его околесице,
Где, как порфиры, подошвой шлифуются камни,
Я на Испанской помпезной заплёванной лестнице
Так и осталась. И не изменилась с веками.

Николай Вдовин

Троянские камни

Точка отсчёта

Если взять за точку отсчёта кубик
рафинада на белой салфетке, можно
ощутить себя гранью кристалла; впрочем,
если вдуматься, дело здесь не в тебе,
а в том, что приносят встречные волны,
или видит в весеннем сне подорожник,
или шепчет пластиковый стаканчик,
шевелясь на покрытой дёрном тропе.

Каждая вещь имеет свою силу, этим
она воздействует на сознанье, часто—заочно.
Однако не ты влияешь на ценники,
ты лишь можешь спросить себя об одном:
согласен ли принять необходимую форму?
достаточно ли гибок твой позвоночник?
Притом, что нынешний рынок недвижимости
вряд ли подскажет тебе, где твой дом.

Так не стоит портить картины буквами имени,
ведь любой археолог обнаружит в итоге
засвеченную киноплёнку, рассохшуюся мебель
да несколько срубов в непроходимых лесах.
Взгляд, проникающий сквозь линзы времени,
оставляет на коже рубцы и ожоги,
и божества, в которых никто не верит,
просят милостыню в пригородных поездах.

Если взять за точки опоры капли
дождя на листьях тюльпанов, очень
просто забыть цифры банковских реквизитов
и выйти на чистую воду, не замечая, как
уходящая натура ногтями цепляется
за манжеты и лацканы, меняет угол заточки
лезвий и зубьев, танцует на чёрных экранах,
огрызается лаем цепных собак.

Когда тексты воспроизводят очередные тексты,
что бы ты ни произнёс—это будет цитата,
где смысл покидает свою оболочку,
словно гладь ночного озера лёгкий пар.
И теперь только воздух определяет, что́ нам
надо будет услышать, а что—не надо,
вот только на информационном рынке,
где правда—не самый востребованный товар,

законы больших чисел действуют безотказно,
даже в церквях, синагогах или костёлах.
Доказывать покрытые плесенью аксиомы—
как бросать камни в топку железной печи.
Линзы времени выявляют невидимые детали,
и тончайшие прожилки на выпуклых стёклах—
это нервы истории, высоковольтные нити,
о которые спотыкаются солнечные лучи…

Когда точка сборки утратит чёткие контуры,
расскажи мне о чём-нибудь наивном, хорошем…
Вселенская пыль оседает на альвеолах,
и дышать становится всё труднее, но
вещи, способные потерять свою силу,
освобождают тебя, растворяются в прошлом.
Вряд ли мне дано сказать что-то новое,
а вот услышать того, кто скажет,—дано.

Этому не помешает несмыкание связок.
Сегодня в любой, даже сельской, библиотеке
найти и открыть альтернативные файлы
проще пареной репы. Но этот дар
только на первый взгляд прост и бесплатен—
такая лёгкость обманчива в наступившем веке,
а то, что на рынке рабочей силы
ты—далеко не самый востребованный товар,

значит: ты был придуман для чего-то другого—
читать по губам, блестящим пинцетом
препарировать мысль, остаться вне зоны,—
переплавлен, вычислен, обречён.
Между линзами времени есть промежуток,
рассекающий волны потока, а это
значит, что ты—всё ещё возможность.
Впрочем, именно ты здесь уже ни при чём.

Троянские камни

Пыль времени мягко ложится на дальние страны,
порой принимая их форму. Серьёзно и цепко
держась за идеи, похожие на бизнес-планы,
мы верим то в цепь катастроф, то в счастливый билет
на поезд до станции «Вечность». Вот только похоже,
что в новых одеждах, однако по старым рецептам,
мы все ищем то, чего в принципе здесь быть не может,
наивно считая, что ищем лишь то, чего нет.

Кентавры в стерильных халатах, освоив программы,
философам ставят диагноз в любом лазарете,
а тем—хоть бы что: они толпами едут в ашрамы
и мелом на мокром асфальте рисуют круги.
Согласные с ними, как, впрочем, и с собственной ролью,
оракулы с телеэкранов внушают планете,
что нынешний снег перемешан с поваренной солью,
а в соль кто-то бросил щепотку ячменной муки,

вот он и идёт где попало, меняя законы
природы. Когда сумма букв значит больше, чем имя,
и как-то нечаянно позеленели иконы,

лишь небо порою рисует таинственный лик,
который заметят ну разве что местные птицы,
да трое газетчиков на драндулете в пустыне,
да, может быть, возле дороги сидящая львица,
и камни, и белые камни холма Гиссарлык.

А поезд идёт. День за днём. Век за веком. Пейзажи
за окнами тают, теряя упругость, и в прятки
играют светильник и тень, пока зритель не скажет:
«Пожалуйста, кофе без сахара. Здесь и сейчас».
Как прежде, лежат наши судьбы подобно осколкам
разбитых зеркал на коленях богов, только вряд ли
здесь кто-то из них пожелает остаться надолго,
тем паче—использовать образ кого-то из нас.

А дух хромоногий и рыжий скользит удручённо
к далёким прудам, так как мало кому интересен,—
работу его довершили не демоны в чёрном,
а, стыдно озвучить,—рекламные ролики. Но
что делать и кто виноват в этом—не разобраться,
поскольку сквозь тексты на сутки написанных песен
постельным бельём, сталью лезвий, пакетами акций,
ценой на просроченный ужин, билетом в кино

нас вновь накрывает вчерашнее, бывшее чудо,
заигранной в хлам, но любимой до слёз мелодрамой,
и древняя кровь напряжённо течёт по сосудам,
и мысль застилает хрусталик, и солнечный блик
скитается там, где в почёте сухая фактура
шершавых колонн, безучастных отелей и храмов,
и глянец богинь, их лукавые лики, фигуры,
и камни, и белые камни холма Гиссарлык.

Слова, и слова, и слова… Но о чём эти знанья,
и запах горящего дёрна, и тропы оленьи,
коль до сих пор вещи не втиснулись в их же названья?
Пленённой треске сушит жабры дневной кислород…
А вера, с которой мы пишем слова на бумаге,
свидетельствует лишь о том, что на шаг в направленье
того, чего не было, нам не хватает отваги,
и нам почему-то достаточно слов. Только вот,

никем не замечен, волной, волокном, невидимкой,
минуя часы, не касаясь возвышенных споров
и не поцарапав ногтём слюдяную пластинку,
в нас завтрашний день проникает сквозь газ, свет и цвет.
Здесь должен быть он. Он и будет. Свободный, ничейный,
не тронутый нервами лабораторных приборов,
он отформатирует шестерни, линзы, ячейки
и глину помнёт, захотим мы того или нет.

Ну что ты расскажешь ему? Вспомнишь сложности быта?
Попросишь отсрочку по выплатам? Нет, его сила—
из тех элементов, какие не будут открыты,
и не остановят его ни трагический крик,
ни раны героев, ни жертвенных факелов пламя,
ни трещины на штукатурке, ни пьяные пилы,
ни грёзы апрельской травы, ни медведи с быками,
ни камни. Тем более—камни холма Гиссарлык.

Сагидаш Зулкарнаева

Всем врагам наперекор

● ● ●

А кровь её—небесного состава,
И крылья есть, но только счастья нет.
Вчера она бежать за ним устала,
Пускай поспит. Ты не включай рассвет.
Вернуть его пытался дождь поддатый,
И даже лес пошёл наперерез…
Но он ушёл! Сломав замки и даты,
Наверно, снова в ад к чертям полез.
Он там тусит под песни бедуина
И кличет ветер, стоя на краю,
И в коконе слепого кокаина
Он ловит кайф, зараза, мать твою…
И ей—представь?—вот этот демон нужен:
Больной, обросший, раненый—любой!
Когда луна клонируется в лужах,
Придёт он к ней, чтоб пить её любовь.
А завтра на ладонях мокрый ветер
Им принесёт апрельское тепло.
Я так хочу, чтоб ей на этом свете
Леталось… Слышишь?
Всем чертям назло!

● ● ●

Последний дождь отчаян—
По снегу мажет тушь.
От осени отчалив,
Нырну под снежный душ.
И по осколкам будней
Босой душой пройдусь,
Держась за солнца бубен,
Как Будды сын—индус.
Под Новый год остыну,
Впустив домой сквозняк,
И сразу с сердца схлынут
Тоска и депрессняк.
Отмою душу в вёснах
И стану—просто я—
Наивной, несерьёзной,
Как юбка пёс-тра-я.

● ● ●

Летит снежок вселенским светом
На серый дом и мой порог.
Зовёт сентябрь с транзитным ветром
Сойти с накатанных дорог.

Как дождь, переходящий в ливень,
Сорвусь, но стихну во дворе.
Который год нет чётких линий
В моей бальзаковской поре.

● ● ●

Неделю моросило беспрестанно,
Как будто дождь привязан был к земле.
Но наконец снежок пошёл на раны,
Забинтовал округу на заре.

Ни строчки на моей странице белой,
Который день сама с собой борюсь.
Качаю грусть в душевной колыбели
И выплеснуть на зимний лист боюсь.

● ● ●

Я оденусь в шёлк июля,
Не зови меня—ушла.
Пусть молва летит, как пуля,
Зависть жалит, как пчела.
Над ручьём и над канавой,
Где скопился сельский сор,
Напрямик шагну я с правой,
Всем врагам наперекор,
Улыбнусь песочным сотам
Муравьиного вождя
И зонта дырявым сводом
Не прикроюсь от дождя.
Прощевай, моя избушка,
Прощевай, моя земля…
Я свободна, как лягушка
В чёрном клюве журавля.

● ● ●

У бабы Мани всё как встарь:
На кухне—книжкой календарь,
Портрет с прищуром Ильича
И борщ краснее кумача.
А во дворе кричит петух,
Слетает с неба белый пух.
Старушка хлеб в печи печёт,
И время мимо нас течёт.

● ● ●

Смотрите-ка, небо пробито—
Упало на крыши и лес.
И черпают люди в корыто
Несметные звёзды небес.
Лукавые бесы лакают
Луны просочившийся свет,
Один лишь прореху латает—
Не признанный небом Поэт.

● ● ●

Не совпадаем мы с тобой,
Как разные миры.
Я—в гору шла, неся с собой
Весь груз. А ты—с горы.
И вот теперь, спустя года,
Я в ночь ушла. Ты—в свет.
И оказался там, где—«да».
А я сошла на—«нет».

● ● ●

Ветер шарит непричёсанный,
Как ищейка по углам.
Жизнь доскою неотёсанной
Разломилась пополам.
Маяки мои да факелы
Все потухли в этот дождь.
Сатана похож на ангела,
Всех отличий не найдёшь.
Он даёт мне в руки маузер,
Ангел падает без крыл.
Задождило вновь без паузы:
Бес ли небу вены вскрыл?
Неприкаянной в распутицу
Я иду, судьбу кляня.
Осень—рыжая распутница,
Что ж ты путаешь меня?

● ● ●

Выпив ночь из синей чашки, жду, когда нальют рассвет.
Тень в смирительной рубашке мой обкрадывает след.
Обернувшись тёплым пледом, обойду притихший сад.
Пахнет горько бабье лето неизбежностью утрат.
Звёзды светят маяками. Может, в небо, за буйки,
Где цветные сны руками ловят Божьи рыбаки?
И по лунам, как по рунам, выйти в космос напрямик
По дороге самой трудной, где полёт—последний миг.

Только в доме спит ребёнок. Захожу, скрипят полы.
Не скрипите: сон так тонок! В степь пойду, нарву полынь
И травою горькой, дикой окурю себя и дом:
Блажь полёта, уходи-ка! Полечу потом, потом…

● ● ●

Обессилев, разбилась оземь.
Что ж ты плачешь, душа. Молчи.
Утону с головою в осень,
Пусть кричат надо мной грачи.

И, забыв о свободе, крыльях,
Заживу, как усердный крот.
Буду честно бороться с пылью
И готовить варенье впрок.

Но однажды, в начале марта,
В час, когда оседает снег,
Подо мною земля, как карта,
Вдруг предстанет в тревожном сне.

Ощутив себя вновь крылатой,
Разучусь по земле ходить.
Прежде чем улететь, над хатой
Буду долго ещё кружить.

● ● ●

Я еду, еду к милой маме.
Я знаю, ждёт она меня,
С утра воюя с пирогами
И печку старую кляня.
И пусть мороз сегодня страшен,
Аж снег от холода визжит,
Через лесок, вдоль белых пашен,
Дорога к мамочке бежит.
И без пальто, лишь шаль на плечи
Накинув, через всё село
Пойдёт ко мне она навстречу
И примет дочку под крыло.

Алла Ходос
Под абсурдинку

Шипы

Бочком, бочком подойду к тебе. Шипы, растущие на мне, как на других шерсть или перья, втяну внутрь. Теперь у меня гладкий бок. Затаив дыханье, чтобы шипы не высовывались, спрашиваю:
— А у тебя есть шипы?
— Да,— говоришь ты глухо, втянув свои шипы в себя.
— Покажи, пожалуйста,— прошу, напыжившись, ведь не могу удерживать свои подолгу.
— Вот,— со вздохом облегченья ты выпускаешь много маленьких шипов и становишься похож на большую щётку.

А мои и так уже вылезли. На них даже красуются два-три кленовых листка. Обнявшись, мы смотрим друг на друга. А шипы ведь — не ножи; от них просто щекотно.

Ноша

Обидел и ушёл. Не потому, что хотел уйти. Просто им нельзя было вместе. Обстоятельства. Пришёл к себе. Прирос к креслу. Встал, а оно не сваливается. Будто панцирь на спине или горб. Ходил из угла в угол всю ночь. Утром встал и, пригибаясь, пошёл к ней. Как горбатый старик. Она стоит и ждёт посреди пустой комнаты.
— Прости меня,— сказал.

Вдруг за спиной как грохнет! Он подал ей кресло.

Губерния

— В дальней Губернии люди говорят одними губами.
— Возмутительно! Постоянно целуются, что ли?
— Ребёнка в макушку, брата в щёку, а любимого в губы?
— Родителя в руку?
— А страннику только воздушный поцелуй?
— Что вы! Просто там каждую фразу произносят два раза. Первый раз — беззвучно, лишь шевеля губами, будто пробуя её на вкус и проверяя, не звучит ли она обидно. Второй раз шёпотом. А целуют они воздух. Лёгкий воздух своей Губернии.

Невидаль

Солнце на асфальте — подумаешь, невидаль! Но я не замечала его до сих пор. Просто по нему ходила. Раньше всё здесь было залито асфальтом. А теперь солнцем.

Осколочек

Глядя в зеркало, он пожал плечами и, бросив своему отражению:
— Пока, лишний человек! — ушёл по делам.

Отражение обиделось и застыло, надеясь, что человек передумает, а когда вернётся, может быть, даже извинится. А он и не собирался. Брился на ощупь. Однажды порезал щёку. Когда пытался протиснуться в автобус, кто-то прошипел:
— Куда лезешь, недорезанный?

Пришлось идти пешком. Отражение ждало. Оно таращило глаза и изо всех сил старалось улыбнуться. Человек старел, серел, а отражение оставалось молодым, хотя взгляд у него делался с каждым днём всё недоуменнее. Убирая комнату, человек обходил зеркало, и вскоре оно покрылось слоем пыли. Наконец человек вынес на помойку ненужный предмет. Во время дождя и ветра зеркало зашаталось, накренилось и упало ничком. Соседский мальчик сложил осколки в старую сумку и принёс их домой. Дома он протёр тряпочкой каждый осколок. В одном мальчик увидел ноготь, в другом — кусок ноги в тапке, в третьем — напряжённо улыбающийся рот. Приклеивая осколки к куску картона, мальчик целый день собирал человека. Один уголок он припрятал, чтобы зайчиков на уроке пускать. Это был пустой осколок; в нём отражалось что ни попадя: стол, кактус, горка немытой посуды.
— Мама, смотри, какой дядька! — закричал мальчик, закончив работу.
— Да, ты очень вырос,— сказала мама, рассматривая отражение в зеркале, собранном из кусков.— Совсем взрослый. Но прошу тебя, не надо играть с разбитым зеркалом, это не к добру.

Но мальчик и в ус не дул. (Усики как раз у него начали пробиваться.) С дядькой был запанибрата: болтал с ним, ел перед ним; демонстрируя мускулы, у него на виду поднимал гантели. Ведь дядька, хоть и молчал, на всё нормально реагировал: то бровь приподнимет, то губы вытянет трубочкой, будто говоря: «Ну-у ты даёшь!» Однако вскоре мальчику наскучило так развлекаться. Уроков

стали больше задавать, экзамены на носу. Да и с девочкой хотелось погулять. Или в футбол поиграть. Вот ещё — время терять, в зеркало смотреть! Тем более что девочка сказала:
— Какой ещё дядька? Это же ты! Не сочиняй! А то мне страшно.

Мальчик смотрелся теперь только в осколок: чуб приглаживал, перед тем как в парк культуры и отдыха идти. Только однажды он заметил, что осколочек с краю портиться стал, а потом и весь как-то нехорошо помутнел и позеленел. Будто и не зеркало это вовсе, а осколок винной бутылки.

Мальчик хотел было отнести осколок обратно на помойку, да и зеркало туда же, от греха подальше, но не успел. Однажды в парке к нему на скамейку, пошатываясь, плюхнулся человек. Помолчал, вытер лысину мятым платком и спрашивает:
— Слышь, пацан, а не будет ли у тебя зеркальтц-ца?
— Есть, — сказал мальчик равнодушно, доставая осколок. — Вот.
— Интересный интерьер, — сказал человек, сквозь грязно-зелёное стекло рассматривая стол, кактус и горку немытой посуды. — Чья это обстановка?
— Наша, чья же ещё! — сказал мальчик.
— Правдо… подобно! — пробормотал человек и ущипнул себя за ухо.

Нет, он ещё не спал.
— Продай мне ос-сколок, пацан, — жалобно попросил нетрезвый человек.
— Меня Толик зовут!
— Продай, Толик!
— У вас что, зеркала дома нет?
— Не-а.
— Так я вам большое продам, хотите? С дядькой!
— С кем? — переспросил человек, удивлённо приподняв бровь.
— С тобою! — закричал мальчик на весь парк. — С тобой, папа!

Обидня

В деревне Обидня — ни дня без обиды. Там каждый обижен на другого. Но у каждого своя, особенная обида. Ах, как всем жителям приходится осторожничать! Ведь они боятся усугубить своё положение. В Обидне никто не надирается и не дерётся. Там никогда не льётся кровь. Даже ссадин не получают обидняки. Только проливают слёзы. Горячие, горючие… Но никто не может утереть слёзы другому: все боятся обжечься. Когда высыхают ужасные слёзы, на людях уже нет лица. Вот и ходят они, безликие, обиженные насмерть. Ждут Смерти. Но Смерти жалко их, обожжённых обидой. И она всё медлит. Всё приглядывается да примеривается. Жители не натыкаются на вилы, не надрывают животики от смеха, не падают со стула во время пира! Жутко становится Смерти. Порою ей хочется покончить с собой, только бы не приближаться к Обидне.

Болото

В комнате пахнет болотом. Хочется верить, что это — просто запах ремонта. Правда, ремонт всё никак не начнётся. А когда раскрываешь окна — кажется, пахнет морем. Море, однако, давно отступило. По отмели ходят цапли. Их тонкие лапки зябнут. Зато цапли не могут увязнуть. Как мы увязли в своём.

Улыбка

Она сидела на краешке стула, слушая, как глухо звучат его удаляющиеся шаги, и всё продолжала, продолжала улыбаться. Только что он хотел поцеловать её в губы, но её улыбка всё перечеркнула.

Газон

Газон аккуратно подстрижен, а человек оброс. Он лежит на газоне, как большой примятый цветок. Весь день лежит на газоне, сам себя позабыв. Как себе — венок, позабывший себя на своей могиле.

Стыд

Стыдно думать. Мысли голые. Поскорей облеки их в слова. Слова греют. Но теперь мысли стали нарядными. Ещё стыднее.

Свобода и забота

— Я со своею дурацкой заботой покушаюсь на твою свободу.
— Это я со своею дурацкой свободой не могу отозваться на твою заботу.
— А ты не отзывайся. Ты принимай её. Как рыбий жир.

Сделав над собой нечеловеческое усилие, он глотнул целую ложку заботы. От этого у него выросли жабры, и он уплыл от заботливой в свободный морской простор.

Обряд посвящения

Тихону Енькину, подарившему так много

Старик собирает и сдаёт посуду, всю выручку отдавая дочке. Дочка не всегда может кормить семью. Бывает, посреди рабочего процесса она застынет как зачарованная. Её и уволят. На новой работе покажет хорошие результаты, а потом опять застынет.

Витя после школы гоняет в футбол. Поле начинается сразу за их двором. «А если мама застынет и не очнётся?» — думает он, подфутболивая мяч. Мяч куда-то улетает.

В кустах возле мусорки движение. Это дед. Ищет бутылки. Немного поодаль Леокадия разрывает целлофановые мешки с рыбными потрохами. Аккуратно поев, она не уходит. Сидит в кустах и смотрит на деда во все глаза. От этого взгляда старика начинает бить лихорадка.

— Чтоб ты подавилась, нечистая сила,—бормочет дед, бросая Леокадии рыбий хребет.

Но она сыта. Фыркнув, Леокадия скрывается в вечерней мгле.

Они живут в деревянном доме под снос. В доме чисто и голо. Снос всё затягивается. По углам двора стоят мешки с винной и молочной посудой, а посередине растёт вишня и лежат доски. Вокруг пышно цветут сонные травы.

По вечерам мама, дед и мальчик едят за столом, стоящим у окна, и смотрят во двор.

— Пойду коровку проведаю,—говорит Витя.

— Иди,—отвечает мама,—только галоши надень, а то роса и крапива.

— Я знаю,—говорит Витя.

Коровка показывается не всегда. Иногда появляется ярко-красная, иногда жёлтая, а бывает, что и чёрная.

— Божья коровка, улети на небко, там твои детки кушают котлетки,—говорит Витя.

И, послушная его желанью, коровка улетает.

Но мальчик не спешит в дом. Присев на доску, он ждёт.

Из темноты выходит Леокадия.

Наставив уши и подняв треугольную головку, она смотрит ему в лицо. Витя, в свою очередь, смотрит на неё. Леокадия начинает делать загребающие движения передней лапкой в воздухе, будто страницу переворачивает.

«*Я пробовал*,—отвечает Витя,—*вслух читал перед сном. Вот это:*

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.

А когда она встала посмотреть на звёзды и луну, я под подушку книгу подсунул, раскрыв её на девяносто шестой странице для верности. Перед тем как снова лечь, она меня по голове погладила и говорит: «Прости меня, Витенька»,—будто в чём виновата. Я долго сидел на стуле, не засыпал, караулил её самочувствие. Она когда плачет, то глаза закрывает, чтобы я думал, будто это во сне. Конечно, не отдохнувшая идёт на работу. Вот днём и задремлет. В автобусе задремлет. Или на собрании. Однажды даже в очереди. Сложно ей стоять. Нестойкая она».

Леокадия делает глотательное движение, морщится, а потом, глядя Вите в глаза не отрываясь, говорит: «Ма!»

«*Ты же знаешь, лекарства и гипноз не помогают*»,—говорит Витя.

От шороха в ветвях они оба вздрагивают.

— Ты дрожишь от холода,—говорит Вите мама.— Пойдём домой, сына.

Леокадия вскакивает на доски. Вставая, Витя быстро гладит ей спинку.

После ужина мама достаёт большую кошёлку с шишками, кусками коры, пучками бессмертника и расстилает на полу перед ковриком две газеты. Увядшее и засохшее волнует её. Ей хочется всё это сохранить, пока оно не рассыпалось. Но в дверь негромко стучат, и мама, начавшая было развязывать тесёмки папки с сухими листьями, быстро задвигает природный материал под кровать. Это отец. Он приходит, когда может. А может он нечасто. Но это и хорошо, считает он. Надо, чтобы сами справлялись. Он свои способности всегда пускает в дело, приращивает, развивает: сначала массовик-затейник в клубе, затем топ-менеджер на фабрике талантов. Теперь он может себе многое позволить.

— Вот, например,—и он вынимает из кейса копчёную рыбу, салями и баночку икры.—А хлеб у вас хоть есть, праздношатающиеся?—спрашивает папа.

— Не обзывайся!—говорит Витя строго и достаёт хлеб.—Думаешь, ты самый крутой?

— Самый святой,—бормочет дед.

— Папаша, у вас пахнет бедностью,—говорит «святой».

— Блаженны нищие. Духом,—отвечает дед.

Он ест, сопя; отец—ухмыляясь, мама—тихонько вздыхая. Витя налегает на хлеб. Поев и пожелав всем ума и успехов, отец уходит.

Утром мама, едва раскрыв поблёкшие и подпухшие зелёные глаза, опускает ноги в тапочки и моет пол, стараясь не задеть предметы обстановки. Осторожно водит тряпкой вокруг кошёлки под кроватью. Закончив, садится на коврик и поскорее снова закрывает глаза. Она чувствует, что дышит, что жива. Страх и тоска, сцепившись, живут в центре её существа. Живут себе, поживают. Занимают определённое место. И она тоже может дышать и жить вместе с ними. На пустой стене перед нею появляется большая картина. На картине изображена липа с тройным стволом и раскидистыми ветками. Совсем не заметно, что стволы не нарисованы, а сделаны из кусочков коры. Дерево засохло, но перед этим оно так разрослось, что переросло картину и длинными ветками уткнулось в соседнюю стену. На одной из веток сидит толстенький воробей и, не отрываясь, смотрит вниз. Острый глаз его сделан из камешка, а сам он—из перьев, добытых из старой подушки. Что-то под деревом его чрезвычайно занимает. От земли поднимается туман. Он уже почти покрыл пепельные кустики, дрожащие у основанья ствола. Но сквозь туман просвечивает короткошёрстная гибкая спинка и аккуратная треугольная головка с жёлтыми глазами, поблёскивающими усами

и наставленными, будто рожки, ушами. Вокруг головы животного туман разрежен.

В это время дверь распахивается, и влетает сын.
— Две пятёрки и одна четвёрка! — сообщает он.
— Молодец, Витя, — отвечает мама, загадочно улыбаясь, и ставит на стол большую тарелку с едой.
— Эта твоя картошка под кефирным соусом — просто объеденье, — говорит Витя, тоже радостно улыбаясь. — Какие новости, ма?
— Витенька, я увидела картину, — застенчиво говорит мама. — Я тебе перед сном расскажу.
— Расскажешь. Пойду коровку проведаю, — говорит Витя, надевая кроссовки.

Он находит её в середине цветка.
— А, вот ты где? Сегодня — жёлтенькая. Как и цветок. Маскируешься на всякий случай? Не бойся, я тебя не обижу. Ну, лети на небко давай!

Среди шишечек хмеля он уже видит аккуратную головку Леокадии. Рот её изогнут в загадочной улыбке. «*А-а, я знаю эту картину. Называется «Джоконда». Точно такая улыбка. Мама говорит, что картину увидела. Наверное, журнал листала. Все знают эту картину, но мама почему-то обрадовалась*». Леокадия кивает головкой. «*Конечно, хорошо. Вообще, прекрасно, что она улыбалась, как Джоконда*».

Поздно вечером Витя возвращается. И хоть на улице уже темно, в комнате будто белая ночь.

На стене висит огромная картина. На картине идёт снег. Он запорошил пространство, и мальчику кажется, что снег не только осветил стол и разбросанные вокруг него шишки, но и кого-то спрятал. Когда Витя подходит ближе, из картины вдруг высовывается лапка и манит его к себе. Леокадию ведут на поводке. Её ведёт молодая женщина; сквозь снежную пелену посверкивают её зелёные глаза; лицо и высокая фигура едва проступают на полотне. Витя слышит её голос: «Иди сюда, сына, иди!» Он понимает, что за лапку можно ухватиться, и тогда… Быстро пожав её, мальчик останавливается у входа.

Липа

Когда её принесли из роддома, папа рассказал маме известное стихотворение, доработанное им самим: «Жизнь не совсем обманула. Дочка на свет народилась. Дочка — не сын всё равно. Все мы обмануты счастьем. Что же так манит оно?» И предложил назвать дочку Липой. Мама сначала заплакала, но потом себя успокоила: во-первых, липовый цвет целебен; во-вторых, имя Липа ничем не хуже, чем Лилия или Роза; оно скромное, хоть и редкое, и надёжное, потому что старинное.

Мама звала её Липочкой и как могла баловала. Отец баловства не одобрял. Жизнь балованных наказывает, говорил он, кушая суп. Потом отодвигал тарелку и некоторое время смотрел на обои, думая о своём, невесёлом. «Насупился?» — спрашивала мама, и улыбалась, чтобы и ему внушить улыбчивое настроение. Ей это редко удавалось, поэтому со временем она стала улыбаться виновато.

После их смерти девушка то и дело терялась среди чужих. Чтобы не пропасть, она стала присматриваться к людям, провожая взглядом тех, кто находит себе заботы и занятия; а иногда она забывалась, сидя на скамейке с одинокими и пожилыми. На работе Липа печатала.

Однажды у скамейки остановился невысокий парень. Липа с надеждой посмотрела ему в лицо. Он встретился с ней несколько раз для порядка и взял в жёны. Липа ходила с ним пить пиво и на футбол. Он не возражал, но и не приветствовал. Быстро уставал от Липы. По выходным он сидел у телевизора и, нахмурившись, смотрел спортивные передачи. Липа сидела рядом. Он прозвал её Липучкой.

Подруга ругала Липу. «Одно из двух, — учила подруга, — или уходи от него, или не обращай вниманья». Липа благодарила за советы и, в свою очередь, старалась помочь чем могла. Подруга часто приглашала гостей. Липа готовила, накрывала на стол и, наскоро перекусив со всеми, застывала. «Что сидишь? Чего смотришь?» — спрашивала её подруга. Липа машинально вставала. «Что стала столбом? Как деревянная…»

«Отойди, не стеклянная», — подхватывал кто-нибудь из гостей. Иногда все они, к удивлению Липы, принимались спорить и кричать. Больше ничего нового в жизни Липы не случалось.

Но однажды она простыла. Муж сказал:
— Не кашляй тут на меня! — и отодвинулся.

Когда Липа стала кашлять в ванной комнате, он, быстро одевшись, вышел в снегопад. Липа испугалась, что он, может быть, уже от неё заразился, а теперь ещё и переохладится, и устремилась следом. Но следов его она не нашла. Тогда она пошла в поликлинику. Может, и он там — занял очередь на прививку от гриппа? Но, пересилив себя, Липа решила эту очередь не искать. Чуть не уснув в ожидании, она подошла к регистратуре.
— Талонов нету, — сказала регистраторша, но почему-то уточнила: — С чем пришла?
— С простудой, — сказала Липа еле слышно.
— А ты что, не знаешь, как простуду лечить? — удивилась женщина.
— Знаю. Но муж не хотел, чтобы я кашляла. Просил себя поберечь… Полечить. Мы раньше с ним вместе в свободное время отдыхали, а теперь вот я простыла.
— Ишь, жалее-ет! — сказала регистраторша.
— Да. Я вернусь домой потом. Когда поправлюсь.
— А теперь тебе что, карету скорой помощи вызвать?
— Не надо, — сказала Липа, вытирая нос и глаза.
— А работаешь кем? — усмехнувшись, спросила регистраторша.

— Перепечатываю указы и распоряжения,— прохрипела Липа.
— А звать?
— Липа.
— Что за имя такое дурацкое?
— Родители так назвали. В честь жизни.
— В честь кого-о?

Регистраторша посмотрела на Липу во все глаза, открыв рот, но тут же и прикрыла его ладошкой, словно зевнула. Наконец, вздохнув, она пригласила её зайти за перегородку. Там, в пыли, плотно прильнув друг к другу, стояли на полках истории людских болезней.

Хлюпнув носом, Липа присела на краешек стула, стараясь не дышать на добрую женщину, и улыбнулась так, как, бывало, улыбалась её мама: сначала заразительно, потом виновато. Регистраторша взмахнула в воздухе чем-то мягким, ворсистым и сказала:
— А ну-ка примерь!

Только что связанный свитер сразу так согрел Липу, что ей показалось, будто горло уже не болит.
— Хорошо сидит,— сказала приёмщица и стащила с Липы свитер.— У внучки с тобой один размер. Всё равно перед ноской стирать. Ну, иди теперь. Мне не положено — с посторонними.

Радислав Лапушин

Собачьи стихи

● ● ●

Собаку хорошую
Не обижают.
Собаке хорошей
Шалить разрешают.

И если бывает
Она непослушна,
Наказывать
Эту собаку не нужно.

Нужны ей не встряски,
А разные ласки,
Не дикие вскрики,
А тихие миги.

Ей нужно, чтоб кто-нибудь,
Глядя ей в очи,
Сказал бы ей что-нибудь
Нежное очень.

Ей важно, чтоб каждый
В семье и округе
Её приласкать
Не забыл на досуге.

Одни обниманья
Достойны вниманья,
А все наказанья
Достойны кусанья!

И если создаст вам
Собака проблему,
Прочтите, пожалуйста,
Эту поэму.

● ● ●

Есть примет собачьих много.
Все они научны строго.

Если спать хвостом на запад,
То приснится вкусный запах.

Если носом на восток —
То накормит мама в срок.

Снег засыпал переулок
Счастьем будущих прогулок.

Дождик льёт без перерыва —
Будут нежностей приливы.

Повстречаешься с котом —
Приключений жди потом.

Повстречается собака —
Будет дружеская драка.

Если всё семейство в сборе —
Состоится ужин вскоре.

А когда накроют ужин,
Никаких примет не нужно.

Татьяна Шахматова

Дело о персонаже

Всё плагиат. Даже Господь Бог сотворил Адама по своему образу и подобию.
А. Дюма

Дело тонкое

Понятие «плагиат» так или иначе известно всем работникам интеллектуальной сферы. Как утверждают психологи, чаще всего проблема плагиата волнует молодых авторов (с одной стороны, это объясняется страхом за выстраданные произведения, «увести» которые, как представляется молодым писателям и учёным, легче, пока автор не достиг широкой известности; с другой — боязнью самому быть обвинённым в плагиате, если вдруг случайно попадёшь под обаяние чужого сюжета, образа, идеи). Тем не менее, проблему угрозы плагиата трудно назвать исключительно возрастной.

В своей семантике слово «плагиат» несёт составляющую «преступление»: присвоение авторства, хищение. Дела такого типа регулируются статьёй 146 УК РФ, если ущерб, причинённый автору или правообладателю, существенен. В качестве наказания здесь предусмотрены штраф, обязательные или исправительные работы и даже арест сроком до шести месяцев. Также авторскому праву посвящена глава 70 ГК РФ (статьи 1255–1302).

Однако чаще всего обвинения в плагиате звучат не в суде, а в повседневной жизни и решаются общественным судом: привлечением широкого внимания к отдельным случаям, бойкотом в той или иной профессиональной среде. Такое общественное саморегулирование само по себе вызывает беспокойство: проблема решается точечно, не всегда объективно, требует привлечения больших профессионально-коллегиальных ресурсов. Эту сторону дела, например, озвучивает К. Азадовский в предисловии к статье «О плагиате», в которой он осветил возмутивший научную общественность факт присвоения научного труда о жизни и творчестве Марины Цветаевой: «Претензии одних авторов к другим (и не только в литературном мире) чаще оборачиваются скандалом, выплёскиваются на страницы печати или распространяются в Интернете. А российская Фемида — безмолвствует»[1].

Ощущение терпимости правосудия к делам такого рода во многом возникает из-за неразработанности критериев плагиата, отсутствия чёткой юридизации этого понятия (наряду с понятием «заимствование») и других смежных явлений. В результате чего юристы не имеют основания для вынесения решения по этим делам.

В данной статье мы не сможем описать все типы дел, связанных с выяснением авторства. Остановимся лишь на тех проблемах, которые возникают в судебной и экспертной практике, когда предметом спора становится персонаж[2] литературного произведения.

Творчество — материя тонкая. Возможны здесь и бессознательное подражание, и влияние, и диктат традиции, и случайные совпадения. Например, автору этой статьи, выпускнику Казанского университета, всегда обидно слышать от студентов-европейцев, что неэвклидову геометрию изобрёл Гаусс, «король математиков», а не Лобачевский.

Но если научные открытия всё-таки поддаются оценке на предмет новизны и независимости, то ситуация с определением заимствований в области художественного творчества осложняется тем фактом, что мы живём в эпоху эстетики постмодернизма, ключевыми приёмами которой являются цитатность, интертекстуальность, аллюзивность.

Более того, и само понятие «литературное заимствование» неоднозначно. В отличие от влияния и подражания, заимствование всегда бывает сознательным. Однако далеко не всякий факт заимствования можно юридически квалифицировать как плагиат. Так, например, В. Я. Брюсов, заимствуя у М. Ю. Лермонтова сравнение поэта с кинжалом, указывает на это эпиграфом из Лермонтова, но самостоятельно по-новому перерабатывает этот образ. А. С. Пушкин, работая над «Борисом Годуновым», заимствует сцены из Н. М. Карамзина. И таких примеров множество.

1. *Азадовский К.* О плагиате // Вопросы литературы. 2010. №1. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/voplit/2010/1/az8.html
2. Под термином «персонаж» понимается художественное изображение (образы) людей или их подобий: очеловеченных животных, растений и вещей (избушка на курьих ножках). В сферу защиты права также попадают персонаж-рассказчик, лирический герой, образ автора. Синонимами термина «персонаж» являются «литературный герой», «действующее лицо».

Исследователь истории литературы смотрит на произведение с высоты времени и не может не согласиться с У. Шекспиром или Ж.-Б. Мольером, которые руководствовались в своих взглядах на заимствование возрожденческой идеей культа творца. Только ленивый не цитировал слова Шекспира о заимствованной теме: «Это девка, которую я нашёл в грязи и ввёл в высший свет». Или высказывание Ж.-Б. Мольера: «Я беру своё добро всюду, где его нахожу». Так должен ли филолог, привлечённый к разбирательству по поводу спорного текста, ставить себе целью определить качество заимствования?

В разные исторические эпохи отношение к заимствованию было разным; например, средневековье отличалось культом заимствования, связанного с идеей боговдохновенности книжного знания. Когда же речь идёт о заимствовании в наши дни, то вопрос о том, является ли заимствование эпигонством, рабским подражанием или успешным использованием элементов чужой поэтики,—это вопрос второго плана. Согласно тексту закона, произведение и его части подлежат законодательной защите *независимо* от их художественной ценности.

Таким образом, определение статуса обнаруженного сходства результатов интеллектуального труда—это не праздный вопрос, а сложная научная проблема, которая стоит перед юристами и экспертами. И это, если угодно, передний край науки, потому что вопросов здесь пока больше, чем ответов, а цена ошибки велика. Ведь, с одной стороны, понятие «плагиат»—это синоним материального ущерба, с другой стороны—это морально-этический приговор, способный доставить огромные муки как жертве плагиата, так и обвинённому (или уличённому) в интеллектуальном хищении. Есть и третья сторона: вольный подход в такого рода делах со стороны экспертов, юристов и судов может быть равносилен запрету на творчество.

На сегодняшний день на поток поставлены дела, в которых участвуют тексты с прямыми текстовыми совпадениями. Для разрешения такого рода споров существуют машинные программы, определяющие степень самостоятельности текста. Эта методика работает как с научным, так и с художественным текстом. Также описаны приёмы автороведческих экспертиз, которые осуществляют эксперты-лингвисты, специалисты в области языка, если подозрения вызывает один из текстов автора. Однако данные виды экспертиз не годятся в ситуации, если автор вдруг обнаружил, что кто-то заимствовал персонаж, образ или сюжет его произведения.

Для данного типа дел необходим в первую очередь специалист-литературовед. А некоторые дела подобного типа требуют комплексной экспертизы литературоведа и лингвиста.

Так, например, писатель, журналист и филолог Д. Быков в одном из своих интервью телеканалу «Дождь» утверждал, что факт написания М. А. Шолоховым «Тихого Дона» можно доказать с помощью теории инвариантов А. К. Жолковского. А авторство «Войны и мира» (вернее, тот факт, что Л. Н. Толстой не целиком написал роман, а пользовался дневниками и материалами других авторов) можно доказать с помощью изучения литературных источников. Утверждая приоритет литературоведческих методов анализа в перечисленных делах, Быков совершенно прав, однако надо добавить, что в первом случае необходимо привлечение автороведческой экспертизы (которая сама по себе не в состоянии дать точный ответ об авторстве «Тихого Дона»), а во втором случае—привлечение данных лексико-синтаксического анализа текстов Толстого и предполагаемых источников романа. В случае с Толстым, кстати, будет стоять ещё и вопрос о глубине переработки первоисточника, и это снова вопрос к литературоведу.

Поверить алгеброй гармонию: литературный персонаж сквозь призму авторского права

Персонаж как объект, охраняемый гражданским правом, упоминается в п. 7 ст. 1259 ГК РФ: «*Авторские права распространяются на часть произведения, на его название, на персонаж произведения, если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора и отвечают требованиям, установленным пунктом 3 настоящей статьи*».

Мы отметили, что далеко не всякое заимствование можно назвать интеллектуальным хищением. Кроме того, существуют такие смежные с заимствованием явления, как «влияние», «подражание», «стилизация», «аллюзия», «постмодернистская игра» и др.

Однако с точки зрения права понятие «заимствование» становится частью оппозиции: было хищение или не было хищения. Возникает смысловое поле квалификации, которое может считать «своим» как юрист, так и эксперт-филолог.

Поскольку понятие «плагиат» имеет юридическое значение, то, согласно статье 79 Гражданско-процессуального кодекса, «недопустима постановка перед экспертом (экспертами) вопросов правового характера, разрешение которых относится к компетенции суда».

Другими словами, перед экспертом-филологом нельзя ставить вопрос вроде «является ли рассматриваемый персонаж результатом плагиата?». Задачей эксперта-филолога (литературоведа и при необходимости лингвиста) в такого рода делах будет обеспечение возможности юридического

решения. То есть эксперт-филолог вычленяет заимствование, отграничивает его от других похожих или смежных явлений, называет схожие черты поэтик двух (или более) сравниваемых произведений, объясняет причины выявленного родства. Так, типологическое родство, прямое влияние, заимствование в составе бродячего сюжета, игра с известным образом по определению не могут быть вовлечены в процедуру юридической квалификации плагиата. Например, персонаж заимствуется в составе бродячего сюжета (Федра и Ипполит в трагедиях «Ипполит» Еврипида, «Федра» Сенеки, «Федра» Расина). Или примеры, когда известный читателю герой вводится в новый ансамбль персонажей, в новый сюжет (пьеса «Дон Кихот в Англии» Г. Филдинга, Чичиков, Ноздрёв и другие герои «Мёртвых душ» в «Похождениях Чичикова» М. А. Булгакова). В современной массовой культуре распространён жанр ремейка, где известные персонажи и сюжеты переосмысляются относительно современности, «с оглядкой» на оригинал («Белоснежка: месть гномов» — фильм Т. Сингха, 2012, и мн. др.).

Итак, в фокусе внимания юридической филологии при рассмотрении спорных текстов в делах о присвоении чужого творческого труда находится *литературное заимствование* как *сознательное* использование *чужого образа без серьёзной художественной переработки и переосмысления*.

Когда дело касается творчества, каждый случай требует отдельного разговора. Перейдём к анализу конкретных примеров, чтобы продемонстрировать условия юридизации литературоведческих терминов и понятий.

Автор «Обломова» — классик русской литературы или забытый водевилист?

Во время написания кандидатской диссертации, посвящённой влиянию традиций водевиля и мелодрамы на театр XX века, автор изучала оригинальные водевили XIX века и обнаружила среди прочих персонаж по фамилии Обломов. Персонаж встретился в водевиле П. А. Каратыгина «Первое июля в Петергофе» (1839 года). Пьеса была написана и сыграна на восемь лет раньше, чем И. А. Гончаров начал работу над «Обломовым». Помимо сходства фамилии, у героев Каратыгина и Гончарова обнаружилась масса других сходных черт.

С точки зрения литературных источников образ Обломова изучен довольно хорошо. Неоднократно отмечалось влияние театральной, в частности водевильной, эстетики на первую часть романа И. А. Гончарова. Однако водевиль П. А. Каратыгина с персонажем по фамилии Обломов прошёл мимо внимания исследователей, несмотря на то что сходство водевильного и романного Обломовых не ограничивается фамилией.

В водевиле Каратыгина Обломов и его друг немец Мустер (!) выполняют роль шутовской пары из вставных номеров для развлечения публики, которые напрямую не связаны с развитием сюжета.

У друзей один на двоих фрак, потому что неуклюжий Обломов утопил свой в Неве. Пока Обломов гуляет во фраке, Мустер надевает обломовский халат и остаётся дома. Каскад комедийных моментов связан с извлечением Обломова из фрака, в котором он прочно обосновался в силу более крупной, чем у Мустера, комплекции. Обломов Каратыгина добр, неуклюж, рассеян: он потерял перчатку Мустера, порвал и намочил фрак, сломал хлыст. «Моя новая фрака?» — в ужасе восклицает Мустер, на что Обломов смущённо, совершенно по-детски отвечает: «Мы останемся друзьями по-старому, только не обижайся»[3]. Очевидно, что отношения в водевильной паре напоминают отношения романных Обломова и Штольца. При последнем своём появлении в пьесе этот большой ребёнок выходит уже переодетым, по ремарке — «в халате и в огорчении»[4]. Таким образом, мы видим расстановку ролей, которая в романе Гончарова обрела следующую формулировку: «роль сильного, которую Штольц занимал при Обломове и в физическом, и в нравственном отношении»[5].

Есть в романе «Обломов» и другие влияния каратыгинского водевиля, которые подробно разбираются нами в статье «Водевильное „поветрие“ в русской литературе XIX века»[6].

Итак, Обломов из программного школьного произведения — это не просто водевильный персонаж. Это персонаж конкретного водевиля. Перед нами, безусловно, заимствование — сознательное использование чужого образа, который Гончаров наполнил более глубоким содержанием, сделав из театральной шутки одно из главных произведений русского реализма.

Обломов первой части романа Гончарова и Обломов водевиля Каратыгина — это персонажи с похожим набором черт. Обломов во всей сложности его внутреннего мира является только во второй части романа.

Итак, заимствование очевидно. Однако в связи с квалификацией характера заимствования и его юридизации возникает ряд вопросов.

....

3. *Каратыгин П. А.* Первое июля в Петергофе // Театральная библиотека Н. П. Медведева. № 1054. С. 9.
4. Там же. С. 10.
5. *Гончаров И. А.* Обломов. М., Художественная литература, 1969. С. 190.
6. *Шахматова Т. С.* Водевильное «поветрие» в русской литературе XIX века // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 150. Кн. 6. 2008. С. 70–76.

1. Были ли Гончаров и Каратыгин знакомы лично? Возможно, между ними существовали какие-то договорённости относительно данных персонажей.

2. Насколько был известен водевиль Каратыгина у современников Гончарова? Возможно, одно упоминание народного гуляния (мы помним, что в первой части романа гости зовут гончаровского Обломова отметить первое мая в парке Екатерингоф, а водевиль Каратыгина называется «Первое июля в Петергофе») в сочетании с комической парой «Обломов + друг-немец» отсылало читателя к водевилю Каратыгина, и, таким образом, перед нами — игра, аллюзивная отсылка от одного произведения к другому.

И самое, пожалуй, главное в квалификации заимствования разбираемого случая — это вопрос отношения к водевилю как к жанру во времена Гончарова. Водевиль считался театральной дешёвкой, безделушкой, не требующей серьёзных затрат творческого труда. Переделка европейских водевилей была поставлена на поток. Водевилист считался ремесленником, а не настоящим писателем.

Несмотря на то, что водевили Д. Т. Ленского, П. А. Каратыгина, А. А. Шаховского, Н. И. Хмельницкого, Ф. А. Кони и мн. др. были, несомненно, талантливы и составили целую традицию в русском театре, повлияв на многие комедийные жанры, общее отношение к водевилю у современников было снисходительным.

Таким образом, заимствование Гончарова нельзя оценивать с точки зрения современных морально-этических и юридических представлений о плагиате. Как мы уже говорили, мы лишь взяли этот случай как наглядный пример заимствования образа и возможный пример, чтобы показать, насколько многоаспектен анализ текста при решении вопроса об авторстве персонажа.

Рассмотрим пример из более близкого времени.

Два Митрича

(Трэш-шоу Russian Depression «Митрич» (проект «Comedy Club») и рассказ А. Платонова «Иван Митрич»)

Безусловно, внимание эти два произведения привлекли в первую очередь сходством имён главных героев, в обоих случаях вынесенных в заглавие. В сериале «Митрич», который был показан в нескольких выпусках юмористической программы «Comedy Club», действует старик Митрич, страдающий «врождённым похмельем». Рассказ Андрея Платонова «Иван Митрич» назван по имени главного героя.

Однако дело не только в структуре заглавия и совпадающем отчестве. И герой сериала, и герой рассказа одинаково нелепо умирают в финале, но умирают как бы не совсем, не окончательно. Итак, по порядку.

Начнём с определения термина, заявленного авторами сериала: «трэш-шоу».

Трэш (англ. *trash* — отбросы, макулатура) — искусство-мусор (макулатурные романы, фильмы категории «Б», музыкальная попса) и мусор-в-искусстве как средство выражения внемусорной идеи. Дешёвка по смыслу и по стоимости; ныне приемлемая и одобряемая безвкусица в искусстве; опивки и объедки «высокого творчества» — которое, однако, нередко использует трэш, получая от него «второе дыхание», но и заражаясь от него неизлечимым зловонием. В сущности, трэш — непафосная, нелицедейская разновидность китча[7].

Западный трэш построен по принципу «чем хуже, тем лучше». Однако на российской почве понятия часто приобретают другой смысл. Вот как описывает процесс приобретения новой идентичности понятия «трэш» С. Жариков:

«Представьте себя неспившимся музыкантом областной филармонии, судьба которого — „чесать“ область по три концерта в день в составе „молодёжного“ ВИА с установленным худсоветом комсомольским репертуаром. А ещё лучше — оформителем „ленинских комнат“ со стажем, которого вдруг замкнуло подумать о смысле жизни. Вы стали профессионалом в области китча, но это единственный язык, которым вы, увы, виртуозно владеете или — как минимум — который считаете наиболее адекватным вашему мировоззрению»[8].

По мнению автора, трэшевая эстетика рождается в профессиональной творческой среде, где под словом «мусор» понимается исключительно качество художественного материала.

Трэш — это профессиональный «закос» под самодеятельность. Это очень модная и тонкая интеллектуальная игра, где нельзя абсолютно всё принимать за чистую монету.

«Митрич», как вариант русского трэша, напоминает «закос» под деревенскую прозу à la В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин. Это окарикатуренный образ русской деревни, приправленный постмодернистским абсурдом. Если это трэш-шоу, то, скорее, в российском понимании этого слова, то есть, собственно говоря, игра в трэш.

О деревне писали не только писатели-деревенщики. Образы деревни и деревенских жителей прошли через всю историю русской литературы (Толстой, Тургенев, Чехов и мн. др.). Поэтому обратимся в нашем анализе не к тематике, а к форме произведения.

7. Альтернативная культура. Энциклопедия. М., Ультра. Культура. Д. Десятерик. 2005. — Режим доступа: http://alternative_culture.academic.ru

8. *Жариков С.* Русский трэш // Озон, декабрь 2001. — Режим доступа: http://laertsky.com/pub/zharikov.htm

И в том, и в другом случае в центре повествования два старика.

Рассказ Платонова «Иван Митрич» начинается с описания главного героя:

«Старый человек,—похожий на старушку, а не на мужика,—ходил подвязанный платочком под подбородочек. Ходил он по городу в две тысячи душ и следил за порядком: что, где и как.

Сам он не нужен был никому: стар и неработящ. Зато ему нужны были все.

Шли ли куры, стояли ли плетни: Иван Митрич не упускал их из виду. Мало ли что!

Жил он тем, что давала ему дочь—швейка-мастерица.

Каждый день она посылала его на пески к Дону, на базар—принести хлеба, говядины, овощу и прочего. И наказывала:

— Приходи раньше, чтоб обед был вовремя!

Иван Митрич шёл и пропадал. Приходил к вечеру, а не утром. Его мучили непорядки»[9].

Внешность Митрича в сериале—это некое обобщённое представление о русском мужике: телогрейка, шапка-ушанка, валенки, борода. Старость героя подчёркнута физической ограниченностью: Митрич сильно хромает. Он так же, как и Иван Митрич, одинок, предоставлен сам себе.

«В русской традиционной культуре образ старости ассоциируется, с одной стороны, с социальной и физической неполноценностью, утратой статуса полноправного взрослого человека, а с другой—с особыми знаниями и навыками религиозного и магического характера»[10]. Иван Митрич Платонова воплощает собой лишь неполноценность старости: «Сам он не нужен был никому». Попытка заговорить о возможности приобретения героем другого статуса, например, религиозного, сразу же комически снижена:

«Раз сманили его монахи поступить в монастырь к угоднику божию Тихону…

Иван Митрич стал преподобным Иоанном и надел чёрную свитку. Но через неделю ушёл домой к дочери от скукоты и елейной вони».

Создатели сериала «Митрич» также выдвигают на первый план ненужность, одиночество Митрича, что усугубляется ещё и недугом: Митрич страдает «врождённым похмельем».

Однако, при общем тяготении данных образов к неполноценным старикам, нельзя сказать, что другое, магически-знаковое, начало в них совершенно отсутствует.

Иван Митрич у Платонова—часть уходящего мира, не случайно галерея образов старых людей, где мы и знакомимся с героем, названа автором «Записки потомка». Есть в Иване Митриче и прямая перекличка с чеховским унтером Пришибеевым. «Его мучили непорядки»,—сообщает о своём герое Платонов. «А ежели беспорядки?»—восклицает герой Чехова. Он так стар и одет таким образом, что похож на старушку, и здесь перед нами тоже генетика, восходящая к гоголевскому Плюшкину.

Однако главный диктат традиции сказался в изображении Ивана Митрича в той максимально обобщённой А. П. Чеховым манере, когда о русском мужике говорят, отойдя и от пафоса народничества, и от романтического воспевания. Чехов изобразил мужика натуралистично, но в то же время оставив место для жалости к нему.

«В течение лета и зимы бывали такие часы и дни, когда казалось, что эти люди живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живут не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозревают друг друга. <…> Да, жить с ними было страшно, но всё же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания. Тяжкий труд, от которого по ночам болит всё тело, жестокие зимы, скудные урожаи, теснота, а помощи нет и неоткуда ждать её»[11].

«В народе своя политика, своя поэзия, своё утешение и своё большое горе»,—напишет А. Платонов в 1937 году в работе «Пушкин и Горький».

Деятельное начало Ивана Митрича—это проявление особой философии Платонова, которая во всей полноте сложится позже в его «Чевенгуре» и повестях. Это мысль о том, что «сознание в человеке—греховно, оно легко может обмануть, и потому чувства—единственно надёжная опора»[12].

«Иван Митрич» написан в 1921 году, опубликован в период с 1926 по 1927 год, когда Платонов заведует отделом мелиорации Тамбовской губернии. Писатель выразил своё отношение к глубинке, о которой писал: «Скитаясь по захолустьям, я увидел такие грустные вещи, что не верил, что где-то существует роскошная Москва, искусство и проза. Но мне кажется—настоящее искусство, настоящая мысль и могут только рождаться в таком захолустье».

Иван Митрич—образ неоднозначный. С одной стороны, это никчёмный, странный мужичок, которого даже на базар нельзя отправить (оставит семью без обеда). С другой—в его голове

9. Здесь и далее цит. по: *Платонов А.* Собрание сочинений: в 5 томах. М., Информпечать. Т. 1. 1998.

10. *Панченко А.* Образ старости в русской крестьянской культуре // Отечественные записки. №3. 2005.—Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2005/3/obraz-starosti-v-russkoy-krestyanskoy-kulture

11. *Чехов А. П.* Мужики. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. // Сочинения. Т. 9. М., Наука, 1985. С. 311.

12. *Михеев М. Ю.* В мир Платонова—через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. М., Изд-во МГУ, 2002. 407 с.

существует собственный миропорядок, в котором необходимо спасти курицу, купить собаку и катать её на извозчике, как барышню, миропорядок, в котором даже неживое ещё яйцо «взывает» к Ивану Митричу.

Митрич сериала — по характеру действий напоминает Ивана Митрича. Митрич сериала мог бы встать в один ряд типов цикла Платонова «Записки потомка», частью которого является рассказ «Иван Митрич». Это такой же незначительный житель окраины со странностями. Его кипучая энергия также направлена на обустройство какого-то одному ему ведомого миропорядка: заказ самому себе поздравления по радио, продувка макарон, кодирование от пьянства и т. п.

Исследователи творчества Платонова, занимающиеся текстологией его произведений, заметили, что осенью 1926 года писатель готовил к изданию два сборника, один из которых должен был называться «Чудаки» или «Бродяги, бредущие зря». В семейном архиве сохранилось оглавление этого сборника, куда должны были войти рассказы из цикла, впоследствии названного «Записки потомка»: «Бучило», «Поп», «Чульдик и Епишка» и «Иван Митрич»[13]. По первоначальному заглавию очевидно, что «чудаковатость», «неприкаянность» выносились автором в качестве смыслообразующего элемента для всех рассказов, вошедших в цикл.

В плане фабулы рассказ Платонова «Иван Митрич» — это серия эпизодов из жизни героя. Автор не описывает дела Митрича подробно, он лишь пунктиром намечает события из жизни героя, снабжая их минимальным количеством ярких и выразительных деталей. На одной странице рассказа мы узнаём об эпизоде «спасение кур», об эпизоде «поход на базар», об эпизоде «уход в монахи и возвращение в мир», об эпизоде «покупка собаки у цыгана», и апофеозом всех этих, в сущности, комических сценок является нелепая смерть героя во сне.

Сериал «Митрич» использует ту же формулу построения сюжета. С той лишь разницей, что, как произведение массовой культуры, сериал строится по законам массовой культуры. Социальный фактор, необходимость собирать кассу всегда ставят перед создателем произведения массовой культуры задачу владеть вниманием зрителя. Нелепая смерть в данном случае является способом конструирования интриги и организации внимания зрителя. «Как же в следующий раз „помрёт“ Митрич? Что он для этого сделает?» — вопросы, которые будят любопытство на протяжении действия.

Игровое отношение к смерти (смерть использовалась как ход в интриге) было неизменной приметой русского водевиля. Одним из стандартных узлов этого жанра является ложная смерть героя, когда герой притворяется мёртвым и в зависимости от реакции окружающих выстраивает свои дальнейшие действия. До своих логических вершин этот приём был доведён в драматургии А. В. Сухово-Кобылина («Смерть Тарелкина»).

Прямым наследником водевильной эстетики через посредство творчества того же Чехова (см., например, оксюморон поэтики Чехова — водевиль с самоубийством) является театр абсурда. В стремлении передать экзистенциальную «муку бытия» и «фантасмагорическую реальность» абсурдисты особое внимание уделяют смерти, которая сводит к нулевому знаменателю все ценности жизненной иерархии. Источником комизма в абсурдистской пьесе является абсурдистский юмор, основанный на игре с логикой и здравым смыслом.

Яркой иллюстрацией этих положений является поэзия Д. Хармса, где смерть абсурдна, смешна и в конечном итоге скучна:

«Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась.

Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбившуюся, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась из окна, упала и разбилась.

Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвёртая, потом пятая.

Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошёл на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль».

Эстетика и поэтика абсурда существенно повлияла на литературу 20–30-х годов XX века. Это время гротескового комизма. В основу произведений с комизмом такого типа обычно кладётся анекдот, который делает смешными всех. Тип комизма рассказов сборника «Записки потомка» Платонова лежит в сфере гротескового, абсурдного юмора. Комизм этого типа положен и в основу сериала «Митрич».

Мы не знаем, действительно ли Иван Митрич Платонова умер, или смерть — это только часть сна о том, как герой «перепрудил Дон». Смерть здесь неокончательна, неосновательна. Смерть — часть движения жизни героя, один из эпизодов. Митрич сериала также существует по законам анекдота, умирая в финале каждой серии и как ни в чём не бывало оживая в начале следующей.

Гротесковое мироощущение тесно связано с традицией народного площадного театра. Герой гротеска неизбежно наследует черты русского скоморошества, воплотившего одну из сторон праздничной смеховой культуры на Руси. Национальная специфика древнерусского «смехового

13. *Красовская С. И.* В творческой лаборатории А. Платонова 1920-х годов: цикл ранних рассказов «Записки потомка» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2005. № 2. С. 57–63.

мира» заключается в том, что этот мир стремился к построению неупорядоченного мира «антикультуры», перевёрнутого «антимира». «Интересно, что в западноевропейской культуре восторжествовал герой-плут с его предсказуемой судьбой и стремлением к полноте и организованности мира, а в русском средневековом сознании воцарилось представление о простаке, дураке, который, по сути дела, и оказывается творцом этого вывернутого, раздетого, „голого“ мира»[14].

Размышляя о героях цикла «Записки потомка», Платонов пишет: «Чем ничтожней существо, тем прекраснее и больше душа его. <…> Мы растём из земли, из всех её нечистот… Но не бойтесь, мы очистимся… <…> Из нашего уродства вырастает душа мира. <…> Человек вышел из червя. Гений рождается из дурачка»[15].

Однако не один лишь гротесковый комизм является характеристикой авторской точки зрения на мир в данных произведениях. Важно заметить, что и в рассказе, и в сериале сильно эпическое начало. В цикле рассказов «Записки потомка» Платонов размышляет о судьбе русского характера, обращая свой взгляд в прошлое и останавливая внимание на незаметных чудаках. Точно такой же эпический взгляд на всю российскую действительность присущ и сериалу «Митрич» (стоит обратить внимание на движение камеры, которая «обозревает» Митрича всегда на фоне убогого быта и скучного российского пейзажа). Наше наблюдение подтверждается подзаголовком сериала, свидетельствующим о масштабе взгляда: «Russian Depression».

Из известных образов стариков функционально наиболее близок Митричам дед Щукарь, выражающий трагикомический пафос жизни в структуре романа «Поднятая целина» М. Шолохова. Щукарь «погибает» в романе два раза. Первый раз он буквально чуть не лопнул, когда пожалел свою корову и вместо того, чтобы сдать её в колхоз, зарезал и объелся коровьим мясом. Второй раз — во время покушения на Макара Нагульнова: пуля отколола от оконной рамы щепку, и та воткнулась в лоб Щукарю. Дед вообразил, что это пуля, приготовился к смерти, однако, конечно, не умер.

Архетипически образ деда Щукаря восходит к типу трикстера (от англ. *trickster* — обманщик, ловкач) — образ человека, который противостоит сложностям мира с помощью хитрости, ловкости, юмора, то есть пытается переиграть судьбу (аналогичную функцию, например, выполняет и дядя Митя в фильме «Любовь и голуби» по одноимённой пьесе В. Гуркина).

Однако финал романа являет деда Щукаря его неигровой трагической стороной: потеряв и Давыдова, и Нагульнова, к которым старик относился как к родным детям, он заметно сдаёт физически и больше не веселит односельчан своими выходками и рассказами. «Ей-богу, наделает он нам горя, — говорит Размётнов Майданову. — Привыкли мы к нему, к старому чудаку, и без него вроде пустое место в хуторе останется»[16]. В этих финальных словах выражено существенное отличие образа Щукаря от образов Митричей. Щукарь связывает собой расколотый надвое мир: старый уклад и разметавший, расколовший деревню новый уклад жизни. Это символ народной мудрости, способной своей нехитрой простотой и подлинным юмором сгладить самые острые жизненные противоречия.

В сравнении с типологически родственным образом деда Щукаря высвечивается существенная близость в структуре и функциональной роли образов Ивана Митрича Платонова и Митрича из сериала «Митрич». И в сериале, и в рассказе — это короткий рассказ о «деяниях» героя с неожиданным драматическим финалом. Нелепая (вечно обратимая) смерть-несмерть как результат существования между, на грани миров: на грани жизни и смерти, за гранью общественной жизни, между трезвостью и опьянением, между реальностью и собственным представлением о миропорядке, который герой самозабвенно создаёт, забывая о наказах дочери («Иван Митрич»), о забытом в садике сыне («Митрич»), в сущности, выскальзывая из социальной сферы в собственный альтернативный «антимир». В отличие от деда Щукаря, дяди Мити, чудиков Шукшина, Митрич и Иван Митрич — это персонажи окраинные, самодостаточные, не стремящиеся к другому. Их странная смерть — это символ анекдотического трагизма самой жизни.

Ещё один признак, объединяющий поэтики сериала «Митрич» и рассказа «Иван Митрич», — это форма повествования. И в том, и в другом случае это ярко выраженные индивидуально-авторские, социально-маркированные манеры авторского повествования. И в том, и в другом случае перед нами разновидности сказа.

Читали ли авторы сериала «Митрич» рассказ Платонова? Что перед нами? Результат типологического схождения, «музыка навеяла» — или это сознательное заимствование образа и элементов поэтики рассказа Платонова?

14. *Журчева О. В.* Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX века. Учебное пособие. Самара, изд-во СамГПУ, 2001. С. 85.
15. *Платонов А.* Ответ редакции «Трудовой Армии» по поводу моего рассказа «Чульдик и Епишка». Цит. по: *Красовская С. И.* В творческой лаборатории А. Платонова 1920-х годов: цикл ранних рассказов «Записки потомка» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2005. № 2. С. 61.
16. Там же. С. 380.

Вопрос непростой. Итак, можно говорить о следующих совпадающих признаках рассмотренных текстов:

- совпадение отчества Митрич, которое вынесено в заглавие произведения;
- структурное и содержательное сходство финальных фраз рассказа Платонова и каждой серии сериала: «и умер», «так и помер Митрич»;
- авторская манера повествования — сказ;
- похожая структура образа, воплотившая представление о герое-простаке, дураке, создающем собственный «антимир»;
- тип игрового отношения к смерти, которая функционально сближена с эпизодом из жизни наряду с другими нелепыми эпизодами;
- сочетание гротесково-комического и эпического взгляда на русскую жизнь через призму образа незначительного человека;
- композиционное сходство: краткий рассказ с неожиданным анекдотичным финалом;
- тематическое сходство: жизнь ничем не примечательного чудаковатого провинциального старика.

Такое количество совпадений наводит на мысль об их неслучайности.

С одной стороны, перед нами произведения различных литературных иерархий. Не является редкостью, чтобы массовая культура заимствовала сюжеты и образы из высокой литературы и выводила их в тираж, заигрывая до штампов. Тем более что жанр сериала заявлен как трэш-шоу. То есть жанр заведомо пародийный. Как мы уже отметили, чудаки А. Платонова (Иван Митрич не исключение) вписываются в определённую традицию русской литературы, изображавшую героя-чудака, героя-простака, и не случайно, что определённый набор перечисленных черт будет свойственен и деду Щукарю, и шукшинским героям, и мн. др.

С другой стороны, рассказы А. Платонова, в отличие от его романов, не входят в школьную программу. Даже в программе гуманитарных вузов чаще всего фигурируют романы, а не рассказы Платонова. Иван Митрич — это не чеховский унтер Пришибеев и не тургеневский Герасим, поэтому вопрос о сознательной игре именно с этим образом, об аллюзивном обращении к Ивану Митричу Платонова речь всё-таки не идёт. При этом мы имеем дело не только со сходной структурой, но и прямыми текстовыми совпадениями в последней фразе рассказа и каждой серии проекта: «и умер», «так и помер Митрич».

Когда литературовед, филолог отвечает на вопрос, имеет место заимствование в связи с персонажем или нет, главной задачей является определить *степени самостоятельности того или иного художественного образа (персонажа)*. В данном случае, как нам кажется, недостаточно говорить только о постмодернистской игре с традицией изображения деревенского чудака. Сценарий написан под влиянием конкретного платоновского рассказа, и в таких случаях, возможно, имеет смысл делать ссылку «по мотивам», поскольку имеет место не только типологическое, но и прямое текстовое совпадение.

И кто говорит — плагиат, а я говорю — традиция

Задачей данной статьи было в первую очередь показать, что использование термина «плагиат» в отношении, в частности, персонажа литературного произведения — далеко не всегда однозначно.

В ходе производства исследования литературовед рассматривает персонаж как элемент поэтики произведения, обращая внимание на широкий круг проблем: от психологических и физиологических черт образа до особенностей типологии и ротации в культуре. Научный подход в делах о нарушении авторского права позволяет избежать формального решения конфликта, которым, к сожалению, нередко отпугивает современное правосудие. Не всегда даже явное заимствование без указания источника цитаты указывает на творческое бессилие или злой умысел автора. Верно и обратное: следы заимствования могут быть искусно скрыты и не бросятся в глаза неспециалисту.

Также не секрет, что соблазнительная лёгкость, с которой, как кажется многим, можно установить внешнее сходство элементов тех или иных текстов и произведений, даёт возможность для сведения счетов или недобросовестной конкуренции в искусстве. Нередко, клеймя и обвиняя, критики и журналисты забывают о том, сколь многоаспектно должно быть исследование в делах подобного рода и что публичное обвинение в плагиате, в нарушении чьих-то авторских прав без заключения соответствующей экспертизы и решения суда является нарушением конституционных прав гражданина, так как термин «плагиат» — юридический, и устанавливает его только суд, даже при полной очевидности и прозрачности того или иного случая.

Синяя тетрадь

Вот эта синяя тетрадь
С моими детскими стихами…
Анна Ахматова

Евгения Захарчук

16 лет, г. Железногорск

Гром

По песку, по мостовой,
По траве, по тротуарам,
По сиреневым бульварам
Бежит девочка с ведром
Босиком.

Дождь бежит по мостовой,
По траве, по тротуарам,
По сиреневым бульварам,
Ну а девочка с ведром —
Под дождём.

Грохот слышит мостовая,
И трава, и тротуары,
И цветущие бульвары,
Капли падают в ведро.
Это гром.

1242

Пеплом раскинулись
Вширь и в длину снега,
Кровью не сыпались
Чудские берега,
Люду мерещится
Птица Сирин в жёлтых облаках.
Долго ли ждать врага?
Песня её страшней.
Где на шлемах рога?
Где стук копыт коней?
Что песне встретится,
То немедля обратится в прах.

К Богу стремясь, застыл,
Будет изгнанник, был,
Плача, стоит, молясь,
Наш новгородский князь.
Плещется красный свет,
В копьях шумит рассвет,
В стрелах и топорах
Чуется вещий страх!

Слышишь чужую речь?
Слышишь ли стройный ход?
Слышишь, тевтонский меч
В кровь обратил восход!
Лязг с топором мечей —
Эта песня мукой душу рвёт.
Там человек, и он
Пал наземь, не встаёт,
Сирин отравлен звон,
Горько она поёт!
Красный течёт ручей.
Знать бы, кто к победе доживёт.

Клича багряный сок
В жилах твоих потёк,
Ноет подбитый хрящ,
Красным стал красный плащ.
Сколь ни минуло лет,
Нет правды у легенд,
Треснуть не может лёд,
Гибнет простой народ!

Песню смертельную,
Сирин, ты утоли,
Краской кисельною
Очи не забели,
Нас на земле родной
Ожидают, думами томясь.
Понял, иду в капкан,
Понял, но не предам,
За Александров план
Жизнь я свою отдам,
Певчей души струной
К звёздам нежным
Звоном устремясь.

В битве бурлят полки,
Злые клинки крепки,
Сирин напев умолк,
Вышел засадный полк.
Тьмы смылась пелена,
Веются знамена́,
Там, среди них, Христос
К небу глаза вознёс…

Наташа Ленкова

5 класс

Весёлые стихи

● ● ●

Подарили гости Пете
Шесть томов энциклопедий.
Чтоб гостей не обижать,
Все придётся прочитать.

● ● ●

Есть на свете древний лес.
В нём полным-полно чудес.
Рыбы по небу летают
И со звёздами болтают.
Вот такой удивительный лес.

● ● ●

Началась Олимпиада—
Черепахе тоже надо!
Я со всеми побегу,
Чемпионом стать могу!

Елизавета Катакова

6 класс

Моя родословная

По материнской линии я происхожу из рода Кадак. Прабабушка рассказывала об этом моей маме.

В середине девятнадцатого века Мартын Кадак поджёг солому у помещика, за что был сослан в Сибирь из Прибалтики вместе с семьёй. В кандалах на руках и ногах они почти три года шли до деревни Нижняя Буланка Каратузского района. В 1856 году в этой деревне у него родилась дочь Анна. Став взрослой, Анна вышла замуж. Её мужем стал Пётр Карлович Анник, бежавший из Центральной России от голода. В Сибири в то время было много грибов, ягод, орехов, рыбы и дикого мяса. Работящие люди могли прокормить себя и свои семьи. Мои далёкие предки жили середняками. У них в хозяйстве были коровы лошадь, овцы, гуси. Был и небольшой участок земли, где сеяли просо, рожь, лён, кукурузу, сажали табак. В семье было шестеро детей: Карл, Эдвина, Эрнестина, Линда и Елизавета—моя прапрабабушка.

В 1911 году Елизавета выходит замуж. Её муж—Ян Петрович Томан. Они жили в той же деревне Нижняя Буланка, небогато, но крепко. В 1913 году у них родилась дочь Августина, а в 1916-м—Амалия, моя прабабушка. Прапрадед, Я. П. Томан, работал объездным лесником, а прапрабабушка Елизавета Петровна летом работала на полях—посеве, сенокосе, уборке урожая, зимой—пряла, ткала, вязала при лучине, управлялась с домашним хозяйством. Прапрабабушка умерла в возрасте пятидесяти двух лет, а прапрадед—в девяносто три года, и похоронены они рядом, в Нижней Буланке, на своей родине.

В 1938 году моя прабабушка Амалия выходит замуж за Алексея Петровича Зубарева. Брак свой они не регистрировали, но в семье было семеро детей: Фёкла, Константин, Елизавета, Любовь, Николай, Алексей и моя бабушка Августина. Амалия Яновна награждена медалью «Материнство».

Алексей Петрович родился и жил в деревне Черниговка Каратузского района. Крещён мой прадед в Троицкой церкви села Салба Ермаковского района. В 1933 году его семью раскулачили и сослали на Колыму. Семья добралась до места ссылки. Но Алексей решил вернуться в родные места, чего бы это ни стоило. Он совершил четыре побега, но каждый раз его догоняли сотрудники НКВД с собаками и возвращали обратно к месту ссылки. В ссылке умерли его родители. Могилы—по причине вечной мерзлоты—выкопать было невозможно, и гробы с телами бросали в Колыму. Алексей попытался бежать в пятый раз. Он переплыл Колыму и в 1937 году пешком добрался до родной Черниговки. У него не было документов, приходилось скрываться от властей. Он жил у родственников, работал в поле, носил женскую одежду. Но молодость берёт своё. Алексей познакомился с Амалией Томан, и они начинают тайно жить вместе. А живут они недалеко от Черниговки—в деревне Шилово.

Наступил 1941 год. Мужчин мобилизуют на фронт. На прадеда сваливается новая беда. Он не может пойти на фронт, у него нет документов. Его арестовывают, дают десять лет тюрьмы. Срок он отбывал в городе Черногорске. Жена пешком ходила к нему на свидания. По ходатайству директора совхоза «Моторский» в 1945 году его досрочно освобождают за хорошую работу и за отсутствием состава преступления.

Алексей Петрович работает строителем в совхозе, Амалия—разнорабочей. В 1965 году они регистрируют свой брак. А в шестьдесят восьмом они переезжают в Черниговку. Постепенно заводят большое хозяйство—коров, овец, гусей, кур, свиней. Сдавали государству много лука, картофеля, сливочного масла, яиц. До этого семья жила бедно, а в начале семидесятых появилась возможность за сданную сельскохозяйственную продукцию приобрести холодильник, ковёр, две швейные машинки, электропрялку.

Алексей Петрович умер в 1992 году в возрасте восьмидесяти лет. Похоронен в селе Ширыстык Каратузского района. Прабабушка переехала на постоянное место жительства к дочери, моей бабушке Августине, в посёлок Ойский, где умерла в 1997 году в возрасте восьмидесяти лет. Похоронена рядом с прадедом.

В 1962 году бабушка вышла замуж за Владимира Эрновича Михельсона, у них родились две дочери: Марина—моя мама, Галина—моя тётя. В 1968 году семья переехала в Ойский, где и живёт по настоящее время. Бабушка работала дояркой до выхода на пенсию. Она была награждена многими грамотами, благодарственными письмами, ценными подарками за высокие показатели в работе.

Сейчас у бабушки восемь внуков и одна правнучка. Моя мама вышла замуж за Валерия Владимировича Катакова. В нашей семье пятеро детей: Маргарита, Татьяна, Кристина, Евгения и Елизавета. Моя тётя вышла замуж за Андрея Сергеевича Ращупкина, и у них трое детей: Дмитрий, Алина, Иван.

Я надеюсь, что в будущем мы сможем найти ещё родственников, чтобы древо рода Кадак было ещё больше!

Тимофей Свешников

6 класс

Книга, которая изменила мою жизнь

Когда меняешь своё поведение, меняется отношение и к себе, и к другим людям, и—соответственно—жизнь в целом. Событием в моей жизни стала книга, которая изменила взгляд на мир и на самого себя. Это—азбука! Можно сказать, что человек без книги—никто! А в какой-то степени книги являются моими старшими товарищами. Через мои любимые книги я смотрю на мир, и мне кажется, что я становлюсь лучше—добрее и мудрее.

Елена Гогорева

6 класс

Маленькая победа над собой

Иногда простые, казалось бы, вещи могут настолько изменить наши взгляды на жизнь или даже полностью изменить её! Недавно я прочитала сказку-быль «Неизвестный цветок» Андрея Платонова. Этот маленький труженик, цветок, заставил меня задуматься о целях жизни, которые мы ставим перед собой. Он научил меня ценить каждый миг жизни. Анатоль Франс сказал: «Жить—значит действовать». Сегодня у меня всё есть: и дом, и постель, и еда, и книги, и компьютер с телевизором. А смогла бы я без всего этого добиться хороших знаний в учёбе? Что бы я вообще смогла сделать? Каждый день я стараюсь одержать маленькую победу над собой, чтобы стать как наш герой—необычным, трудолюбивым и красивым.

Сергей Добросоцкий

6 класс

Красота и тайна

Мой дом находится на окраине нашего села. Кругом лес. Сосны большие. Берёзы тонкие и стройные. Весной—зелёная трава. Цветут какие-то цветы. Всё—как обычно. Привычно. Живу я здесь со дня рождения. Но однажды—неглубокой ночью—я проснулся. На крыльце нашего дома кто-то разговаривал. Я тихонько вышел. У ворот горел фонарь, а в небе светилась луна. Я никогда не видел такой красоты. Сосны и берёзы были другими. Всё было так таинственно, так незнакомо. Утром я снова посмотрел на лес вокруг дома. И решил, что живу в очень красивом месте. Ночью была большая луна. Так тихо, спокойно. Сосны и берёзы были так таинственны…

Сергей Чубик

5 класс

Афродита и Арес

Богиня любви Афродита полюбила бога войны Ареса. А бог Арес полюбил самую красивую богиню Афродиту. Это две противоположности. Нежность и ужас, чёрное и белое, добро и зло, ненависть и любовь. Мать Афродита дала детям положительную сторону, а отец Арес—отрицательную. Безумие войны соединилось с безумием любви. Поэтому и дети у них такие—Страх и Ужас, а также Симпатия и прекрасная Гармония.

РАЗГОВОР С ОТРАЖЕНИЕМ

Никита Черных

5 класс

Однажды я подрался со своим отражением, но мне было плохо, потому что каждый свой удар я тут же чувствовал на себе! Куда ему попало—там и у меня

болит. Помирились мы с ним только в больнице. И почему-то отражение выздоровело быстрее, чем я. Тогда я предложил ему поменяться местами. На один день. Оно согласилось. Я пробегал весь день и забыл поменяться с отражением. На следующий день я со всех ног помчался к зеркалу—и мы вернулись каждый на своё место. Но с тех пор моё отражение со мной не играет и не разговаривает. Вообще не хочет меня видеть. Но приходится.

Константин Мигунов

5 класс

—Привет!
Ноль эмоций, фунт презрения.
—Привет!
Молчание.
—Как ты мне надоело! Стоишь и только шевелишь губами.
—Успокойся! Я же твоё отражение. Вот захочу и уйду.
—Ну и уходи! Никакого толку от тебя.
—Уже пошло!
—Попробуй. Чтобы ты ушло, должен уйти я.
—А может, наоборот? Чтобы ты ушёл, должно уйти я?
Оно взяло отражение маминой любимой вазы и смяло, как лист бумаги.
—Это неправда!
—Правда!
И оно пошло в глубь зеркала, а меня от него оттаскивала неведомая сила.

КАПЕЛЬКА ЧУДА

Вероника Христенко

6 класс

Когда я была в приюте, меня хотели отдать в детский дом. Оставался только день до моего перевода. И произошло чудо. Это было самое лучшее чудо в жизни. За мной приехал мой папа! Я так обрадовалась! В Жеблахтах я познакомилась с тётей Ирой и её большой семьёй. Они мне все понравились. Потом папа отвёл меня в школу. Здесь я подружилась с одноклассниками. Но больше всего мне понравился музейный урок, который вела Нина Николаевна. Прошло уже два года с половинкой. Я хожу в свою школу как в первый раз—с удовольствием. Хожу на музейные уроки и люблю, когда Нина Николаевна рассказывает. Люблю учиться и всем советую, потому что знания—это и есть капелька чуда. Вы сами можете её сотворить. Всё в ваших руках.

Олег Изосимин

6 класс

Я вам расскажу, как мы катались на санках. Каждый вечер мы ходим кататься на горку. За мной заходят друзья, и мы идём на гору. И вот однажды в небе тёмном как сверкнут полосы! И так несколько раз. Я думал, это молния. Но откуда зимой молния? На следующий день я на уроке сказал Нине Николаевне, директору, что, может, это инопланетянская тарелка. Одноклассники засмеялись, а директор школы сказала, что, наверное, это падали звёзды. А кто-то сказал—метеориты. Я никому не поверил, кроме директора. Просто это было чудо! Вечером мы снова пошли на горку, но таких чудес больше не было. У меня они остались только в голове, эти сверкающие полосы.

Софья Широкова

3 класс

Однажды вечером я смотрела в окно. Пасмурно, темно, небо в низких лохматых облаках. Может, снег пойдёт, а может, дождь? Скучно, делать ничего не хочется. Утром проснулась—и сразу к окошку. Вот чудо—снег лежит, белый и пушистый. Светло кругом, радостно. А в палисаднике на рябине снегири, нахохлившись, говорят: «Доброе утро, Соня!» Я удивилась. Вчера осень была, а сегодня уже зима. Скорей на улицу. Хочу подышать первым снегом. Буду лепить снежную бабу и играть в снежки. Ну разве это не чудо—первый снег?

Глеб Ульчугачев

2 класс

Чудо у всех разное, а моё чудо—чтобы мой брат Никита побыстрее приехал домой из армии. Я его очень давно не видел. Осталось совсем немного, и он приедет. Каждый день думаю, как он там; наверное, нелегко ему. Мне даже снятся сны, как мы играем с Никитой и его собакой Линдой. Мне снился сон, как Никита учит меня нырять. Я сильно хочу, чтобы он поскорее вернулся домой, и пусть это желание сбудется.

стр. 26 **Беликов Юрий Александрович**
Пермь, 1958 г. р.

Родился в городе Чусовом Пермской области. Поэт, эссеист, публицист. Окончил филологический факультет Пермского госуниверситета. Автор четырёх поэтических книг. Обладатель Гран-при и звания «Махатма российских поэтов» (всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох», Алтай, 1989), лауреат нескольких международных премий и фестивалей. В начале 90-х входил в редколлегию журнала «Юность». Основатель трёх поэтических групп. Лидер движения «дикороссов». Работал собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором газеты «Труд». Стихи публиковались в журналах «Юность», «Знамя», «День и ночь», «Арион», «Дети Ра», «Флорида» (США), «Зарубежные записки» (Германия), «Киевская Русь» (Украина»), «Иерусалимский журнал» (Израиль), в антологиях «Самиздат века», «Современная литература народов России», «Антология русского лиризма. XX век», «Молитвы русских поэтов». Награждён орденом-знаком Велимира «Крест поэта», орденом Достоевского I степени. В настоящее время — собкор «Литературной газеты».

стр. 23 **Бобров Глеб Леонидович**
Луганск, 1964 г. р.

Родился в городе Красный Луч УССР. Русский писатель и журналист. Проходил службу снайпером в 860-м отдельном мотострелковом полку 40-й армии в Афганистане. Награждён медалью ДРА «За отвагу». С 1992 года пишет прозу, основывающуюся на его армейском опыте. Публикуется в журналах «Подъём», «Звезда», сборнике «Мы из „ArtOfWar“». В 2005 году в соавторстве с К. В. Деревянко и Н. А. Грековым выпустил книгу «Тарас Шевченко — крёстный отец украинского национализма». За рассказ «Чужие Фермопилы» получил премию «Дебют-2005» журнала «Звезда» (Санкт-Петербург). Автор нескольких книг прозы. Награждён серебряной медалью имени Василия Шукшина за № 78 (отчеканено всего 100 медалей). Член Союза писателей России. Председатель Союза писателей ЛНР. Главный редактор сайта «Okopka.ru».

стр. 45 **Бруштейн Ян Борисович**
Иваново, 1947 г. р.

Родился в Ленинграде. Кандидат искусствоведения. Работал журналистом, преподавателем вуза, президентом и главным редактором негосударственных телекомпаний «7×7» и «Барс», автором и ведущим политических, экономических и познавательных программ. Стихи печатались в журналах «Юность», «Знамя», «Волга», «Дети Ра», «Зинзивер», «Сибирские огни», в еженедельнике «ОБЗОР» издательства «Континент» (США), в сборниках и альманахах. Маленькие рассказы вышли в журналах «Зинзивер» и «Футурум АРТ». В конце 2006 года выпустил книгу-альбом компьютерной арт-графики и стихов «Карта туманных мест». В марте 2009 года в Москве вышла книга стихов «Красные деревья»: ровно через два года — книга новых стихов «Планета Снегирь» в поэтической серии «Библиотека журнала „Дети Ра“» и, почти одновременно, книга избранных стихов «Тоскана на Нерли» (издательство «Летний сад»). Член ЛИТО «ПИИТЕР». Член Союза писателей XXI века.

стр. 19 **Ваксман Семён Иегудович**
Пермь, 1936 г. р.

Родился в Ставропольском крае. После окончания геологического факультета Московского института нефтехимической и газовой промышленности по специальности «инженер-геолог-нефтяник» занимался поисками и разведкой месторождений нефти и газа в Приморском и Пермском краях. Кандидат геолого-минералогических наук, почётный нефтяник. В Перми вышли книги стихов «Лик Земли», «Синий платочек», романы «Вся Земля, или Записки о Родерике Мэрчисоне, короле Пермском, Силурийском и Девонском», «Полевая книжка». Роман «Вся Земля…» удостоен краевой премии по литературе за 2008 год. Роман «Я стол накрыл на шестерых» вошёл в шорт-лист премии «Антибукер-2000» (не напечатан).

стр. 99 **Васильева Мария**
Москва, 1989 г. р.

Родилась в Москве. Актриса, студентка консерватории по классу вокала и студентка Литературного института имени А. М. Горького (ученица Игоря Волгина). Стихи публиковались в журналах «Арион», «Студенческий меридиан», в сборнике под редакцией журнала «Юность».

стр. 173 **Вдовин Николай Геннадьевич**
Качулька, 1971 г. р.

Поэт, драматург. Родился в городе Темиртау (Казахстан). Несколько лет жил в Петербурге, где учился в кораблестроительном институте. С 1994 года живёт на юге Красноярского края, в селе Качулька Каратузского района. Автор одного поэтического сборника. Публиковался в небольших газетах, журнале «Homo legens» (Москва). Лауреат премии Фонда имени В. П. Астафьева по итогам 2012 года.

стр. 52
Вершинский Анатолий Николаевич
Раменское, 1953 г. р.

Родился в селе Семёновка Уярского района Красноярского края. Окончил радиотехнический факультет Красноярского политехнического института и заочное отделение Литературного института имени А. М. Горького. Член Союза писателей России. Публикации в отечественных и зарубежных журналах и альманахах; стихи переводились на английский, болгарский, молдавский, украинский, французский и другие языки. Автор шести поэтических сборников, драмы в стихах «Восточный вопрос», книги исторических очерков «Русская Александрия. Средневековая Русь и Александр Невский» (премия «Серебряный крест» по итогам конкурса Московской городской организации Союза писателей России «Лучшая книга 2008–2010») и книги-исследования «Всеволод из рода Мономаха. Византийские уроки Владимирской Руси» («Серебряный крест» по итогам конкурса «Лучшая книга 2012–2014»). Наряду с собственными произведениями опубликовал стихотворные переводы: три книги и несколько подборок в журналах и коллективных сборниках. Победитель Второго Международного конкурса перевода «С Севера на Восток»-2014 (диплом Золотой ступени).

стр. 171
Гарбер Марина
Люксембург, 1968 г. р.

Родилась в Киеве. В эмиграции с 1989 года, жила в США и Европе (Италии и Люксембурге). Окончила аспирантуру Денверского университета (штат Колорадо), факультет иностранных языков. Преподаватель русского, итальянского и английского языков в колледжах. Автор четырёх поэтических сборников: «Дом дождя» (Филадельфия), «Город» (Киев), «Час одиночества» (Филадельфия), «Между тобой и морем» (Нью-Йорк). Стихи, переводы, рецензии и эссе публикуются в литературных изданиях США, России и Украины («Новый журнал», «Встречи», «Побережье», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Стороны света», «Грани», «Рубеж», «Ренессанс» и др.). Заместитель главного редактора литературного ежегодника «Побережье» (Филадельфия). Участвовала во многих поэтических антологиях.

стр. 21
Гребнев Анатолий Григорьевич
Пермь, 1941 г. р.

Родился в селе Чистополье Котельнического района Кировской области. Окончил Пермский медицинский институт, затем, заочно, Литературный институт имени А. М. Горького. Работал в сельской больнице, продолжает трудиться врачом до сей поры, будучи членом Союза писателей с 1978 года. Автор многих стихотворных книг, среди которых «Приволье», «Задевая за листья и звёзды», «Колокольчика вятского эхо», «Берег Родины», «Любовью воздам за любовь». Лауреат ряда литературных премий, в том числе — премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина, премии имени Алексея Решетова и премии имени Николая Заболоцкого. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Перми и деревне Байболовка Пермского района.

стр. 68
Замостьянов Арсений Александрович
Москва, 1977 г. р.

Родился в Москве. Окончил Московскую городскую педагогическую гимназию, Литературный институт имени А. М. Горького, аспирантуру при Литинституте. Кандидат филологических наук. Заместитель главного редактора журнала «Переправа», редактор журнала «Народное образование». Ведущий проекта «Настоящее прошлое» в «Литературной газете». Лауреат программы «Новые имена» Российского Фонда культуры, в 1991 году стал победителем конкурса «Интеллект XXI века». Член Союза писателей России. Основные публикации — в газетах «Правда», «Литературная газета», «Литературная Россия»; в журналах «Народное образование», «Свободная мысль», «Юность», «Литературная учёба», «Вверх», «Переправа», «Воспитательная работа в школе», «Наше наследие», «Литература в школе», «Человек и закон», «Марка» и др.; в сетевых СМИ «Переправа», «Православие и мир», «Национальная безопасность», «Столетие» и др.

стр. 176
Зулкарнаева Сагидаш
Самара, 1968 г. р.

Поэт, лауреат литературной премии Самарской области, нескольких сетевых конкурсов. Публикации в самарских газетах, в литературных журналах «Русское эхо», «Союз писателей», в альманахах «Автограф», «45-я параллель», «Бег», «Золотая строфа», в сетевом международном альманахе «Литературная губерния» (Самара), «Эрфольг». Член МСП «Новый Современник».

стр. 69
Козэль Ольга Сергеевна
Москва, 1975 г. р.

Родилась в Москве. Окончила Литературный институт и аспирантуру ИМЛИ РАН, защитила диссертацию по прозе Фазиля Искандера. Стихи публиковались в русской и зарубежной периодике. В настоящее время работает главным редактором газеты НИТУ «МИСиС». Автор книги «Фреска». Член Союза писателей Москвы, Союза журналистов России.

стр. 97
Крик Артём
Калининград, 1987 г. р.

Родился в городе Зеленогорске Красноярского края. После школы поступил в Сибирский федеральный

университет на механико-технологический факультет, отучился четыре года. Работал дворником, сапожником. Публиковался в журнале «День и ночь».

стр. 56
Крупин Владимир Николаевич
Москва, 1941 г. р.

Родился в селе Кильмезь Кировской области. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии, в ракетных войсках. В 1967 году окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, Московской духовной академии, других учебных заведениях. С 1998 года — главный редактор христианского журнала «Благодатный Огонь». Автор более 30 книг. Широкую известность автору принесла повесть «Живая вода» (1980). Секретарь правления Союза писателей России. Многолетний председатель жюри фестиваля православного кино «Радонеж». Лауреат Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия «За значительный вклад в развитие русской литературы» (2011).

стр. 91
Кузнецова Зинаида Никифоровна
Зеленогорск

Родилась в Воронежской области, в большой крестьянской семье. В Красноярск-45 (ныне Зеленогорск) приехала в 1966 году. Работала электромонтёром связи на Красноярской ГРЭС-2, в течение 37 лет была секретарём высших руководителей города. Литературным творчеством занимается с 25 лет. Автор нескольких поэтических сборников. Многочисленные публикации в газетах, в журналах «День и ночь», «Енисей», «Светлица», «Совершенно открыто», «Молодая гвардия», «Новый Енисейский литератор», в коллективных сборниках «Поэзия на Енисее», «Поэтессы Енисея», «Антология поэзии закрытых городов» и многих других. Руководитель литературного объединения «Родники» Зеленогорска, составитель и редактор коллективных и авторских сборников городских поэтов. Член Союза российских писателей, член правления Красноярской писательской организации.

стр. 47
Купреянов Иван
Москва, 1986 г. р.

Родился в городе Жуковском Московской области. Окончил МГТУ имени Н. Э. Баумана. Поэт, писатель, драматург, литературный критик, член Союза писателей и Союза журналистов Москвы, участник и один из основателей культурного арт-проекта «Мужской голос». Автор поэтических сборников «Априори» (2010) и «Перед грозой» (2014).

стр. 182
Лапушин Радислав Ефимович
Бостон, 1961 г. р.

Родился в Минске в семье служащих. Окончил факультет журналистики Белорусского университета (1985) и аспирантуру при нём (1990). Кандидат филологических наук (1993). Работал корреспондентом газету «Автозаводец» (1985–87), преподавал в Белорусском университете (с 1990). Печатается как поэт с 1978 года. Автор нескольких книг стихов, прозы, публицистики. Член СП Беларуси (1994).

стр. 36
Логунов Александр
Москва, 1975 г. р.

Родился в Москве. Студент шестого курса Литературного института имени А. М. Горького (семинар В. А. Кострова). Работает в издательстве «Никея». Стихи публиковались в альманахе «Тверской бульвар, 25», в «Литературной газете», в журнале «День и ночь».

стр. 87
Мартынов Евгений Александрович
Зеленогорск, 1930 г. р.

Родился в деревне Сибирская Саргатка Омской области. Окончил Омское речное училище, машиностроительный институт. Работал в литейных цехах заводов Омска, Новосибирска и Бердска мастером и начальником цеха, преподавателем электромеханического техникума в Бердске и Зеленогорске, директором спортсооружений, слесарем, воспитателем Школы космонавтики, преподавателем и мастером производственного обучения по изготовлению художественных изделий из керамики УПК. Автор нескольких поэтических сборников, среди которых: «Про Зеленогорск», «Чем солнце не гончарный круг?», «Такое детство», «Вечность», «В поисках веры», «Походы были», «Огниво», «Саяны будят», «Взвесь на ладонях» и др. Автор романов «Промысел Божий» и «Таинство и тайна». Публикации в коллективных сборниках и журналах «Сибирские огни», «День и ночь», «Совершенно открыто», альманахе «Тритон». Член Союза российских писателей.

стр. 49
Никитина Ольга
Москва

Родилась в подмосковном Новом Иерусалиме. По первому образованию — инженер-энергетик, по второму — практический психолог. Поэт, автор четырёх сборников стихотворений. Активно публикуется в Интернете. Член Союза писателей России. Награждена медалью А. С. Грибоедова, орденом Г. Р. Державина, медалью «150-летие А. П. Чехова», юбилейной медалью М. Ю. Лермонтова МГО СПР. Автор-исполнитель своих песен, песен на стихи современных поэтов и поэтов Серебряного века. Выступает с авторскими программами в библиотеках, литературных музеях и клубах, на

книжных ярмарках и литературно-музыкальных фестивалях. Художник-иллюстратор.

стр. 67

Николаева Олеся Александровна

Москва, 1955 г. р.

Родилась в Москве, в семье поэта А. М. Николаева. Окончила Литературный институт (1979, семинар Е. М. Винокурова), в котором с 1989 года ведёт семинар поэзии; доцент. Выступала со стихами и лекциями в Нью-Йорке, Женеве и Париже, преподавала древнегреческий язык монахам-иконописцам Псково-Печерского монастыря, работала шофёром игуменьи Серафимы (Чёрной) в Новодевичьем монастыре; в 1998 году была приглашена в Богословский университет святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова читать курс «Православие и творчество» и заведовать кафедрой журналистики. Печатается как поэт с 1972 года. Публиковалась в журналах «Знамя», «Юность», «Новый мир», «Литературное обозрение», «Арион», «Дружба народов», «Вопросы литературы», в альманахе «Апрель» и др. Член СП СССР, Русского ПЕН-центра. Председатель жюри премии «Поэт» (2007), входила в жюри премии «Русский Букер» (2007). Отмечена стипендией фонда А. Тепфера (1998), медалью города Гренобль (1990, Франция), премиями имени Б. Пастернака (2002), журнала «Знамя» (2003), «Anthologia» (2004), «Поэт» (2006), дипломом премии «Московский счёт» (2004).

стр. 169

Пагын Сергей Анатольевич

Единцы, Молдова, 1969 г. р.

Автор нескольких стихотворных сборников, лауреат премии «Молодой Петербург» (2011), победитель международного конкурса «Эмигрантская лира-2013» (Бельгия) в номинации «Неоставленная страна». Работает редактором регионального издания.

стр. 94

Поляков Олег

Новосибирск

Родился в СССР. После службы в армии испробовал себя в различных специальностях, что и отражено в рассказах. Увлекался музыкой и даже сумел выучиться на дирижёра. Работал в криминальном отделе газеты «Момент истины».

стр. 37

Пырх Виталий Петрович

Красноярск, 1944 г. р.

Родился в Запорожье. Окончил Запорожский металлургический техникум. После окончания работал отжигальщиком термических печей на заводе «Запорожсталь». Служил в Советской Армии. С отличием окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Работал корреспондентом, заведующим отделом промышленности и собственным корреспондентом республиканских и центральных газет. С 1987 году живёт в Красноярске, где работал корреспондентом газеты «Трибуна». Автор более двух тысяч газетных публикаций различных жанров, двух десятков статей в толстых журналах, а также нескольких книг публицистики, изданных в Москве и Сыктывкаре, шестнадцати поэтических сборников и трёх книг документальной прозы.

стр. 26

Саввиных Марина

Красноярск, 1956 г. р.

Выпускница филологического факультета Красноярского педагогического института. Публикации в литературной периодике — с 1973 года: журналы «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Москва», «Дети Ра», «Северная Аврора», «LiteraruS» (Хельсинки), «Побережье» (Нью-Йорк), «Образы жизни» (Сан-Франциско), еженедельник «Обзор» (Чикаго), коллективные сборники и антологии. Автор девяти книг стихов, прозы, художественной публицистики. Первый лауреат премии Фонда имени В. П. Астафьева (1994). Член Союза российских писателей, Международного ПЕН-клуба. Член президиума Международного Союза писателей XXI века. Автор проекта, организатор и первый директор Красноярского литературного лицея. Заслуженный работник культуры Красноярского края. Кавалер ордена Достоевского I степени. Главный редактор литературного журнала «День и ночь».

стр. 113

Суфэль Людмила

Красноярск, 1974 г. р.

Участница литературного объединения «Диалог». Стихи публиковались в красноярской газете «Городские новости», в журнале «День и ночь».

стр. 100

Такахаши Бранка

Токио, Япония, 1970 г. р.

Прозаик, переводчик. Родилась в бывшей Югославии, по национальности сербка. По профессии — японовед. Занимается художественной фотографией, пишет рассказы. Переводчица с сербского и русского языков (печаталась в сербских журналах «Свэске» и «Повеля», а в России — в журналах «Нева», «Дальний Восток», «Сихотэ-Алинь», «Литературный Владивосток», «День и ночь»). Жила в Минске и во Владивостоке. В настоящее время живёт в Японии.

стр. 51

Тюленев Игорь Николаевич

Пермь, 1953 г. р.

Родился в посёлке Ново-Ильинский Пермского края. Поэт. Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте имени А. М. Горького. Автор 19 сборников стихов и более трёх сотен публикаций во всесоюзных альманахах, сборниках, литературно-художественных журналах. Лауреат

нескольких всероссийских и международных литературных премий. Произведения печатались в Санкт-Петербурге и Омске, Калуге и Воронеже, Екатеринбурге и Самаре, в антологиях и альманахах Казахстана, Украины и Армении, в региональных журналах Карелии, Алтая, Башкирии, Татарстана, Удмуртии, Ставропольского края, Якутии, публиковались Международной организацией поэтов в журнале «Le Journal des Poètes» в Бельгии и Франции в издательстве «Marchal», в Польше, Болгарии и Канаде. Лауреат премии «Имперская культура» (2012) и Международной премии имени Сергея Михалкова «Лучшая книга 2012 года». Участник Московской международной книжной ярмарки, 25-го Парижского книжного салона во Франции, XIII Международной книжной ярмарки в Пекине. Секретарь Союза писателей России.

стр. 54
Филиппова Светлана
Красноярск

Родилась в Красноярске. Училась на факультете филологии Красноярского государственного университета. Журналист. Работала в газетах «Евразия», «Красноярский комсомолец», «Сибирский календарь», «Городские новости». Ненадолго «засветилась» на радио. Стихи пишет с раннего детства; будучи школьницей, публиковалась в журналах «Костёр», «Юный натуралист». Примерно с начала 80-х годов прошлого столетия начала писать песни. Лауреат нескольких региональных фестивалей. Участница поэтических сборников «Лекарство от горя», «Брызги шампанского». Сейчас в одном из столичных издательств готовится к выходу первая «сольная» книжка автора под названием «Мой ветер».

стр. 178
Ходос Алла
Сан Леандро, Калифорния, США, 1958 г. р.

Поэт, прозаик. Родилась в Минске. Окончила филфак БГУ. Работала воспитателем в школе-интернате, соцработником, учительницей. С 1994 года живёт в Калифорнии. В Америке работала в русскоязычной газете «Запад-Восток» и в школе. Автор книг стихов и прозы «Интернат», «Человекоснег», «Воздушный слой». В книге «Переход» собраны прозаические работы Марины Золотаревской и Аллы Ходос. Публикации: «День и ночь», «Terra Nova», «Побережье», «Зеркало», «Образы жизни». Ответственный редактор международного литературного альманаха «Образы жизни».

стр. 43
Чигрин Евгений Михайлович
Москва, 1961 г. р.

Родился на Украине. Долгие годы жил на Дальнем Востоке. С 2003 года живёт в подмосковном Красногорске. Член Союза писателей Москвы, Союза российских писателей, Международного ПЕН-клуба. В 2007 году был награждён Российской муниципальной академией правительства Москвы медалью «За гуманизм и служение России». В 2006 году награждён дипломом Министерства культуры Московской области. Лауреат Международной Артийской премии (1998), Сахалинского фонда культуры (1992). Произведения поэта переводились на испанский, французский, польский языки.

стр. 15
Чикильдик Владимир Карпович
Барнаул, 1950 г. р.

Родился в селе Ребриха на Алтае. Кадровый военный. Окончил и служил затем в Ачинском ВАТУ (1968–1982), в управлении и частях Барнаульского ВВАУЛ. В 1987–1992 годах находился в служебной командировке в Западной группе войск. В 1991–1992 годах исполнял обязанности заместителя командира авиационной дивизии истребителей-бомбардировщиков по работе с личным составом. Заканчивал службу в Барнауле, в лётной школе имени Героя Советского Союза К. Павлюкова. Имеет историческое и экономическое образование. Печатался в журналах «Барнаул», «Бийский вестник», сборнике «Три реки», военной и краевой периодической печати. Лауреат алтайской краевой литературной премии имени Владимира Свинцова (2009). С 2005 года — руководитель общественной организации «Ребрихинское землячество в Барнауле».

стр. 183
Шахматова Татьяна Сергеевна
Казань

Родилась в Казани. Окончила филологический факультет Казанского государственного университета. Кандидат филологических наук. Преподаватель, докторант кафедры русского языка и методики преподавания Казанского федерального университета. Автор научных и научно-методических работ в области юридической лингвистики и русского языка как иностранного. Прозаик, драматург. Публикации в журналах «Казань», «Октябрь», «Современная драматургия» и др. Лауреат президентской стипендии за работы по истории русского драматического театра.

стр. 78
Шинкин Анатолий Алексеевич
Красный Кут, 1957 г. р.

Поэт, прозаик. Выпускник Тюменского государственного университета. Автор фантастической, иронической, сатирической прозы. Публикации в сетевых изданиях.

стр. 71
Штеле Владимир Иванович
Кассель, Германия, 1948 г. р.

Родился и вырос в городе Анжеро-Судженске Кемеровской области. Специалист в области горного дела и нефтегазовых технологий. Работал в Сибирском отделении Академии наук России. Автор

многочисленных научно-технических публикаций и литературных произведений, опубликованных в России и Германии. В настоящее время проживает в Германии.

стр. 114 Щеглова Ирина Владимировна
Москва, 1963 г. р.

Родилась в Новочеркасске Ростовской области. Первое образование — техническое, инженер-механик. Затем окончила Литературный институт имени А. М. Горького (мастерская А. Е. Рекемчука). Писатель, член Союза писателей России (Московское отделение), автор издательства «Эксмо» (более 50 книг для подростков и взрослых).

стр. 125 Якубовская Галина Васильевна
Зеленогорск, 1957 г. р.

Родилась в Бородино Красноярского края. Окончила Иркутский государственный университет. Работала в газете «Байкальские зори», затем в течение 10 лет жила и работала в Комсомольске-на-Амуре. Работала главным редактором газеты электрохимического завода «Импульс» в городе Зеленогорске. Член Союза журналистов России.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Марина Саввиных

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
по прозе
Александр Астраханцев
Евгений Мамонтов
по поэзии
Сергей Кузнечихин

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Олег Наумов

КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

СЕКРЕТАРИАТ
Юлия Вятчина
Артём Яковлев

Издание осуществляется при поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

Журнал издаётся с 1993 г. В его создании принимал участие В. П. Астафьев. Первым главным редактором с 1993 по 2007 гг. был Р. Х. Солнцев. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Николай Алешков
Набережные Челны
Сергей Арутюнов
Москва
Юрий Беликов
Пермь
Вера Зубарева
Филадельфия
Анатолий Кирилин
Барнаул
Владимир Костылев
Арсеньев
Валентин Курбатов
Псков
Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург
Евгений Минин
Иерусалим
Виталий Молчанов
Оренбург
Дмитрий Мурзин
Кемерово
Миясат Муслимова
Махачкала
Александр Петрушкин
Кыштым
Лев Роднов
Ижевск
Евгений Степанов
Москва
Михаил Тарковский
Бахта
Вероника Шелленберг
Омск

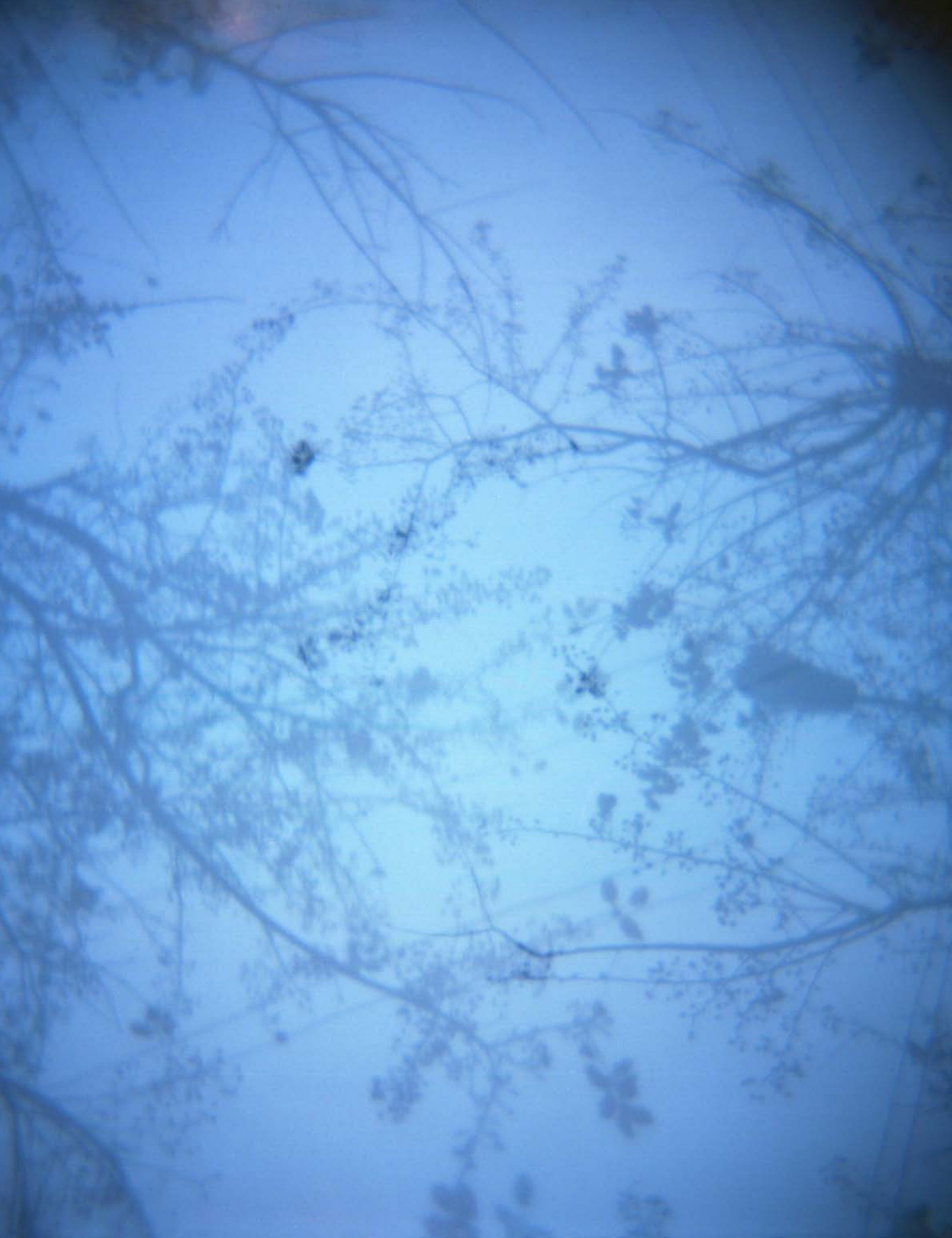
В оформлении обложки использованы фотографии Алины Исаенковой.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «День и ночь».
ИНН 246 304 2749
Расчётный счёт
4070 2810 8006 0000 0186
в Новосибирском филиале
ОАО «Банк Москвы»
в г. Новосибирске
БИК 045 004 762
Корреспондентский счёт
3010 1810 9000 0000 0762

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции:
ул. Ладо Кецховели, д. 75а,
офис «День и ночь»
Телефон редакции: (391) 2 43 06 38
Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 08.04.2015
Тираж: 1200 экз.

Отпечатано ИП Азарова Н. Н.
в типографии «Литера-принт»,
г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10
эл. почта: 2007rex@mail.ru, т. 294 15 77